

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ОТ СТРУКТУРНОЙ АДАПТАЦИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

Часть 1

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Южно-Уральский государственный университет
Кафедра «Экономическая безопасность»

У9(2)
П781

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ:
ОТ СТРУКТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ**

Монография

Часть 1

Под редакцией А.В. Карпушкиной

Челябинск
Издательский центр ЮУрГУ
2024

ББК У9(2)–983
П781

*Одобрено советом
Высшей школы экономики и управления*

Рецензенты:

*И.Ю. Патрушев – директор ООО Консалтинговая компания «ОБиКон»;
С.В. Ульяновский – генеральный директор АНО «Челябинское региональное
агентство экономической безопасности и управления рисками»*

**П781 Проблемы экономической безопасности: от структурной
адаптации к экономическому росту:** монография / под ред.
А.В. Карпушкиной. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ,
2024. – Ч. 1. – 399 с.

Коллективная монография является международным научным проектом, состоящим из двух частей. В ней приняли участие исследователи экономических факультетов вузов России: Южно-Уральского, Челябинского, Алтайского, Тюменского государственных университетов, МГУ им. Ломоносова, Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, Санкт-Петербургского и Уральского государственных экономических университетов, Калининградского и Новосибирского государственных технических университетов, Южно-Уральского технологического университета, Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, Всероссийского государственного университета Юстиции (Сочинского филиала), Рязанского государственного радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина, Волжского государственного университета водного транспорта, Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова (Воронежский филиал), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, АНО «Россия – страна возможностей» г. Москва, Омского научного центра Сибирского отделения РАН и др., а также университетов Республики Беларусь: Белорусского государственного университета, Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, Института механики металлополимерных систем имени В.А. Белого НАН Беларуси, Белорусского государственного экономического университета и Кыргызской Республики: Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина, а также представители бизнеса. В монографии рассмотрены вопросы обеспечения экономической безопасности в новой экономической реальности, региональной экономической безопасности, специальные прикладные вопросы, а также использование цифровых технологий и сервисов в обеспечении экономической безопасности.

ББК У9(2)–983

ISBN 978-5-696-05462-9 (ч. 1)
ISBN 978-5-696-05463-6

© Издательский центр ЮУрГУ, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
РАЗДЕЛ 1. ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ	
1.1. Экономическая безопасность Республики Беларусь как драйвер ее развития.....	7
1.2. Оценка состояния национальной экономической безопасности Республики Казахстан.....	20
1.3. Обеспечение устойчивого развития российской экономики в контексте национальной безопасности.....	37
1.4. Сырьевая зависимость экономики России как угроза ее экономической безопасности.....	52
1.5. Анализ и оценка современного состояния инновационной деятельности в аспекте экономической безопасности России.....	73
1.6. Налоги в системе экономической безопасности бюджетной системы.....	97
1.7. Трансформация организации в новых экономических условиях.....	110
1.8. Влияние рынка труда на экономическую безопасность страны...	120
1.9. Обеспечение социальных потребностей населения в контексте экономической и национальной безопасности России.....	133
1.10. Воспитание молодежи как ключевая проблема системы образования и национальной безопасности страны.....	152
1.11. Человеческий потенциал как объект экономического анализа в системе экономической безопасности.....	178
РАЗДЕЛ 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА	
2.1. Экономическая безопасность региона: сущность, содержание, проблемы и пути решения (на примере Рязанской области).....	197
2.2. Региональный аспект обеспечения экономической безопасности: проблема оценки.....	212
2.3. Оценка угроз экономической безопасности региона (на примере туристической отрасли).....	223
2.4. Об оценке финансовой устойчивости региона в контексте обеспечения его экономической безопасности.....	237
2.5. Исследование взаимосвязи между инвестиционной привлекательностью и уровнем экономической безопасности региона (на примере УрФО).....	247
2.6. Влияние «ударопрочности» реакции регионов на внешнеэкономические ограничения на возможности структурной адаптации экономики.....	256

2.7. Технологическая диверсификация экономики индустриальных регионов как фактор обеспечения устойчивости и экономической безопасности РФ.....	265
2.8. К вопросу формирования планов адаптации к изменению климата в контексте обеспечения региональной экономической безопасности.....	283
2.9. Формирование и исполнение регионального бюджета в системе факторов обеспечения экономической безопасности региона.....	299
2.10. Влияние результатов деятельности системообразующих предприятий на показатели экономической безопасности регионов присутствия.....	325
2.11. К вопросу об экономической безопасности муниципальных образований (на материалах муниципальных образований Свердловской области).....	344
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛАМ 1 И 2.....	360

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие в настоящее время существенные изменения в политической и экономической сфере России связаны с изменением приоритетов, стимулов и факторов развития общества. Страны запада ввели масштабные санкции против России, затронувшие многие сектора экономики. В связи с этим российские власти заявили о необходимости структурной перестройки экономики. Очевидна острая потребность в проведении серьезной структурной адаптации экономики к сложившимся реалиям, исходя из необходимости преодоления инфляции, поддержки приоритетных отраслей экономики, и, на этой основе, постепенный переход к устойчивому росту.

В современных условиях формирования сильной и конкурентоспособной национальной экономики важную роль играет экономическая безопасность как характеристика экономической системы, которая определяет ее способность поддерживать нормальные условия жизнедеятельности населения, устойчивое обеспечение ресурсами народного хозяйства, а также последовательную реализацию национальных и государственных интересов и развития экономики в целом. Поэтому проблемам экономической безопасности необходимо уделять особое внимание. При этом их важно рассмотреть с научной точки зрения, что позволит раскрыть саму суть проблем, выявить реальные угрозы, предложить надежные и эффективные методы их отражения.

Одним из эффективных инструментов, способствующих решению проблем экономической безопасности, является представленная монография, состоящая из четырех глав, объединенных в две отдельные части.

Первая часть посвящена вопросам экономической безопасности в масштабах всей страны и отдельных регионов.

В первой главе уделено внимание вопросам обеспечения экономической безопасности в новой экономической реальности: обеспечения устойчивого развития российской экономики, сырьевой зависимости экономики России, воспитания молодежи, обеспечения социальных потребностей населения в контексте экономической и национальной безопасности России и многим другим вопросам.

Во второй главе рассматриваются вопросы экономической безопасности регионов, муниципальных образований.

Вторая часть монографии включает в себя третью и четвертую главы. Третья глава посвящена такой актуальной на сегодняшний день теме, как применение цифровых технологий и сервисов в обеспечении экономической безопасности.

В четвертой главе раскрываются прикладные вопросы экономической безопасности, в частности роль бизнес-разведки, тенденции развития регионального малого и среднего предпринимательства в контексте экономической безопасности и другие.

Итак, широкомасштабное и своевременное решение проблем экономической безопасности в современных быстроизменяющихся условиях позволит с успехом пройти процесс структурной адаптации и достичь экономический рост как в целом по стране, так и в отдельных регионах, отраслях и на предприятиях, и в конечном итоге приведет к повышению экономического благосостояния всего общества. Мы надеемся, что представленная коллективная монография внесет свой вклад в поиск эффективных решений проблем экономической безопасности в условиях происходящих глобальных трансформаций.

РАЗДЕЛ 1. ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1.1. Экономическая безопасность Республики Беларусь как драйвер ее развития

Экономическая безопасность любого государства органически включается в систему его национальной безопасности, вместе с такими её слагаемыми, как политическая, научно-технологическая, демографическая, социальная, военная, информационная безопасность и др. В составе национальной безопасности экономической безопасности отводится особая роль – она представляет собой несущую опору, обеспечивающую функционирование всех элементов этой сложной системы. С одной стороны, любой из видов национальной безопасности создает предпосылки для укрепления экономической безопасности. А, с другой стороны, устойчивое развитие экономики выступает лучшей защитой всех сфер деятельности государства от многих современных вызовов, угроз.

Подтверждение этому выводу мы находим у российских исследователей, которые формулируют «тезис о том, что поскольку экономика представляет собой одну из жизненно важных сторон общества, государства и личности, то понятие национальной безопасности будет пустым словом без жизнеспособной экономики, её прочности при возможных внутренних и внешних угрозах» [512, с. 10] и поддерживают его много лет спустя [500, с. 134].

Такая очевидная приоритетность экономической безопасности стала основанием признания ее драйвером развития Республики Беларусь на перспективу. В белорусском деловом сообществе признается, что экономика – это основополагающее начало, с которого начинается обеспечение национальной безопасности государства. Роль экономики еще больше усилилась в сложных реалиях сегодняшнего дня, с его геополитической напряженностью, появлением новых вызовов и угроз, нового инструментария, способного влиять на безопасность государства.

Большая практическая значимость экономической безопасности государства, возрастание ее роли в современных условиях потребовали усиления внимания к ней и обусловили выбор нами именно такой темы исследования. Целью данной работы определено изучение потенциала экономической безопасности в формировании национальной безопасности Республики Беларусь, определение ее места и роли в решении задач, которые сегодня стоят перед белорусским государством, совершенствование теоретических и методических подходов ее обеспечения.

Системное изучение экономической безопасности как явления жизнедеятельности государства связывается с 90-ми годами XX в. В трудах российских ученых Сенчагова В. К., Архипова А.И., Белоусова Р.А., Абалкина

Л.И., Илларионова В.К., Олейникова Е. А. и др., а также работах белорусских исследователей – М.В. Мясниковича, П.Г. Никитенко, В. Н. Шимова и др. были раскрыты важнейшие теоретические и прикладные аспекты экономической безопасности. Не оставалась без внимания эта проблема и позже, что нашло отражение в работах Дворянкова В.А. (2000), Набойченко С.С. (2003), Вечканова Г.С. (2007), Белькова О.А. (2009), Нусраттулина В.К., Лукашина В.И. (2010), Кузнецова Д.А., Руденко М.Н. (2015), Кормишкина Е.Д., Сафроник И.В. (2017), Сюпова М.С., Бондаренко Н.А., Криворотова В.В., Калина А.В., Белик И.С. (2019), Илюхина Р.В., Федотова Е.А. (2020), Можейко А.Н. (2021), Назимова С.С. (2022), Полоник С.С. (2023) и др.

В ходе изучения работ по этой тематике нами был выявлен общий подход авторов к пониманию экономической безопасности государства как состояния его защищенности от угроз, а также – большие расхождения в смысловом наполнении сущности этой категории. Объясняются все эти различия, как правило, сложностью исследуемой категории, ее многокомпонентностью, большой зависимостью от страновой принадлежности и состояния национальной экономики, внутренних и внешних условий ее функционирования. На наш взгляд, такие объяснения не исчерпывают проблемы столь неоднозначного толкования экономической безопасности.

Многие исследователи (Афонцев С.А. (2001), Ромашенко Т.Д. (2003), Кузнецова Е.И. (2005), Богомоллов В.А. (2006), Сафроник И.В. (2017), разбираясь в этих расхождениях, применяют метод группировки широкого спектра определений. К примеру, Сафроник И.В. формирует несколько групп определений экономической безопасности под ракурсом своего исследования, а изучает он правовые аспекты этой категории. Такой методический прием позволяет ему множество определений упорядочить, что способствует пониманию содержания экономической безопасности как объекта правового регулирования [402].

Проведем аналогичную работу и мы. Выполним группировку определений под сугубо экономическим ракурсом, исследуемой категории. Внимательное изучение феномена «экономической безопасности» позволило нам выявить четыре ее доминантных (сущностных) признака: 1) способность экономики к развитию; 2) способность обеспечить устойчивость экономического развития; 3) соблюдение национальных интересов государства; 4) обеспечение экономического суверенитета, независимости и территориальной целостности государства. Установлено, что все, рассмотренные нами определения экономической безопасности построены на использовании этих признаков.

Так, например, в отдельных определениях экономической безопасности доминирует первый сущностный признак (способность экономики к развитию). Авторы под развитием понимают процесс, направленный на увеличе-

ние масштабов экономической деятельности, количественный и качественный рост экономики и социальный прогресс. Андросов И.В. в своей работе приводит определения экономической безопасности нескольких авторов, сформулированных в этом ключе: Дворянкова В.А. (как способности к прогрессирующему развитию), Набойченко С.С. (как способности развиваться в условиях действия угроз), Белькова О.А. (как состояния экономики страны, которое надо сохранять либо развивать в прогрессирующем масштабе) [103, с. 14–15].

Авторы определений, построенных на второй доминанте (устойчивость экономического развития) исходят из того, что экономическая безопасность по своей сути и есть устойчивость – прочность и надёжность экономики, её способность выдерживать угрозы, нагрузки. Определение, исследуемой категории, под ракурсом устойчивости мы встречаем у Г. С. Вечканова, Л.В. Пушкаревой, Воротникова Е.В. и формулируют они его примерно так: «экономическая безопасность – это состояние экономики, при котором обеспечивается устойчивый экономический рост, удовлетворение общественных потребностей» [134, с. 45], «экономическая безопасность – это такое состояние экономики, при котором обеспечивается ее устойчивый рост...» [364, с.9], «это такое состояние общества, которое в условиях внутренних и внешних деструктивных факторов продолжает свое прогрессивное развитие и устойчивое функционирование во всех сферах жизнедеятельности» [143, с. 196].

Третья группа авторов свое понимание экономической безопасности базируют на соблюдении национальных интересов. Такие определения экономической безопасности сформулированы у В.К. Сенчагова, В.Ю. Арчакова и читаются оно примерно так: «экономическая безопасность – это состояние экономики и институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов» [408, с. 30], «это состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее жизнедеятельность общества и его подсистем» [109, с. 9].

Определения, построенные на доминировании четвертого признака (обеспечение независимости экономики, суверенитета государства) исходят из того, что независимость – это способность государства самостоятельно распоряжаться материальными благами и решать свои внутренние и внешние финансовые проблемы. Определения такого формата мы встречаем у В.И. Лукашина, Е.Д. Кормишкина, которые формулируют их, примерно так: «экономическая безопасность – это такое состояние национальной экономики, при котором государство может самостоятельно, без вмешательства и давления извне, определять пути и формы своего экономического развития, обеспечивать свою независимость, территориальную целостность и суверенитет» [265], «это совокупность условий и факторов, обеспечивающая независимость национальной экономики, ее стабильность» [240].

Наш вклад в исследование теории экономической безопасности мы видим в предложении и обосновании комплексного подхода к определению ее сущности на основе одновременного использования всех четырех вышеназванных доминант. Считаем, что в полном своем смысловом наполнении категория «экономическая безопасность» включает в себя одновременно все эти «способности» национальной экономики: способность к развитию (саморазвитию), способность к устойчивому росту, способность к защите национальных интересов, способность к обеспечению экономической независимости и суверенитета государства, способность к противодействию внутренним и внешним угрозам. И все эти «способности» должны находить отражение в обновленном определении экономической безопасности.

Такая расширенная трактовка экономической безопасности поглотит и объединит множество ее определений и сведет их к способности государства к самовыживанию в условиях дестабилизирующих действий непредсказуемых внешних и внутренних факторов. А саму экономическую безопасность можно будет рассматривать как сферу научного знания, в контексте которой изучают количественную и качественную характеристику способности экономической системы самовыживать, развиваться.

Преимуществом данного подхода, на наш взгляд, можно считать и то, что он позволяет к основным объектам экономической безопасности отнести: экономику, общество, государство, что фокусирует внимание на объектах возникновения жизненно важных интересов и этим самым создает предпосылки для их защиты. Кроме того, при таком понимании сущности экономической безопасности во внимание будет приниматься тот факт, что она состоит из двух составляющих: внутренней и внешней и изначально подразумевает устойчивость к угрозам, возникающим внутри страны и за ее пределами.

Регламентация процесса обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь производится Концепцией национальной безопасности [314]. Это – один из основополагающих документов белорусского государства, второй по значимости после его Конституции. На основе установок, базовых положений этой Концепции выстраиваются другие программные документы государства в области государственного строительства, устойчивого социально-экономического развития, стратегического управления народным хозяйством.

По своей сути Концепция национальной безопасности представляет собой совокупность методологических подходов к организации процесса обеспечения безопасности государства во всех сферах его жизнедеятельности: политической, экономической, научно-технической, социальной, демографической, информационной, военной, экологической, биологической. В этом документе прописаны важнейшие элементы процесса обеспечения национальной безопасности: национальные интересы, внутренние и внешние угрозы, меры нейтрализации угроз.

Национальные интересы в Концепции определяются как «совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства, позволяющих обеспечивать конституционные права и свободы, высокое качество жизни граждан, согласие в обществе, незыблемые устои народовластия и правового государства, его независимость, территориальную целостность и суверенитет» [314, п. 4].

Национальные интересы Республики Беларусь делятся на стратегические и основные. Идея такого деления заключается в следующем: а) стратегические национальные интересы – это базис независимого государства, ориентиры его долгосрочного развития, без их обеспечения существование суверенного государства невозможно; б) основные национальные интересы детализируют стратегические и способствуют их обеспечению.

Изложение стратегических и основных интересов Республики Беларусь постоянно уточняется, дополняется с целью их актуализации. Так, на сегодняшний день, к примеру, состав стратегических интересов дополнен возникшей необходимостью «защиты народа Беларуси как уникальной исторической общности и единственного источника государственной власти» [314, п. 8], «обеспечения электорального суверенитета как неотъемлемого и исключительного права государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полномочия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс» [314, п. 9].

Перечень основных интересов государства также дополнен с учетом новых угроз современного мира, реалий сегодняшнего дня. Так, в экономической сфере в перечень интересов включено: «обеспечение ценовой и финансовой стабильности; развитие национального финансового рынка и регулируемой государством интеграции в международную финансовую систему; недискриминационный доступ на мировые рынки товаров, услуг и финансов, а также сырьевых и энергетических ресурсов; поддержание товарной и страновой диверсификации экспорта товаров и услуг, сбалансированность внешней торговли, обеспечение внешнеэкономической безопасности; развитие цифровых технологий и регулируемой цифровой трансформации экономики» [314, п. 10].

Обеспечению национальной безопасности и соблюдению национальных интересов могут помешать всевозможные опасности, угрожающие благополучию экономики, общества, граждан Беларуси, способные нанести вред государству, привести к реальным потерям. В Республике Беларусь введена система градации таких опасностей. Предложены три их уровня: риск (зарождающаяся опасность), вызов (объективно формирующаяся опасность), угроза (реальная опасность). Градация опасностей практически значима,

она расширяет возможности для более эффективной оценки текущего состояния безопасности и оперативного принятия мер по нейтрализации, купированию рисков, вызовов, угроз.

Угрозы национальной безопасности Республики Беларусь носят комплексный и взаимосвязанный характер, они могут одновременно, по нескольким направлениям воздействовать на состояние национальной безопасности. Например, комплексный и взаимосвязанный характер носят такие угрозы как «посягательство на независимость, территориальную целостность, суверенитет и конституционный строй Республики Беларусь;

вмешательство извне во внутренние дела, навязывание Республике Беларусь политического курса, не отвечающего ее национальным интересам; применение отдельными государствами или группами государств в отношении Республики Беларусь санкций (ограничительных мер)» [314, п. 28, 29].

Угрозы национальной безопасности в Беларуси разделены на внутренние и внешние. Исходя из их содержания разработан механизм реагирования на них:

– появление внешних угроз, в значительной мере, непредсказуемо, государство влияет на них по факту их появления, используя все приемлемые инструменты своей внешней политики;

– появление внутренних источников угроз государство может предупредить, не допустить их широкого распространения путем эффективного противодействия им.

При этом в белорусском деловом пространстве осознан тот факт, что правильное управление логикой действия внутренних угроз в экономической сфере можно нивелировать, смягчить отрицательное действие большинства внешних угроз.

Существенно изменено, актуализировано содержание источников этих угроз, применительно к конкретным сферам национальной безопасности. Например, в политической сфере названы угрозы, которые ранее в Республике Беларусь не фиксировались, а в настоящее время появились и оказывают свое сдерживающее (разрушающее) влияние на развитие белорусского государства, общества, белорусской экономики. В качестве примера таких угроз приведем следующие: «осуществление действий, направленных на дискредитацию либо срыв электоральных кампаний; разрозненность смысловых концептов государственной идеологии, формирование негативного образа государства и его институтов; неуважительное отношение к государственным символам, использование экстремистской символики и атрибутики» [314, п. 31].

Примером актуализированных внутренних источников угроз национальной безопасности в экономической сфере являются: «отставание от других стран по уровню экономического развития; наличие необоснованных административных барьеров для развития бизнеса, предпринимательской активности; несбалансированность экономического развития; неблагоприятные

условия для привлечения инвестиций и кредитов; низкая диверсификация экспорта и импорта товаров и услуг» [314, п. 32].

Внешними источниками угроз национальной безопасности в экономической сфере названы: «ухудшение условий внешней торговли, привлечения кредитных и инвестиционных ресурсов вследствие неблагоприятной конъюнктуры мировых рынков и введения необоснованных экономических санкций (ограничительных мер); принятие зарубежными государствами протекционистских мер, установление барьеров и дискриминационных условий осуществления экспортно-импортных операций; обострение финансовых дисбалансов и высокая волатильность на глобальных валютных и фондовых рынках» [314, п. 41].

Завершающим элементом процесса обеспечения национальной безопасности государства выступает разработка направлений нейтрализации внутренних и внешних источников угроз. В экономической сфере нейтрализация внутренних источников угроз обеспечивается по следующим трем направлениям [314, п. 54]:

- поддержание макроэкономической стабильности;
- обеспечение структурной перестройки экономики;
- повышение конкурентоспособности субъектов хозяйствования и выпускаемой ими продукции (товаров, работ, услуг).

Защиту от внешних угроз национальной безопасности планируется обеспечивать путем следующих основных мероприятий: «проведения многовекторной внешнеэкономической политики; укрепления позиций национальных товаропроизводителей на внешних рынках за счет расширения товарной номенклатуры и географии экспорта; диверсификации импорта сырьевых и энергетических ресурсов; импортозамещения, ориентированного на ускоренное развитие национальных и совместных высокотехнологичных производств» [314, п. 54].

Таким образом, в деловом и научном пространстве Республики Беларусь распространяется мнение о том, что «целью Концепции является обеспечение национальной безопасности, достижение и поддержание высокого уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, что гарантирует устойчивое развитие государства, реализацию его национальных интересов, сохранение его независимости, территориальной целостности, суверенитета» [314, п. 50; 13, с.45]. При этом, подчеркивается, что «национальная безопасность Беларуси всецело зависит от состояния белорусской экономики» [346, с. 5]. Именно обеспечение экономической безопасности выступает гарантией независимости белорусского государства, гарантией его стабильности.

Однако, при этом, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь эта особая, приоритетная роль экономической безопасности предполагается, но не прочитывается в полной мере. Экономическая безопасность в этом документе рассматривается по одной схеме с другими видами

национальной безопасности. В тоже время, она гораздо сложнее их и имеет собственные составляющие: финансовая, внешнеэкономическая, инвестиционная, социальная, демографическая, научно-технологическая, энергетическая, продовольственная, экологическая, информационная безопасность. И без такой детализации обеспечить экономическую безопасность государства будет трудно.

В этой связи, следует признать, что в Республике Беларусь назрела необходимость принятия отдельного отечественного методического документа по организации процесса обеспечения экономической безопасности. При его создании можно будет принять во внимание все методические разработки отечественных и зарубежных исследователей, наши предложения о совершенствовании подходов к оценке экономической безопасности в разрезе всех ее составляющих, а также опыт функционирования с 2017 года аналогичного документа в России – Стратегии экономической безопасности Российской Федерации [461].

Планы на построение белорусской Стратегии экономической безопасности вполне реальны. Белорусские исследователи экономической безопасности уже практически полностью вышли за рамки теоретических рассуждений о ней и их научный интерес приобрел отчетливые практические формы – совершенствование методических подходов ее оценки, как исходной базы для управления ею.

Внимание к управлению экономической безопасностью особенно возрастает в условиях очевидной деградации архитектуры международной безопасности, серьезного обострения военно-политической обстановки в мире, отказа глобальных игроков от мирного диалога. Все это привело к нестабильности мировой экономической системы, повышению рискованности функционирования любых объектов управления. Усиливается воздействие на эти объекты (в нашем случае, на экономическую безопасность) внешних угроз, повышаются масштабы формируемого ими ущерба, растет дефицит бюджетов разного уровня. Риски для экономической безопасности несет в себе и беспрецедентное санкционное давление на Беларусь и Россию.

Сама жизнь требует создания эффективных механизмов процесса обеспечения экономической безопасности, ее сохранения, укрепления в сложившихся условиях жизнедеятельности Беларуси. И, в первую очередь, необходимо создание и совершенствование соответствующего методического инструментария.

Важнейшим начальным звеном этой работы является определение методов оценки состояния экономической безопасности. Впервые эти методы были систематизированы Л.И. Абалкиным еще в 1994 году [94]. Среди них назывались: индикативный метод, метод экспертных оценок, математический метод, метод оценки угроз национальной экономике через количественное определение ее убытков, потерь и др. Еще тогда, в первые постсоветские годы, Л.И. Абалкин предпочтение отдал индикативному методу. К

настоящему времени многие исследователи подтвердили, что в данном оценочном процессе, наиболее приемлемым, работающим является именно индикативный метод. Его название обязано оценочным показателям, которые используются в качестве индикаторов оценки. Уровень фактических значений индикаторов, их отклонение от пороговых значений «сигналист» о проблемных местах в экономической безопасности, требующих неотложных управленческих воздействий. Индикативный метод предоставляет сравнительные результаты оценки в простой, наглядной форме, удобной для непосредственного восприятия человеком.

Разработке оценочных показателей (индикаторов) предшествует работа по определению критериев экономической безопасности. Критерии указывают на предмет оценки, формулируют направления деятельности экономики, от которых зависит ее выживаемость, устойчивое развитие, хорошие перспективы, то есть, безопасность. «Критерии экономической безопасности – это качественные признаки, на основе которых производится оценка уровня развития отдельных сфер экономики» [211, с. 47].

Рекомендации ученых и практиков по вопросам определения критериев экономической безопасности (В.К. Сенчагов, С.Ю. Глазьев, Р.В. Илюхин, С.С. Низамов и др.) различаются по качественным их характеристикам. Но чаще всего в роли критериев экономической безопасности рекомендуется использовать (в различном сочетании) «способности» государства противостоять отдельным угрозам [408, 211, 295, 150]:

- способность национальной экономики к расширенному воспроизводству;
- способность повышать качество и уровень жизни населения;
- способность сохранять стабильность финансовой и банковской системы государства;
- способность обеспечить рациональную структуру и объемы внешней торговли по экспорту и импорту;
- способность к развитию научного потенциала и сохранению отечественных ведущих научных школ, обеспечивающих научно-технологический суверенитет государства и т.п.

Следует признать, что приведенный подход к формированию критериев экономической безопасности в виде способностей государства обеспечивать хорошее состояние и хорошие перспективы своего развития по ряду важнейших направлений экономической деятельности, имеет право на существование и используются на практике. Его «компрометирует» только некоторая произвольность фокусировки оценки на определенных «способностях», видах угроз экономической безопасности, по причине отсутствия внятной методологической базы, правил, принципов, которые должны ложиться в основу их выбора.

На наш взгляд, преодолеть этот недостаток можно если увязать экономическую безопасность со структурным ее составом и ориентировать критерии ее оценки на финансовую, внешнеэкономическую, инвестиционную, социальную, демографическую, научно-технологическую, энергетическую, продовольственную, экологическую, информационную безопасность. Эта конкретизация критериев оценки позволит им лучше выполнять их основную функцию – формировать систему оценочных показателей-индикаторов экономической безопасности.

Вопросы разработки индикаторов экономической безопасности (начиная от их понимания, качественных характеристик, видов, количества до методики их использования в оценочном процессе) были изложены еще в 90-х годах в трудах Сенчагова В. К., Абалкина Л.И., Глазьева С.Ю. Илларионова А.Н. и др. У современных исследователей, на наш взгляд, наиболее качественно это проблематика освещена в работах Сюповой М.С, Бондаренко Н.А., Кузнецова Д.А. Руденко М.Н. «Индикаторы экономической безопасности – это реальные статистические показатели развития экономики страны, которые наиболее полно характеризуют явления и тенденции в экономической сфере. Индикаторы выполняют важную информационную функцию, раскрывая фактическое состояние экономической безопасности страны по определенному направлению ее жизнедеятельности» [255, с. 61]. «Индикаторы должны отражать ключевые аспекты социально-экономического развития территории» [434, с. 67]. Они строятся в границах ранее обозначенных критериев экономической безопасности.

В системе показателей экономической безопасности задействуются показатели-стимуляторы и показатели-дестимуляторы. Первые осуществляют стимулирующее (положительное) влияние на экономическую безопасность. Вторые – способствуют обеспечению экономической безопасности за счет снижения их уровня [255, с. 61].

При формировании системы оценочных показателей практикуется дифференциация индикаторов на группы, блоки [255, с. 61; 434, с. 68]. Чаще всего на практике используется два блока такой информации:

а) макроэкономические показатели экономической безопасности государства (темпы прироста ВВП в абсолютном выражении, на душу населения, дефицит бюджета, внешний долг в абсолютном выражении и по отношению к ВВП, уровень инфляции и т.п.

б) социально-демографические показатели (коэффициент депопуляции, коэффициент рождаемости на 1000чел. населения, уровень смертности на 1000чел. населения, уровень безработицы, миграционный прирост населения и т.п.).

Система макроэкономических показателей детально проработана С.Ю. Глазьевым [150]. Система социально-демографических показателей в различных вариациях представлена в работах Сюпова М.С., Бондаренко Н.А. [434], Криворотова В.В., Калина А.В., Белик И.С. [251] и др.

Формируя блоки показателей-индикаторов, отдельные современные авторы исходят из понимания экономической безопасности как «интегральной величины, которая является обобщенным отражением состояния инвестиционной, социальной, демографической, научно-технической производственной безопасности» [434, с. 69]. Аналогичного мнения придерживаются Илюхин Р.В., Федотова Е.А. [211, с. 47], Калина А.В., Савельева И.П. [221, с. 16].

Развивая блоковый подход к формированию системы оценочных показателей, мы также придерживаемся структурных элементов экономической безопасности. Но, в качестве блоков, рекомендуем использовать все, без исключения, виды составляющих экономической безопасности, а не произвольные их наборы. Обоснование целесообразности формирования системы оценочных показателей экономической безопасности государства через систему ее видов (через систему безопасностей) мы встречаем у Сюповой М.С. и Бондаренко Н.А. [434, с. 69]. От себя добавим, что в этом, конечно же, есть рациональное зерно: поскольку все составляющие экономической безопасности взаимосвязаны и взаимозависимы, а поэтому, объективная оценка экономической безопасности требует одновременной оценочной и аналитической работы со всеми ее составляющими видами. Например, нельзя представить демографическую безопасность, (которая формирует трудовой потенциал государства) без стабильного развития социальной сферы. В тоже время, успех в социальном развитии общества невозможен без качества и мотивации трудового потенциала, без обеспечения соответствующего уровня жизни населения и т.п. И еще одно важное обстоятельство: при таком полном подходе к формированию системы (блоков) оценочных показателей откроется возможность выявлять, детализировать истинные «болевы точки» экономической безопасности, наиболее существенные угрозы в финансовой сфере, экологической, социальной, демографической, энергетической, продовольственной и т.п.

При формировании системы оценочных показателей важным является и их количество. Если мы под экономической безопасностью понимаем некую интегральную величину, результат фактического состояния оценочных показателей по блокам, по всем видам ее составляющих, то количество оценочных показателей не может быть малым. Несмотря на естественное стремление не усложнять оценочную процедуру.

У Сенчагова В.К., к примеру, мы встречаем упоминание о 150 оценочных показателях [411, с. 69]. В Республике Беларусь система показателей, разработанная отечественным научно-исследовательским институтом Министерства экономики, «в расширенном виде включает 160 показателей. Для определения главных закономерностей изменения уровня экономической безопасности используется более агрегированный перечень из 75 показателей, по которым определяются пороговые значения. Этого оказывается достаточным для того, чтобы решать задачи по защите национальных

экономических интересов не только в стратегическом, но и в оперативном плане» [346, с. 10]. О необходимости использования большого количества оценочных показателей и неизбежности их агрегации пишут в своей работе Кузнецов Д.А. и Руденко М.Н. [255, с. 65].

В завершение разговора об оценочных показателях изложим важнейшие требования к ним:

- 1) они должны формироваться в границах установленных критериев экономической безопасности;
- 2) они должны обеспечивать возможности количественной оценки экономической безопасности и опираться на данные официальной статистики;
- 3) они должны позволять оценивать и анализировать состояние экономической безопасности по всем ее составляющим и во временной динамике.

Следующим методическим инструментом оценки экономической безопасности государства являются пороговые значения оценочных показателей. Основы их понимания, их сущность и предназначение были изложены на постсоветском пространстве в работах основателей исследований экономической безопасности: Сенчагова В. К., Абалкина Л.И., Глазьева С.Ю. Илларионова А.Н. и др. В частности, В. К. Сенчагов, отмечает: «пороговые значения – важный инструмент системного анализа, прогнозирования и индикативного социально-экономического планирования. С помощью этого инструмента тот или иной объект, в данном случае экономика, рассматривается с позиции соответствия тенденций ее развития (внутри и во взаимодействии с экономиками других стран) национальным интересам страны. Теория безопасности имеет практическое значение, только если она органически включает теорию предельных значений ее оценочных показателей» [410, с. 82–83].

Среди современных исследований обращает на себя внимание информация о пороговых значениях, в работах Криворотова В.В., Калины А.В., Белик И.С. [251, 221]. Они отмечают, что «пороговое значение индикативного показателя экономической безопасности – это такое его значение, достижение или превышение которого рассматривается как переход по рассматриваемому индикативному показателю в область большей, в том числе неприемлемой, опасности нарушения нормального функционирования экономической системы. Иными словами, пороговые значения индикаторов являются теми ключевыми показателями, которые разделяют между собой различные классы состояний по экономической безопасности (например, нормальное состояние и состояния, характеризующиеся повышенным проявлением угроз безопасности)» [251, с. 895].

Несоблюдение пороговых значений оценочных показателей препятствует нормальному ходу развития воспроизводственных процессов, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций в сфере экономической безопасности, лишает экономику возможности функциониро-

вать в нормальном режиме. Сопоставление фактического значения оценочного показателя с его пороговым значением характеризует состояние экономической безопасности, обнажает ее проблемы и показывает направление управленческого внимания к ней.

Определение пороговых значений оценочных показателей, как правило, происходит на основе экспертных оценок. Достаточно часто практикуется использование в этой роли средних значений этих показателей по стране в целом, за ряд лет.

Многие исследователи обращаются к проблеме количества пороговых значений. Единого мнения на этот счет не выработано. Калина А.В. и Савельева И.П. к примеру, настаивают на использовании «одного порогового значения с двумя классами состояния: нормальное и за пределами нормы» [221, с. 15], другие исследователи ратуют за введение многопороговых систем. Например, в Республике Беларусь используются три уровня пороговых значений экономической безопасности [346, с. 10]:

- пороговое значение первого порядка – отражает такое состояние, при прохождении которого экономика вступает в полосу опасного предкризисного функционирования;

- пороговое значение второго порядка – выражает состояние, при достижении которого в экономике начинается кризис;

- пороговое значение третьего порядка – отражает состояние экономики, при котором наступает катастрофа.

На наш взгляд, белорусский подход видится нам наиболее предпочтительным. Он действует не только «постфактум», позволяя применять ответные меры противодействия по уже наступившим опасностям, а обеспечивает возможность постоянного контроля за развитием ситуации, что расширяет возможности использования превентивных мер и мер соразмерных предкризисному состоянию, кризису и экономической катастрофе.

В целом же, в результате проведенных исследований вырисовался определенный алгоритм действий в процессе количественной оценки экономической безопасности. Он, как нам видится, предусматривает следующую последовательность шагов:

- 1 шаг. Определение критериев обеспечения экономической безопасности.

- 2 шаг. Определение перечня важнейших показателей экономической безопасности.

- 3 шаг. Определение пороговых значений важнейших индикаторов экономической безопасности.

- 4 шаг. Определение фактических значений оценочных показателей, организация их сбора и консолидации с помощью единой централизованной информационной системы, с использованием данных официальной статистики.

5 шаг. Сравнение уровней фактически сложившихся оценочных показателей с их пороговыми значениями, анализ результатов такого сравнения.

6 шаг. Выработка системы мер по ликвидации угроз, снижению воздействия негативных последствий на объект экономической безопасности и укрепление позиций по основным направлениям ее обеспечения.

7 шаг. Создание органов управления экономической безопасностью, установление обстоятельств, приведших к возникновению угрозы и лиц, ответственных за итоги применяемых мер защиты от угроз.

Предложенный нами алгоритм пошаговых оценочных действий можно будет рекомендовать практикам, с требованием придерживаться его, чтобы взять оценку экономической безопасности в унифицированные методические границы. Этот алгоритм может быть интересен разработчикам отечественной Стратегии экономической безопасности. Разработка такой Стратегии в Беларуси востребована самой жизнью. В отличие от Концепции национальной безопасности, которая содержит, главным образом, методологические аспекты процесса обеспечения экономической безопасности, Стратегия сможет стать методическим вспоможением, инструкцией по оценке экономической безопасности. В ней будут сняты все имеющиеся разночтения и прописан единый и обязательный подход к выбору критериев экономической безопасности, формированию системы показателей-индикаторов, их пороговых значений, созданию единой информационной системы, органов управления экономической безопасностью и мониторинга за ее состоянием.

В целом же, мы полагаем, что, проведенные нами исследования, усилили теоретическую и методическую обоснованность принятия Республикой Беларусь решения рассматривать обеспечение экономической безопасности государства императивом, драйвером ее развития на ближайшие годы, гарантией обеспечения ее национальной безопасности, суверенитета, территориальной целостности, обороноспособности, социального благополучия ее граждан.

1.2. Оценка состояния национальной экономической безопасности республики Казахстан

Республика Казахстан (РК) является ближайшим соседом и партнёром России. Более того, экономики России и Казахстана во многом схожи, связаны между собой и имеют много общих черт. Поэтому мониторинг уровня экономической безопасности Казахстана крайне необходим не только в интересах самой республики, но и в интересах России, которая, помимо всего прочего, входит вместе с Казахстаном в ЕАЭС. Данная работа может помочь выявить проблемные места в экономической безопасности Республики Казахстан, знание которых может позволить учесть и укрепить данные позиции не только в рамках государственной политики в данной стране, но и в

рамках государственной политики России и решений, принимаемых на уровне ЕАЭС, поскольку многие решения, принимаемые РФ в экономической сфере, значительно отражаются на экономике Казахстана в силу их тесной взаимосвязи, и негативные последствия от подобных решений не способствуют укреплению союзнических отношений между странами. Кроме того, для самого Казахстана данная работа может быть полезной и актуальной, так как поможет понять, как защитить экономику от внешних шоков и угроз в условиях значительной турбулентности мировой экономики в настоящее время.

Для оценки национальной экономической безопасности (НЭБ) Казахстана использован различных набор методов и индикаторов. Статистические данные брались из официальных источников органов власти Республики Казахстан (Бюро национальной статистики [328], Министерства финансов [330], Национального банка [332], Министерства экономического развития [331]), а также из международных источников (Всемирный банк [329]) за период 2012–2022 годы – к сожалению, не все данные ещё есть за 2022 год, но было принято решение использовать существующие, поскольку 2022 год для Казахстана также, как и для РФ является знаковым и турбулентным. Кроме того, данный временной ряд полезен тем, что отсекает явления, связанные с кризисом 2008 – 2009 годов, и при этом полностью учитывает кризис, связанный с пандемией covid – 19, а также начало кризиса 2022 года, что позволяет оценивать максимально полную и актуальную картину в рассматриваемой стране. Стоит отметить, что в силу близости экономик, общего прошлого и схожести институционального устройства, Россия и Казахстан имеют похожие системы статистического учёта и близкие наборы показателей. Поэтому методы и индикаторы оценки экономической безопасности для РФ [272], являются релевантными и уместными для оценки национальной экономической безопасности Республики Казахстан: изменению подвергаются только несколько показателей, таких как дефицит/профицит консолидированного бюджета (для Казахстана берётся схожий по смыслу показатель – дефицит/профицит местных бюджетов), а также не используются и не оцениваются данные по показателю экономической интеграции субъектов РФ, поскольку Казахстан является унитарным государством и такой показатель рассматривать нет смысла. В данной работе используется четыре метода: пороговый, индикативный, институциональный, интегральный. На основе указанных методов проведем мониторинг национальной экономической безопасности (НЭБ) и дадим обобщенную оценку её состояния в текущих условиях.

Первый метод – пороговый. Разработан российскими учеными под руководством В.К. Сенгагова и строится на соотношении фактических макропоказателей и их научно-обоснованных пороговых значениях, отражающих целевые ориентиры для стратегии национальной экономической безопасно-

сти. Для Казахстана пороговые значения были взяты такими же, как для России, за исключением показателей, которые зависят от масштаба страны: объёмы ВВП в ценах 2012 года, сбор зерна и объем зотола-валютных резервов страны, поскольку если эти показатели взять такими же, как для России, то будет ошибка, так как эти пороговые значения окажутся завышенными для Казахстана. Поэтому данные значения были скорректированы исходя из соотношения численности населения в Казахстане и в России¹ – пороговое значение для России было разделено на численность её населения и домножено на численность населения Казахстана. Показатели были взяты для 4 основных сфер: реальной экономики, социальной, денежно – финансовой, внешнеэкономической. Подробную оценку в соответствии с этим методом можно увидеть в таблице ниже (табл. 1.1): показатели ниже пороговых значений (особенно в последние годы) выделены оранжевым, а выше – зелёным.

В сфере реальной экономики удалось найти данные по 8 из 10 показателям. Пороговый уровень экономической безопасности был достигнут только по сбору зерна в 2013 году, и, начиная с этого года постепенно улучшался, проваливаясь в 2014, 2019 и 2021 годах. Показатель темпов роста ВВП достигал порогового значения в 6% только в 2013 году – всё остальное время он оставался на уровне 3–4%, уйдя в отрицательную область в 2020 году в связи с пандемийным кризисом. При этом, сам ВВП также не достиг порогового значения, но стремится к нему, и достиг максимального значения в 2022 году. Доля расходов на гражданскую науку, национальную оборону и безопасность в ВВП являются сильно ниже пороговых и имеют тенденцию к ухудшению в последнее время. Это говорит о том, что современный рост экономики Казахстана не обеспечивается соответствующими инвестициями в общественные блага, что в долгосрочном периоде приводит к его неустойчивости и возникновению рисков. Доля инновационной продукции в ВВП является сильно ниже порогового значения, но показывает тенденцию к улучшению. Доля инвестиций в основной капитал имеет устойчивый рост до 2019 года, а затем снова стала падать, так и не достигнув порогового значения.

¹Примечание: можно было бы взять за основу соотношение размеров территории, но в данном случае более уместной кажется именно численность населения.

Таблица 1.1

Динамика реальных показателей экономической безопасности
Республики Казахстан и соотношение с пороговыми значениями

№ п/п	Индикатор	2018	2019	2020	2021	2022	Пороговое значение
Сфера реальной экономики							
1	Объём ВВП в ценах 2012 года, млрд тенге.	37 982,3	39 691,5	38 699,2	40 363,3	41 654,9	Не менее 63965,8
2	Среднегодовые темпы прироста ВВП, %	4,1	4,5	-2,5	4,3	3,2	не менее 6
3	Ежегодная доля ВВП, выделяемая на национальную оборону, %	0,8	0,8	1,0	0,9	0,9	не менее 3
4	Расходы на гражданскую науку, % к ВВП	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	не менее 2
5	Ежегодная доля ВВП, выделяемая на государственную безопасность, %	0,3	0,3	0,4	0,3	-	не менее 3
6	Объём инвестиций в основную капитал, % к ВВП	18,1	18,1	17,4	15,8	14,8	не менее 25
7	Доля производства машин и оборудования, энергооборудования, оптического оборудования и транспортных средств и оборудования в общем объеме отгруженной продукции и услуг, %	-	-	-	-	-	не менее 20
8	Сбор зерна, млн т	20,3	17,4	20,1	16,4	22,0	не менее 15
9	Доля инновационной продукции во всей отгруженной продукции (ВВП), %	1,7	1,6	2,4	1,7	1,8	не менее 30
10	Прирост запасов полезных ископаемых к объему их добычи, %	-	-	-	-	-	не менее 125
Социальная сфера							
1	Средняя продолжительность жизни, лет						
	мужчины	68,8	68,8	67,1	66,3	70,3	не менее 77
	женщины	77,2	77,3	75,5	74,0	78,4	не менее 85
2	Среднее расчетное количество детей на одну женщину (суммарный коэффициент рождаемости)	2,8	2,9	3,1	3,3	3,1	не менее 2,2

Продолжение табл. 1.1

№ п/п	Индикатор	2018	2019	2020	2021	2022	Пороговое значение
3	Соотношение численности людей пенсионного и трудоспособного возраста	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	не более 0,4
4	Средства на здравоохранение, образование и культуру, % к ВВП	–	–	–	–	–	не менее 15
5	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума во всем населении, %	4,3	4,3	5,3	5,2	5,2	не более 6
6	Отношение средней пенсии к средней заработной плате, %	33,4	30,8	30,0	26,9	23,8	не менее 40
7	Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% и 10% населения с низкими доходами), раз	6,0	6,0	5,9	6,0	5,7	не более 7
8	Отношения среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, раз	3,4	3,6	3,5	3,5	3,5	не менее 3,5
9	Уровень безработицы по методологии МОТ, %	4,9	4,8	4,9	4,9	4,9	не более 4
10	Площадь жилья на одного жителя, кв.м	18,6	18,9	19,3	19,8	19,8	не менее 25
Днежно-кредитная сфера							
1	Общий размер золотовалютных резервов на конец года, млрд долл.	30,9	29,0	35,6	34,4	34,0	не менее 34
2	Годовой уровень инфляции, %	105,3	105,4	107,5	108,4	120,3	не более 106
3	Уровень монетизации экономики: М2 на конец года, % к ВВП	23,4	23,1	27,1	28,3	25,9	не менее 50
4	Уставный капитал банков на конец года, % к ВВП	2,5	2,3	2,5	1,6	1,4	не менее 10
5	Инвестиции банков по государственным и гарантированным правительствам обязательствам, % от всех вложений в долговые обязательства	–	–	–	–	–	не более 50
6	Объем кредитов, % к ВВП	21,2	19,9	20,7	22,0	22,5	не менее 40

Окончание табл. 1.1

№ п/п	Индикатор	2018	2019	2020	2021	2022	Пороговое значение
7	Невозвраты кредита в общем объеме потребительского и ипотечного кредитов	–	–	–	–	–	не более 10
8	Дневные колебания индекса фондового рынка, %	–	–	–	–	–	не более 1
9	Нерезиденты в совокупных активах банковской системы, %	–	–	–	–	–	не более 25
10	Сальдо государственного бюджета, % к ВВП	–1,3	–1,8	–4	–3,1	–2,1	не менее –3 не более 4
11	Доля расходов по обслуживанию и погашению государственного долга в общем объеме расходов государственного бюджета, %	5,2	5	4,6	5,4	5,7	Не более 20
Внеэкономическая сфера							
1	Доля импортного продовольствия, %	23,8	24,8	22,4	22,9	22,9	Не более 20
2	Отношение величины государственного внешнего и внутреннего долга к ВВП, %	26,4	24,4	29,6	27	24,9	Не более 60
3	Отношение величины государственного и корпоративного долга на конец года к годовому объему экспорта, %	–	–	–	–	–	Не более 40
4	Сальдо внешнеторгового баланса, % к ВВП	–1	–3,9	–6,4	–1,3	3,9	Не менее –4 не более 8

Примечание: составлено по данным [1], [2], [3], [4], [5], [6]

В социальной сфере информация оказалась доступной по 9 из 10 показателей. В этой сфере Казахстан имеет благоприятную для экономической безопасности демографическую структуру населения и безопасный уровень неравенства: по соответствующим показателям (5 из 9) были достигнуты и продолжают удерживаться значения выше пороговых, кроме соотношения подушевых доходов к ПМ, которое впервые стало больше порогового в 2016 году, и становилось меньше порогового лишь в 2018 году. Динамика таких показателей уровня жизни, как уровень застойной безработицы (4,9% против 4%), обеспеченность жильем в расчете на чел. (19,8 м² против 25 м²) и продолжительность жизни не дотягивают до пороговых значений и требуют повышенного внимания к данным проблемам. Валоризация пенсионных

обязательств позволила улучшить показатель соотношения средне начисленной пенсии и средней зарплаты по стране, однако с 2019 года снова начал отдаляться от порогового значения.

В денежно – финансовой сфере рассматривалось 7 из 11 показателей. Сальдо государственного бюджета и доля расходов на обслуживание госдолга устойчиво находятся в рамках пороговых значений, обеспечивая экономическую безопасность Казахстана в сфере долговой нагрузки на бюджет и демонстрируя возможности для наращивания дефицита бюджета и госдолга, что власти и делают: данные показатели имеют тенденцию к приближению к пороговым значениям, что необходимо отслеживать и вовремя остановить. Годовой уровень инфляции находился выше порогового значения, достигая его только в предкризисные 2012–2013 годы и 2018–2019 годы, и ещё наиболее сильно отделился от порогового значения в 2022 году. Остальные показатели находятся сильно ниже пороговых значений, особенно отношение уставного капитала банков к ВВП, которое за все годы только снижалось, что является признаком хрупкости и неустойчивости банковской системы и что должно служить тревожным сигналом для регулятора.

Что касается внешнеэкономической сферы, где рассматривалось 3 из 4 индикаторов, то отношение госдолга к ВВП удовлетворяет пороговым значениям во всём промежутке. Сальдо внешнеторгового баланса также удовлетворяет пороговым значениям, за исключения кризисных 2015–2016 и 2020 годов, негативно повлиявших на экспорт Казахстана, значительно зависящий от цен на сырьевые товары, которые в эти периоды были низкими, что привело к снижению этого показателя. При этом, доля импорта продовольствия превысила в 2016 году пороговое значение и продолжает оставаться на уровне, не удовлетворяющем экономической безопасности, что делает необходимым проведение политики по стимулированию производства продовольствия.

Индикативный метод. Суть его состоит в том, чтобы нормировать все показатели и распределить их по 5 зонам экономической безопасности в соответствии с получившейся нормировкой: зона стабильности (больше или равно 100%), зона умеренного риска (от 75% до 100%), зона значительного риска (от 50% до 75%), и две зоны повышенной опасности: критические риски попадают в диапазон от 25% до 50%, катастрофические риски - менее 25% [272]. Данный способ, в отличие от порогового метода, позволяет оценить степень отклонения показателя от порогового значения, что позволяет дифференцировать подходы по достижению приемлемого уровня экономической безопасности в разных областях. Рассматривается тот же набор показателей, что и в пороговом методе, и для удобства строятся лепестковые диаграммы, наглядно отражающие изменения в реальной экономике, соци-

альной, денежно-кредитной и внешнеэкономической сферах. Для показателей с двумя границами (и «не более» и «не менее») выбирается наиболее приближенное пороговое значение.

На рис. 1.1 мы видим, что три показателя в сфере реальной экономики, в том числе, средства на гражданскую науку, удельный вес инновационной продукции и часть ВВП РК, выделяемая на госбезопасность, находятся в зоне катастрофической в практически во весь период, что несёт в себе значительные угрозы, часть из которых уже реализовалась в начале 2022 года в виде протестов и вооружённых столкновений в Казахстане и которые требуют немедленного вмешательства государства и увеличения выделяемых бюджетом средств по двум указанным выше бюджетным статьям. Об этом свидетельствует также и нахождение расходов на национальную оборону в зоне критического риска. Ясно видны кризисы 2014–2015 годов и 2020 года, когда темп роста ВВП попал в зоны критического и катастрофического риска соответственно, причём в 2022 году этот показатель попал в зону значительного риска, что отражает неразрывную связь экономики Казахстана с экономикой РФ, пострадавшей от кризиса в этот год. Остальные данные по сфере реальной экономики оказались в умеренном рисковом диапазоне или в зоне стабильности (сбор зерна).

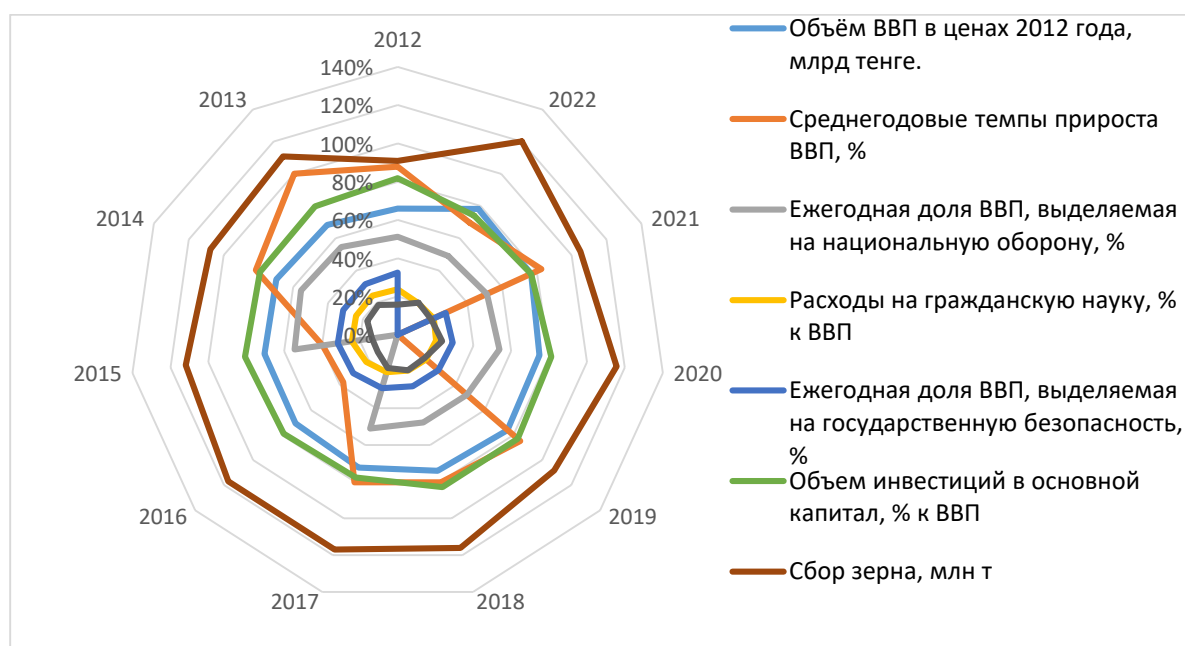

Рис. 1.1. Сфера реальной экономики Республики Казахстан

В социальной сфере (рис. 1.2) все рассматриваемые показатели находятся в пределах умеренных рисков или области стабильности, обеспечивая приемлемый уровень социальной безопасности РК, что частично компенсирует те угрозы, которые создались в сфере реальной экономики.

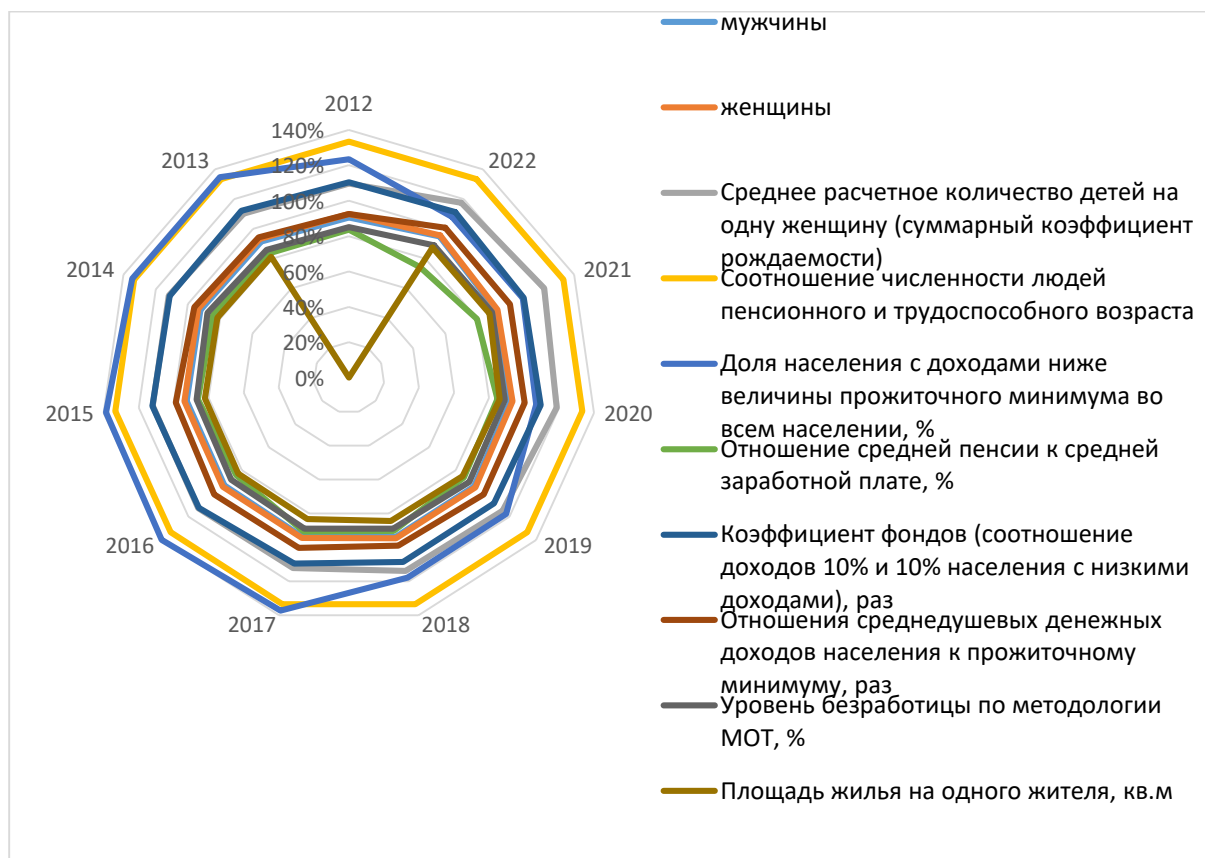

Рис. 1.2. Социальная сфера в экономике Казахстана

В денежно финансовой сфере (рис. 1.3) начиная с 2018 года уставный капитал банков находится в зоне катастрофического риска, что несёт в себе угрозы экономической безопасности в первую очередь в банковские сферы, что может раз и навсегда подорвать репутацию Казахстана как качественного международного финансового центра. Поэтому данный аспект требует срочного вмешательства Центрального Банка и начала реформирования банковской системы, призванное увеличить уставный капитал в банках. Кроме того, в зоне значительного риска находится уровень монетизации экономики, что требует его увеличения для укрепления экономической безопасности в Казахстане. В эту же зону, начиная с 2017 года стал попадать объём кредитов, что свидетельствует о необходимости повышения уровня кредитования для улучшения показателей экономической безопасности.

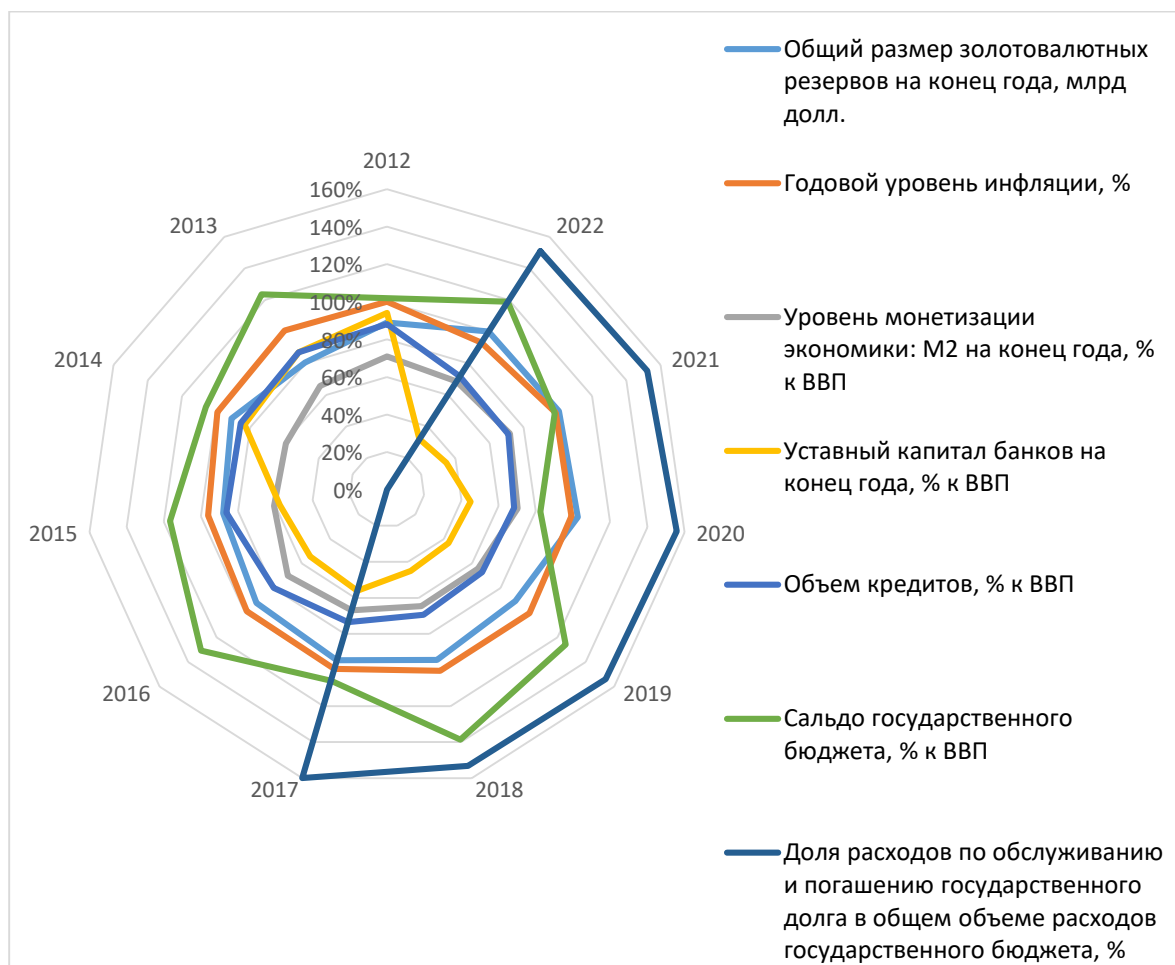

Рис. 1.3. Денежно-финансовая сфера в экономике Казахстана

Наконец, во внешнеэкономической сфере (рис. 1.4) сальдо внешнеторгового баланса попало в зону критического риска в 2020 году, что связано с кризисом, но в 2021–2022 годах вышло в зону стабильности, что свидетельствует об исчерпании рисков НЭБ РК на данном этапе. Однако усиление геополитической напряженности и геоэкономических вывозов создает необходимость для диверсификации экономики Казахстана с целью превентивных мер по снижению вероятности возникновения новых угроз в сфере внешнеэкономической безопасности в долгосрочной перспективе. Остальные показатели находятся в зоне умеренного риска и стабильности.

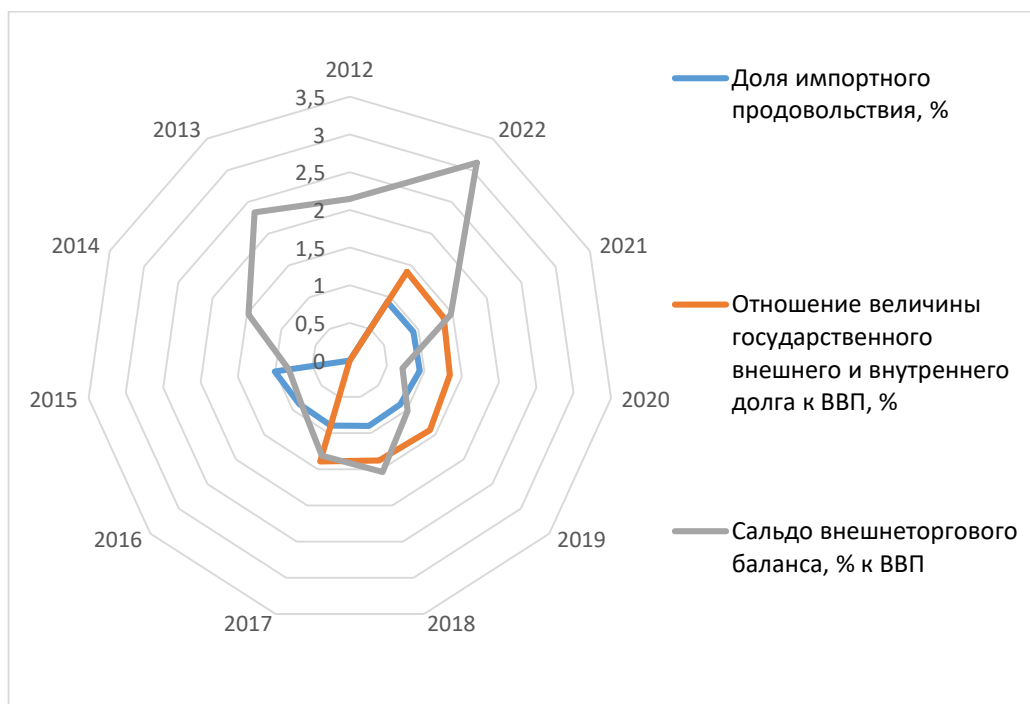

Рис. 1.4. Внешнеэкономическая сфера в Республике Казахстан

Институциональный (законодательный) метод. Стоит отметить, что в Казахстане нет отдельной стратегии экономической безопасности, а также проработанной на законодательном уровне системы индикаторов для оценки её состояния. Поэтому в данной работе используется система индикаторов для России, которая также релевантна и актуальна для Казахстана в силу схожести и тесной связи его экономики с российской. Для оценки удалось найти данные по 21 показателю (табл. 1.2) – другие показатели либо представлены в ином виде, например, ежемесячном, либо отсутствуют в принципе. Поэтому представленные показатели в основном охватывают те показатели, которые характерны для статистического учёта многих стран, такие как ВВП, внешний долг, дефицит бюджета, доля инвестиций в основной капитал. В стратегии не представлены пороговые значения для оценки, и показатели носят разноплановый характер, но по содержанию показателей можно интуитивно понять, как в динамике изменяется экономическая безопасность в Казахстане.

Таблица 1.2

Показатели экономической безопасности Республики Казахстан
для институционального метода

№ п/п	Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
1	Индекс физического объема валового внутреннего продукта, %	104,1	104,5	97,5	104,3	103,2
2	Валовой внутренний продукт на душу населения (по паритету покупательной способности), долл. США	26155	27464	26750	28685	–
3	Доля казахстанского валового внутреннего продукта в мировом валовом внутреннем продукте, %	0,21	0,21	0,20	0,20	
4	Доля инвестиций в основной капитал в валовом внутреннем продукте, %	18,08	18,09	17,37	15,77	14,84
5	Степень износа основных фондов, %	38,3	41,2	45,7	47,2	48,1
6	Индекс промышленного производства, %	104,4	104,1	99,5	103,6	–
7	Индекс производительности труда, %	112,2	111,4	102,2	117,8	–
8	Индекс денежной массы (денежные агрегаты М2), %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
9	Уровень инфляции, %	5,3	5,4	7,5	8,4	20,3
10	Внутренний государственный долг Республики Казахстан, государственный долг акиматов Республики Казахстан и муниципальный долг, % к ВВП	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
11	Внешний долг Республики Казахстан, в том числе государственный внешний долг, % к ВВП	89,4	87,8	95,8	83,3	72,8
12	Чистый ввоз (вывоз) капитала, млрд долл США	–0,4	1,2	–9,1	2,9	–
13	Уровень экономической интеграции акиматов Республики Казахстан	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
14	Коэффициент напряженности на рынке труда, человек на место	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
15	Энергоемкость валового внутреннего продукта, тонна нефтяного эквивалента/тыс.долл. США в ценах 2010г.	0,37	0,34	0,32	0,32	–

Продолжение табл. 1.2

№ п/п	Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
16	Доля инвестиций в машины, оборудование и транспортные средства в общем объеме инвестиций в основной капитал, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
17	Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, работ, услуг, %	1,72	1,6	2,43	1,71	1,83
18	Доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в валовом внутреннем продукте, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
19	Доля организаций, осуществляющих технологические инновации, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
20	Дефицит государственного бюджета, в том числе нефтегазовый дефицит государственного бюджета, млрд.рублей, % от объема ВВП	-1,3	-1,8	-4	-3,1	-2,1
21	Отношение золотовалютных резервов Республики Казахстан к объему импорта товаров и услуг, %	91,9	72,9	91,5	83,0	68,0
22	Индекс физического объема экспорта, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
23	Индекс физического объема импорта, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
24	Сальдо торгового баланса, млрд.долл США	-1,8	-7,0	-11,0	-2,6	8,5
25	Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме несырьевого экспорта, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
26	Доля населения трудоспособного возраста в общей численности населения, %	49,7	49,5	48,6	48,4	47,7
27	Доля граждан с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %	4,3	4,3	5,3	5,2	5,2
28	Индекс производства по виду экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
29	Доля прироста запасов полезных ископаемых (по стратегическим видам полезных ископаемых) в общем объеме погашенных в недрах запасов, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика

Окончание табл. 1.2

№ п/п	Показатель	2018	2019	2020	2021	2022
30	Баланс производства и потребления энергоресурсов (на душу населения), тонна условного топлива	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
31	Индекс предпринимательской уверенности предприятий обрабатывающих производств, балл	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
32	Дефицит местных бюджетов Республики Казахстан, % ВВП	-0,3	-0,1	-1	-0,1	-
33	Доля машин, оборудования и транспортных средств в общем объеме импорта, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
34	Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме экспорта товаров, работ, услуг предприятий промышленного производства, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
35	Доля импорта в объеме товарных ресурсов продовольственных товаров, %	9,2	8,4	8,8	9,7	9,4
36	Индекс физического объема розничной торговли, % к предыдущему году	105,7	105,9	96,8	107,8	105,0
37	Распределение численности занятых в экономике по уровню образования (высшее), % от общей численности занятых	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
38	Децильный коэффициент, раз	6,0	6,0	5,9	6,0	5,7
39	Доля работников с заработной платой ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, %	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика
40	Уровень преступности в сфере экономики, количество преступлений	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика	отсутствует статистика

Источник. Составлено по материалам [1], [2], [3], [4], [5], [6]

В табл. 1.2 зелёным отмечены показатели, динамика которых свидетельствует об улучшении состояния экономической безопасности в Казахстане, а оранжевым – те, динамика которых приводит к ухудшению её состояния. Например, рост ВВП, индексов промышленного производства и производительности труда, доли инновационных товаров и снижение энергоёмкости ВВП за рассматриваемый период свидетельствуют об улучшении экономической безопасности, в то время как рост степени износа основных фондов, темпов инфляции, показателей социального блока, начиная с 2017 года, сви-

детельствуют об ухудшении состояния экономической безопасности особенно в социальной сфере. Более того мониторинг национальной экономической безопасности по данному методу затруднен, в силу отсутствия статистики по значительному пласту показателей.

Интегральный метод. Суть его состоит в том, что показатели делают безразмерными и сводят в одну величину [272]. Здесь стоит отметить, что индексы всех показателей при подсчёте интегрального берутся с одинаковым весом, но при этом очевидна различная значимость различных показателей, поэтому задача определения весов для каждого из дифференциальных индексов при подсчёте интегрального может рассматриваться как отдельная исследовательская задача и иметь очень важное практическое значение для уточнения состояния экономической безопасности в той или иной стране.

Получившиеся расчёты приведены в табл. 1.3.

Таблица 1.3

Расчет показателей экономической безопасности
по дифференциальным и интегральным индексам для РК

№ п/п	Индикатор	2018	2019	2020	2021	2022	Din
Сфера реальной экономики							
1	Объём ВВП в ценах 2012 года, млрд тенге.	0,41	0,38	0,40	0,37	0,35	0,43
2	Среднегодовые темпы прироста ВВП, %	0,32	0,25	1,00	0,28	0,47	0,43
3	Ежегодная доля ВВП, выделяемая на национальную оборону, %	0,72	0,72	0,66	0,69	0,71	0,68
4	Расходы на гражданскую науку, % к ВВП	0,94	0,94	0,94	0,93	0,94	0,93
5	Ежегодная доля ВВП, выделяемая на государственную безопасность, %	0,89	0,89	0,88	0,89	–	0,88
6	Объём инвестиций в основной капитал, % к ВВП	0,28	0,28	0,31	0,37	0,41	0,33
8	Сбор зерна, млн т	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,01
9	Доля инновационной продукции во всей отгруженной продукции (ВВП), %	0,94	0,95	0,92	0,94	0,94	0,95
	Din	0,56	0,55	0,64	0,56	0,54	0,58
Социальная сфера							
1	Средняя продолжительность жизни, лет						
	мужчины	0,11	0,11	0,13	0,14	0,09	0,13
	женщины	0,09	0,09	0,11	0,13	0,08	0,11
2	Среднее расчетное количество детей на одну женщину (суммарный коэффициент рождаемости)	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
3	Соотношение численности людей пенсионного и трудоспособного возраста	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
5	Доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума во всем населении, %	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

Окончание табл. 1.3

№ п/п	Индикатор	2018	2019	2020	2021	2022	Din
6	Отношение средней пенсии к средней заработной плате, %	0,16	0,23	0,25	0,33	0,40	0,24
7	Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% и 10% населения с низкими доходами), раз	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
8	Отношения среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, раз	0,02	0,00	0,00	0,00	0,00	0,03
9	Уровень безработицы по методологии МОТ, %	0,23	0,20	0,23	0,23	0,23	0,25
10	Площадь жилья на одного жителя, кв.м	0,26	0,24	0,23	0,21	0,21	0,26
	Din	0,09	0,09	0,09	0,10	0,10	0,10
Денежно-кредитная сфера							
1	Общий размер золотовалютных резервов на конец года, млрд долл.	0,09	0,15	0,00	0,00	0,00	0,12
2	Годовой уровень инфляции, %	0,00	0,00	0,01	0,02	0,13	0,02
3	Уровень монетизации экономики: M2 на конец года, % к ВВП	0,53	0,54	0,46	0,43	0,48	0,51
4	Уставный капитал банков на конец года, % к ВВП	0,75	0,77	0,75	0,84	0,86	0,56
6	Объем кредитов, % к ВВП	0,47	0,50	0,48	0,45	0,44	0,35
10	Сальдо государственного бюджета, % к ВВП	0,00	0,00	0,33	0,03	0,00	0,04
11	Доля расходов по обслуживанию и погашению государственного долга в общем объеме расходов государственного бюджета, %	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	Din	0,26	0,28	0,29	0,25	0,27	0,26
Внешнеэкономическая сфера							
1	Доля импортного продовольствия, %	0,19	0,24	0,12	0,14	0,14	0,16
2	Отношение величины государственного внешнего и внутреннего долга к ВВП, %	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
4	Сальдо внешнеторгового баланса, % к ВВП	0,00	0,00	0,60	0,00	0,00	0,12
	Din	0,06	0,08	0,24	0,05	0,05	0,09

Стоит сказать, что наибольшим уровнем риска обладает сфера реальной экономики: значение интегрального индекса здесь составило 0,58, что соответствует зоне значительных угроз [272] и требует повышенного внимания к себе. Наименее рискованной сферой оказалась внешнеэкономическая за счёт относительно небольшой величины госдолга и неплохого сальдо внешней торговли. Интегральный индекс здесь составил 0,09 что соответствует зоне стабильности. Социальная сфера также находится в зоне стабильности, а денежно – финансовая - на границе зоны стабильности и умеренных угроз. При этом, за 2022 год показатели по трём сферам, кроме денежно – финан-

совой (здесь произошло ухудшение), находятся ниже среднего значения индекса, что свидетельствует об улучшении показателя экономической безопасности в этих сферах. В целом по всем сферам обобщенный показатель НЭБ составляет 0,26 и входит в диапазон умеренных рисков экономической безопасности. При этом за 2021–2022 годы этот показатель находился на уровне 0,24, что соответствует зоне стабильности, а кризис 2020 года довольно сильно подорвал экономическую безопасность Казахстана, так как общий показатель оказался в зоне умеренных угроз после зоны стабильности в предыдущие 3 года.

Обобщая результаты проведенного мониторинга НЭБ РК можно заключить, в целом, несмотря на значительные проблемы в сфере реальной экономики и нарастании проблем в социальной и денежно – кредитной сферах, уровень экономической безопасности в Казахстане находится на приемлемом уровне: многие значимые показатели, особенно в социальной сфере удовлетворяют пороговым значениям. Тем не менее, важно заметить, что отмечается нарастание проблем в денежно – финансовой (уставный капитал банков) и социальной (процент населения с доходами ниже прожиточного уровня (ПМ) сферах, что может привести к значительному ухудшению состояния экономической безопасности в будущем. Особую тревогу также вызывают критически низкие уровни расходов на оборону и безопасность, а также на гражданскую науку, что вкупе с описанными выше тенденциями может привести к взрывным эффектам, которые могут потрясти экономику всей страны и соседних государств. Поэтому необходимо провести ряд мер и реформ, которые помогут увеличить уставный капитал банков и увеличить выдачу кредитов, например, предложить государственное участие в качестве миноритария в капитале банков или увеличить требования к уставному капиталу. Кроме того, нужны более жёсткие меры для подавления инфляции, такие как повышение ставки процента и продажа государственных ценных бумаг (последнее в особенности). Необходимо также увеличить расходы на национальную безопасность и науку и продолжить сотрудничество с РФ в соответствии с ОДКБ, что позволяет компенсировать Казахстану недостаток собственных расходов на национальную оборону. Кроме того, нужно поддерживать модернизацию сельского хозяйства, например, строить мощности по хранению с/х продукции, чтобы снизить долю импортного продовольствия. Несмотря на приемлемый уровень экономической безопасности сегодня, государству следует обратить внимание на указанные сферы, от состояния которых сильно зависит уровень национальной экономической безопасности Казахстана и устойчивость его экономики в современном турбулентном мире и непростой роли Казахстана на международной арене.

Совокупность представленных способов позволяет получить комплексную и многоплановую оценку экономической безопасности Казахстана, как по отдельным показателям и сферам, так и в целом по стране. При этом, есть

пространство для доработки методики, например, использование части институциональных показателей, таких как ВВП на душу населения, доля ВВП в мировой экономике и степень износа основных фондов в других методах – для этого необходимо провести расчёты пороговых значений для этих показателей, что в свою очередь позволит улучшить систему оценки на институциональном уровне. Более того, в денежно – финансовую сферу стоит добавить отношение уставного капитала к резервам банковской системы или отношение резервов к ВВП, что позволит дополнительно оценить степень устойчивости финансовой системы, что является крайне важным в условиях постоянных и неожиданных шоков в мировой экономике сегодня.

1.3. Обеспечение устойчивого развития российской экономики в контексте национальной безопасности

Трансформация экономической системы современной России. В условиях изменяющейся геополитической реальности происходит трансформация экономики современной России. Если рассматривать мир, который развивается вокруг нас с глобальных позиций, то в мировом хозяйстве пройдены пять технологических укладов². Последовательный переход от одного уклада к другому, более высокому уровню, происходит с течением времени вследствие трансформационных изменений в экономике и предопределяется объективными факторами, важнейший из которых – научно-технический прогресс. Характеристика пятого и шестого технологических укладов представлена в табл. 1.4.

Таблица 1.4

Характеристика пятого и шестого технологических укладов*

Пятый технологический уклад	Шестой технологический уклад
1. Хронологические рамки: с 1970 года – начало развития технологии; с 1983 года – период широкого распространения; с 2010 года — конец фазы быстрого роста	1. Хронологические рамки: с 2010 года – начало развития технологий; с 2018 года — период широкого распространения; с 2040 года — конец фазы быстрого роста

² *Технологический уклад* – совокупность сопряжённых производств, имеющих единый технический уровень и развивающихся синхронно. Данный термин впервые был предложен в 1986 году учеными-экономистами Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым [268].

Пятый технологический уклад	Шестой технологический уклад
2. Базовые высокотехнологичные отрасли (подотрасли, производства): электронная промышленность, вычислительная техника, оптико-волоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные технологии	2. Базовые высокотехнологичные отрасли (подотрасли, производства): информационные технологии, когнитивные науки, социогуманитарные технологии, наноэлектроника, нанохимия, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы и наноструктурированные покрытия, наносистемная техника, аддитивные технологии, нанобиотехнологии, конвергенция нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий (так называемая НБИКС-конвергенция, NBIC)
3. Ключевой фактор: микроэлектронные компоненты	3. Ключевой фактор: нанотехнологии, клеточные технологии
4. Преимущество пятого технологического уклада по сравнению с четвертым: индивидуализация производства и потребления, повышение гибкости производства	4. Преимущество шестого технологического уклада по сравнению с пятым: резкое снижение энергоёмкости и материалоёмкости производства, конструирование материалов и организмов с заранее заданными свойствами

*Составлено по: официальные источники; [152].

Хронологические рамки пятого технологического уклада датируются периодом с начала 1970-х годов и до середины 2010-х годов, «ядро» составляют высокотехнологичные отрасли. Фаза завершения данного уклада увязывается с мировым финансово-экономическим кризисом 2008–2009 годов. Сейчас в мире происходит переход к активной фазе шестого технологического уклада, как закономерному этапу эволюции моделей национальных хозяйственных систем, основанному на ускоряющемся научно-техническом прогрессе и системном применении передовых инноваций в базовых высокотехнологичных отраслях (см. табл. 1.4).

Для российской экономики характерны устойчивые тенденции развития, сохраняется экономический рост, несмотря на сложную геополитическую обстановку. В 2023 г. ВВП России вырос на 3,6%. Индекс его физического объема относительно 2022 г. составил 103,6%, индекс-дефлятор – 106,3%. На рост физического объема ВВП положительное влияние оказало увеличение внутреннего конечного спроса на 9,1% при сокращении чистого экспорта. Совокупные расходы на конечное потребление возросли на 5,4%; в том числе расходы домашних хозяйств на 6,1%, расходы сектора государ-

ственного управления на 3,6% [386]. В международных интеграционных союзах дружественных государств позиции Российской Федерации по темпам роста ВВП за период с 2020 по 2022 годы в сравнении со странами-членами ЕАЭС и партнерами по коалиции БРИКС представлены в табл. 1.5.

Таблица 1.5

Темпы роста ВВП Российской Федерации, стран ЕАЭС и БРИКС
(в постоянных ценах 2010 г.)*

Страны мира	Всего			На душу населения		
	2020	2021	2022	2020	2021	2022
<i>Россия</i>	109,1	115,2	112,8	105,6	111,9	110,0
Страны ЕАЭС из них:						
Армения	125	132	149	128	135	152
Беларусь	110	113	107	111	115	110
Казахстан	140	146	151	122	126	126
Киргизия	140	147	157	113	117	122
Страны БРИКС из них:	27,9	116,7	15,8	60,2	191,6	24,0
Бразилия	103	108	112	95	99	101
Индия	167	182	195	145	157	...
Китай	193	210	216	183	199	205
Южно- Аф- риканская Рес- публика	108	114	116	93	97	98

*Источник: составлено по: «Российский статистический ежегодник». М.: Росстат; 2023, с. 659.

В исторической ретроспективе развитие рыночной экономики происходило по традиционной «линейной» модели и было нацелено на максимизацию прибыли и минимизацию издержек. Бизнес-сообщество в течение ряда десятилетий, предшествовавших пятому технологическому укладу, руководствовалось постулатами предпринимательской деятельности, что негативно сказалось на экологическом состоянии планеты Земля. Объективно был востребован качественно иной взгляд на проблемы управления экономическим пространством в масштабах отраслей и территорий, что привело человечество к осознанию важности устойчивого развития не только в региональном, но и планетарном масштабе. В хронологических границах пятого технологического уклада создавалась и реализовывалась Концепция устойчивого развития, признанная ООН и странами мира в качестве консенсусной официальной парадигмы мировой экономики.

Концепция устойчивого развития: исторический контекст. Термин

«устойчивое развитие»³ известен с начала 1970-х гг. и изначально понимался как гуманитарный процесс, ориентированный на достижение сбалансированности экономических, социальных и экологических целей. Концепция устойчивого развития получила распространение в 1987 году в докладе «Наше общее будущее» Всемирной комиссии ООН по окружающей среде и развитию [70]. В декларации «Повестка дня на XXI век» сформулированы ключевые положения, которые обязались принять страны мира [175], предложена Концепция Национальной стратегии устойчивого развития (НСУР) [238]. В этот период постулировались идеи достижения расцвета экономики и повышения благосостояния при всемерной консолидации усилий на сохранении окружающей природной среды. Сформулированное в 1987 году «классическое» определение раскрывает суть устойчивого развития «как состояния окружающей среды, отвечающего потребностям настоящего времени, без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [70].

Существует разносторонняя взаимообусловленность и взаимозависимость между пятым технологическим укладом и Концепцией устойчивого развития. Традиционная экономика, которая сложилась в период пятого технологического уклада, по своей сути являлась техногенной, «линейной» (linear), «открытой» системой. Ее конечным результатом, наряду с указанными выше характеристиками было получение конечного продукта при неадекватно больших затратах ресурсов и объемах получаемых отходов, которое сопровождалось неуправляемой потерей эффективности факторов производства и отрицательным влиянием на окружающую среду.

В данном контексте достижение «устойчивости» как противовеса действию негативных факторов, разрушающих окружающую среду, стало закономерным следствием и перспективным выходом из создавшейся в глобальном масштабе ситуации для всех народов мира. «В общей постановке устойчивое развитие – это стабильное социально-экономическое движение вперед, не разрушающее своей природной основы и обеспечивающее непрерывный прогресс развития общества без помех, в том числе извне» [449, с. 5]. Движение в направлении достижения устойчивого развития предлагает создание механизмов и инструментов, призванных нивелировать вредное воздействие техногенных производственных процессов на организм человека и окружающую природную среду. Для федеративного Российского государства задачей первостепенной важности является «перспективное формирование региональной экономики, не разрушающей биосферу и обеспечивающую ее безопасность во всех сферах жизнедеятельности» [449, с. 5].

³ «Устойчивое развитие» — комплекс мер, нацеленных на удовлетворение текущих потребностей человека при сохранении окружающей среды и ресурсов, то есть без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

В начале 2000-х годов в англоязычной литературе возникло словосочетание ESG (Environment, Social, Governance) – «окружающая среда, общество, управление», которое стало стимулом в развитии нового междисциплинарного направления научных исследований⁴. В рамках ESG изучались коллаборации разнообразных экологических рисков (климатических, производственных, природных, биологических и др.), которые быстро превратились в своего рода «драйверы» для привлечения внимания общественности и научного сообщества к процессу формирования концепции устойчивого развития. Внимание исследователей сконцентрировалось на выявлении и изучении факторов, негативно влияющих на экономическую динамику национального и регионального хозяйства в глобальном масштабе.

В начале 2010-х годов в обществе наступило понимание того, что усилия ученых необходимо активизировать на исследовании актуальных аспектов сохранения окружающей природной среды при одновременном углубленном изучении новых, нетрадиционных путей поддержки экономического роста, а практиков – в направлении соблюдения экологических норм и требований природоохранной деятельности. В 2015 году на саммите ООН была принята согласованная лидерами 193 стран программная Резолюция⁵.

Общество ставит жизненно важные (стратегические) цели на долгосрочный период, прилагая усилия и вкладывая ресурсы. «Под целью общества понимается некоторый сформированный обществом образ (представление) результата, к достижению которого оно стремится» [218, с. 17]. Для нашей страны достижение ЦУР ООН согласуется с национальными целями Российской Федерации [463] и приоритетами государственной Стратегии национальной безопасности [462], входит в состав ключевых задач перспективного плана деятельности Правительства [1].

Сравнительно новым для международных и российских официальных документов является понятие «зеленая экономика» (green economy). Однако данный термин широко используется при выработке и реализации стратегических планов и государственных программ федерального и регионального уровней. Как полагают отечественные эксперты, отказ от традиционной для России затратной модели экономики открывает широкий простор для перехода к перспективной, экологически чистой форме хозяйствования – «зеленой экономике» [200, с. 9].

⁴ В современных реалиях ESG представляет собой систему ориентиров (добровольных стандартов) для определения соответствия деятельности частных компаний и корпораций глобальным Целям устойчивого развития по трем критериям: 1) окружающая среда (экология); 2) социальное развитие; 3) корпоративное управление (КСО) [30, с. 223].

⁵ В Резолюции, вступившей в силу с 1 января 2016 года, были сформулированы 17 Целей устойчивого развития (ЦУР ООН) и 169 задач в области устойчивого развития [368].

Организационно-экономические механизмы рационального природопользования. Циркулярная экономика (circular economy), или экономика замкнутого цикла⁶ предназначена для «создания замкнутых технологических циклов с полным использованием поступающего сырья, не вырабатывающих отходов, выходящих за их рамки» [117, с. 65]. Предназначение циркулярной экономики позиционируется в направленности на минимизацию производственных и непроизводственных отходов и потерь, а ее ценность для хозяйственной практики состоит в создании «инструментария природно-продуктовых вертикалей (цепочек), объединяющих первичные природные ресурсы/сырье с конечным потреблением» [117, с. 66].

По результатам анализа различных публикаций и систематизации представленных в них материалов выявлены веские причины и аргументы, обуславливающие настоятельность решения вопросов перехода к циркулярной экономике: ресурсные ограничения; особенности технологического и социально-экономического развития; экологическая обстановка. Российские исследователи полагают, что «циркулярная экономика должна интернализировать такие экстерналии, минимизировать все виды ущербов» [117, с. 65]. Данная постановка вопроса приобретает особую актуальность в условиях перехода к шестому технологическому укладу. В России последовательный и масштабный переход к циркулярной экономике возможен на основе достижений НТП, модернизации и экологизации промышленности и других отраслей национального хозяйства.

Анализ достижения реализуемых ЦУР ООН в России. Наблюдение за совокупностью показателей, которые характеризуют динамику движения к Целям устойчивого развития и их анализ осуществляется Росстатом и аналитическими агентствами посредством регулярно проводимых наблюдений и мониторингов. Проблематика устойчивого развития рассматривается учеными разных специальностей на различных уровнях управления: макро-, мезо- и микро- (страна, регион, организация) и в самых разнообразных аспектах: от общих теоретических вопросов до специальных и конкретных: экономических, социальных, экологических, этических и др.

При изучении информации за период с 2020 по 2022 годы о результатах достижения каждой из 17 ЦУР ООН по Российской Федерации в целом, были проанализированы характеризующие их показатели. Исходя из содержательного наполнения и соответствия определенной области исследования выбранных для рассмотрения показателей было сформировано четыре ана-

⁶ По своей сути «замкнутый цикл» есть модель производства и потребления, которая направлена на восстановление или регенерацию материалов и товаров и включает «общее пользование (sharing), лизинг, повторное использование, ремонт, переработку существующих материалов и продуктов на максимально длительный срок, что означает, по сути, продление их жизненного цикла» [30, с. 227].

литических блока: институциональный, экологический, социальный, экономический. Общее количество показателей, достигнутые уровни которых публикуются по результатам статистического наблюдения Росстата, составляет 92. В институциональный блок отнесены показатели ЦУР 1; 10; 16; 17; в экологический блок – показатели ЦУР 2; 6; 7; 12; 15; в социальный блок – показатели ЦУР 3; 4; 5; 11; в экономический блок – показатели ЦУР 8; 9. Результаты реализации Целей устойчивого развития в рамках институционального, экологического, социального, экономического блоков представлены в табл. 1.6–1.9.

Таблица 1.6

Динамика показателей достижения целей устойчивого развития в Российской Федерации (институциональный блок)*

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Цель 1. Ликвидация нищеты			
Доля населения, живущего за международной чертой бедности, процентов	0,0	0,0	0,0
Доля населения, живущего за национальной чертой бедности, процентов	12,1	11,0	9,8
Цель 10. Уменьшение неравенства			
Темпы роста расходов домохозяйств или доходов на душу населения среди наименее обеспеченных 40 процентов населения и среди населения в целом, процентов	-0,2 -0,6	2,4 1,2	н/д н/д
Доля доходов трудящихся в ВВП, в том числе заработная плата и выплаты по линии социальной защиты, процентов	45,2	40,4	39,1
Цель 16. Мир, правосудие и эффективные институты			
Наличие независимых национальных правозащитных институтов, действующих в соответствии с Парижскими принципами, Да = 1; Нет = 0	1	1	1
Доля лиц, которые считают, что в их районе находиться на улице в одиночестве безопасно, процентов	90,4	–	94,0
Цель 17. Партнерство в интересах устойчивого развития			
Доля населения, пользующегося Интернетом, процентов	85,0	88,2	90,4
Наличие полностью финансируемого и осуществляемого национального статистического плана, Да = 1; Нет = 0	1	1	1

*Источник: составлено по: «Российский статистический ежегодник». М.: Росстат; 2023, с. 55-58.

По результатам анализа динамики ЦУР ООН 1, 10, 16 и 17 в составе институционального блока в течение 2020–2022 годов можно сделать вывод о

последовательном улучшении ситуации в России практически по всем представленным показателям (см. табл. 1.6). Отрицательная динамика наблюдалась по показателю динамики доходов населения (ЦУР 10), которая сложилась под влиянием COVID-19. Последствиями масштабного пандемического кризиса стали частичное закрытие предприятий и сокращение количества рабочих мест. Однако резкого падения благосостояния населения не произошло вследствие целенаправленного проведения государством социальной политики по поддержке уровня доходов разных категорий населения, в том числе семей с детьми.

Таблица 1.7

Динамика показателей достижения целей устойчивого развития в Российской Федерации (экологический блок)*

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	
Цель 2. Ликвидация голода				
Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения, по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности, процентов	острого	0,3	0,3	0,2
	умеренного	5,7	4,6	4,1
Цель 6. Чистая вода и санитария				
Доля населения, пользующегося услугами водоснабжения, организованного с соблюдением требований безопасности, процентов	95,2	–	96,9	
Доля населения, использующего организованные с соблюдением требований безопасности услуги санитарии, включая устройства для мытья рук с мылом и водой, процентов	88,3	–	88,7	
Цель 7. Недорогостоящая и чистая энергия				
Доля населения, имеющего доступ к электроэнергии, процентов	100	100	100	
Энергоемкость валового внутреннего продукта, кг условного топлива на 10 тыс. рублей, в постоянных ценах 2016 года	99,48	–	98,24	
Цель 12. Ответственное потребление и производство				
Электрическая мощность генерирующих установок, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии (солнечные, ветровые, геотермальные и гидроэлектростанции) на душу населения, ватт	368,30	375,24	376,19	
Цель 15. Сохранение экосистем суши				
Доля площади особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения в общей площади территории страны, процентов	14,0	14,1	14,3	

*Источник: составлено по: «Российский статистический ежегодник». М.: Росстат; 2023, с. 55–58.

Динамика показателей ЦУР ООН 2, 6, 7, 12, 15 в составе экологического блока в течение 2020–2022 годов положительная, что свидетельствует об эффективности предпринимаемых Российским государством и корпорациями мер по актуальным вопросам сохранения охраны окружающей среды (см. табл. 1.7) ⁷. Заслуживают внимания рекомендации экспертов по активизации действий последовательно проводимой в данной области политики.

Таблица 1.8

Динамика показателей достижения целей устойчивого развития в Российской Федерации (социальный блок)*

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Цель 3. Хорошее здоровье и благополучие			
Коэффициент материнской смертности, на 100 тысяч родившихся живыми	11,2	34,5	13,0
Коэффициент смертности детей в возрасте до 5 лет, на 1000 родившихся живыми (оба пола)	5,5	5,8	5,6
Смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, рака, диабета, хронических респираторных заболеваний	25,0	39,7	21,7
Число медицинских работников на 1000 человек населения и их распределение Всего врачей	5,0	5,1	5,1
Средний медицинский персонал (в том числе, акушерки и зубные врачи)	10,2	10,1	9,8
Цель 4. Качественное образование			
Доля молодежи (взрослых), обладающей (обладающих) навыками в области информационно-коммуникационных технологий, процентов В возрасте 15–24 лет	92,2	93,3	94,2
В возрасте 15–74 лет	75,4	77,5	79,1
Цель 5. Гендерное равенство			
Доля мест, занимаемых женщинами в национальных парламентах – Федеральное Собрание Российской Федерации, процентов	16,5	17,2	17,9
Доля женщин на руководящих должностях, процентов	–	49,0	–
Доля людей, имеющих мобильный телефон, в разбивке по полу, процентов	97,3	98,1	98,8
Женщины	97,4	98,2	98,9
Мужчины	97,2	98,1	98,7
Цель 11. Устойчивые города и населенные пункты			
Соотношение темпов ввода в действие жилых домов к темпу роста населения	1,01	1,13	1,11

*Источник: составлено по: «Российский статистический ежегодник». М.: Росстат; 2023, с. 55–58.

⁷ О реализации ЦУР 13. «Борьба с изменением климата» и ЦУР 14. «Сохранение морских экосистем» информации не представлено.

Показатели ЦУР ООН 3, 4, 5, 11 характеризуют устойчивое развитие в рамках социального блока. На негативную динамику основных показателей ЦУР 3 в 2021 году повлиял пандемический кризис. В то же время, обеспечение медицинскими работниками в Российской Федерации находится на высоком уровне, что позволило успешно справиться с последствиями COVID-19. По всем другим показателям социального блока видна положительная динамика в течение 2020–2022 годов, отражающая последовательное движение и высокий уровень достижения ЦУР ООН (см. табл. 1.8).

Таблица 1.9

Динамика показателей достижения целей устойчивого развития в Российской Федерации (экономический блок)*

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Цель 8. Достойная работа и экономический рост / Goal 8. Decent work and economic growth			
Индекс физического объема валового внутреннего продукта на душу населения, процентов	97,5	106,0	98,3
Индекс производительности труда, процентов	99,6	103,7	96,4
Доля неформальной занятости в несельскохозяйственном секторе, процентов	16,9	17,4	15,8
Уровень безработицы, процентов	5,8	4,8	3,9
Доля молодежи (в возрасте от 15 до 24 лет), которая не учится, не работает и не приобретает профессиональных навыков	10,9	10,2	10,1
Доля детей в возрасте от 5 до 17 лет, занятых детским трудом, процентов	0,4	–	0,1
Производственный травматизм, в том числе со смертельным исходом, на 100 000 работающих	101,1	108,2	100,7
Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, процентов	2,4	2,6	–
Цель 9. Индустриализация, инновации и инфраструктура / Goal 9. Industry, innovation and infrastructure			
Доля добавленной стоимости отрасли «Обрабатывающее производство» в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, процентов	14,9	14,3	–
Занятость в обрабатывающей промышленности в процентах от общей численности занятых	14,2	14,2	14,1
Доля малых предприятий в совокупном объеме продукции обрабатывающих производств, процентов	9,9	9,7	–
Расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в процентном отношении к ВВП	1,1	1,0	0,94
Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на миллион жителей	2718,7	2674,0	2666,3
Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте, процентов	25,0	23,9	–

*Источник: «Российский статистический ежегодник». М.: Росстат; 2023, с. 55–58.

Показатели ЦУР ООН 8; 9 в составе экономического блока характеризуют производственный потенциал России и его трансформацию при переходе к шестому технологическому укладу, содержат элементы защищенности страны от разного рода угроз, нацеливают на более активную работу по интенсивному задействованию факторов производства, вовлечению молодежи в воспроизводственный процесс, снижению безработицы и обеспечению роста производительности труда. Видны проблемы в развитии научного потенциала и медленные темпы создания наукоемких отраслей и инновационной инфраструктуры (см. табл. 1.9).

По результатам анализа системы показателей, отражающих движение в направлении достижения целей устойчивого развития, можно сделать вывод о системной и последовательно организованной работе в Российской Федерации по достижению ориентиров, установленных ООН. Имевшая место в течение 2020–2022 годов неустойчивая динамика некоторых включенных в анализ показателей (Цель 10; Цель 3; Цель 9) объясняется последствиями масштабного пандемического кризиса 2020–2021 гг., негативно повлиявшими на функционирование национальной хозяйственной системы России. В целом, в течение анализируемого периода наблюдается последовательное улучшение макроэкономической динамики показателей в рамках достижения ЦУР ООН (см. табл. 1.6–1.9).

Руководством страны поставлена задача к 2030 г. обеспечить 100% сортировки твердых коммунальных отходов (в 2020 г. сортировалось 38,7% всех ТКО) [510]. Экономика замкнутого цикла обрела статус одной из стратегических инициатив Правительства до 2030 г. Утвержден Паспорт федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» (период реализации – 2022–2030 годы). Проектируемый уровень «Индекса использования вторичных ресурсов и сырья из отходов в отраслях экономики» составляет 32%. «Доля видов упаковки, утилизируемой в Российской Федерации», планируется на уровне 85%. Источниками обеспечения реализации федерального проекта выступают Федеральный бюджет (10 600 000 тысяч рублей) и внебюджетные источники (20 200 000 тысяч рублей). Общий объем финансирования за период реализации проекта составит 30 800 000 тысяч рублей [339].

Особенности исследований по реализации ЦУР и ESG-повестки в России. Следует указать на особенности реализации ESG-повестки на иерархических уровнях публичного и корпоративного управления. Базируясь на официальных информационных источниках, можно заключить, что на макро- и мезоуровне явно прослеживаются общие нормативно-правовые и методические основания для изучения и эффективного решения проблем устойчивого развития. На макроуровне содействие ESG-повестке обеспечивается общегосударственными органами власти и управления и реализуется применяемыми методами и инструментами административного и экономического регулирования. На мезоуровне учитывается специфика развития

территорий и в дополнение к общепринятым решениям и планам действий региональными органами власти и управления осуществляются специфические меры содействия ESG-повестке.

Важно подчеркнуть, что данная деятельность сопряжена с государственными расходами. Основными источниками реализации целей ESG-повестки являются средства бюджетной системы и доходы корпораций. Основными инструментами исполнения поставленных задач выступают национальные проекты и государственные (муниципальные) программы, в структуре которых предусматриваются конкретные мероприятия и инвестиционные проекты по достижению ЦУР ООН.

На макро- и мезоуровне ESG-принципы формулируются следующим образом: «1) создание положительной доступной среды для качества жизни людей в стране и регионе; 2) минимизация негативного воздействия на окружающую среду; 3) этическая важность принятия ESG органами власти; 4) поддержка принципов ESG государством; 5) принятие политических решений с учетом ESG» [210, с. 16].

Эксперты агентства РИА Рейтинг в течение 2023 года проводили ежемесячное рейтингование субъектов Российской Федерации. Установлены 10 регионов, лидирующих по комплексу выбранных для анализа показателей и 10 регионов, в которых сохраняется сложное социально-экономическое положение (табл. 1.10). Итоговый рейтинговый балл (по шкале от 0 до 100) по каждому региону рассчитывается как среднее арифметическое баллов, полученных по основным направлениям мониторинга: 1) качество жизни, 2) социально-экономическое положение, 3) состояние рынка труда, 4) материальное благополучие семей, 5) научно-технологическое развитие, 6) приверженность граждан здоровому образу жизни.

Таблица 1.10

Рейтинг регионов России (2023 год)*

Место	Регион	Итоговый рейтинговый балл
1	Москва	84,626
2	Санкт-Петербург	82,567
3	Московская область	74,302
4	Республика Татарстан	70,181
5	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	65,030
6	Нижегородская область	61,745
7	Свердловская область	61,681
8	Ямало-Ненецкий автономный округ	61,378
9	Краснодарский край	60,935
10	Самарская область	60,755
76	Кабардино-Балкарская Республика	33,913
77	Республика Хакасия	33,265
78	Республика Северная Осетия – Алания	31,352
79	Республика Калмыкия	31,251

Окончание табл. 1.10

Место	Регион	Итоговый рейтинго- вый балл
80	Забайкальский край	29,907
81	Карачаево-Черкесская Республика	28,324
82	Республика Алтай	27,638
83	Республика Ингушетия	24,519
84	Еврейская автономная область	24,439
85	Республика Тыва	22,688

*Источник: составлено по: [217]

Федеральные органы исполнительной власти формируют институциональную среду устойчивого развития и оказывают организационно-методическую поддержку предпринимательским структурам по адаптации к стандартам и навыкам работы с инструментами овладения ESG-повесткой [366; 353].

Практика реализации ESG-повестки российскими корпорациями. На практике эволюционно произошел определенный «рефрешмент» термина «ESG», что означало распространение принципов устойчивого развития с публичной сферы управления (макро- и мезоуровень) на корпоративную сферу (микроуровень). Это было обусловлено различными причинами, в числе которых – формирование теоретико-методологических подходов к исследованию путей роста эффективности работы хозяйствующих субъектов и экономики в целом; необходимость решения комплекса практических вопросов в целях достижения субъектами микроуровня (предприятиями, корпорациями) высоких результатов деятельности в согласовании с задачами охраны окружающей природной среды; поиск механизмов повышения социальной ответственности бизнеса в отношении развития институциональной среды. Крупные российские компании следуют принципам корпоративной этики и социальной ответственности бизнеса [см., например, 403].

На микроуровне ESG-принципы формулируются следующим образом: «1) сокращение компаниями выбросов углекислого газа в атмосферу; 2) использование альтернативных и возобновляемых источников энергии; 3) обеспечение доступа к здравоохранению и образованию; 4) социальная ответственность бизнеса; 5) деловая репутация бизнеса; 6) создание «зеленой» инфраструктуры» [210, с. 18]. Такое понимание ESG-принципов способствовало переориентации устремлений предпринимательских структур с максимизации корпоративной прибыли как инструмента личного обогащения на целевые ориентиры развития общества: корпоративную социальную ответственность и деятельность по защите окружающей среды. Произошла трансформация принципов устойчивости на уровне хозяйствующих субъектов.

В России участие компаний и корпораций в деятельности на основе ESG-принципов осуществляется на добровольных (альтруистских) основах. Однако вследствие исключительной важности и сложности реализуемых вопросов ESG-повестки на данном этапе основное внимание уделяется вопросам нормативно-правового обеспечения на основе документов и актов надгосударственных (ООН и других Международных организаций), национальных (федеральных, региональных и отраслевых органов управления) и корпоративных (внутренних актов организаций).

Основные итоги устойчивого развития России в 2023 году. Для сохранения устойчивого тренда в развитии российской экономики в перспективном периоде остро востребованным становится расширение экологических, социальных и управленческих инициатив. В 2023 г. тематика российской ESG-повестки сохранила свою актуальность и продолжала развиваться не только в государственном и коммерческом секторах. Новым аспектом стало внедрение ESG-принципов в регулирование деятельности и создание инфраструктуры.

Банком России подготовлены рекомендации по ESG-рейтингованию [496]. В документе закреплена идея развития ESG-оценок по аналогии с кредитными: путем детального рассмотрения запрошенных рейтингов, в рамках которого идет анализ не только публичных, но и внутренних документов. Начался этап гармонизации оценок, шкал провайдеров, за которым следует период наблюдения за формированием рынка ESG-рейтингов с целью использования технологии «мягкого» регулирования. Задача состоит в наборе «критической массы присвоений» ESG-рейтингов, которые становятся объектами регулирования, а также востребованным инструментом организации взаимодействия между контрагентами и государством.

Крупнейшие агентства, которые имеют собственные методологические разработки ESG-рейтингования, прошли одобрение Национального ESG-альянса. Это представляется важным, поскольку принятие данного решения способствует сближению позиций и выработке общих подходов к ESG-рейтингованию разными провайдерами.

Банк России расширяет сферу своей деятельности и выполняет функции не только регулятора ESG-рынка, но и популяризатора устойчивой повестки в стране. Предпринимаются усилия по подключению к тематике ESG не только банков, но и других организаций финансового рынка – страховых, управляющих компаний, фондов. Банк России разработал рекомендации по учету климатических рисков, в которых финансовым организациям предлагается их анализировать и создавать системы мониторинга [497]. Этот документ может стать базой для активизации инвестиционной политики, сформированной на основе ESG-принципов. Актуальность данного вопроса обусловлена, во-первых, уязвимостью российской экономики перед климатическими рисками из-за высокой углеродоемкости и географических факторов; во-вторых, увеличением частоты и ущерба от опасных природных явлений,

связанных с изменением климата; в-третьих, активным переходом торговых партнеров России к низкоуглеродной экономике.

Обострение ситуации в данных направлениях инициирует введение новых мер климатического регулирования в контексте их влияния в будущем на международную торговлю. Российские банковские организации принимают активное участие в реализации ESG-политики. Основными функциями банков в ESG-сфере являются привлечение и размещение ESG-финансирования, а также ESG-консультирование клиентов. При этом российские кредитные организации не готовы замыкаться в локальной ESG-повестке, а заинтересованы перенимать ESG-опыт стран БРИКС и ШОС [126].

«ESG» – это комплексная аббревиатура, содержание которой не ограничивается только климатической повесткой. В России прорабатываются другие аспекты экологической составляющей (E), которые являются высоко востребованными. Многие российские компании уделяют приоритетное внимание проектам по биоразнообразию и поддержанию экосистем в регионах присутствия. Для корпоративных участников рынка и банков социальная составляющая (S) сохраняет ключевое значение. Одновременно российские корпорации все более внимательно подходят к выстраиванию и улучшению практик корпоративного управления (G). Принятие решений высшим менеджментом бизнес-структур осуществляется с использованием принципов прозрачности, ответственности, эффективного управления. Происходит возврат к открытости и прозрачности информации. Компании принимают решения о возобновлении работы по подготовке ежегодных отчетов об устойчивом развитии [227].

Аналитиками АКРА обобщены данные о выпуске ESG-облигаций, совокупный объем которого в 2023 году составил 142,8 млрд рублей. Это на 34,5% выше аналогичного показателя за 2022 год. «Зеленые» облигации составили 46% совокупного объема выпуска ESG-облигаций (65 млрд рублей). Новый финансовый инструмент – «облигации устойчивого развития» (sustainability). Эмиссия этого типа долговых ценных бумаг в 2023 году составила 32,8 млрд рублей (23%). Выпуск социальных облигаций – 45 млрд рублей (31%)⁸. Согласно прогнозу, в 2024 году объем выпуска новых ESG-облигаций на российском рынке ориентировочно достигнет 200 млрд рублей [338].

В сфере публичных финансов ключевым решением стало утверждение поправок, закрепляющих определение социального проекта и его критерии [351]. Этим правительственным актом закреплена так называемая национальная таксономия социальных проектов, которая детализирует социальные проекты в части их эффекта для общества в целом или для целевых

⁸ Средневзвешенная ставка купона по ESG-облигациям на момент размещения составила 10,8% для облигаций с фиксированной ставкой.

групп. Данная мера имеет исключительно высокую значимость для регулирования рынка ответственных финансов.

Заключение. Россия является крупнейшей страной в мире, занимая более одной восьмой обитаемой поверхности Земли и обладая богатой экосистемной фауны и флоры. Более того, экономический рост страны и сильный промышленный сектор часто противоречат усилиям по обеспечению устойчивости и поддержанию баланса природы. Нашей стране нужен новый подход к моделированию для оценки воздействия и построения эффективной пространственной, экономической и экологической модели для России. Разрабатываемые показатели устойчивости для оценки социальных, экономических, институциональных и экологических последствий политики устойчивого развития, а также для оценки мер, которые необходимо принять, сохраняют свою актуальность на ближайшие годы. Для создания новой модели развития национальной экономики России потребуется собрать и проанализировать глобальную информационную базу, содержащую экологические, экономические и социальные данные.

Экологический раздел информационной системы традиционно имеет приоритетное значение, поскольку включает данные об использовании энергии в стране в физическом и денежном выражении, а также о выбросах парниковых и непарниковых газов. Экономический раздел информационной системы характеризует состояние национальной хозяйственной системы страны. Социальный раздел информационной системы содержит данные, отражающие уровень доходов и безработицы, динамику рынка труда и налогообложения, проблемы общественного здравоохранения. Соответствующим органам власти необходимо решить ряд ключевых вопросов, связанных с устойчивым развитием: бережным отношением к природным ресурсам и землепользованию, созданием предпосылок для сбалансированного социально-экономического развития сельских территорий, минимизации негативного воздействия транспорта на окружающую среду и др. Наличие системно выстроенной информации позволит сравнивать различные варианты деятельности заинтересованных сторон в области реализации ЦУР ООН и выбирать наиболее эффективные и приемлемые варианты их реализации.

1.4. Сырьевая зависимость экономики России как угроза ее экономической безопасности

Российская экономика на сегодняшний момент оказалась в ситуации, значительно отличающейся от предыдущих периодов. Если в 2020–2021 годах основным негативным фактором, оказывающим влияние на вероятность возникновения угроз, была пандемия коронавируса, то в 2022 году к этому фактору добавился более серьезный фактор – существенное ухудшение геополитической обстановки. Ухудшения произошли по нескольким направле-

ниям, а именно: повышение уровня инфляции, неопределённость курса доллара США, уход с отечественного рынка целого ряда крупных зарубежных компаний, разрыв логистических цепочек импорта и экспорта, снижение покупательской способности и других.

По мнению экспертов Банка России, [324] в 2023 году уровень экономической безопасности России находился под воздействием двух взаимоувязанных факторов.

Во-первых, в странах с развитой экономикой, и в первую очередь, в КНР существенно усилились стагфляционные процессы.

Во-вторых, существенно повысилось геополитическое напряжение, включая введение дополнительных ограничений на российский сырьевой экспорт.

Следует понимать, что драйвером развития мировой экономики в последние несколько десятилетий был процесс глобализации, в рамках которого формировались единые рынки, создавались унифицированные стандарты, согласовывалась единая экономическая политика по большинству вопросов. Однако, начало так называемых «торговых войн» между США и КНР, а также резкое ухудшение геополитической обстановки, стали причиной формирования ситуации неопределённости в вопросах – в каком направлении будут развиваться в дальнейшем интеграционные процессы.

По мнению автора, в 2023 году существенно повысились тенденции фрагментации мировой экономики, выражающиеся в концентрации отдельных рынков на уровне неких региональных блоков. По сути, отдельные страны будут в меньшей степени ориентироваться на использование сравнительных преимуществ и в большей степени на повышение уровня локализации производства [324, с. 45].

Не является секретом, что устойчивость и безопасность национальной экономики России находится в прямой зависимости от уровня доходов, получаемых от экспорта сырьевых товаров. Это означает, что существенным образом повышается важность импорта несырьевых товаров в сравнении с экспортом сырьевых товаров из России. Основная доля экспортной выручки России приходится на сырьевой сектор. Эти поступления составляют более 40% доходной части федерального бюджета (рис. 1.5).

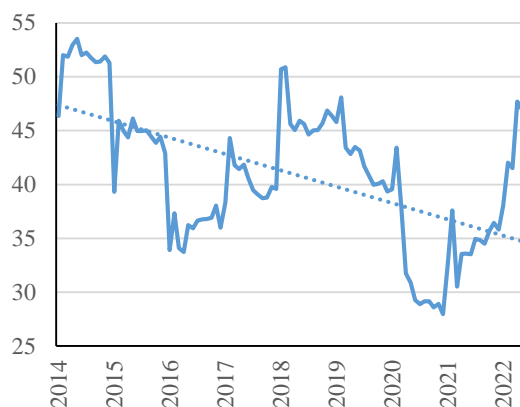

Рис. 1.5. Динамика доли нефтегазовых доходов федерального бюджета России [286]

Также важно учитывать, что доля поставок российского сырьевого экспорта в общемировом экспорте к началу 2022 года, по оценкам зарубежных экспертов, не превышала 10% (рис. 1.6). Такое состояние дел позволило большинству крупных зарубежных компаний отказаться от импорта российского сырья без значительного ущерба для себя.

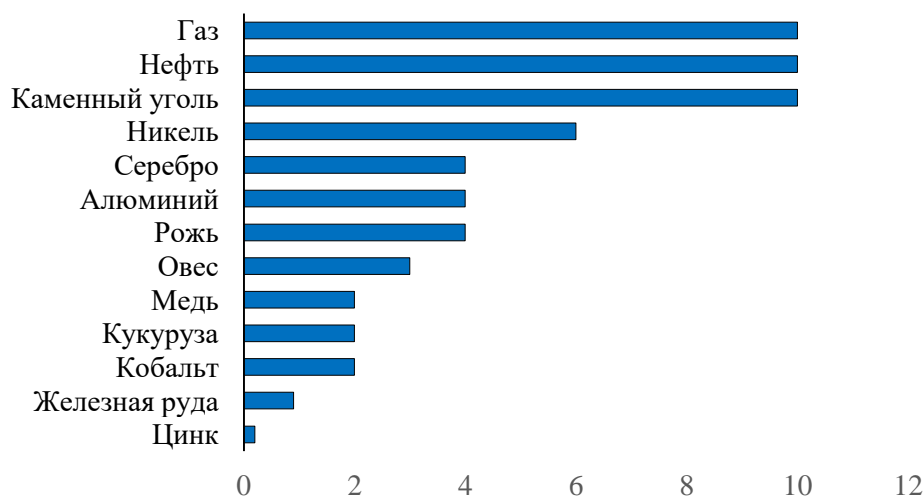

Рис. 1.6. Доля России в мировом экспорте сырьевых товаров по видам товаров, % от мирового экспорта [11]

Таким образом, справедливо утверждение о том, что основной характеристикой экспортных отношений России на современном этапе является так называемая «асимметричная взаимосвязь». Иными словами – наша страна нуждается в доступе к глобальному рынку для сбыта своих сырьевых товаров, гораздо в большей степени, чем глобальный рынок в поставке таких товаров.

Тем не менее, некоторые западные эксперты утверждают, что отказ от российского сырьевого экспорта не прошел «безболезненно» для западных

экономик. Они утверждают, что необходимость сокращения энергопотребления, вызванная отказом от импорта российских энергоресурсов и необходимость диверсификации источников энергоснабжения стало фактором, оказавшим влияние на возникновение опасностей и угроз в экономике целого ряда стран ЕС [56]. Однако, практика показывает, что каждая дополнительная санкция, принимаемая в отношении российской национальной экономики, повышает вероятность возникновения угроз в сфере экономической безопасности.

Одним из важнейших сырьевых товаров является природный газ. Однако, здесь важно понимать, что цепочки поставки сырьевых товаров и модель торговли, ставит Россию в существенно не выгодное экономическое и стратегическое положение. Европа уже давно является основным потребителем российского природного газа (рис. 1.7).

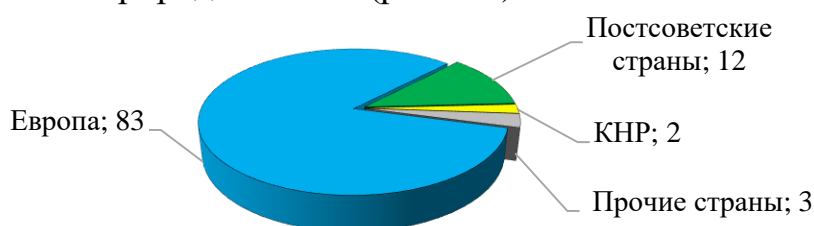

Рис. 1.7. Потребители российского природного газа, % [53]

Важно понимать, что природный газ, по сути, является товаром трудно заменимым. Исторически сложилось, что его транспортировка осуществлялась по довольно сложной сети трубопроводов, соединяющей западную часть России с Евросоюзом. Достаточно большое число таких трубопроводов проходят через страны, входившие в СССР и имеющие общие границы со странами ЕС.

В начале 2000-х годов Россия стала постепенно снижать свою зависимость в этом направлении в сфере экспорта природного газа (рис. 1.8).

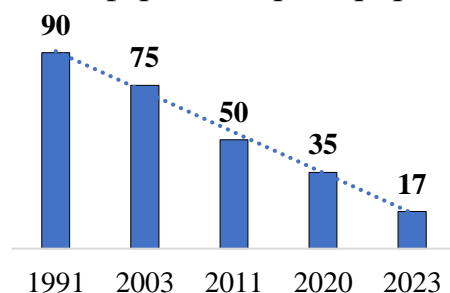

Рис. 1.8. Доля российского газа в поставках в Европу транзитом через страны, входившие в СССР и имеющие общие границы со странами ЕС, % от общего объема экспорта российского газа в Европу [23]

В сочетании с созданием Стабилизационного фонда РФ принятие некоторых рисков позволили России проводить длительные интервенции на

выше указанном газовом рынке в условиях всемирного финансового кризиса 2008–2009 гг. В этот период Россия использовала на практике стратегию, разработанную в период распада Советского Союза – знаменитая доктрина Фалина-Квицинского, которая стремилась заменить военное влияние в бывших странах Варшавского договора экономическим давлением, в случае несоблюдения ими принятых на себя обязательств, основывалась на нефтегазовой зависимости этих стран от России.

Однако, после окончания кризиса ЕС начал предпринимать целенаправленные шаги, целью которых, снижение уязвимости в газовой сфере. В Третьем энергетическом пакете Европейская комиссия потребовала разделения передающей сети от интегрированных энергетических компаний, что, в частности, заблокировало запуск проекта «Северный поток-2».

В сеть были встроены новые терминалы сжиженного природного газа. Дополнительные мощности по регазификации на терминалах сжиженного природного газа в Клайпеде и Свиноуйсьце позволили таким странам, как Литва и Польша, диверсифицировать свои источники энергии, снижая тем самым, зависимость от импорта природного газа из России. Иными словами, страны ЕС стали снижать зависимость от импорта российских энергоносителей.

Очень важно понять, что Россия в значительной степени зависит от европейского рынка трубопроводного природного газа. По состоянию на 2021 год доля экспорта природного газа в ЕС составляла 46% от общего объёма. В свою очередь, ЕС имеет гораздо более диверсифицированную базу поставок, на которую приходится 54% импорта газа из нероссийских источников (рис. 1.9), включая СПГ из Норвегии, Катара и Алжира, в дополнение к значительным внутренним поставкам из таких источников, как гигантское газовое месторождение Гронинген в Нидерландах. В 2023 году ситуация кардинальным образом изменилась, доля России сократилась до 8%, а доля США напротив увеличилась до 39%. Сложившаяся ситуация, вне всякого сомнения, может рассматриваться в качестве достаточно серьёзного негативного фактора, влияющего на уровень экономической безопасности России.

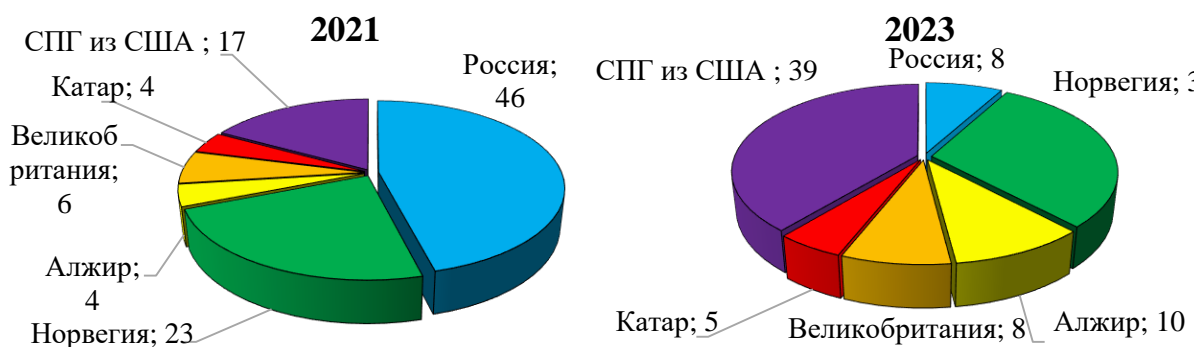

Рис. 1.9. Структура импорта природного газа в ЕС, % [53]

Для нейтрализации этого негативного фактора, вполне логичным выглядит предложенный Президентом России так называемый «поворот на Восток», предусматривающий диверсификацию российского нефтегазового экспорта. Это можно рассматривать как достаточно серьёзное решение, учитывая, что 16,5 млрд. м³ газа, экспортированного Россией в КНР в 2021 году, составляли менее 10% от экспорта газа в Европу, однако, если рассматривать именно трубопроводный газ, то доля природного газа, поставляемого Россией в КНР, составляет всего 3,5%. С точки зрения логистики, существует целый ряд трудноразрешимых проблем (рис. 1.10).

Во-первых, существуют значительные сложности финансирования таких дорогостоящих проектов. К примеру, стоимость существующего газопровода «Сила Сибири» составляла 45 млрд. долларов США при его протяжённости 4000 км. Этот проект был полностью профинансирован КНР в 2014 году. На сегодняшний день финансирование строительства новых газопроводов в полной мере ложится на Россию. Учитывая достаточно серьёзные капитальные затраты, ПАО «Газпром» предпринял беспрецедентный шаг – впервые за тридцать лет приостановил выплату дивидендов. Ещё одной проблемой, является то, что Россия в переговорах с КНР по ценовой политике предлагает, чтобы цены на трубопроводный газ были соизмеримыми с ценами поставок в Европу, в то время как КНР настаивает на внутренних ценах, конкурентных с углем.

Рис. 1.10. Существующие и перспективные газопроводы Восточной Сибири [12, с. 22]

Следует обратить внимание на то, что газопровод «Сила Сибири» работает не на полной мощности, поскольку, при его строительстве предполагается

лось, что он будет транспортировать природный газ с месторождений Ковыкта и Чаянда, расположенных в Восточной Сибири. Но ввиду определённых технологических трудностей, связанных с уходом с российского рынка крупных зарубежных компаний, фактическую работу осуществляет только месторождение Чаянда.

Во-вторых, на сегодняшний день отсутствует физическая возможность перенаправить потоки экспортного газа на восток и извлечь выгоду от ценовой разницы между российскими месторождениями Ямал и Западная Сибирь, экспортирующими газ в Европу и на Ближний Восток, и российскими месторождениями Восточной Сибири, отправляющими природный газ в КНР. Предполагаемое строительство газопровода «Сила Сибири – 2», также известного под названием «Транссибирский газопровод «Алтай», практически остановился из-за малой заинтересованности КНР. Это означает, вполне вероятное снижение объёмов добычи природного газа, хотя задача по объединению Западно-Сибирских и Восточно-Сибирских месторождений является национальным приоритетом ещё с 2007 года [360].

Предпринимавшиеся ранее попытки начала строительства газопровода «Сила Сибири-2» наталкивались на достаточно большие проблемы со стороны КНР. Первый раз КНР заблокировала переговоры по строительству данного трубопровода в 2014 году после присоединения Крыма к России. Ещё одним негативным фактором, оказывающим влияние на реализацию данного проекта, является нежелание КНР платить более высокие «европейские цены» за российский трубопроводный газ и сомнения китайской стороны, что в условиях санкций ПАО «Газпром» способно исполнить свои обязательства по строительству газопровода быстро и с минимальными затратами в виду отсутствия доступа к финансированию и технологиям. Помимо этого, следует учитывать, что по обе стороны границы в Алтайском крае фактически отсутствует необходимая инфраструктура, а с китайской стороны вблизи границы отсутствуют крупные населённые пункты, а это означает, что национальная китайская нефтегазовая компания CNPC должна построить трубопровод, затраты на который превысят стоимость «Силы Сибири-2». Важно знать, что у КНР отсутствует дефицит доказанных и предполагаемых запасов природного газа в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Что касается сложностей финансирования радикального разворота экспорта природного газа «на Восток», необходимо понимать, что финансовая система КНР ориентирована на предоставление кредитов, в первую очередь, отечественным предприятиям, предпринимателям и государственным компаниям, не имеющим прямого присутствия в российском нефтегазовом секторе. Существующие государственные механизмы финансирования международных проектов, таких как «Один пояс и один путь», предусматривают обеспечение исключительно национальных интересов КНР, однако после событий 2022 года Россия была исключена из данного проекта.

Таким образом, автор считает, что осуществление «поворота на Восток» экспортных поставок природного газа гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Сегодняшние возможности поставок российского природного газа в КНР ограничиваются только месторождениями Восточной Сибири.

На сегодняшний день КНР достаточно успешно диверсифицировала свой газовый импорт с использованием СПГ из США, Австралии и других стран, а также за счёт привлечения достаточно надёжных партнёров из Азии и Ближнего Востока [16].

Изложенное выше, позволяет говорить о том, что во взаимоотношениях между Россией и КНР, именно Россия является уязвимой стороной, поскольку возможности КНР по диверсификации российского природного газа существенно выше, чем возможности России диверсифицировать его покупателей.

По мнению автора, ещё одним серьёзным негативным фактором в реализации экспорта природного газа «на Восток» является то, что Россия в значительной степени полагалась на западные технологии и ноу-хау.

Реализация первой сделки по экспорту природного газа из Советского Союза, заключённая в 1968 году реализовывалась с использованием технологий и мощностей немецких и австрийских компаний [62]. Такая зависимость от иностранных технологий сохранилась до настоящего времени, к примеру, ситуация со строительством газопровода «Северный поток-2», где западные компании были основными исполнителями. Изначально, строительство этого газопровода осуществлялось совместным предприятием, созданным с участием ПАО «Газпром» и пяти компаний из ЕС – Shell, E.ON, OMV, Wintershall и ENGIE. После принятия в 2017 году Закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA) [11] и Закона «О защите энергетической безопасности Европы (PEESA) [12] в 2021 году, из проекта вышла голландско-швейцарская компания Allseas, осуществлявшая укладку газопровода, а реализация этого проекта была поставлена под угрозу. ПАО «Газпром» понадобилось более года для того, чтобы переоборудовать свои суда «Академик Черский» и «Фортуна» для укладки газопровода по дну Балтийского моря.

Практически аналогичная ситуация сложилась при освоении арктического шельфа. Снижение уровня добычи месторождений природного газа в Западной Сибири вынуждает Россию обратить внимание на новые месторождения, расположенные в Арктике. Однако, реализация данного проекта предусматривает использование технологий, позволяющих справиться с экстремально низкими температурами, серьёзными ледовыми нагрузками, а также специальных технологий, обеспечивающих понижение температуры застывания цемента, аккрецию льда и стабилизацию вечной мерзлоты. Необходимо наличие специальных буровых судов, способных работать при низких температурах и выдерживать серьёзную ледовую нагрузку. Однако, введённые в отношении России экономические санкции прямо запрещают

передачу России таких технологий, следовательно, можно с большой долей уверенности говорить о формировании катастрофических угроз экономической безопасности в данной сфере.

Аналогично складывается ситуация в сфере добычи и экспорта нефти. По сути, Россия является третьим по величине производителем нефти в мире, ее добыча в январе 2022 года составила 11,3 млн. баррелей в сутки, после США (17,6 млн. баррелей в сутки) и Саудовской Аравии (12 млн. баррелей в сутки) [45].

Являясь одним из крупнейших в мире экспортеров сырой нефти, на долю которого приходится около 12% всего рынка, до 2022 года примерно более 50 % российского экспорта нефти приходилось на европейские страны, а около 40% – на страны Азии, включая Китай (рис. 1.11, рис. 1.12).

Однако, практический запрет на импорт российской нефти, введённый США, Великобританией и Австралией в отношении России в 2022 году, и ценовые ограничения на морские перевозки российской нефти, введённые в конце 2022 года странами Европейского Союза, обусловили существенное изменение глобального нефтяного рынка.

По данным Eurostat в структуре нефтяного импорта Европейского союза по итогам 2021 года Россия являлась крупнейшим поставщиком с долей 24%, однако, в результате введения санкций доля российского импорта снизилась в 6 раз и составила только 4% (рис. 1.13) [31].

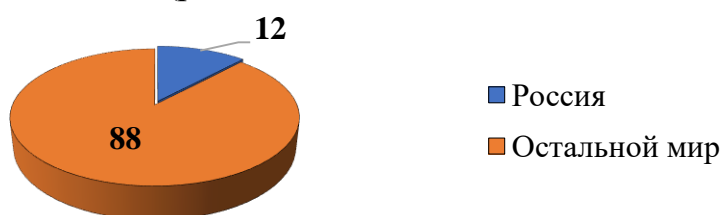

Рис. 1.11. Доля России в мировом экспорте нефти, % от мирового экспорта [45]

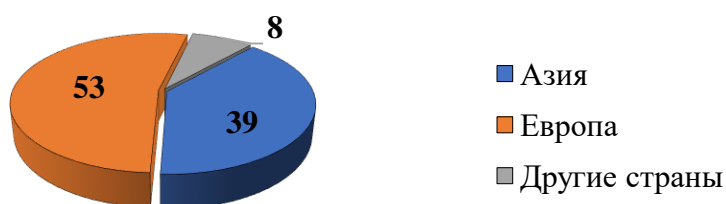

Рис. 1.12. Экспорт российской нефти в разбивке по направлениям, % от общего объема российского экспорта нефти [12]

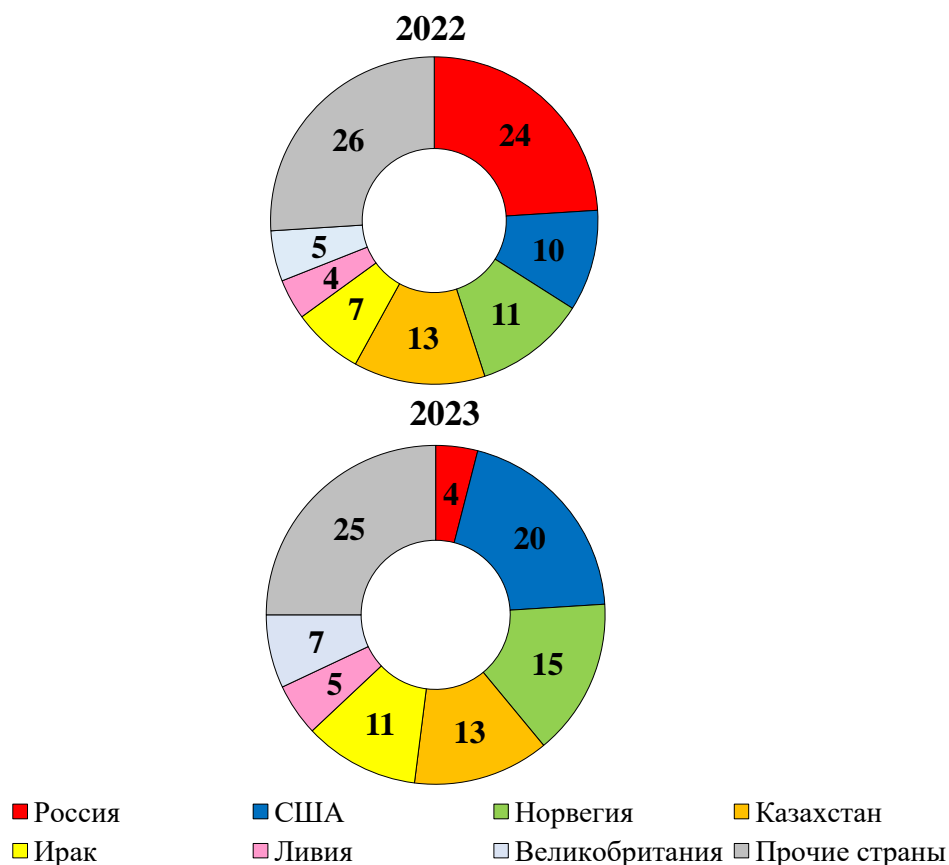

Рис. 1.13. Структура импорта нефти в страны Европейского Союза. % [31]

Уменьшение доли России было компенсировано увеличением доли импорта из других стран и, в первую очередь, из США, которые, по сути, превратились в крупнейшего экспортёра нефти в страны Европейского союза.

Важно понимать, что с точки зрения наполнения федерального бюджета, экспорт нефти является более значимым, по оценке экспертов Международного энергетического агентства (далее по тексту – МЭА), доходы от экспорта нефти в три раза превышают доходы от экспорта природного газа.

В сложившейся ситуации Россия была вынуждена переориентировать направление импорта нефти.

По оценке экспертов компании Vortexa [90] по итогам I квартала 2023 года общий объём российского экспорта сырой нефти составил 3,38 барр./сут., что является максимальным уровнем экспорта с момента введения санкций в начале 2022 года, причём на Китай приходилось 1,65 барр./сут., а на Индию – 1,43 барр./сут., а в сумме на эти две страны пришлось около 91% от общего экспорта российской сырой нефти.

Следует признать, что отечественная нефтедобывающая промышленность практически полностью зависит от использования западных технологий, что в условиях введённых в отношении России санкций привело к тому, что даже Министерство энергетики России пересматривает свои долгосрочные прогнозы в сторону снижения (рис. 1.14).

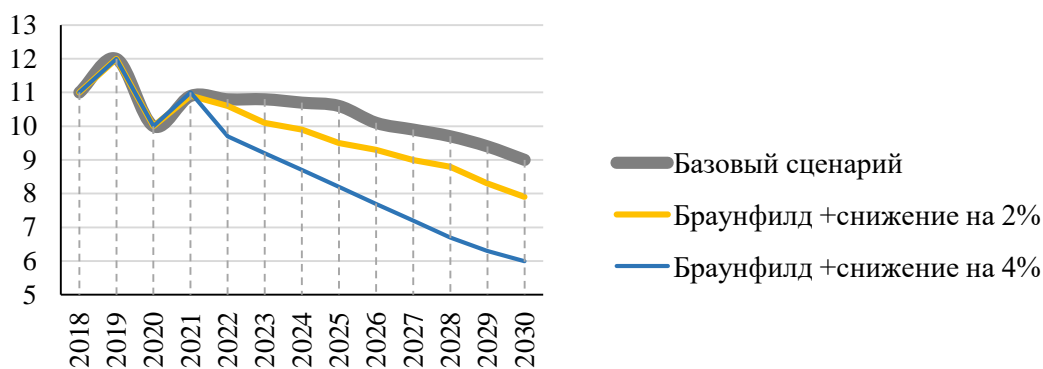

Рис. 1.14. Прогнозы долгосрочного снижения добычи нефти в России, млн. баррелей в сутки [284]

Brownfield (дословно «коричневое поле» или «вспаханное поле») – это пространство или проект, который уже существует или функционирует. То есть следующая стадия после *Greenfield*. Например, *Greenfield investment* – инвестиции в новое предприятие / проект.

Истощение запасов на месторождениях Западной Сибири обуславливает интерес России к новым проектам на полуострове Ямал и в Арктике.

Можно говорить о том, что Россия воспользовалась так называемым «сырьевым суперциклом 2000-х годов» и ростом цен на нефть для формирования определённых ресурсов для обеспечения экономической и национальной безопасности. Цены на нефть выросли с 30 долларов США за баррель в 2003 году до 147,30 долларов США в июле 2008 года. С 1999 по 2000 год на экспорт энергоносителей приходилось около 90% общего прироста ВВП России. Россия смогла увеличить стоимость своего экспорта нефти в восемь раз с 2000 по 2012 год, и благодаря этому, на фоне более высоких цен и увеличения объемов экспорта Россия смогла сформировать Фонд национального благосостояния в объёме более сотен миллиардов долларов (рис. 1.15).

Санкции в нефтедобывающей отрасли России, запрещавшие передачу технологий были введены в 2014 году после присоединения Крыма, что в значительной степени ограничило возможности разработки нетрадиционных месторождений. Помимо этого, для России было ограничено получение займов сроком более 90 дней (затем этот срок сократили до 60 дней). Эти ограничения коснулись таких компаний как: ПАО «НК «Роснефть», ПАО «НОВАТЭК», ПАО «Транснефть» и ПАО «Газпром нефть». Кроме того, было запрещено предоставление оборудования, используемого для добычи нефти на шельфе, в Арктике и в сланцевых проектах.

Санкции также коснулись определенных частей буровых установок, деталей для горизонтального бурения и морского оборудования, пригодного для использования в Арктике, – практически всех компонентов, используемых в разведочной отрасли.

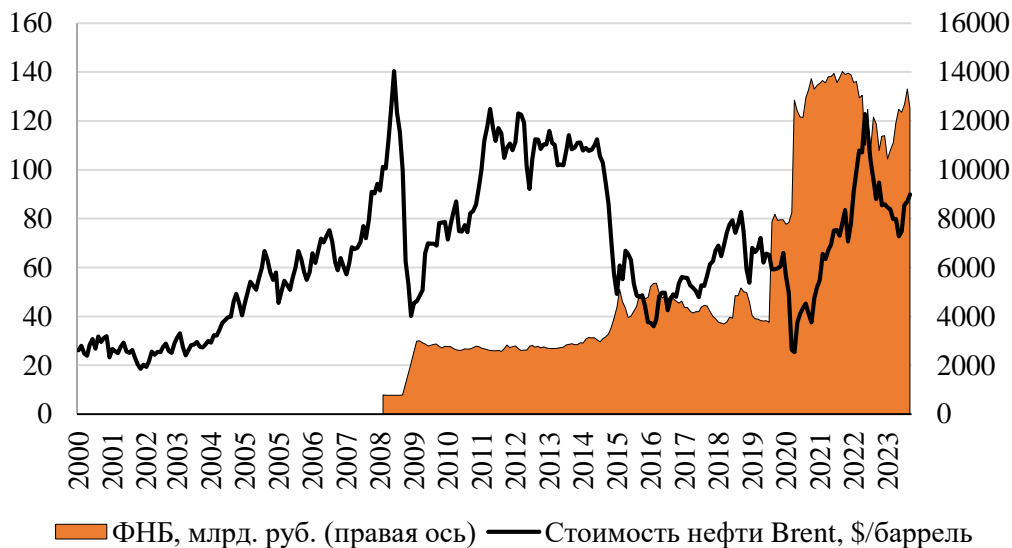

Рис. 1.15. Динамика стоимости барреля нефти и объёма ФНБ [63, 287]

Одним из наиболее значимых негативных факторов, по мнению автора, является отсутствие в России технологий так называемого «гидравлического разрыва пласта» для добычи сланцевой нефти. Результатом этого стала необходимость обратить внимание на более дорогостоящие проекты в Арктике.

Справедливости ради следует отметить, что осталось некоторое количество иностранных компаний, которые продолжили свою работу в сфере энергетики на территории России вне рамок введённых санкций: Bharat Petroleum (BPCL), ONGC и Indian Petroleum Corporation (Индия); Orano и Foraco (Франция); Geoplin (Словения); Hengli Group и PowerChina (КНР); MOLGroup (Венгрия); НИС Сербия.

По мнению экспертов, долгосрочный прогноз добычи нефти в России предполагает сокращение добычи на старых эксплуатируемых месторождениях на 2–3% в год. Однако, с учётом того, что западные инновационные технологии не заменяются технологиями из КНР и Индии, весьма вероятным следует считать уровень снижения до 6% в год [60]. По сути, сложившуюся ситуацию можно рассматривать как негативный фактор, последствия которого, будут означать формирование катастрофической угрозы экономической безопасности. Реализация этой угрозы будет означать не только снижение доходов федерального бюджета, но и потерю значительной части глобального политического влияния России.

Необходимо признать, что воздействия этого негативного фактора до некоторого времени нивелировались желанием западных стран не допустить роста цен на нефтяных рынках. Однако, как оказалось, представления о дисбалансе спроса и предложения на нефтяных рынках, вызванных снижением доли российской нефти, были завышены.

Оказалось, что страны ОПЕК без особых проблем могут использовать свои дополнительные мощности, не используемые до определённого времени по политическим причинам и по соображениям необходимости обеспечения достаточного уровня безопасности. Вполне возможным, является ожидание того, что в сложившейся ситуации государства – члены ОПЕК в краткосрочной перспективе без определённых усилий смогут компенсировать большую часть разрыва между спросом и предложением. К примеру, несмотря на заявления крупнейшего члена ОПЕК – Саудовской Аравии – о том, что у них практически не осталось свободных мощностей, Саудовская Аравия достигла максимальной мощности в 12,3–13 млн. баррелей в сутки в начале 2020 года, но после февраля 2022 года прокачивала не более 9 млн. баррелей в сутки, даже несмотря на просьбы США, увеличить производство. Кроме того, известно, что в прошлом, Саудовская Аравия объявляла о повышении добычи до 3 млн. баррелей в сутки практически за одну ночь [69], а заявляет о значительных трудностях в увеличении добычи даже на пару сотен тысяч баррелей больше, чем планировалось ранее. И все это относится только к текущей и будущей добыче нефти: часто упускается из виду тот факт, что Саудовская Аравия располагает собственными обширными хранилищами сырой нефти и собственным стратегическим запасом нефти, который они, по-видимому, щедро использовали в 2019 году под давлением администрации президента США Д. Трампа, требовавшей снижения цен на нефть.

Здесь важно понимать, что значение дисбаланса спроса и предложения на нефтяном рынке с позиции обеспечения необходимого уровня экономической безопасности для западных экономик и России существенно различны.

В ответ на введение запрета на импорт российской нефти, Россия «разворачивает» потоки экспорта, как и в случае с газом «на восток». С точки зрения логистики такой разворот, в отличие от разворота газового экспорта, менее сложен и более выгоден. К примеру, по данным Таможни КНР в 2022 году объём импорта российской нефти, в сравнении с 2021 годом вырос более чем в два раза (рис. 1.16).

Однако, здесь существует проблема – российская нефть закупается КНР со значительной скидкой, причем российская нефть марки Urals торгуется с наибольшей скидкой по сравнению с рекордным бенчмарком марки Brent, колоссальная разница в цене в 35 долларов и это несмотря на то, что нефть Urals и Brent до введения санкций в основном торговались по сопоставимым ценам (рис. 1.17).

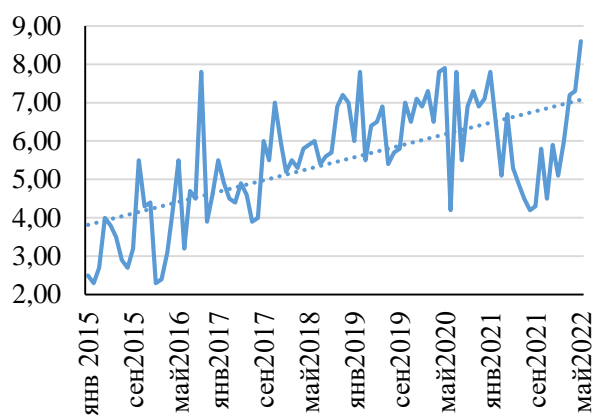

Рис. 1.16. Китайский импорт нефти из России, млн. метрических тонн, по данным Китайской таможни [436]

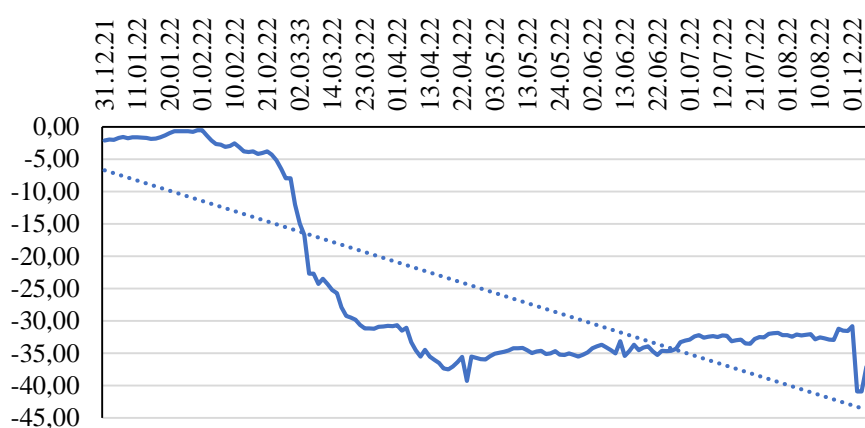

Рис. 1.17. Разница в ценах между нефтью марки Ural (Россия) и нефтью марки Brent, долларов США за баррель [82]

Разница в ценах никогда не превышала 5 долларов США, до введения санкций, даже в период присоединения Крыма в 2014 году и обвала нефтяного рынка COVID в 2020 году. Помимо этого, себестоимость добычи нефти в России является достаточно высокой, а, следовательно, любые негативные факторы на рынке нефти являются для России более чувствительными.

К существующим проблемам, по мнению автора, следует относить также существенное увеличение сроков доставки российской экспортной нефти по реализации «поворота на Восток» с использованием танкерного флота. Так, для стран Западной Европы этот срок составляет 7 дней, а для Восточной Азии – 35 дней, что существенным образом, снижает конкурентоспособность. Практически, средняя дальность перевозки сырой нефти из портов, расположенных на побережье Балтийского моря, увеличилась с 5 тыс. км до 15 тыс. км. (рис. 1.18).

Необходимо учитывать, что Индия и КНР в полном объёме используют санкции введённые в отношении России в своих интересах. Не является секретом, что КНР и ранее заключала сделки с такими странами как Иран и Венесуэла на импорт нефти с большими скидками.

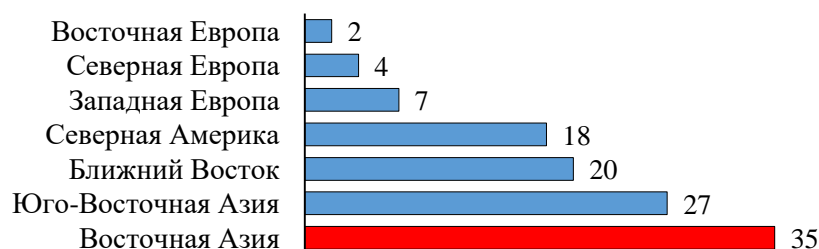

Рис. 1.18. Время в пути/доставки для перенаправления экспорта российской нефти с использованием морских танкеров, количество дней до прибытия в пункт назначения [12, с.19]

Кроме этого, реализация объявленного «поворота на Восток» экспорта нефти и газа, необходимая возможность использования современных инновационных технологий, а с уходом из России партнёров ПАО НК «Роснефть» и ПАО «Газпром», существенным образом, снижается возможность разрабатывать крупные месторождения нефти и газа, особенно в Арктике. Это, в свою очередь, свидетельствует об опасности потери важнейших налоговых поступлений в федеральный бюджет.

Как отмечалось выше, одним из наиболее значительных негативных факторов, оказавших влияние на возникновение угроз экономической безопасности, стали введённые в 2014 году санкции, запрещающие передачу технологий в газовой и нефтяной сфере.

В 2022 году действие этих факторов существенно усилилось за счёт ухода достаточно большого числа иностранных компаний с российского рынка и так называемой «утечки мозгов» из отечественной экономики.

Проведённое автором исследование показало, что на сегодняшний день в отечественных научных публикациях практически отсутствуют исследования, посвящённые данной проблеме, поэтому автор посчитал возможным использовать результаты исследований, проведённого экспертами Йельского университета [93].

В своём исследовании сотрудники Йельского университета использовали данные различных источников, включая: отчеты компаний, отчеты финансовых аналитиков, Bloomberg, FactSet, MSCI, S&P Capital IQ, Thomson Reuters и деловые СМИ из 166 стран. С февраля 2022 года в исследовании приняли участие более 1300 компаний из различных стран. Результаты исследования ранжированы по пяти группам: группа А – компании окончательно покинувшие Россию; группа В – компании сохранившие возможно-

сти для возврата; группа С – компании, сократившие объём текущих операций; группа D – компании отложившие новые инвестиции и разработки; группа F – компании проигнорировавшие требования о прекращении, либо сокращении деятельности в России. Исследования показывают, что только 23% компаний окончательно покинули российский рынок, 18% компаний полностью проигнорировали санкции, введённые в отношении России, 59% компаний в той либо иной мере сохранили своё присутствие на российском рынке (рис. 1.19).

Основную долю компаний группы F (17%) составляют китайские компании, 11% – это компании из США. Далее идут компании из: Франции (10%); Германии (8%); Японии (6%); Италии, Австрии и Индии (5%); Греции, Словении, Турции, Испании и Венгрии (3%); Швейцарии, Израиля и Нидерландов (2%); доля остальных стран «группы F» составляет менее 1% (рис. 1.20).

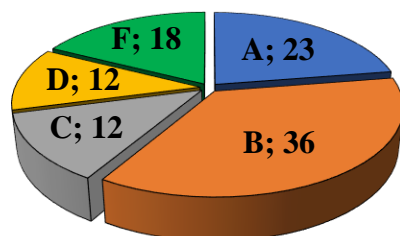

Рис. 1.19. Результаты ранжирования иностранных компаний по степени присутствия на российском рынке [93]

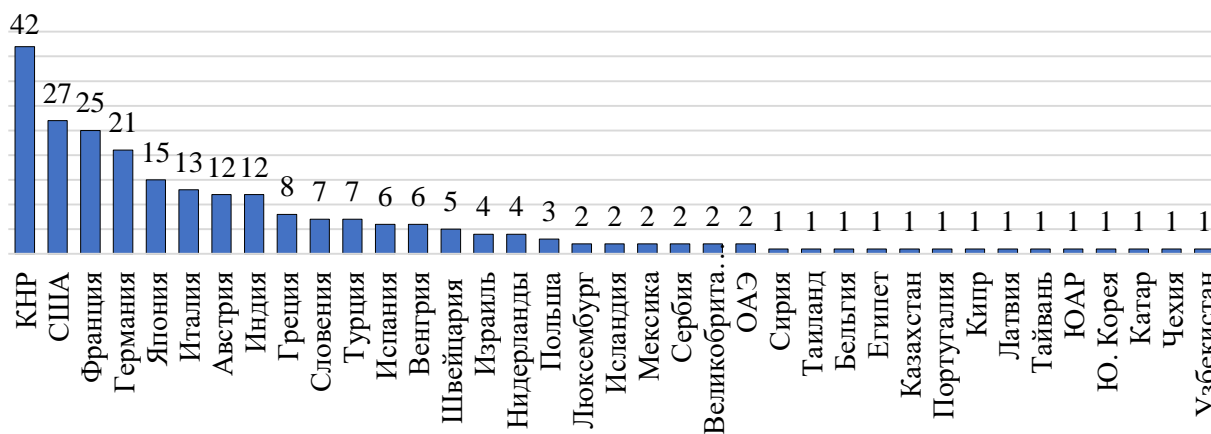

Рис. 1.20. Количество компаний, относящихся к «группе F» по странам, ед. Расчёты автора

Анализ сфер деятельности иностранных компаний «группы F» показал, что 41% из них относятся к производству товаров народного потребления; 26% к промышленному производству, 7% к сфере информационных технологий, и только 5% к сфере энергетики (рис. 1.21).

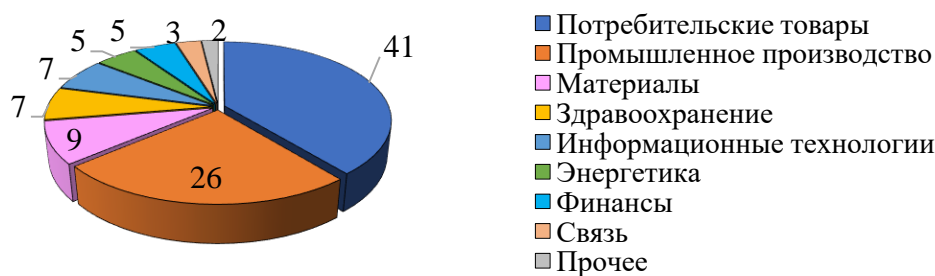

Рис. 1.21. Структура сфер деятельности иностранных компаний «Группы F», %. Расчёты автора

Среди компаний «группы А», окончательно покинувших российский рынок, наибольшее количество компаний составляют компании из США (36%). Далее идут компании из: Великобритании (14%); Германии и Финляндии (7%); Польши (5%); Швейцарии и Франции (4%); Нидерландов (3%); Швеции и, Дании, Ирландии, Канады и Норвегии (2%); Латвии, Люксембурга, Италии, Австралии, Японии, Индии и Литвы (1%); доля остальных стран «группы А» составляет менее 1% (рис. 1.22).

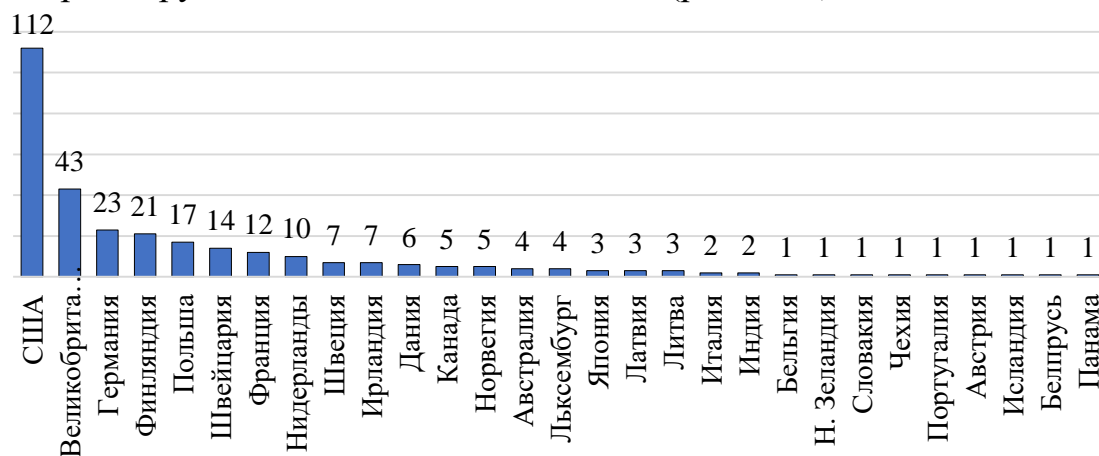

Рис. 1.22. Количество компаний, относящихся к «группе А» по странам, ед. Расчёты автора

Анализ сфер деятельности иностранных компаний «группы А» показал, что 20% из них относятся к производству товаров народного потребления; 32% к промышленному производству, 16% к сфере информационных технологий; и только 8% к сфере энергетике и финансовой сфере (рис. 1.23).

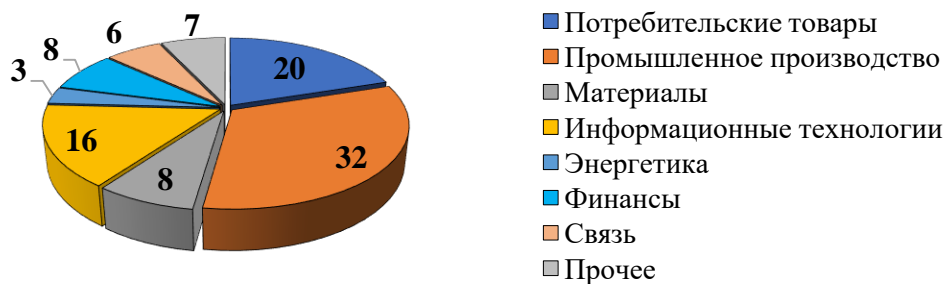

Рис. 1.23. Структура сфер деятельности иностранных компаний «Группы А», %. Расчёты автора

По оценке экспертов Йельского университета общая доля объёма продаж компаний «группы А», «группы В», «группы С» и «группы D» составляет более 40% или 600 млрд. долларов США. Помимо этого, количество занятых в этих компаниях превышает 1 млн. чел., а объём инвестиций составляет львиную долю в российскую национальную экономику от всех накопленных активных иностранных инвестиций в Россию со времен распада Советского Союза [12, с. 54].

Тем не менее, предположения, что уход иностранных компаний с российского рынка станет причиной снижения ВВП в краткосрочной перспективе на 40%, стали ошибочными (рис. 1.24), поскольку большинство иностранных компаний относятся к группам «В», «С» и «D». Однако, важно понимать, что среди компаний группы «А» 58% составляют компании, в той либо иной степени обеспечивающих доступ к современным технологиям в сырьевой сфере, а, следовательно, справедливым будет утверждение о вероятности возникновения угроз экономической безопасности в долгосрочной перспективе.

По сути, представленная выше информация, подтверждает сделанный автором вывод, поскольку уход с российского рынка более 1500 иностранных компаний [93], доля которых превышает 40% ВВП, проявит свои негативные последствия в долгосрочной перспективе, а, значит, единственным риском, позволяющим не допустить формирование угроз экономической безопасности является неоиндустриальные преобразования национальной экономики.

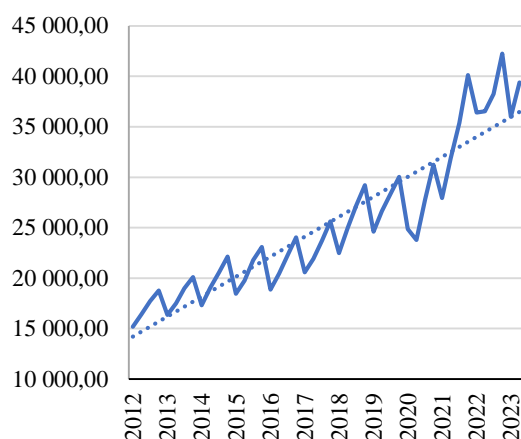

Рис. 1.24. Динамика ВВП, млрд. руб. [476]

В своих более ранних исследованиях автор утверждал, что формирование неоиндустриальной модели национальной экономики способно обеспечить устойчивый экономический рост и необходимый уровень экономической безопасности [432, с. 25].

Некоторые отечественные учёные утверждают, что экономики развитых стран в целом, и иностранные компании, покинувшие российский рынок, в частности, понесли существенный ущерб от своих санкций [275, с. 349]. Однако, автор считает данное утверждение слабо обоснованным, не подтвержденным статистическими данными.

Следует согласиться с мнением экспертов Йельского университета, которые обосновали, что компании, прекратившие свою деятельность в России, понесли краткосрочные потери, однако, в долгосрочной перспективе капитализация таких компаний существенно повышается. Помимо этого, важно понять, что общая рыночная стоимость этих компаний значительно превышает стоимость активов, потерянных в России. Для подавляющего большинства компаний «группы А» доходы от функционирования в России не превышали 1–2%.

В данной случае, основной ущерб от ухода иностранных компаний, в долгосрочной перспективе, понесет Россия, однако называть такой ущерб катастрофическим будет ошибкой.

Ещё одним негативным фактором, оказывающим влияние на формирование угроз, дополняющим фактор ухода из России иностранных компаний является так называемая «утечка умов». Анализ данных Федеральной службы государственной статистики показал, что за последние 10 лет число выбывших из России неуклонно растёт. Резкое снижение количества выбывших наблюдалось в 2021 году и было связано с ограничениями в период пандемии коронавируса (рис. 1.25).

Необходимо понимать, что основную долю выбывших из России составляют высококвалифицированные специалисты, которые необходимы для решения проблемы импортозамещения.

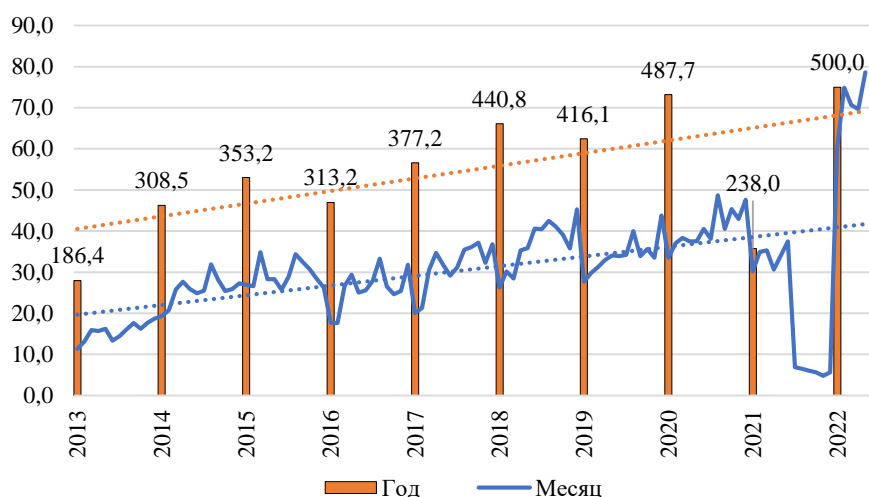

Рис. 1.25. Динамика «утечки умов», тыс. чел. [477]

Помимо этого, в качестве негативного фактора следует рассматривать утечку капитала. По сведениям Банка России общий объём оттока капитала из России с 2000 г. составил 880, 6 млрд. руб. (рис. 1.26). Причем наибольший отток капитала был зафиксирован в период мирового финансового кризиса 2008-2009 годов (190,5 млрд. долларов США), на период присоединения Крыма в 2014 году (152,1 млрд. долларов США). В 1 квартале 2022 года размер оттока капитала составил около 70 млрд. долларов США, а по итогам 2022 года отток капитала составил 247 млрд. руб. [2].

Эксперты утверждают, что достаточно большое количество обеспеченных граждан России устремились в азиатские финансовые центры, в частности, в Дубай. Приток российского капитала в Дубай настолько значителен по своим масштабам, что многие местные эксперты по недвижимости объясняют этим стремительный рост стоимости недвижимости в Дубае. Многие компании по недвижимости в Дубае сообщают о 100% росте цен, а продажи покупателям из России увеличились на 200% в годовом исчислении [87].

Изложенное, позволяет утверждать, что результатом введения в отношении России санкций стал уход из национальной экономики более 1500 иностранных компаний, на долю которых приходилось около 40% ВВП, а это, в свою очередь, привело к полному прекращению иностранных инвестиций и максимальным значениям оттока капитала.

Таким образом, справедливым будет утверждение о том, что на сегодняшний день сформировались негативные факторы в сырьевой сфере, которые с большой долей вероятности станут причиной возникновения серьёзных угроз.

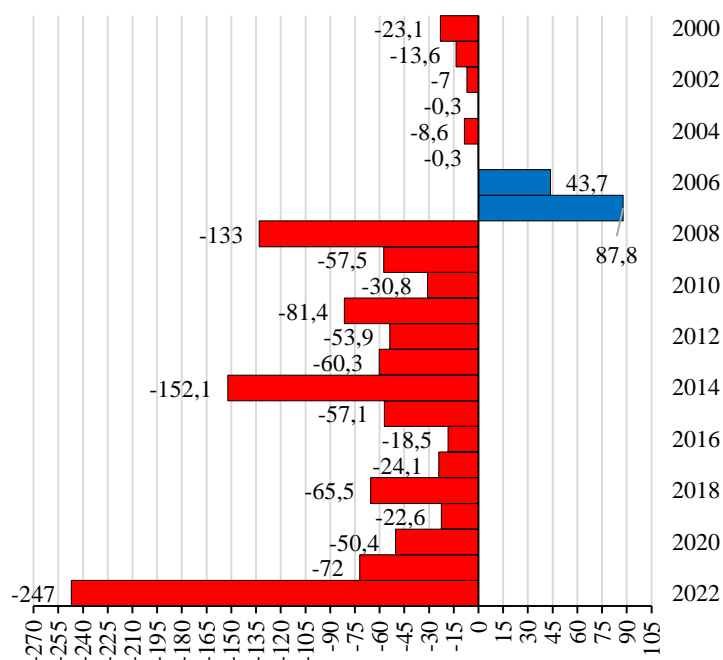

Рис. 1.26. Динамика чистого оттока капитала из России, млрд. долларов США [46]

В своих более ранних исследованиях автор отмечал, что «конкурентные преимущества получают те государства, экономика которых, в максимальной степени использует инновационные технологии» [432, с. 22]. Иными словами, признаком и условием безопасного развития национальной экономики в современных условиях должно стать инновационное воспроизводство [431, с. 86]. Здесь важно отметить то, что Россия, к большому сожалению, не является лидером в экспорте большинства промышленных металлов и в первую очередь, меди. Этот металл, некоторыми западными экспертами, рассматривается как показатель современной инновационной экономики [12, с. 35]. Медь является одним из основных сырьевых ресурсов для реализации инноваций в сфере так называемого «энергетического перехода». По сути, отсутствие современных технологий добычи меди и скептическое отношение к развитию возобновляемых источников энергии являются негативными факторами, не позволяющими России в ближайшие годы занять ведущее место на глобальных рынках меди.

Эксперты утверждают, что основными факторами роста спроса на медь станет инновационная трансформация экономик развитых стран, а также существенный рост экономик КНР, Индии и Бразилии, поскольку медь используется в строительстве зданий, производстве бытовой техники, создании инновационных средств связи, и, самое главное, в создании систем обработки и хранения данных.

Россия не занимает сколь либо значимой позиции на мировом рынке добычи этого цветного металла, а экспорт меди не составлял сколь-либо значимой доли в сырьевом экспорте.

Основной объём добычи меди – 38% приходится на две страны Перу и Чили, при этом Чили обладает наибольшими в мире резервами по добыче – 23% мировых запасов меди. По данным Геологической службы США (USGS), российские запасы меди оцениваются в размере 7% от общемировых запасов [7]. Объём экспорта меди ставит Россию на 8 место с долей на рынке менее 4% (см. рис. 1.6). Здесь важно понимать, что добыча меди требует достаточно серьёзных капитальных вложений и использования специальных технологий. Учитывая санкции, введённые в отношении России и то, что её покинули все поставщики оборудования для горнодобывающей промышленности, можно с большой долей вероятности ожидать формирования угроз экономической безопасности, в первую очередь, со стороны обеспечения научно-технологической и инновационной безопасности и конкурентоспособности.

Таким образом, вследствие того, что основная доля (40%) экспортной выручки России приходится на сырьевой сектор, а сам этот сектор, в настоящее время, достаточно серьёзно зависит от внешних геополитических факторов, можно говорить о формировании критических угроз не только экономической, но и национальной безопасности России.

1.5. Анализ и оценка современного состояния инновационной деятельности в аспекте экономической безопасности России

Инновационное направление развития России в условиях современной геополитической ситуации имеет особую значимость и неоценимый вклад для достижения поставленных целей роста и устойчивости национальной экономики. Начиная с 2014 г. устойчивость экономики России к влиянию внешних факторов всё больше зависит от уровня и возможностей её конкурентоспособности, в том числе за счёт использования инноваций и состояния инновационной деятельности [158, 504]. Инновационная деятельность сама по себе способствует повышению конкурентоспособности и укреплению инновационной составляющей в системе национальной безопасности [398, 241].

Сущность инновационного вектора экономики России состоит в активизации применения инноваций хозяйствующими субъектами в современных условиях. Исследователи отмечают, инновационное развитие проявляется не только в возможности и способности увеличения инновационного потенциала, но и в способности реализовывать инновационные товары и услуги [504; 108; 229; 506]. По мнению автора, среди проблем инновационной деятельности в настоящее время следует отметить её неравномерность в экономическом пространстве России, которая усиливает дифференциацию регионального развития [185]. Имеющиеся проблемы инновационной деятельности следует рассматривать как определённую угрозу экономическому росту и, следовательно, состоянию экономической безопасности националь-

ной экономики [398]. Взаимосвязи инновационной деятельности и экономического роста являются системными и в данном аспекте учёные отмечают недостаточность «системных исследований ... обеспечения национальной безопасности в условиях инновационного развития» [398, с. 144; 506].

Трактовка понятия инновационной безопасности в научных исследованиях определяется в рамках защищённости национальной экономики в сфере конкурентоспособности выпускаемой продукции на основе результатов внедрения научно-исследовательской, опытно-конструкторской деятельности, способной обеспечивать устойчивость экономического развития и противостоять негативным внешним факторам [398, с. 145; 358].

Выделим некоторые важные аспекты в определении сущности, значения и оценки национальной экономической безопасности в сфере инновационного развития нашей страны.

Один из аспектов во многом определяется социально-экономическими условиями формирования, накопления и реализации инновационного потенциала в национальной экономике на основе учёта имеющихся в каждом субъекте РФ таких возможностей. Состояние и развитие инновационной деятельности следует оценивать в рамках национальной инновационной системы (далее – НИС) как совокупности региональных инновационных систем (далее – РИС). Инновационное развитие региона учёные правомерно определяют в качестве процесса, влияющего на «формирование РИС, способной к увеличению инновационного потенциала региона и его реализации путём создания инновационных товаров и услуг» [229], где общим итогом является вклад каждого региона в развитие НИС, что позволяет получить «наиболее полный синергетический эффект от инноваций» [164, с. 187].

В настоящее время России необходим переход к новому технологическому укладу (укладам), для чего требуется активное использование продуктивного вида экономической деятельности, направленного с получением новых продуктов, знаний на основе их коммерческой реализации, а также на основе применения новых методов производственной организации и управления, где обязательной характеристикой является экономический, социальный или другой эффект [164].

Ещё один аспект выражается в следующем тезисе: в совокупности экономическое развитие, экономический потенциал, инфраструктурные и институциональные условия составляют основу формирования, развития, накопления и реализации инновационной деятельности [158, 229, 131] в рамках формирования НИС. То есть на государственном уровне Правительством РФ определены ключевые национальные задачи, среди которых переход российской экономики на инновационный тип экономического роста [359, 465], что требует развития инновационной деятельности, для которой необходимы «материальные, технологические, кадровые и другие» виды ресурсов [108, с. 11].

Выше сказанное позволяет выделить актуальность данного исследования в определении социального и экономического аспекта инновационной

деятельности [398], исследование показателей её состояния в качестве важной основы для экономического роста России и укрепления её национальной безопасности в условиях продолжающегося процесса глобализации и сложившейся геополитической ситуации.

Объектом исследования является инновационная деятельность в условиях современной экономики России. Цель исследования заключается в выявлении состояния и проблем инновационной деятельности, влияющих на состояние экономической безопасности России.

В рамках исследования показателей инновационной деятельности проведён *обзор научных работ* по вопросам понятия и сущности инновационной деятельности и инноваций. Здесь учёные выделяют тесную связь данных понятий, где собственно они и их характеристики определяют инновационную инфраструктуру экономики России и её состояние. Инновации необходимы для всех видов деятельности и хозяйствующих субъектов, и можно видеть выделенными отдельным классом в ОКВЭД, организации, занимающиеся научными фундаментальными и прикладными исследованиями, разработками, профессиональной научной деятельностью, которая для них является специализацией. По методике Росстата инновационная деятельность – это «вся исследовательская (исследования и разработки), финансовая и коммерческая деятельность, которая в течение периода наблюдения направлена или приводит к созданию новых или усовершенствованных продуктов (товаров, услуг), значительно отличающихся от продуктов, производившихся организацией ранее, предназначенных для внедрения на рынке, новых или усовершенствованных бизнес-процессов организации, предназначенных для использования в практической деятельности» [384, с. 527]. Это выделяет актуальность исследования показателей инновационной деятельности в экономике России для оценки условий её организации.

Следует отметить, что, как и всё новое, определение сущности и трактовки понятия инноваций до сих пор не являются однозначными. По мнению одних исследователей инновации представляют «процесс создания и увеличения стоимости бизнеса в сфере высоких технологий за счёт новой добавленной стоимости и реинвестирования прибыли при использовании новшеств» [504, с. 4448; 490]. Другие определяют инновации как новое явление для имеющих к нему отношение людей, осознающих его, предназначенного для непосредственного его использования [164].

В сфере регулирования инновационной деятельности, начиная с 1994 г., в России разработан и реализуется целый комплекс нормативно-правовых документов на федеральном и региональном уровнях [108, с. 14]. Понятие инноваций определяют российские законодательные документы, стратегии, программы, где приоритетным направлением национальной экономики выделено инновационное и научно-технологическое развитие, имеющее чёткую привязку к инновациям и инновационной деятельности [359, 465, 482].

Понятие «инновационная инфраструктура» учёные понимают как «сово-

купность взаимосвязанных, взаимодополняющих производственно-технических систем, организаций, фирм и соответствующих организационно-управляющих систем, необходимых и достаточных для эффективного осуществления инновационной деятельности и реализации инноваций» [108, с. 10], а создание и развитие данной инфраструктуры, как «основного механизма принципиально новой деятельности существующей системы» определяют в качестве драйвера развития региона [185, с. 88]. На формирование устойчивой, качественной инновационной инфраструктуры значительное влияние имеет законодательная база и состояние институциональной среды. Её неоднородность «связана с разной силой воздействия федеральных регуляторов на субфедеральные образования ..., значительной дифференциацией нормативно-правовых актов в субъектах РФ» [108, с. 9].

Основной метод исследования в данной работе – статистический анализ показателей официальной статистики, в том числе применён анализ и обобщение результатов научных исследований различных авторов в сфере развития инновационной деятельности для выявления в ней экономического содержания процессов и явлений.

В качестве основных исходных данных для анализа выбраны статистические показатели Росстата за период с 2018 по 2022 гг., что позволит оценить современное состояние инновационной деятельности, в том числе дифференциацию её территориальной структуры, и определить её воздействие на экономическую безопасность России.

В данной работе проанализированы структурные показатели инновационной деятельности национальной экономики как одного из видов экономической деятельности, утверждённых Росстандартом. Объект исследования представлен широким диапазоном применения в национальной экономике, что подтверждается разделом М классификатора (ОКВЭД), где включено семь кодов (с 69 по 75) исследуемого вида деятельности [495].

Показатели официальной статистики с 2018 по 2022 годы для исследования сгруппированы в пять следующих блоков:

- показатели финансирования и затрат на инновационную деятельность;
- основные показатели инновационной деятельности;
- число организаций в сфере инновационной деятельности, их структура и уровень инновационной активности;
- число занятых и их структура в сфере инновационной деятельности;
- территориальная структура инновационной деятельности по федеральным округам РФ.

Начнём с анализа динамики показателей объёмов финансирования инновационной деятельности в сфере исследований и разработок, а также затрат на её осуществление. В России за последние десятилетия сформировалась достаточно устойчивая система финансирования инновационной сферы, которая постепенно начинает трансформироваться после введения антироссийских санкций.

Проанализируем по табл. 1.11 показатели внутренних затрат с 2018 по

2022 гг. на исследования и разработки собственными силами организаций, включая текущие и капитальные затраты по годам независимо от источников финансирования.

Таблица 1.11

Внутренние затраты на исследования и разработки в объеме ВВП РФ*

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022
<i>ВВП (млрд. руб.)</i>	103 861,7	109 608,3	107 658,1	135 295,0	153 435,2
Затраты (млн. руб.)	1028247,6	1134786,7	1174534,3	1301490,9	1435914,3
Доля к ВВП, (%)	1,00	1,04	1,10	1,00	0,94

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Данные табл. 1.11 по объемам затрат в исследуемом периоде показывают рост на 13,9%, но отметим, что их доля в ВВП снижается к 2022 г.

Следует выделить 2020 г., где затраты имеют наибольшую долю в ВВП, чем можно было ожидать в условиях пандемии COVID-19. Как отмечают исследователи, максимальные темпы прироста были характерны для высоко- и средне- технологичных отраслей промышленного производства инновационных товаров высокого и низкого уровня, продукция которых связана с противодействием пандемии (производство медицинских товаров, химической продукции, лекарств и др.) [214].

Исследования определяют, что по объемам затрат на исследования и разработки Россия отстает от многих развитых стран, в том числе Китая, где затраты достигают 2,4% от объема ВВП к 2020 г. [343, с. 83].

Санкции вызвали болезненные изменения в экономике России, особенно с 2022 г., которые Центральный Банк называет эвфемизмом «структурной трансформации экономики» [123]. Но, несмотря на весь спектр проблем, с которыми российская экономика столкнулась с 2022 г., падение ВВП оказалось не настолько обвальным, как ожидали эксперты в первой половине этого года, благодаря высоким ценам на энергоресурсы, государственным мерам поддержки, а также многолетнему опыту работы в режиме введенных санкций. Можно отметить положительным то, что динамика снижения объема затрат не является значительной (см. табл. 1.11). Показатели структуры внутренних затрат на инновации приведены в табл. 1.12.

Таблица 1.12

Внутренние затраты на исследования и разработки по источникам финансирования, млрд. руб.*

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Всего</i>	<i>1 028,2</i>	<i>1 134,8</i>	<i>1 174,5</i>	<i>1 301,5</i>	<i>1 435,9</i>
<i>в т. ч. по источникам финансирования</i>					
средства государственный бюджет	660,9	730,8	768,8	840,4	923,7
средства научных организаций	154,9	193,4	205,5	242,9	253,1
средства фондов поддержки	9,0	11,7	14,4	13,0	16,6

Окончание табл. 1.12

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022
средства предпринимательского сектора	176,5	169,1	161,9	176,5	207,6
средства образовательных организаций ВО	1,5	1,5	1,5	2,0	2,7
средства частных НКО	1,3	1,1	1,7	1,7	1,8
средства иностранных источников; в т.ч.:	24,2	27,2	20,7	25,1	30,3
– международных организаций	1,5	1,8	1,6	3,2	11,6
– государственных организаций зарубежных стран	7,3	7,8	6,3	9,6	9,7
– организаций предпринимательского сектора зарубежных стран	14,7	13,5	11,1	9,5	6,7
– прочих зарубежных организаций (образования, фондов, некоммерческих организаций)	0,7	4,1	1,6	2,9	2,4

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Наибольшая доля в структуре источников финансирования (см. табл. 1.12) на исследования и разработки принадлежит бюджетным средствам (в 2022 г. 64 %). Значительны доли собственных средств научных организаций (в 2022 г. 17,6 %) и предпринимательского сектора (в 2022 г. 14,5 %) в сравнение с долями других источников, кроме бюджетных средств. В совокупности объёмы средств всех других источников финансирования в сравнение с бюджетными намного ниже, при этом доля иностранных источников является относительно низкой – менее 2% от общих затрат – что характеризует уровень «интернационализации инновационной системы России» как слабый [343, с. 82]. Значительную долю государственных средств на финансирование сферы исследований специалисты определяют, как сложившуюся особенность системы финансирования России [343, с. 79].

В структуре организаций сферы исследований (рис. 1.27) преобладает доля организаций, финансируемых государством (1 511 в 2018 г. и 1 522 в 2022 г.), немногим меньше число организаций предпринимательского сектора (1 304 в 2018 г. и 1 522 в 2022 г.). Наименьшее число организаций в некоммерческом секторе (137 в 2018 г. и 191 в 2022 г.).

Сектор числа образовательных организаций (высшего образования), выполняющих исследования и разработки имеет динамику роста с 998 в 2018 г. до 1 088 к 2022 г. Наибольший прирост числа данных организаций за исследуемый период наблюдается в секторах предпринимательском и высшего образования (увеличение на 90 организаций по каждому из них). Кроме того, следует выделить динамику увеличения как общего числа организаций, так и по отдельным секторам сферы исследований и разработок.

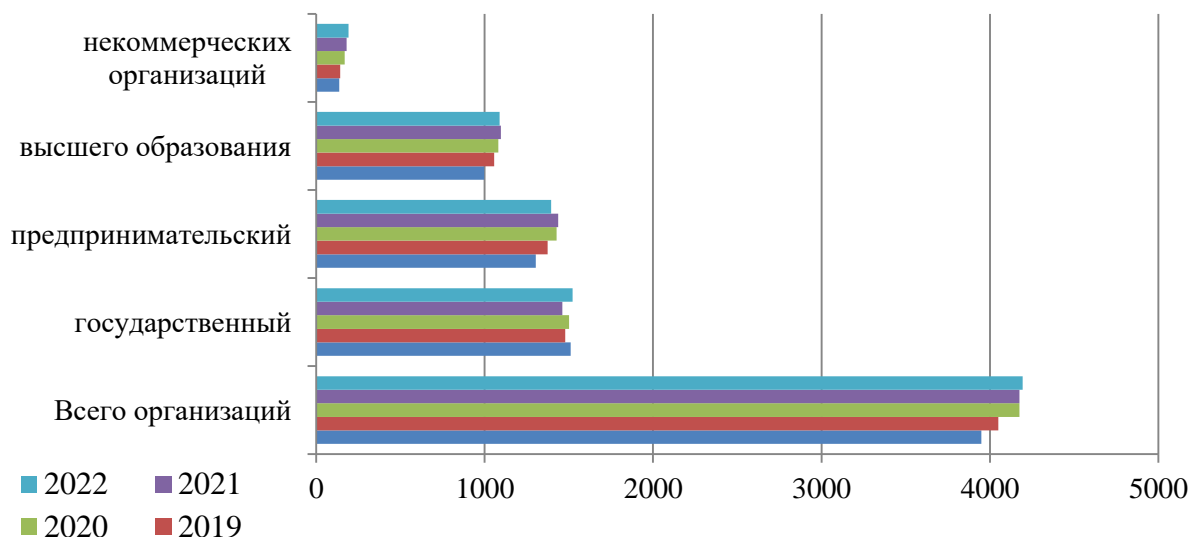

Рис. 1.27. Число организаций в сфере исследований и разработок по секторам, ед.

Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Масштабы финансирования науки следует рассматривать как один из важных факторов для её развития. Наибольшая доля затрат с 2018 по 2022 гг. приходится на разработки (рис. 1.28), где по данным Росстата [384; 381] в 2022 г. от общего объёма доля затрат на разработки составила 62,5 %, на прикладные – 19,7% и на фундаментальные исследования – 17,9 % (рис. 1.28).

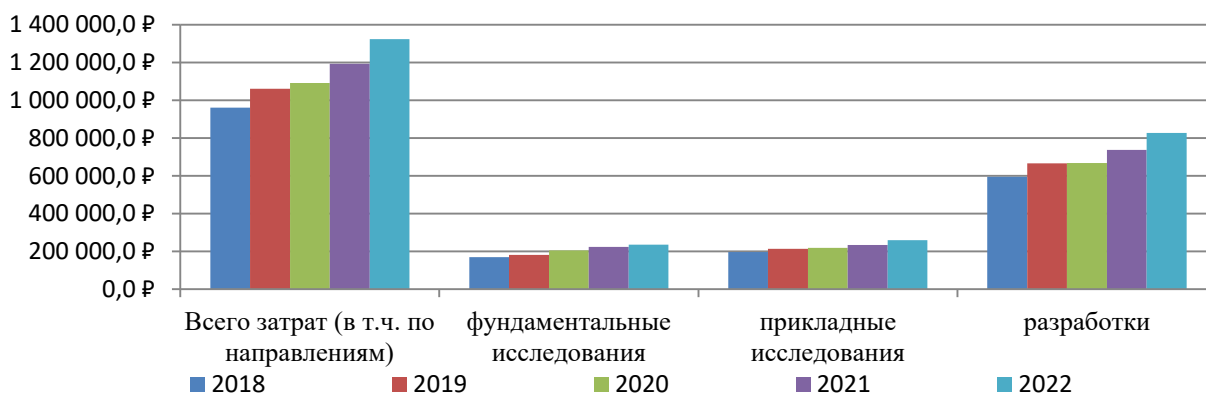

Рис. 1.28. Динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки в РФ, млн. руб.

Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

В 2022 г. по показателям объёма затрат на сферу исследований и разработок в Россия вышла на 9 место в мире [203].

Далее проведём анализ показателей инновационной деятельности организаций в РФ (рис. 1.29 и 1.30) по её основным обобщённым показателям.

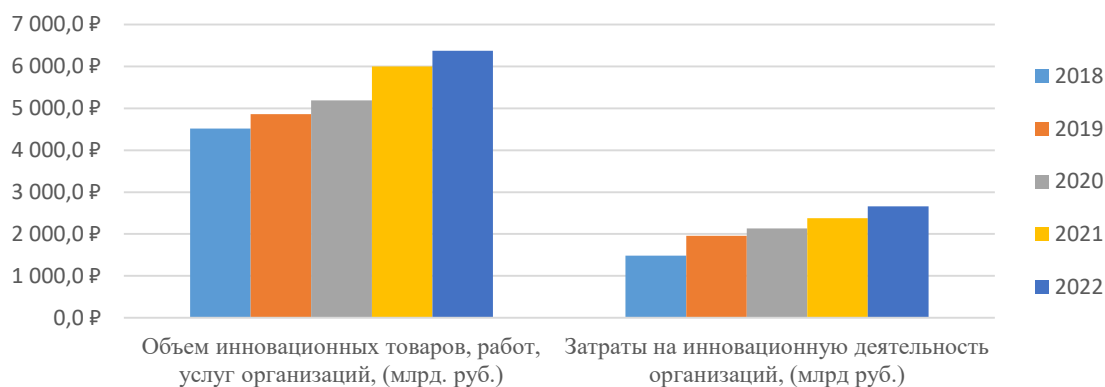

Рис. 1.29. Динамика объёма инновационных товаров и затрат организаций
Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Динамика объёма инновационных товаров и затрат на рис. 1.29 характеризуется их ростом к 2022 г. При этом, объём инновационных товаров/услуг вырос на 1 806,9 млрд. рублей (прирост 29 %), но их удельный вес снизился на 1,4 % (рис. 1.30). По затратам на инновационную деятельность к 2022 г. имеется их абсолютное увеличение (+1 177,7 млрд. руб.), где прирост составил 44% к 2022 г.

Динамика показателей на рис. 1.30 имеет разный характер. Так, удельный вес организаций, внедрявших технологические инновации вырос с 19,8% в 2018 г. на 3 % к 2022 г. (составил 22,8%), при этом уровень их активности снизился на 1,8 % (с 12,8 до 11,0 %).

По динамике удельного веса затрат организаций можно отметить их относительную стабильность (в пределах 2,0–2,3%) с наибольшим значением (2,3%) в 2020 г. При этом значения в 2018 и 2022 г. равны (2,1 %).

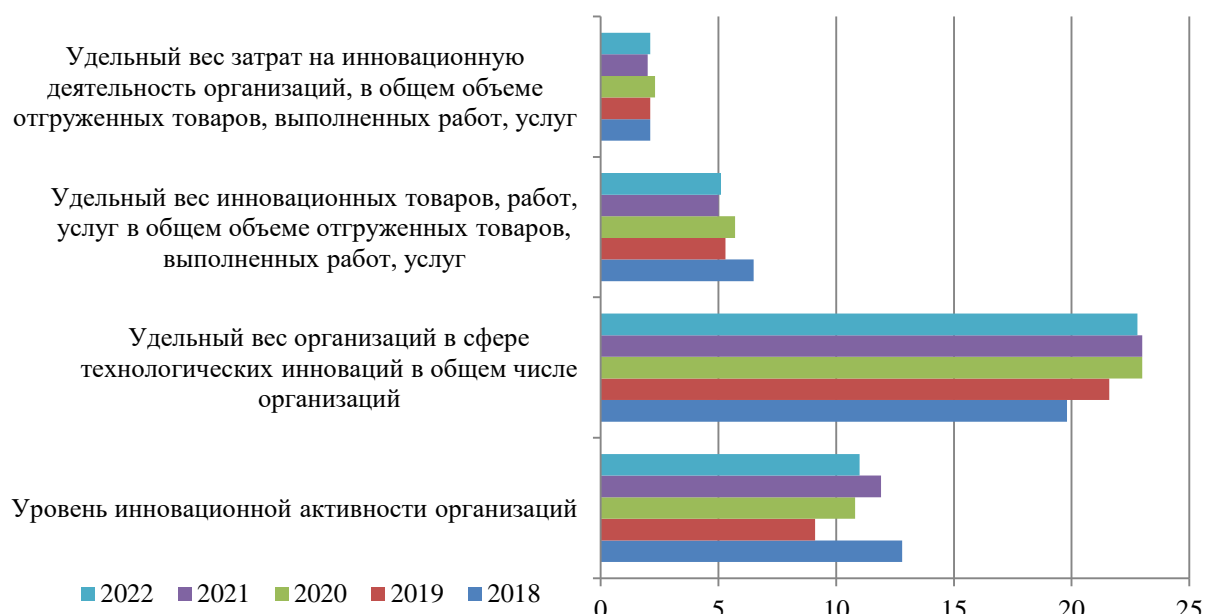

Рис. 1.30. Динамика удельных весов основных показателей инновационной деятельности организаций в РФ, %
Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Проанализируем структурные показатели динамики затрат организаций на инновационную деятельность в их общем объеме (рис. 1.31).

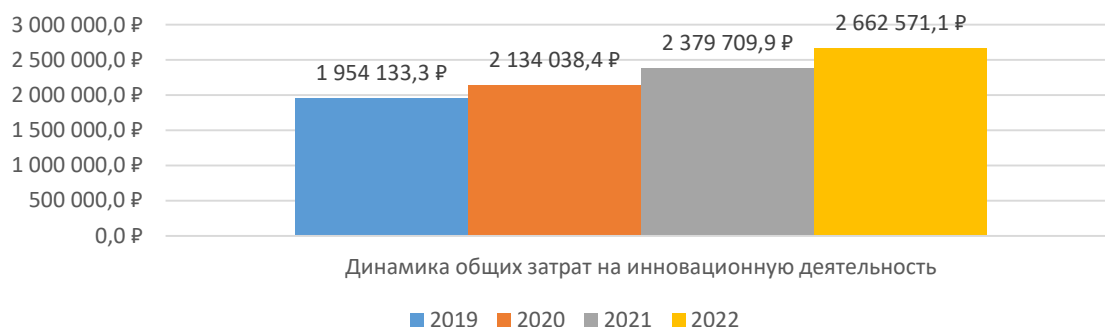

Рис. 1.31. Общий объем затрат организаций на инновационную деятельность, млн. руб.

Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Общие затраты на инновационную деятельность организаций по всем видам экономической деятельности к 2022 г. увеличились на 708 437,8 млн. рублей (на 36 %). На рис. 1.32 представлена динамика и удельный вес показателей затрат на инновационную деятельность в структуре видов экономической деятельности организаций.

Наибольшей долей затрат отличается сфера обрабатывающих производств, но это обосновано масштабом вида экономической деятельности (включает множество классов в ОКВЭД).

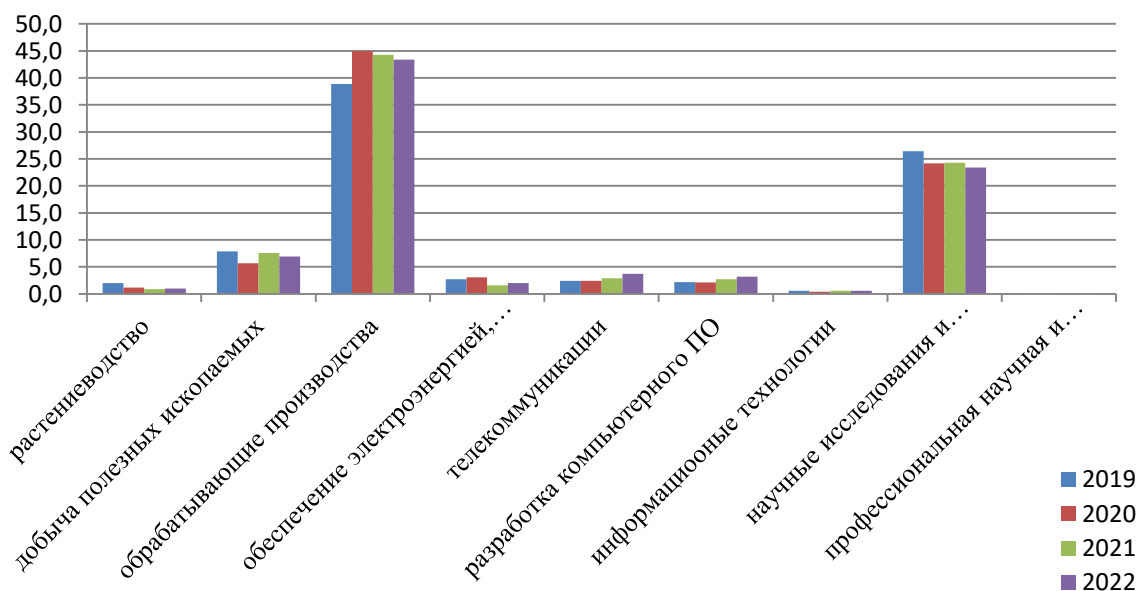

Рис. 1.32. Доля затрат организаций на инновационную деятельность в общем объеме затрат по видам экономической деятельности

Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Вторые по доле затрат – организации в сфере научных исследований и разработок, но к 2022 г. их удельный вес снижается (см. рис. 1.31).

На рис. 1.33 представлены показатели темпов прироста затрат организаций на инновационную деятельность (2022 г. к 2019 г. в %).

Рис. 1.33. Темпы прироста объемов затрат организаций на инновационную деятельность (отношение 2022/2019 в %)

Источник: составлено автором по данным Росстата [384, 383, 382, 381].

Обобщив данные рис. 1.31, 1.32 и 1.33, можно определить следующее:

- все исследуемые показатели имеют прирост с 2019 по 2022 годы;
- наибольший прирост характерен для сферы телекоммуникаций, разработки программного обеспечения компьютеров, профессиональной и научной сферы деятельности, обрабатывающих производств;
- наименьший прирост затрат в сферах обеспечения электроэнергией...; в сфере телекоммуникаций;
- организации в сфере растениеводства отличаются снижением затрат к 2022 г.

Данные табл. 1.13 показывают, что удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров относительно стабилен в исследуемом периоде. Выявим динамику структуры удельного веса затрат в общем объеме товаров по видам экономической деятельности.

Таблица 1.13

Удельный вес затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, работ и услуг по видам экономической деятельности, (%)*

Показатели затрат	2018	2019	2020	2021	2022
Всего; в том числе:	2,1	2,1	2,3	2,0	2,1
Деятельность сельскохозяйственная (растениеводство, животноводство, смешанное с/х, вспомогательная)	19,4	4,5	19,8	22,6	19,0

Окончание табл. 1.13

Показатели затрат	2018	2019	2020	2021	2022
Добыча полезных ископаемых	0,9	0,9	0,8	0,8	0,7
Обрабатывающие производства	1,7	1,9	2,4	2,0	2,1
Обеспечение электроэнергией, газом и паром; кондиционирование воздуха ...	0,4	0,9	1,2	0,7	0,8
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	6,6	2,0	2,1	2,9	3,2
Строительство	0,2	0,1	0,3	0,2	0,2
Транспортировка и хранение	–	2,6	2,0	1,5	1,5
Деятельность издательская	0,1	0,2	0,3	0,2	0,3
Деятельность в сфере телекоммуникаций	2,5	2,6	2,5	3,6	4,8
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные и др. сопутствующие услуги	3,2	4,7	3,7	3,8	5,1
Деятельность в области информационных технологий	1,0	3,1	1,7	1,7	1,9
Деятельность в области права и бухгалтерского учёта	0,6	0,5	0,5	0,5	1,0
Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	0,4	2,6	3,5	3,4	4,4
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	1,6	1,7	1,8	2,6	4,0
Научные исследования и разработки	33,3	37,2	36,1	32,2	35,4
Деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка	0,5	0,9	0,1	0,2	0,2
Деятельность профессиональная научная и техническая прочая	0,1	2,3	3,1	7,9	4,5
Деятельность в области здравоохранения	–	0,9	1,6	0,9	1,2

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Структура удельного веса затрат на инновационную деятельность показывает наибольшее значение по доле научных исследований и разработок (рост к 2022 г. на 2,1 %) и сельскохозяйственной деятельности (с относительно небольшим снижением доли на 0,4 %).

В сравнение с этими видами экономической деятельности все остальные имеют меньший удельный вес (см. табл. 1.13), но при этом можно отметить динамику прироста по некоторым видам деятельности (например, профессиональной научной и пр. технической; головных офисов и консультирования по вопросам управления; издательской, архитектурной и инженерно-технического проектирования и др.).

Доля затрат по некоторым видам деятельности (см. табл. 1.13) имеет динамику снижения к 2022 г., (добыча полезных ископаемых; водоснабжение и водоотведение; транспортировка и хранение; деятельность рекламная), что может свидетельствовать о том, что в условиях санкций и специальной

военной операции государство вынуждено перераспределять финансирование в пользу наиболее приоритетных сфер национальной экономики [343].

С 2022 г. западными странами и США было введено беспрецедентное число санкций, где в этих условиях государством предприняты меры поддержки значительной части национальной экономики, а приоритетными направлениями стали сельское хозяйство, электроэнергетика, деятельность в сфере телекоммуникаций [343].

По данным табл. 1.14 уровень инновационной активности в целом характеризуется снижающейся динамикой, в том числе выделяются различия динамики по структурным показателям.

Таблица 1.14

Уровень инновационной активности организаций, (%)*

Структура организации по видам экономической деятельности	2018	2019	2020	2021	2022	2022/2018
Всего; в том числе:	12,8	9,1	10,8	11,9	11,0	– 14%
Деятельность сельскохозяйственная (растениеводство, животноводство, смешанное с/х, вспомогательная)	28,0	23,3	35,1	48,6	42,0	150 %
Добыча полезных ископаемых	7,9	6,8	6,8	7,8	7,1	– 10,1 %
Обрабатывающие производства	23,2	20,5	21,3	23,1	20,7	– 10,8 %
Обеспечение электроэнергией, газом и паром	6,9	8,1	9,9	9,0	8,1	117,4 %
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3,4	4,6	5,8	5,6	5,0	147 %
Строительство	18,6	3,6	3,9	4,5	3,9	– 47,7 %
Транспортировка и хранение	–	2,8	4,0	3,9	3,7	132 %
Деятельность издательская	2,1	2,5	3,8	5,1	4,7	223,8 %
Деятельность в сфере телекоммуникаций	12,4	12,6	13,1	12,7	13,4	108 %
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные и др. сопутствующие услуги	10,1	11,1	13,2	15,1	14,1	139,6 %
Деятельность в области информационных технологий	5,0	5,5	10,2	8,0	6,8	136 %
Деятельность в области права и бухгалтерского учёта	2,8	1,9	4,2	3,7	4,0	142,9 %
Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	4,0	3,6	5,2	4,4	3,7	– 7 %
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	12,4	9,7	10,7	10,9	9,3	– 25 %
Научные исследования и разработки	61,4	51,3	51,1	47,5	43,6	– 29 %
Деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка	3,7	3,0	2,6	3,3	2,3	– 37,8 %
Деятельность профессиональная научная и техническая прочая	2,3	4,3	8,8	9,3	7,3	317,4 %
Деятельность в области здравоохранения	–	5,3	8,6	11,0	10,9	205,7 %

Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

За наблюдаемый период общий уровень инновационной активности организаций к 2022 г. снижается (на 14%), при этом организации можно сгруппировать так – имеющие прирост и имеющие снижение (см. табл. 1.14).

Темпы динамики показателей по группам имеют следующие отличия.

Девять из 18 видов деятельности по табл. 1.14 имеют значимый прирост (в 1,5–2 раза); также высокий темп прироста у организаций в сфере права и бухучёта; разработки компьютерного программного обеспечения; информационных технологий; транспортировке и хранении.

Динамика снижения уровня инновационной активности характерна для семи видов экономической деятельности в табл. 1.14, где наибольшее снижение в сфере строительства; рекламной деятельности; научных исследований и разработок; архитектуры и инженерно-технического проектирования (от 25 до 48%). По остальным организациям в табл. 1.14 снижение составило в пределах 7–10 %.

Динамика снижения характерна в большей мере для организаций, зависящих от импорта зарубежных технологий, инноваций и разработок. В табл. 1.15 приведены импортозависимые организации.

Таблица 1.15

Использование зарубежных технологий организациями, зависящими от импорта технологий в 2021 г.*

	Экспорт			Импорт		
	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, (млн. долл.)	Поступление средств за год, (млн. долл.)	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения (млн. долл.)	Выплаты средств за год (млн. долл.)
Всего; <i>в т.ч.:</i>	6 783	40 848,7	4 662,7	6 701	19 846,2	5 044,3
Добыча полезных ископаемых	7	2,1	1,5	197	1 820,5	196,2
Обрабатывающие производства	715	1 207,1	588,5	2 965	10 357,6	2 571,4
Строительство	38	18,2	6,1	37	98,2	56,3
Торговля опт. и розн.; ремонт АТС и мотоциклов	273	315,5	250,1	870	5 377,8	1 017,2
Деят-ть в области информации и связи	3 468	5 362,4	2 009,9	889	614,7	451,4

Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

По данным табл. 1.15 видим, что сальдо экспорта числа соглашений имеет небольшое значение, в том числе и между объёмами поступлений от экспорта технологий и выплатами за импорт технологий. Значительной является разница по стоимости предмета соглашений импортируемых и экспортируемых технологий.

Структурные показатели в табл. 1.15 выявляют по некоторым видам деятельности (например, обрабатывающие производства, торговля и ремонт транспортных средств и др.) высокие показатели использования импортных технологий.

Проанализируем объём инновационных товаров организаций (табл. 1.16).

Динамика показателей обнаруживает рост объёма инновационных товаров к 2022 г., но при этом отметим снижение их удельного веса. Анализ динамики структурных показателей инновационной продукции организаций по видам экономической деятельности позволяет определить разные тенденции, где можно выделить три следующие группы организаций:

а) показатели имеют тенденцию роста с 2019 по 2022 годы, куда отнесены организации сельскохозяйственные, по добыче полезных ископаемых, обрабатывающей сферы, строительства, транспортировки и хранения; научных исследований и разработок, здравоохранения. При этом наблюдается рост их показателей в денежном выражении, но долевые значения снижаются. В группе выделяются здравоохранение и сфера научных исследований и разработок, где их долевые показатели можно назвать относительно стабильными. К этой группе также отнесены и организации сферы обеспечения электроэнергией, газом, паром и в сфере водоснабжения, водоотведения, сбора и утилизации отходов, показатели которых к 2022 г. имеют значительный прирост по стоимости инновационных товаров, где значения по их удельному весу не снизились. Такую динамику изменения показателей можно связать с важностью и значимостью этих видов экономической деятельности для национальной экономики и экономической безопасности;

б) показатели имеют значительный рост в 2021 и/или 2022 годах по их стоимости и по удельному весу, куда отнесены организации в сфере телекоммуникаций (в 2 раза и на 4,1 %), разработки компьютерного программного обеспечения, консультационных и др. сопутствующих услуг (примерно 1,5 раза, но снизилась на 2,1%), в области информационных технологий (в 4 раза и на 2,4 %), архитектуры и инженерно-технического проектирования (в 5 раз и на 1,5 %), деятельности профессиональной научной и технической прочей (2,8 раза и на 5,3 %);

в) показатели имеют тенденцию снижения за период с 2019 по 2022 гг., куда отнесены организации сферы права и бухучёта, консультирования по вопросам управления; рекламы. Их динамику можно объяснить приоритетностью целевых показателей в сложных геополитических условиях (например, как пандемия COVID-19, проведение специальной военной операции в Украине, мощное санкционное давление со стороны недружественных стран и т.п.) в условиях ограниченности бюджета государства.

Таблица 1.16

Объём инновационных товаров, работ и услуг организаций*

Показатели затрат по видам экономической деятельности	2019		2020		2021		2022	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Всего; в том числе:	4 863,4	5,3	5 189,0	5,7	6 003,3	5,0	6 377,2	5,1
Деятельность сельскохозяйственная	49,5	16,3	57,8	11,8	66,3*	10,3	124,5*	15,9
Добыча полезных ископаемых	663,3	3,8	485,8	3,1	874,3	3,6	870,0	3,2

Окончание табл. 1.16

Показатели затрат по видам экономической деятельности	2019		2020		2021		2022	
	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%	млрд. руб.	%
Обрабатывающие производства	2 986,6	7,7	3 429,9	8,5	3 659,8	7,1	3 802,5	7,0
Обеспечение электроэнергией, газом и паром; кондиционирование воздуха ...	202,9	3,4	60,7	1,1	28,3	0,5	230,9	3,4
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	18,6	2,3	23,0	2,3	19,9	1,7	31,0	2,4
Строительство	30,0	0,4	30,1	0,6	40,4	0,6	44,0	0,6
Транспортировка и хранение	47,5	0,5	125,6	1,2	82,2	0,7	124,7	1,0
Деятельность издательская	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,1	**	0,5
Деятельность в сфере телекоммуникаций	84,1	4,6	96,1	4,8	210,7	11,0	174,4	8,7
Разработка компьютерного ПО, консультационные и др. сопутствующие услуги	107,0	11,5	115,2	9,2	118,8	7,0	158,5	9,4
Деятельность в области информационных технологий	9,2	2,5	11,1	2,4	41,1	4,8	38,5	4,9
Деятельность в области права и бухгалтерского учёта	4,1	1,1	5,5	0,8	1,4	0,8	3,2	1,1
Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	24,0	3,2	4,7	0,7	4,6	0,4	3,8	0,3
Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа	8,0	0,7	18,3	1,3	18,4	1,2	40,3	2,2
Научные исследования и разработки	525,3	37,8	620,1	43,4	698,0	38,9	686,8	39,1
Деятельность рекламная и исследование конъюнктуры рынка	68,9	14,9	77,9	12,3	121,8	4,8	22,1	2,5
Деятельность профессиональная научная и техническая прочая	0,5	1,9	0,8	2,9	0,8	4,9	1,4	7,2
Деятельность в области здравоохранения	13,7	0,7	25,2	1,2	15,3	0,6	19,6	0,7

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Таким образом, объём инновационных товаров имеет прирост в денежном эквиваленте, но их доля в общем объёме товаров, работ и услуг имеет некоторое снижение (см. табл. 1.16). Но есть и организации, где показатели обнаруживают и рост стоимости, и рост доли инновационных товаров в

структуре их общего объёма – это организации в сфере научных исследований и разработок, строительстве, транспортировке и хранении, обеспечении электроэнергией, газом, паром; кондиционирование воздуха и др.

Для оценки состояния экономической безопасности в аспекте инновационной деятельности необходим анализ показателей числа организаций сферы исследований, так как они составляют основу для формирования инновационного научного потенциала национальной экономики. Проанализируем динамику числа организаций сферы исследований и разработок (табл. 1.17) и осуществляющих технологические инновации (табл. 1.18).

Таблица 1.17

Число организаций сферы исследований и разработок*

Виды организаций	2018	2019	2020	2021	2022
Всего; в том числе:	3 950	4 051	4 175	4 175	4 195
Научно-исследовательские организации	1 574	1 618	1 633	1 627	1 584
Конструкторские организации	254	255	239	233	249
Проектные и проектно-исследовательские организации	20	11	12	13	13
Опытные заводы	49	44	35	33	30
Образовательные организации высшего образования	917	951	969	990	991
Промышленные организации где действуют подразделения научно-исследовательские и проектно-конструкторские	419	450	441	446	494
прочие	717	722	846	833	834

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

По данным в табл. 1.17 ситуация сложилась следующая: динамику снижения имеют конструкторские, проектные, проектно-исследовательские организации и опытные заводы, число остальных организаций имеют тенденцию увеличения. На фоне общего роста числа организаций в сфере исследований и разработок нежелательным для развития инновационной деятельности в России и безопасности её экономики является факт снижения числа организаций в сфере практического применения инноваций, внедрения в хозяйственную деятельность инновационной продукции.

На основе данных табл. 1.18 исследуем показатели удельного веса организаций, осуществляющих технологические инновации, по видам экономической деятельности в общем числе обследованных организаций.

По данным табл. 1.18 организации можно разделить на 2 группы.

К 1-ой отнесём организации, *доля которых растёт в целом за период* (с 2018 по 2022 гг.), но при этом в 2022 г. их удельный вес ниже, чем в 2021 г. и/или в 2020 г., а в сравнение с 2018 г. – выше: организации сельскохозяйственные; в сфере добычи полезных ископаемых; водоснабжении и водоотведении, сбора и утилизации отходов; обеспечении электроэнергией; в сфере телекоммуникаций; в области информационных технологий. Только

удельный вес организаций в сфере разработки компьютерного программного обеспечения растёт на протяжении всего периода.

Таблица 1.18

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации по видам экономической деятельности, (%)*

Показатели	2018	2019	2020	2021	2022
Всего;	19,8	21,6	23,0	23,0	22,8
<i>в том числе:</i>					
Деятельность сельскохозяйственная (растениеводство, животноводство, смешанное с/х, вспомогательная)	49,0	46,3	56,3	67,6	62,9
Добыча полезных ископаемых	9,0	9,7	9,5	10,3	10,0
Обрабатывающие производства	27,9	28,0	29,2	28,5	27,7
Обеспечение электроэнергией, газом и паром	7,7	9,3	10,9	9,3	8,6
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	3,7	5,6	6,5	6,1	5,5
Работы строительные специализированные прочие, не включённые в другие группировки	9,1	8,4	11,1	8,5	8,7
Деятельность в сфере телекоммуникаций	15,8	18,9	19,4	18,1	18,8
Разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные и др. сопутствующие услуги	15,5	20,8	23,0	23,2	24,6
Деятельность в области информационных технологий	9,4	12,3	12,1	13,8	13,5
Научные исследования и разработки	79,6	77,8	80,1	78,7	78,4

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Во 2-ой группе организаций, *доля которых снижается в целом за период* (для обрабатывающих производств, строительных специализированных работ, научных исследований и разработок), можно выделить такую особенность их динамики: до 2020 г. наблюдалась тенденция роста их удельного веса, а с 2021 г. – снижение.

Важным показателем состояния экономической безопасности является кадровая составляющая, оценка количественного и качественного состояния кадров (рабочей силы). На рис. 1.34 представлены структурные показатели числа занятых в сфере исследований и разработок по секторам деятельности.

Динамика численности персонала (рис. 1.34) в целом за период демонстрирует снижение, но в структуре только число техников стабильно увеличивается на протяжении всего периода исследования, по остальным структурным показателям происходит снижение числа персонала.

Рассмотрим также на рис. 1.35 структуру показателей числа исследователей в разрезе секторов деятельности и определим их динамику.

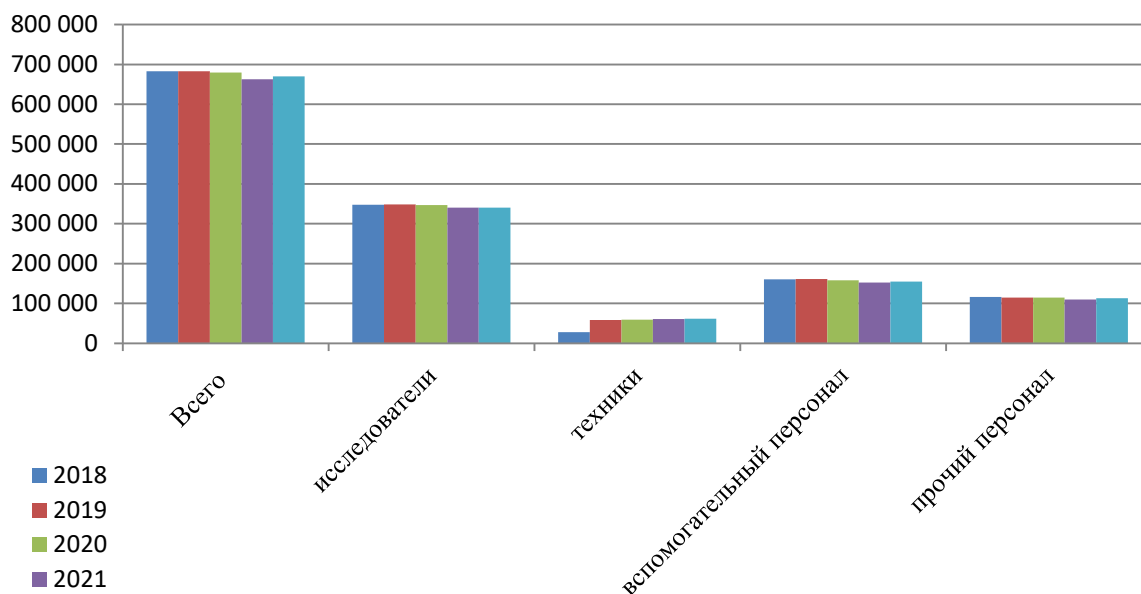

Рис. 1.34. Численность персонала в сфере исследований и разработок, чел.
Источник: составлено автором по данным Росстата [384, 383, 382, 381].

В целом динамика показателей на рис. 1.35 выявляет снижение числа персонала по всем секторам деятельности, что частично связано с состоянием демографических показателей. По данным рис. 1.35 видно, что среди секторов наименьшая численность персонала в некоммерческих организациях, при том, что с 2018 г. к 2022 г. число выросло больше, чем в 2 раза (на 1258 чел.) и это превышает значения в других секторах.

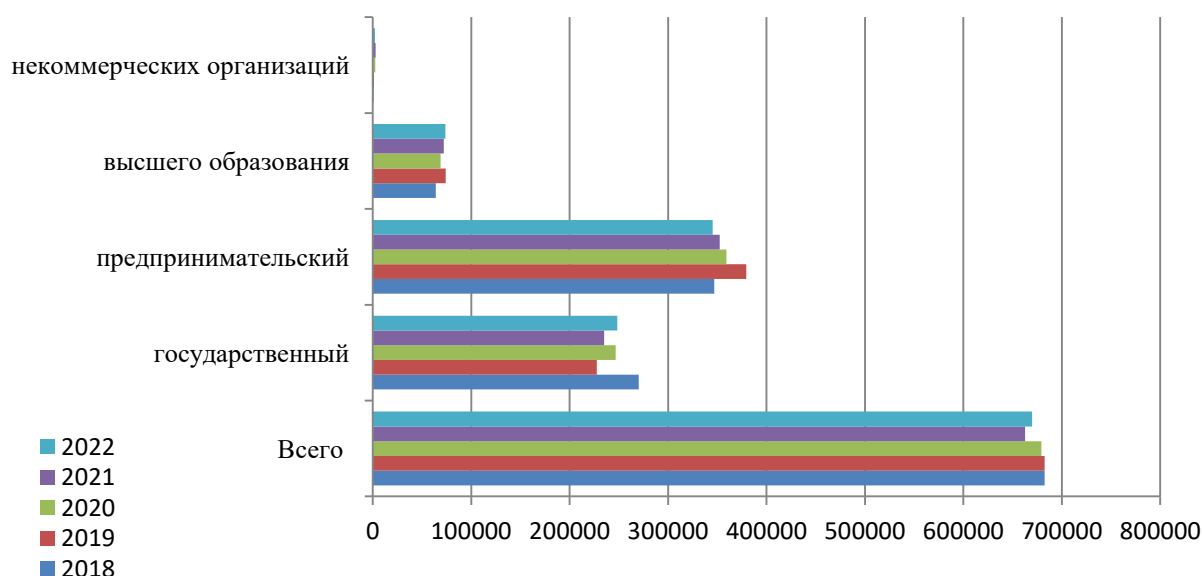

Рис. 1.35. Численность и структура персонала по секторам деятельности исследований и разработок, чел.

Источник: составлено автором по данным Росстата [384, 383, 382, 381].

Тенденцию роста имеют показатели численности персонала в сфере высшего образования (на 9641 чел., т.е. на 15%).

Наибольшее снижение числа занятых в государственном секторе, хотя в сравнение с 2019–2021 гг. число занятых в нём увеличилось. Предпринимательский сектор по числу занятых имеет следующую динамику: в 2019 г. наибольшее число занятых, при том, что в госсекторе, наоборот, самое низкое в этом же году значение, а к 2022 г. число занятых постепенно снижается. Такую тенденцию, кроме влияния демографических показателей, можно объяснить мобильностью трудовых ресурсов в условиях рынка, в результате перераспределения числа занятых между секторами с целью поиска более выгодных условий труда (зарплата, организационная составляющая и т.п.) [1] и некоторых других факторов современной экономики.

Поскольку развитие науки и научно-образовательной деятельности во многом зависит от состояния кадров [1], проанализируем возрастную структуру научных кадров по количеству исследователей, возрастным группам (табл. 1.19) и уровню их образования (табл. 1.20).

В табл. 1.19 статистические данные обнаруживают динамику снижения общего списочного состава работников организаций к 2022 г.

Таблица 1.19

Численность и структура возрастных групп исследователей, чел.*

Возрастные группы	2018	2019	2020	2021	2022
Всего; в том числе по группам:	347 854	348 221	346 497	340 142	340 666
1 группа в возрасте до 29	60 634	58 537	56 607	53 459	53 996
2 группа в возрасте 30–39	92 109	95 527	96 826	95 977	96 112
3 группа в возрасте 40–49	52 801	55 939	60 072	62 799	65 794
4 группа в возрасте 50–59	54 832	52 004	48 840	46 115	44 106
5 группа в возрасте 60–69	54 077	54 909	51 716	50 060	48 736
6 группа от 70 лет и старше	33 401	31 305	32 436	31 732	31 922

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Снижается число молодых исследователей в возрасте до 29 лет (см. табл. 14), а число возрастной группы 30–39 лет имеет прирост не более 4 тыс. человек, что не может быть достаточным в условиях систематического снижения числа исследователей по всем другим возрастным группам, а единственной группой, где есть прирост числа учёных – 40–49 лет. Этот фактор не способствует развитию науки и инновационной деятельности.

На число занятых влияют демографические проблемы (снижение общего числа населения в стране в условиях низкого естественного прироста и др.) и ситуация (мигранты, вынужденные переселенцы). В результате реформы российской системы образования 2012 г. в сфере науки и инноваций начались количественные (сокращение числа образовательных организаций, их филиалов) и качественные изменения (требования к квалификации и компе-

тенциям выпускников, требования рынка труда и т.п.). В табл. 1.20 приведены данные Росстата структуры учёных по возрастным группам.

Таблица 1.20

Структура исследователей по учёной степени и возрастным группам, чел.*

Показатели	2018		2019		2020		2021		2022	
	Д. н.	К. н.	Д. н.	К. н.	Д. н.	К. н.	Д. н.	К. н.	Д. н.	К. н.
Всего; из них по возрастным группам	25288	75042	24844	75068	24473	74649	24074	73463	23306	71898
1 группа до 29 лет	40	2 507	12	2129	39	1746	14	1462	6	1313
2 группа 30-39 лет	518	20459	518	20565	519	20295	516	19683	532	18953
3 группа 40-49 лет	2474	15466	2484	16536	2472	17410	2474	18113	2409	18351
4 группа 50-59 лет	4763	12310	4318	11993	4076	11667	3972	11529	3715	11141
5 группа 60-69 лет	8145	13693	8390	13740	7887	13081	7701	12577	7160	12090
6 группа 70 и старше	9348	10607	9122	10105	9480	10450	9397	10099	9484	10050

Д.н. – доктора наук; К.н. – кандидаты наук

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

Общее число исследователей с учёной степенью к 2022 г. снижается. Стабильным является число докторов наук 6-ой возрастной группы, по всем другим группам их число снижается. Число кандидатов наук во всех возрастных группах снижается к 2022 г.

Эксперты считают, что в целом Россия обладает достаточным научно-образовательным потенциалом, где большая доля работников с высшим образованием (52 %), имеет сильную фундаментальную науку с известными научными школами (МГУ им. Ломоносова М.В., Высшая школа экономики; Финансовый университет; РЭУ им. Г.В. Плеханова; Уральское отделение РАН и др.) [343]. Тревожной тенденцией является высокий удельный вес докторов наук в возрасте от 60 лет и низкий – в возрасте до 39 лет, при этом в отношении кандидатов наук более благоприятная ситуация, но также требует серьёзного отношения [293]. Одной из важных задач государства в лице Правительства РФ является привлечение молодых специалистов в научную деятельность, где одним из сильных стимулов выступает материальная сторона. Пока оплата труда в сфере научной и научно-изыскательской деятельности оценивается как относительно невысокая, и по данным статистики реальная начисленная заработная плата в процентном соотношении к средней величине заработной платы имела следующую динамику: в 2020 г. 103,8 %, в 2021 г. 104,5 %, в 2022 г. 100,3 % [384, с. 155]. Можно

полагать, что в таких условиях научные кадры вынуждены будут искать работу более высокооплачиваемую, в тех видах экономической деятельности, где она хотя-бы выше, чем средняя.

Важное значение для экономики России имеет развитие производства высокотехнологичной продукции и её доля в ВВП страны. По данным Росстата доля к 2022 г. выросла на 1,3 %, но наибольшее в исследуемом периоде значение приходится на 2020 г. [384, 383, 382, 381] (рис. 1.36).

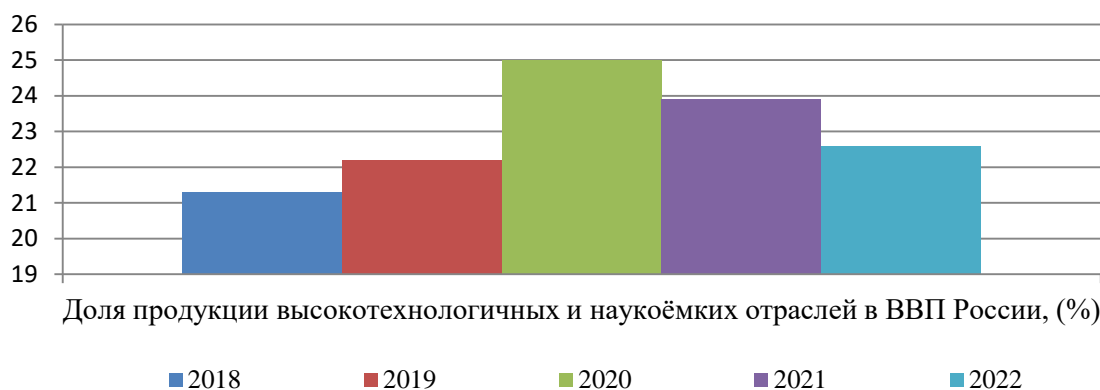

Рис. 1.36. Динамика доли высокотехнологичной и наукоёмкой продукции в ВВП России

Источник: составлено автором по данным Росстата [384, 383, 382, 381].

Таким образом, были проанализированы показатели инновационной деятельности в целом по России и дополнит оценку анализ территориальной структуры её распределения по территориям РФ (табл. 1.21).

Таблица 1.21

Основные показатели инновационной деятельности в разрезе федеральных округов РФ в 2022 г.*

Регионы	Численность персонала; чел.	Внутренние затраты на научные исследования и разработки; млрд. руб.	Число разработанных передовых технологий; ед.	Число используемых передовых производственных технологий; ед.	Уровень инновационной активности; %	Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в их общем объеме; %
РФ	669 870	1 435,9	2 621	269 541	11,0	5,1
ЦФО	340 001	758,0	899	78 580	11,0	5,1
СЗФО	85 082	187,2	410	29 158	10,6	5,7
ЮФО	26 376	33,5	177	15 654	10,8	3,8
СКФО	6 461	7,2	100	3 332	4,0	7,3
ПФО	101 439	228,2	474	77 154	15,9	10,2
УФО	45 743	91,7	328	32 474	9,9	2,9
СФО	51 129	107,7	183	24 201	9,2	2,1
ДФО	13 639	22,4	50	8,988	7,4	2,1

*Источник: данные Росстата [384, 383, 382, 381].

В 2022 г. территориальная структура показателей инновационной деятельности позволяет охарактеризовать её как неравномерную по большинству показателей (см. табл. 1.21), с высокой концентрацией в Центральном ФО. Далее по некоторым показателям (число персонала, число используемых передовых технологий, удельному весу инновационных товаров в общем объёме) выделяются Поволжский ФО и Северо-Западный ФО. В середине рейтинга находятся Уральский ФО и Сибирский ФО, остальные регионы имеют сравнительно низкие показатели особенно в сравнении с Центральным ФО (например, Северо-Кавказский ФО). Таким образом, очевидна неравномерность (территориальная дифференциация) инновационной деятельности в разрезе федеральных округов, что также имеет неблагоприятное значение для экономического роста страны и экономической безопасности.

Проведённый выше анализ показателей, характеризующих состояние инновационной деятельности в России позволят резюмировать неоднозначность её оценки, поскольку динамика некоторых её показателей на протяжении исследуемого периода показывает значительный прирост, а по некоторым – снижение. Отметим тот факт, что динамика снижения не характеризуется как крайне негативная, что связано с наличием определённых факторов влияния на экономику России и систему её экономической безопасности, среди которых значимыми являются беспрецедентное санкционное давление западных стран и США (начиная с 2014 г. и многократно усилившееся с 2022 г.), последствия распада Советского Союза и обвала экономики России в начале 1990-х гг. (снижение ВВП на 50 % в период с 1991 по 1994 гг.) [343, 123, 203].

Полученные в данном исследовании результаты необходимы для выделения проблем в сфере инновационной деятельности, и их последующего анализа через призму экономической безопасности России в условиях современной мировой экономической ситуации.

В целом, можно определить инновационная деятельность России имеет возможности к развитию [214]. Если обратиться к оценке эффективности осуществления инновационного процесса в нашей стране по версии Всемирной организации интеллектуальной собственности и международной бизнес-школы (INSEAD), в том числе согласно рейтингу Глобального инновационного индекса (далее – ГИИ), где Россия находилась в 2022 г. на 47 из 132 мест, а в 2023 г. оказалась на 51 месте [213]. Данный факт является недостаточным для достижения качественного состояния системы экономической безопасности России.

На основе проведённого анализа статистики можно сделать следующие обобщения о состоянии инновационной деятельности в российской экономике, определяющие ближайшие перспективы её развития. Применение полученных результатов проведённого статистического анализа показателей

инновационной деятельности направлено для их последующей оценки в системе экономической безопасности национальной экономики, что должно стать продолжением исследования с применением методик оценки уровня экономической безопасности, выявления угроз и рисков.

Выявленные проблемы инновационной деятельности, влияющие на состояние экономической безопасности России:

– *недостаточная конкурентоспособность некоторых отраслей российской экономики*, прежде всего в отношении к импортной продукции. При этом следует отметить заметно лучшее положение высокотехнологичных отраслей по характеристикам инновационного развития, поскольку у них есть собственная исследовательская база, значительная поддержка со стороны государства, но для них перспективой развития, как отмечают исследователи, необходимо повышение уровня рыночной новизны и конкурентоспособности предлагаемой инновационной продукции и это является «фактором обеспечения технологической независимости российской экономики» [214], а значит и её экономической безопасности.

– *преобладание доли бюджетного финансирования затрат на исследования и разработки*, что само по себе не представляет угроз для экономической безопасности, но в условиях рыночной экономики и стремления к экономическому росту необходимо в гораздо больших объёмах (и доли) стимулировать к финансированию бизнес. Российская система финансирования инноваций «характеризуется относительно невысокой эффективностью, поскольку не обеспечивает прироста поступления средств из разных источников в инновационную сферу, в объёме, необходимом для решения актуальных задач научно-технологического развития страны» [343, с. 83];

– *недостаточное вовлечение предпринимательства (бизнеса) в инновационную деятельность* в силу недостаточности инвестиций в исследовательскую деятельность (см. табл. 1.12 по структуре затрат), при чём следует учитывать, что именно предприниматели заинтересованы во внедрении и использовании инноваций [343];

– *относительно мала доля иностранных источников в структуре затрат* на исследования и разработки (табл. 1.12), что по определению учёных свидетельствует «о слабом уровне интернационализации инновационной системы России» [343, с. 82];

– *снижение числа занятых в инновационной деятельности*, что само по себе представляет кадровый «голод», сдерживающий развитие инновационной сферы, где требуются исследователи с учёной степенью (табл. 1.22–1.24).

Кроме выделенных выше проблем, следует отметить и другие, выделяемые исследователями, значимые для состояния инновационной деятельности и экономической безопасности национальной экономики.

Исследования ИСИЭЗ выделяют *недоверие достаточно большого количества людей к использованию новых технологий в их жизни* (по оценкам

ИСИЭЗ НИУ ВШЭ субиндекс недоверия и неуверенности имеет низкое значение – 2,7 из 5) [475]. Решение данной проблемы, по мнению исследователей, лежит в поле формирования потребностей в использовании новых технологий («прагматической мотивации») [475].

Петров М.В. выделяет такие сдерживающие факторы: 1) «рост макроэкономической неопределённости и рисков, затрудняющие» финансирование инновационной деятельности; 2) значительное влияние санкций, «заметно ограничивших доступ российских ... организаций» к зарубежным технологиям; 3) уход многих крупных зарубежных бизнес-организаций с российского рынка со «сворачиванием их исследовательских программ»; 4) «отъезд из России квалифицированного персонала»; 5) резкое сокращение в России масштабов «международного научно-технического сотрудничества», приведших к остановке реализации совместных научных программ и их финансирования [343, с. 85].

Подводя итог исследованию, сформулируем основные обобщения.

Анализ показателей состояния инновационной деятельности в России позволят заключить, что по многим структурным показателям инновационной деятельности выявлена положительная динамика. Динамика снижения по некоторым обобщённым показателям является относительно небольшой (например, объём внутренних затрат на исследования и разработки (см. табл. 1.11), уровням инновационной активности и удельному весу инновационных товаров (см. табл. 1.14), инновационной активности организаций в разрезе видов экономической деятельности (см. табл. 1.17). Это свидетельствует об отставании российской экономики для перехода к новым технологическим укладам, что является угрозой экономической безопасности.

Введение жёстких технологических санкций в большей степени ограничило деятельность российского бизнеса и импорт зарубежных технологий и товаров, но данное положение способствовало многим компаниям (хозяйствующим субъектам) определить новую модель инновационного развития, уйти от зависимости от импорта технологий и инвестировать в развитие собственной технологической базы. Положительная сторона влияния санкций – простимулировали приток частных инвестиций в инновационную деятельность, в сфере исследований и разработок.

Наличие положительных эффектов – инновационной отдачи – от укрепления научно-технического потенциала опосредованно выступает драйвером роста интереса бизнеса к наращиванию инвестиций в исследовательскую деятельность. Ключевыми экономическими эффектами в аспекте экономической безопасности становятся повышение выпуска и конкурентоспособности отечественной инновационной продукции (более высокий уровень новизны, опора на отечественные разработки и т.п.), что может стать значимым фактором обеспечения технологической независимости национальной экономики, а, следовательно, способствовать укреплению экономической независимости и безопасности.

Таким образом, инновационная деятельность играет ключевую роль в экономическом развитии России в ближайшей перспективе и для достижения успеха необходимы, прежде всего государственные меры поддержки инноваций, создание благоприятной среды для развития системы инновационных компаний (в т.ч. стартапов для малого и среднего бизнеса), увеличение финансовой поддержки инновационных проектов, внедрение новых методов и технологий в систему образования, в совершенствование механизмов коммерциализации инноваций.

Очевидно, «что страна, которая выиграет гонку в ключевых технологиях и использует технологические инновации для поддержания высокотехнологичных рабочих мест и доходов, станет сверхдержавой будущего» [504, с. 4447], что является условием достижения её экономической безопасности и суверенитета [358], где Россия не является исключением.

1.6. Налоги в системе экономической безопасности бюджетной системы

Создание эффективной налоговой системы является важнейшей макроэкономической задачей любого государства. Налоговая система призвана, с одной стороны, обеспечивать достаточное и стабильное финансирование всей бюджетной системы, а с другой стороны, стимулировать налогоплательщика к высокоэффективному труду. Налоги являются основной частью бюджетно – налоговой безопасности, которая, в свою очередь, составляет важнейшую часть экономической и финансовой безопасности страны, позволяющей обеспечивать бесперебойное функционирование всей экономической системы, предотвратить (или минимизировать) разрушительные последствия внешних и внутренних угроз экономического и финансового характера, особо проявляющейся в настоящее время в условиях беспрецедентных западных санкций в отношении России. В мировой практике к внутренним угрозам относятся финансовый кризис, резкое снижение курса национальной валюты, неконтролируемый рост внешнего долга, угрожающего стране дефолтом (как это происходит в настоящее время в США), рост инфляции, превышение допустимых пределов дефицита бюджета, несоблюдение параметров принятого бюджета, диспропорции в структуре бюджетной системы. Некоторые из перечисленных присущи и российской экономике. Бюджетная безопасность предполагает проведение такой бюджетной политики, которая бы обеспечивала устойчивый экономический рост, стимулирование и поощрение развития приоритетных отраслей и видов деятельности, проведение социальной политики, нацеленной на повышение уровня жизни населения.

В статье обоснована роль налогов в формировании доходной части бюджетов различных уровней, раскрываются особенности формирования их доходной части. Актуальность темы исследования обусловлена значимостью

налоговых доходов в формировании доходов. Цель исследования – анализ налоговых доходов бюджетов бюджетной системы, рассмотрение их структуры в динамике. Методологическая база исследования основывается на использовании совокупности общепринятых методов: статистический, анализ и синтез, обобщение, группировка, логический, табличный и др. Основной материал исследования сформирован на основе достоверных статистических источников информации из официальных баз данных.

Роль и значимость налогов в современной экономической системе проявляется в первую очередь в их основных функциях:

- фискальная – ее значимость для государства проявляется в стабильности, относительной устойчивости и регулярной периодичности налоговых поступлений;

- распределительная – финансовые ресурсы перераспределяются из производственной сферы (где они и создаются) в социальную; регулирующая – с ее помощью достигается баланс интересов между стимулированием экономического развития хозяйствующих субъектов и пополнением финансовых фондов страны;

- стимулирующая – обеспечение налоговых преференций для развития приоритетных отраслей экономики.

Одним из важнейших принципов налогообложения, среди других (справедливость, определенность, удобство платежа, дешевизна (минимум затрат на сбор и уплату налогов), является следующее: усиление налогового давления (гнета) снижает деловую активность в экономике и расширяет «теневой» бизнес.

Уровень качества налоговой системы оценивается в числе других по следующим показателям: баланс бюджетов на всех уровнях, обеспечение эффективности и роста объемов производства, стабильность уровня цен, обеспечение эффективной социальной политики и др.

Исследуемый вопрос не является для науки новым, он постоянно обсуждается, дискутируется. Приведем краткий обзор публикаций по теме исследования.

«Реализовывая налоговую политику, в пределах своей компетенции, региональные власти способны оказывать содействие тем отраслям хозяйственной деятельности, поддержка которых позволяет решать проблемы социально – экономического характера» [159, с. 50–51].

«Важнейшими характеристиками налоговой базы субъектов Российской Федерации выступают степень ее диверсификации и налоговый потенциал территории. Решение проблемы стимулирования регионов к поиску и увеличению собственных доходных источников, достижению финансовой самодостаточности замыкается на обоснованном определении налогового потенциала территорий. Именно сопоставление фактических налоговых поступлений с налоговым потенциалом позволяет определить возможности увеличения налоговых доходов» [253, с. 50].

«В настоящее время местные налоги не выполняют свою функцию по формированию бюджета в полной мере, а земельный налог и налог на имущество физических лиц составляют лишь небольшой процент дохода в местный бюджет» [413, с. 178].

«Муниципальные образования, прежде всего, заинтересованы в исполнении минимального перечня своих расходных обязательств, это означает, что муниципальным образованиям необходимо наличие собственных средств, которыми они смогут распоряжаться самостоятельно для осуществления своих обязательств» [267, с. 70].

«Местное самоуправление является основой развития любой территории, а ее финансовая самостоятельность – основным рабочим инструментом. Финансовая самостоятельность муниципалитетов формируется прежде всего из собственных доходов муниципального образования, которые в соответствии с Бюджетным кодексом РФ состоят из налоговых и неналоговых поступлений» [112, с. 3].

«Бюджетная политика играет важную роль в системе бюджетной безопасности страны, входящей в состав национальной безопасности. Обеспечение бюджетной безопасности находится среди ключевых задач государства при реализации стратегии социально – экономического развития» [321, с. 73].

«Роль налоговых поступлений велика, с помощью этих средств реализуются цели экономической политики, кроме этого налоги являются регулятором социально – экономических отношений. Несмотря на это, налоги можно классифицировать как прямую угрозу, ведь такие факторы как высокое налоговое бремя на основной слой населения, теневая экономика и другие негативно сказываются на экономической безопасности. Таким образом, налоговые доходы являются как ресурсом и инструментом обеспечения, так и угрозой для ЭБ» [493, с. 743]. Исследуемый в настоящей статье вопрос рассматривается в следующей последовательности: изучение поступлений налогов в бюджеты различных уровней в динамике, структура налоговых доходов в разноуровневых бюджетах, исполнение федерального бюджета за ряд лет с выделением нефтегазовых доходов, налоговое администрирование и его роль в совершенствовании налоговой системы, долговые обязательства России, финансовое положение фонда национального благосостояния в нынешних экономических условиях, в заключении приводятся краткие выводы по итогам исследования.

Исследование начнем с изучения поступлений налогов в бюджеты за 2012 и 2022 годы, за 11 месяцев 2023 г. (табл. 1.22).

Таблица 1.22

Поступление налогов в бюджеты за 2012 и 2022 годы

Доходы	2012 год				2022 год			
	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	в т.ч. МБ	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	в т.ч. МБ
Налоговые	10954,0	5162,6	5791,3	933,6	33349,7	19197,6	14152,1	1725,6
% доля	100,0	47,1	52,9	16,1	100,0	57,6	42,4	12,2 от субъекта
Налог на прибыль	2355,4	375,8	1979,6	10,0	6355,8	1669,5	4686,4	21,4
То же, доля, %	21,5	7,3	34,2	1,1	19,0	8,7	33,1	1,2
НДФЛ	2260,3	–	2260,3	656,7	5727,9	149,0	5578,9	1145,1
Доля НДФЛ, %	20,6	–	39,0	70,3	17,2	0,8	39,4	66,4
НДС	1886,1	1885,1	–	–	6489,4	6489,4	–	–
Доля НДС, %	17,2	36,5	–	–	19,4	33,8	–	–
Акцизы	783,6	341,9	441,7	–	-984,8	-2101,7	1116,9	3,5
НДС ввоз.	102,7	102,7	–	–	399,2	399,2	–	–
Налог на сверхприбыль	–	–	–	–	–	–	–	–
на имущество	785,3	–	785,3	152,2	1632,2	–	1632,2	259,3
-имущ. физлиц	17,6	–	17,6	15,8	98,6	–	98,6	68,7
-имущ. орган.	536,3	–	536,3	3,7	1126,1	–	1126,1	9,8
-транспортный	90,2	–	90,2	7,9	205,4	–	205,4	15,5
-земельный	141,0	–	141,0	124,8	200,4	–	200,4	165,3
Доля налога на имущество, %	7,2	–	13,6	16,3	4,9	–	11,5	15,0
за прир. ресурсы	2484,5	2442,8	41,7	1,3	12705,8	12573,5	132,3	4,2
То же, %	22,7	47,3	0,7	–	38,1	65,5	0,9	–
-НДПИ	2459,4	2420,5	38,9	1,3	10970,9	10843,1	127,8	4,1
из них виде угл. левород. сырья	2399,7	2399,7	–	–	10643,7	10643,7	–	–
в т.ч. нефть	2132,6	2132,6	–	–	8391,4	8391,4	–	–
газ горючий	257,4	257,4	–	–	1872,1	1872,1	–	–
газовый конденсат	9,7	9,7	–	–	380,2	380,2	–	–
-водный	2,8	2,8	–	–	4,7	4,7	–	–
-налог на доп. Доход	–	–	–	–	1685,0	1685,00	–	–
Госпошлина	21,4	11,2	10,1	8,7	39,4	14,5	24,9	21,6
Спецналоговые режимы	271,2	–	271,2	105,1	986,0	–	972,2	270,6
Доля, %	2,5	–	4,7	11,2	2,9	–	6,9	15,7
-УСН	188,8	–	188,8	24,9	885,0	–	885,0	218,9
-ЕНВД	78,6	–	78,6	76,9	–	–	–	–
-ЕСХН	3,8	–	3,8	3,3	18,8	–	19,8	19,8
-профдоход	–	–	–	–	37,4	–	23,6	–
-ПСН	–	–	–	–	43,8	–	43,8	31,9
Налоговые	304,4	371,8	244,4	184,8	32364,5	17549,1	14815,4	1655,2
% доля	100,0	122,3	80,1	75,8	100,0	54,2	45,8	11,2 от КБС РФ

Окончание табл. 1.22

Доходы	2012 год				2022 год			
	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	в т.ч. МБ	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	в т.ч. МБ
Налог на прибыль	269,8	444,2	236,7	214,0	7291,4	1739,8	5551,6	20,0
То же, доля, %	88,4	119,2	96,8	109,1	22,5	9,9	37,5	1,2
НДФЛ	253,4	–	246,8	174,4	5469,2	127,5	5341,7	1117,3
Доля НДФЛ, %	83,5	–	101,0	94,4	16,9	0,7	36,0	67,5
НДС	344,1	344,2	–	–	6209,5	6209,5	–	–
Доля НДС, %	112,8	92,6	–	–	19,2	35,4	–	–
Акцизы	–	–	252,9	–	–388,6	–1463,9	1075,3	3,5
НДС ввоз.	388,7	388,7	–	–	553,8	553,9	–	–
Налог на сверхприбыль	–	–	–	–	305,3	305,3	–	–
на имущество	207,8	–	207,8	170,4	1612,7	–	1612,7	224,0
-имущ.физлиц	560,2	–	560,2	434,8	93,7	–	93,7	64,5
-имущ. орган.	210,0	–	210,0	264,9	1122,0	–	1122,0	9,9
-транспортный	227,7	–	227,7	196,2	173,8	–	173,8	10,8
-земельный	142,1	–	142,1	132,4	171,6	–	171,6	138,8
Доля налога на имущество, %	68,0	–	84,5	92,0	0,05	–	10,9	13,5
За прир ресурсы	511,4	514,7	317,2	323,0	10236,9	10054,8	182,1	4,7
То же, %	167,8	138,5	128,6	–	31,6	57,3	1,2	0,3
-НДПИ	446,1	448,0	328,5	315,4	8875,2	8711,3	163,9	4,7
Из них в виде углеводород.сырья	443,5	443,5	–	–	8495,3	8495,3	–	–
в т.ч. нефть	393,5	393,5	–	–	6986,7	6986,7	–	–
газ горючий	727,3	727,3	–	–	1101,1	1101,1	–	–
газовый конденсат	39 раз	39 раз	–	–	407,5	407,5	–	–
-водный	167,8	167,8	–	–	5,1	5,1	–	–
-налог на доп. Доход	–	–	–	–	1299,0	1299,0	–	–
Госпошлина	184,1	129,5	246,5	248,3	35,2	13,3	21,9	18,6
Спецн. режимы	363,6	–	358,5	257,5	1022,2	–	1022,2	267,6
Доля, %	116,0	–	146,8	140,2	3,1	–	6,9	16,2
-УСН	468,7	–	468,7	88раз	949,7	–	949,7	234,5
-ЕНВД	–	–	–	–	–	–	–	–
-ЕСХН	494,7	–	521,0	браз	17,3	–	17,3	17,1
-Профдоход	–	–	–	–	33,1	–	33,1	–
-ПСН	–	–	–	–	22,1	–	22,1	16,0

Источник: Отчет №1-НМ «Начисление и поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации»

Примечание:

в таблице использованы следующие сокращения:

КБ РФ – консолидированный бюджет РФ;

ФБ – федеральный бюджет;

КБС РФ – консолидированный бюджет субъектов РФ;

МБ – местные бюджеты;

УСН- упрощенная система налогообложения;

ЕНВД – единый налог на вмененный доход;
ЕСХН – единый сельскохозяйственный налог;
ПСН – патентная система налогообложения

Согласно данным табл. 1.22, в 2022 г. в сравнении с 2012 г.:

налоговые доходы КБ РФ увеличились в 3,0 раза, ФБ в 3,7 раза, КБС РФ в 2,4 раза, в т. ч. МБ на 84,8%; доля налоговых доходов ФБ увеличилась на 22,3% (с 47,1 до 57,6%) при снижении налоговых доходов КБС РФ на 19,9% (с 52,9 до 42,4%), в т. ч. МБ на 24,2%; за 11 мес. 2023 г. доля налоговых доходов в ФБ 54,2%, в КБС РФ 45,8%;

поступления налога на прибыль увеличились: в КБ РФ в 2,7 раза, ФБ в 4,4 раза, КБС РФ в 2,3 раза, что привело к увеличению доли налога в ФБ на 19,2%, к снижению доли налога в КБС РФ на 3,2%; за 11 мес. 2023 г. доля налога в ФБ увеличилась до 9,9% (с 8,7% в 2022 г.), в КБС РФ до 37,5% (в 2022 г. 33,1%);

поступления НДС в КБС РФ увеличились в 2,46 раза, МБ в 1,74 раза; доля НДС в доходах КБС РФ увеличилась с 39,0 до 39,4% (за 11 мес. 2023 г. – 36,0%), в доходах МБ уменьшилась с 70,3 до 66,4%;

с увеличением поступлений НДС в ФБ в 3,4 раза его доля в доходах ФБ уменьшилась с 36,5 до 33,8%;

поступления налога на имущество в КБС РФ увеличились в 2,0 раза, в т. ч. в МБ в 1,7 раза, его доля в доходах КБС РФ уменьшилась с 13,6 до 11,5%, в МБ 16,3 до 15,0%;

поступления платы за природные ресурсы в ФБ увеличились в 5,1 раза, КБС РФ в 3,1 раза; их доля в ФБ увеличилась с 47,3 до 65,5% за 11 мес. 2023 г. – 57,3%); доля НДС по нефти в части ФБ уменьшилась с 88,9 до 78,8%, доля газа горючего увеличилась с 10,7 до 17,5%; доля налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья в доходах ФБ в 2022 г. составила 8,8%;

поступления единого налога, уплачиваемого субъектами малого и среднего предпринимательства в связи применением специальных налоговых режимов, зачисляемого в доходы КБС РФ увеличились в 3,5 раза, вместе с тем их доля в налоговых доходах КБС РФ остается незначительной: в 2020 г. 4,7%, 2022 г. 6,9%, в том числе в МБ соответственно 11,2% и 15,7%; за 11 мес. 2023 г. 6,9% в доходах КБС РФ.

Из анализа данных табл. 1.22 следует, что:

ФБ формируется в основном за счет платежей за природные ресурсы (50-60%), НДС (30–35%), налога на прибыль (7–9%);

КБС РФ формируется за счет налога на прибыль (30–37%), НДС (36-39%), имущество (10–11%), спецрежимы (до 7%);

МБ формируется за счет НДС (65–70%), СНР (10–15%), имущество (13–14%).

Таблица 1.23

Налоговые доходы бюджетов различных уровней

Налоги	2012 год				2022 год			
	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	В т.ч. МБ	КБ РФ	ФБ	КБС РФ	В т.ч. МБ
Федеральные	9892,5	5162,6	4729,9	675,9	30695,2	19197,6	11497,6	1195,8
Доля, %	90,4	100,0	81,8	72,5	92,1	100,0	81,2	69,3
Региональные	626,9	–	626,9	11,6	1333,2	–	1333,2	25,3
Доля, %	5,7		10,8	1,2	4,0		9,4	1,5
Местные	158,9	–	158,9	140,9	307,5	–	307,5	234,0
Доля, %	1,4		2,7	15,1	0,9		2,2	13,6
Спецрежимы	275,6		275,6	105,2	1013,8		1013,8	270,5
Доля, %	2,5		4,7	11,2	3,0		7,2	15,6
Всего	10954,0	5162,6	5791,3	933,6	33349,7	19197,6	14152,1	1725,6
Федеральные	310,3	371,8	243,1	176,9	29781,2	17549,1	12232,1	1163,6
Доля, %	101,9	100,0	99,3	95,6	92,0	100,0	82,5	70,3
Региональные	212,7	–	212,7	218,1	1295,8	–	1295,8	20,7
Доля, %	70,2	–	87,0	125,0	4,0	–	8,7	1,2
Местные	193,5	–	193,5	166,1	265,3	–	265,3	203,3
Доля, %	64,3	–	81,5	90,0	0,8	–	1,9	12,2
Спецрежимы	367,8	–	367,8	257,1	1022,2	–	1022,2	267,6
Доля, %	120,0	–	153,2	139,3	3,2	–	6,9	16,3
Всего	304,4	371,8	244,4	184,8	32364,5	17549,1	14815,4	1655,2

Источник: Отчет №1-НМ «Начисление и поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет Российской Федерации»

Как следует из данных табл. 1.23, КБ РФ на 90,4–92,1% формируется за счет федеральных налогов, на 4–5,0% за счет региональных налогов, до 1,0% за счет местных налогов, 2,5–3,0% за счет специальных налоговых режимов. В доходах ФБ федеральные налоги занимают 100%. В налоговых доходах КБС РФ доля федеральных налогов составляет 80–82%, региональных налогов не более 10,0%, незначительна доля местных налогов (около 2,0%), специальных налоговых режимов (6–7%). В налоговых доходах местных бюджетов доля федеральных налогов составляет около 70,0%, доля региональных налогов незначительна ((не более 1,5%), доля местных налогов (менее 15,0%).

Приведенные данные свидетельствуют о высокой степени централизации финансовых ресурсов, сильной финансовой зависимости регионов и муниципалитетов от федерального центра.

Как указывает Д. Дочкина, «в налоговой структуре основную часть поступлений от нефтегазового комплекса в консолидированный бюджет в 2019 году составляют федеральные налоги и сборы – 7 738 млрд руб. или 97,7 %, региональные налоги и сборы составляют 176 млрд руб. или около 2 %, а местные представляют незначительный вклад в консолидированный бюджет – 3 млрд. рублей или 0.04 %. На протяжении всего периода, с 2010 г.

по 2019 г. основной вклад в консолидированный бюджет вносили федеральные налоги и сборы, в среднем уровень поддерживался около 96 % [188, с. 242].

Таблица 1.24

Исполнение федерального бюджета, млрд. руб.

Годы	ВВП	Доходы		Из доходов			Расходы	Дефицит, профицит
		млрд. руб.	в % к ВВП	ненефтегазовые	нефтегазовые			
					млрд. руб.	% от доходов		
2010	46308,5	8305,4	17,9	4474,7	3830,7	46,1	10117,5	1812,0
2011	60114,0	11367,7	18,9	5725,9	5641,8	49,6	10925,6	442,0
2012	68103,4	12855,5	18,9	6402,4	6453,2	50,2	12895,0	-39,4
2013	72985,7	13019,9	17,8	6485,9	6534,0	50,2	13342,9	-323,0
2014	79030,0	14496,9	18,3	7063,1	7433,8	51,3	14831,6	-334,7
2015	83087,4	13659,2	16,4	7796,6	5862,7	42,9	15620,3	-1961,0
2016	85616,1	13460,0	15,7	8616,0	4844,0	36,0	16416,4	-2956,4
2017	91843,2	15088,9	16,4	9117,0	5971,9	39,6	16420,3	-1331,4
2018	103861,7	19454,4	18,7	10436,6	9017,8	46,3	16713,0	2741,4
2019	109608,3	20188,8	18,4	12264,5	7924,3	39,2	18214,5	1974,3
2020	107658,2	18722,6	17,4	13487,4	5235,2	28,0	22824,4	-4101,8
2021	135773,8	25286,4	18,6	16229,9	9056,5	35,8	24762,1	524,3
2022	155350,4	27824,0	17,9	16238,2	11586,2	41,6	31119,0	-3294,6
11 мес. 2023	н/д	25962,3	–	17736,6	8226,2	31,7	26841,3	-878,4
11 мес. 2022	–	24779,8		14125,1	10654,7	43,0	24037,1	742,8
2022/2010, %	335,5	335,0	100,0	362,9	302,5	90,2	307,6	–

Источник: 1. Доходы и расходы федерального бюджета России..._svspb.net>ros-sija/federalnyj-bjudzhet.php; 2. ВВП России по годам: 1991–2023. Объем и динамика <http://global-finances.ru/vvp-rossii-po-godam/>.

Согласно данным табл. 1.24, в 2022 г. в сравнении с 2010 г.:

ВВП увеличился в 3,35 раза, при этом в 2020 г. имел место спад показателя против 2019 года;

доходы федерального бюджета увеличились также в 3,35 раза, в связи с чем доходы бюджета в %-ах к ВВП остался неизменным (17,9%), что свидетельствует об ослаблении стимулирующей рост производства функции налогов; при этом в 2015–2016 и 2020 годах имело место снижение доходов бюджета по сравнению с предыдущими годами; доходы бюджета за 11 мес. 2023 г. выше значения показателя за 11 мес. 2022 г. на 4,8%;

величина ненефтегазовых доходов увеличилась в 3,63 раза (при росте всех доходов в 3,35 раза), что повлекло снижение доли нефтегазовых доходов с 46,1 до 41,6% от общей суммы доходов; причем доля нефтегазовых

доходов опустилась до 28,0% общей суммы доходов в 2020 г., после чего вновь стала увеличиваться; показатель за 11 мес. 2023 г. составил 31,7% против 43,0% за 11 мес. 2022 г.

расходы федерального бюджета увеличились в 3,08 раза, из 13 лет, приведенных в таблице, федеральный бюджет был дефицитным в течение 9 лет; за 11 мес. 2023 г. дефицит бюджета составил 878,4 млрд. руб. против профицита в сумме 742,8 млрд. руб. за 11 мес. 2022 г.

Осуществление налогового контроля основано «на функционировании прямых и обратных связей, обеспечивающих взаимодействие контролируемых и подконтрольных субъектов. Этот процесс, основанный на кибернетическом подходе, направлен на проведение сбора информации в целях ее систематизации и оценки как в отношении финансово – хозяйственных операций, совершенных подконтрольными субъектами, так и в части контрольно-надзорной деятельности контролирующих органов» [129, с. 168].

«Налоговое администрирование представляет собой особый вид управленческой деятельности, цель которой – привести организацию в состояние налогоплательщика, соответствующего интересам государства. Достижение такой цели выражается в полноте уплаты в бюджет соответствующего налога» [430, с. 41].

Итоги контрольной работы ФНС России рассмотрим в табл. 1.25.

Таблица 1.25

Итоги контрольной работы ФНС России

Показатели	Годы	Количество проверок		Доначислено		в т.ч. налогов	
		Всего	в т.ч. выявивших нарушения	Всего, млн. руб.	на 1 проверку, тыс. руб.	Всего, млн. руб.	на 1 проверку, тыс. руб.
КНП, тыс. ед.	2020	61542,1	2382,8	52518,4	22,0	35214,0	14,8
	2021	58855,8	2984,0	90395,6	30,3	64751,2	21,7
	2022	55097,6	2692,9	94447,4	35,0	65502,6	24,3
	2022/2020, %	89,5	126,3	179,8	159,1	186,0	164,2
ВНП организаций, ед.	2020	5491	5231	191397,2	36589,0	132324,6	25296,2
	2021	7252	6923	370704,9	53546,8	247669,5	35774,9
	2022	9392	8983	666197,9	74162,1	435748,6	48508,1
	2022/2020, %	171,0	171,7	348,1	202,7	329,3	191,8
ВНП ИП, ед.	2020	443	–	4526,6	10218,0	3134,9	7076,5
	2021	521	–	6185,0	11871,4	4530,0	8694,8
	2022	456	–	9013,8	19766,0	6687,6	14665,8
	2022/2020, %	102,9	–	199,1	193,4	213,3	207,2

Окончание табл. 1.25

Показатели	Годы	Количество проверок		Доначислено		в т.ч. налогов	
		Всего	в т.ч. выявивших нарушения	Всего, млн. руб.	на 1 проверку, тыс. руб.	Всего, млн. руб.	на 1 проверку, тыс. руб.
ВНП физических лиц, ед.	2020	230	–	1046,3	4549,1	813,2	3535,6
	2021	356	–	1738,7	4884,0	1286,9	3614,9
	2022	347	–	1645,6	4742,4	1225,1	3530,5
	2022/2020, %	150,9	–	160,0	104,2	150,6	99,8
Всего ВНП, ед.	2020	6164	–	196970,2	31954,9	136272,7	22107,8
	2021	8129	–	378628,6	46577,5	253486,4	31183,0
	2022	10195	–	676857,4	66456,2	443661,3	43517,5
	2022/2020, %	165,4	–	343,6	208,0	325,6	221,1

Источник: Отчет о результатах контрольной работы налоговых органов ф. № 2-НК

Согласно данным табл. 1.25, в 2022 г. в сравнении с 2020 г.: количество камеральных налоговых проверок уменьшилось на 10,5%; доля проверок, выявивших нарушения, увеличилась с 3,87 до 4,89% или на 26,3%;

– сумма доначислений налогов, штрафов, пени по результатам камеральных налоговых проверок увеличилось на 79,8%, сумма доначислений на 1 проверку, выявившую нарушения, увеличилась с 22,0 до 35,0 тыс. руб. или на 59,1%; сумма доначислений налогов увеличилась на 86,0%, при этом доля доначисления налогов в общей сумме налогов, штрафов, пени увеличилась с 67,9 до 69,3% или 2,0%; сумма доначислений налогов на 1 камеральную проверку, выявившую нарушения, увеличилась с 14,8 до 24,3 тыс. руб. или на 64,2%; количество выездных налоговых проверок организаций резко сократилось по сравнению с предыдущими годами (например, в 2016 г. – 22602 ед.) и составило в 2020 г. 5491 ед.; в 2022 г. по сравнению с 2020 г. количество выездных налоговых проверок организаций увеличилось на 71,%; доля проверок, выявивших нарушения, составляет 95,3 – 95,6%; сумма доначислений налогов, штрафов, пени по итогам выездной проверки организаций увеличилась в 3,48 раза, в том числе на 1 проверку в 2,0 раза (с 36589,0 до 74162,1 тыс. руб.); доля налогов, начисленных по итогам ВНП организаций, в общей сумме доначисленных налогов, штрафов, пени, уменьшилась с 69,1 до 65,4%; сумма доначислений налогов на 1 выездную проверку организаций увеличилась с 25296,2 тыс. руб. до 48508,1 тыс. руб. или на 91,8%; количество выездных налоговых проверок ИП в 2022 г. увеличилось с 443 до 456 ед. или на 2,9% (в 2016 г. – 2285 ед.); сумма доначислений увеличилась на 99,1%, в том числе на 1 проверку на 93,4% (с 10218,0 до 19766,0 тыс. руб.); доля налогов, доначисленных по итогам ВНП ИП в общей сумме доначислений налогов, штрафов, пни, увеличилась с 69,2 до

74,2%; сумма доначислений налогов на 1 ВВП ИП увеличилась с 7076,5 до 14665,8 тыс. руб. или в 2,07 раза;

– количество ВВП физических лиц увеличилось с 230 до 346 ед. или на 50,9%; сумма доначислений налогов, штрафов, пени увеличилась с 1046,3 до 1645,6 тыс. руб. или на 60,0%, в том числе на 1 проверку с 4549,1 до 4742,4 тыс. руб.; доля налогов, доначисленных по итогам ВВП физических лиц, в общей сумме доначисленных налогов, штрафов, пеней, уменьшилась с 77,7 до 74,4%/; сумма доначислений налогов на 1 проверку физических лиц уменьшилась с 3535,6 до 3530,5 тыс. руб.; количество выездных налоговых проверок организаций, ИП, физических лиц увеличилось с 6164 до 10195 ед. или на 65,4%; сумма доначислений налогов, штрафов, пени увеличилась в 3,4 раза (с 196970,2 до 676857,4 млн. руб.), в том числе на 1 выездную проверку – в 2,08 раза (с 31954,9 до 66456,2 тыс. руб.); доля налогов, доначисленных по итогам выездных налоговых проверок, в общей сумме доначислений уменьшилась с 69,12 до 65,5%; сумма доначислений налогов на 1 ВРП увеличилась в 2,2 раза (с 22107,8 до 43517,5 тыс. руб.).

Из анализа данных следует:

в общей сумме доначисленных налогов, штрафов, пеней на долю выездной налоговой проверки приходится: в 2020 г. 78,9%, 2021 г. – 80,7%, 2022 г. – 87,7%, что обусловлено значительным увеличением сумм доначислений на 1 выездную налоговую проверку (при сокращении количества ВВП); доля налогов в общей сумме доначисленных налогов по итогам ВВП увеличилась с 79,5 до 87,1%; доля налогов, начисленных по итогам КНП и ВВП, в общей сумме доначислений составляет: в 2020 г. 68,7%, 2021 г. – 66,0%.

В результате проведения камеральных и выездных налоговых проверок в 2022 г. дополнительно доначислено налогов и штрафных санкций в сумме 676,8 млрд. руб., что составляет 2,0% от всей суммы налогов, поступивших в консолидированный бюджет РФ (33349,7 млрд. руб.).

По мнению Н. Даниловой и др., уровень экономической безопасности региона имеет тесную связь с налоговой политикой и деятельностью налоговых органов. Эффективность деятельности налоговых органов существенно влияет на безопасность региона и в качестве такого показателя предлагают использовать показатель, отражающий суммы дополнительных начислений по результатам налоговых проверок [169].

Состояние государственного долга рассмотрено в табл. 1.26.

Таблица 1.26

Внешний и внутренний долг. Фонд национального благосостояния (ФНБ)

Годы	Внешний долг в % к ВВП	Внутренний долг, млрд. руб.	Доля в общей структуре госдолга, %		ФНБ на 1 января года, млрд. руб.
			Внутренний	Внешний	
2010	32	2094,73	78	22	2769,02
2011	26	2940,39	78	22	2695,52
2012	29	4190,55	76	24	2794,43
2013	32	4977,9	70	30	2690,63
2014	29	5722,24	67	33	2900,64
2015	38	7241,17	72	28	4388,09
2016	40	7307,61	75	25	5227,18
2017	33	8003,46	75	25	4359,16
2018	28	8689,63	73	27	3752,94
2019	29	9169,63	72	28	4036,07
2020	31	10171,93	78	22	7773,62
2021	26	14790,47	79	21	13545,7
2022	17	16486,44	82	18	13565,3
1.01.23	15	18780,96	н/д	н/д	10434,5

Источник: 1. Внешний долг РФ по годам: 1994–2023 <http://global-finances.ru/vneshniy-dolg-rossii/>; 2. Госдолг России в цифрах – [bcs-express.ru/Российский рынок/Инфографика. Госдолг России в цифрах](http://bcs-express.ru/Российский_рынок/Инфографика.Госдолг_России_в_цифрах/); 3. Фонд национального благосостояния (ФНБ) России – <http://global-finances.ru/fond-natsionalnogo>.

Данные табл. 1.26 свидетельствуют о снижении величины внешнего долга РФ с 32% к ВВП в 2010 г. до 17% в 2022 г., максимальное значение долга составляло в 2016 г. (40%);

наблюдается стабильное увеличение величины внутреннего долга РФ с 2094,73 млрд. руб. на 1.01.2010 г. до 18780,96 млрд. руб. на 1.01.2023 г. в структуре госдолга доля внешнего долга уменьшилась с 22,0% до 18,0%, соответственно, увеличилась доля внутреннего долга с 78,0 до 82,0% общей величины долга.

«Внешний долг имеет более серьезные последствия, чем внутренний, т. к. он погашается и обслуживается иностранной валютой, а из-за нестабильного курса национальной валюты, реальная сумма долга может быть выше» [114, с. 77].

Серьезной финансовой «подушкой безопасности» в экстренных случаях являются средства фонда национального благосостояния (ФНБ) – суверенного фонда, позволяющего государству компенсировать потерю нефтегазовых доходов в случае резкого падения нефтяных цен, исполнять принятые на себя социальные обязательства. Фонд сформирован 1 февраля 2008г. в результате деления действовавшего на тот момент Стабилизационного фонда – на Резервный и Фонд национального благосостояния и пополняется за счет нефтегазовых доходов федерального бюджета. С 1 января 2018г.

ФНБ и Резервный фонд были объединены, после чего Резервный фонд официально прекратил свое существование. Целевым назначением средств ФНБ является:

– софинансирование добровольных пенсионных накоплений граждан РФ;

– обеспечение сбалансированности бюджета Пенсионного фонда;

– покрытие дефицита федерального бюджета. В июле 2021 г. из данной структуры был полностью исключен доллар США, в 2022 г. евро, иены и фунты стерлингов, в результате в составе ФНБ остались юани и золото.

Согласно данным табл. 1.26 величина ФНБ увеличилась с 2769,02 млрд. руб. в 2010 г. до 10434,5 млрд. руб. на 1.01.2023 г. «Фонд национального благосостояния наполняется из двух источников – дополнительные доходы от нефтегазового сектора и управления собственными активами фонда. Если по основному источнику наполнения Россия во многом зависит от мировой конъюнктуры в политических и экономических сферах, то второй источник непосредственно зависит от управления самими средствами фонда» [507, с. 141].

Введенные Западом санкции негативно отразились на состоянии Фонда. Стабилизация средств фонда стала возможной благодаря следующим факторам:

1) переориентация экспорта углеводородов на азиатские страны, прежде всего в Китай и Индию;

2) более высокие мировые цены на нефть оказали положительное влияние на доходы бюджета России и финансовое состояние фонда. ФНБ в свою очередь сыграл свою положительную роль в стабилизации российской экономики в период возросших геополитических рисков. Так, в апреле 2022 г. из ФНБ в федеральный бюджет было выделено около 2479 млрд. руб. на формирование пенсионных накоплений. 3413 млрд. руб. было использовано для покрытия дефицита бюджета за счет продажи валютных резервов (urfu.ru/ru/news/47679/). В создавшейся ситуации, когда добыча нефти увеличивается, это, как правило, неблагоприятно влияет на цены на нефть, они падают. В этой связи зависимость ФНБ от цен на углеводороды является одной из причин сотрудничества России со странами – экспортерами нефти (ОПЕК). Из проведенного исследования вытекают следующие выводы: действующая налоговая система в целом на федеральном уровне обеспечивает экономическую безопасность федерального бюджета; при действующем распределении налогов между бюджетами финансовая безопасность региональных и местных бюджетов не обеспечивается; бюджетная система региональных, особенно местных бюджетов, дефицитна, дотационна.

Серьезным источником нестабильности российской бюджетной системы является неотлаженность бюджетных отношений между РФ, субъектами РФ и муниципальными образованиями. Важным условием повышения устойчивости и эффективности бюджетной системы является установление

и поддержание рационального уровня ее децентрализации с соблюдением интересов всех участников бюджетного процесса.

1.7. Трансформация организации в новых экономических условиях

Постановка и обоснование проблемы исследования тесно связаны с возможностью научного объяснения различных ситуаций и неожиданных событий, которые бросают вызов обществам по всему миру. На индивидуальном уровне у людей часто возникает ощущение, что они – независимо от их ролей в организации, профессии, отрасли и т.д. – не готовы и «застигнуты врасплох» элементами, которые прерывают их обычную деятельность, планы и/или сценарии. В таком контексте изменения становятся необходимыми для выживания. Однако люди хотят не просто выжить, но процветать и/или достигать своих целей, быть успешными. Таким образом, любое «нарушение» должно восприниматься как возможность. Любой профессиональный работник и любая организация, которые не смогут адаптироваться к новым реалиям 21-го века, могут потерпеть неудачу во время четвертой промышленной революции (далее 4-IR). Каждый человек и каждая организация должны быть способны и готовы к изменениям, даже если, как правило, нежелание меняться очень велико. Основываясь на всестороннем исследовании, мы проанализируем ряд новых бизнес-моделей для будущего бизнеса. Будет дано четкое представление о сопротивлении переменам, рассматриваемом как «защитная система» любой организации, особенно в контексте 4-IR. К организационным преобразованиям следует подходить прагматично, подчеркивая важность «защитной системы» и в то же время уделяя особое внимание ключевым людям и трансформация организационной культуры. Представлен инновационный подход к гибкости и приспособляемости бизнеса к новым вызовам и возможностям, создаваемым 4-IR, что повышает ценность исследования в области предпринимательства и, более конкретно, в области управления изменениями и рисками.

В мире бизнеса производительность является ключевым фактором. В меняющихся условиях, в будущем бизнеса, если бизнесмены – владельцы, менеджеры, предприниматели или лица, принимающие решения любого рода, – нацелены на устойчивое развитие в своих действиях, они должны сосредоточиться на новых бизнес-моделях и подходах. Владелец бизнеса и бизнес-менеджеры, будь то в предпринимательских стартапах или крупных корпорациях, должны изменить способ организации и управления своими активами, ресурсами, людьми и приоритетами. В этом разделе будут проанализированы некоторые новые бизнес-модели для будущего предприятия, после создания соответствующего контекста. Затем мы сосредоточимся на сопротивлении изменениям, рассматриваемом как «защитная система» любой организации, особенно в контексте четвертой промышленной революции (4-IR). Мы будем подходить к организационным преобразованиям прагматично, подчеркивая важность «защитной системы», в то же время

уделяя особое внимание ключевым людям и трансформации организационной культуры. В настоящее время компаниям приходится создавать заново свои структуры, чтобы продолжать успешно работать. Поэтому целью исследования является выявление возможностей для улучшения управления рисками на организационном уровне в контексте внедрения системы менеджмента качества в соответствии с международным стандартом ISO 9001. Для достижения поставленной цели были выявлены основные риски, определен уровень каждого выявленного риска и предложены действия по устранению выявленных рисков. Применяя этот метод, предполагалось, что оценка рисков служит основой для принятия обоснованного решения о необходимых действиях по устранению выявленных рисков. Метод, примененный в данном исследовании, может быть использован в любой организации, которая стремится улучшить управление рисками путем выявления рисков, связанных с осуществляемой деятельностью, и правильного определения мер по их устранению.

В настоящее время бизнес-среда становится все более сложной, требуя от организаций способности быстро адаптироваться к меняющимся условиям. Таким образом, метод, основанный на принципах управления рисками, может повысить эффективность бизнеса и поддержать будущие исследования по этой теме. В организациях управление рисками включает в себя процесс принятия решений, после которого результаты оценки рисков интегрируются с экономическими, техническими и социальными принципами для разработки стратегий управления рисками [9, 76, 79]. Основная цель управления рисками состоит в том, чтобы облегчить понимание рисков, которым подвержена организация, с тем чтобы этими рисками можно было управлять, и организация могла достичь своих определенных целей [28, 29, 44, 86].

Общепризнан тот факт, что технологии трансформируют мир. На протяжении истории люди разрабатывали различные типы технологий. В зависимости от эпохи и столетия технология, разработанная и используемая людьми, не имела такой формы и размера, как сегодня, но люди привыкли к ней и через некоторое время даже стали зависеть от технологий своего времени. В любом обществе, в повседневной жизни или в экономической и в деловой жизни люди использовали доступные технологии, чтобы облегчить свою жизнь. И некоторые из самых новаторских умов своего времени пытались и преуспели в улучшении, доводке до совершенства и апгрейде доступных технологий. Время от времени некоторые изобретатели и рационализаторы выводили человеческие технологии на новый уровень. В разные периоды истории некоторые технологические достижения и новые изобретения оказывали огромное влияние на некоторые отрасли промышленности и в целом на человеческое общество. Прямо сейчас, как сходятся во мнении многие ученые, мы находимся в начале 4-го IR, обычно обозначаемого термином «Индустрия 4.0» [40].

Управление рисками включает в себя широкий спектр строго определенных и выполняемых мероприятий, которые обеспечивают идентификацию и анализ рисков с последующим определением мер, необходимых для управления их последствиями (устранения / уменьшения / передавать / принимать). Эти действия обычно проводятся на всех уровнях организации [24]. На этапе планирования стандарт ISO 9001:2015 [49, 52]. содержит требования, касающиеся идентификации рисков, их оценки и определения соответствующего подхода к управлению рисками. Когда в рамках системы менеджмента качества организации должным образом управляются риски, повышается степень достижения целей и совершенствуется процесс выявления возможностей и угроз, тем самым создается надежная основа для принятия решений и предотвращения потерь и инцидентов.

Промышленная революция (примерно с 1760 по 1820–1840 годы), представленная переходом от ручных методов производства к машинам, новыми производственными процессами, более широким использованием пара, электроэнергии и гидроэнергетика, благодаря развитию станков и механизированной производственной системы определяет первый IR [41]. Самое большое изменение было произведено механизацией. Это представляло собой главный аргумент в поддержку промышленности, а не сельского хозяйства, как основы экономики в обществах. Прорывной технологической инновацией, определившей первую IR, было изобретение парового двигателя. Это привело к быстрому развитию железных дорог, ускорению роста экономики и развитию многих предприятий. Историки экономики сходятся во мнении, что первый IR был самым важным событием в истории человечества со времен одомашнивания животных и растений, приведшим также к беспрецедентному росту населения [59].

Также известная как технологическая революция, 2-я IR «была фазой быстрой стандартизации и индустриализации с конца 19-го века по начало 20-го века» [61]. Характеризуется «массовым технологическим прогрессом в области промышленности, который способствовал появлению новых источников энергии», его наиболее важным результатом стало «создание двигателя внутреннего сгорания, который начал полностью раскрывать свой потенциал» [61].

Другими ключевыми моментами являются: развитие производства стали и новые методы коммуникации, такие как телеграф и телефон. Одной из знаковых бизнес-моделей во 2-м IR была сборочная линия FORD – возможно, самый знаковый элемент массового производства. В настоящее время 2-й ИК может восприниматься, вероятно, как самый важный ИК из-за его наиболее часто используемых изобретений: автомобиля и самолета.

Вторая половина 20-го века ознаменована появлением нового источника энергии: ядерной энергии. Кроме того, все более быстрое развитие электроники, телекоммуникаций и, возможно, самое важное, компьютеров пред-

ставляет собой важные вехи в рамках 3-го IR [54]. Благодаря новым технологиям, 3-й IR открыл двери космическим экспедициям, исследованиям и биотехнологиям. В деловом мире развитие роботов и автоматизированных машин привело к эре автоматизации высокого уровня. Разрушительные и фундаментальные экономические изменения произошли, когда появились новые коммуникационные технологии объединились с новыми источниками энергии, такими как возобновляемая электроэнергия [59].

Основной целью исследования было выявление возможностей улучшения управления рисками на организационном уровне, в контексте внедрения системы менеджмента качества в соответствии с международным стандартом ISO 9001, для достижения поставленных целей организационной трансформации. Три основных фактора являются движущими силами 1-го, 2-го и 3-го IRS: новый источник энергии, новая система связи и новая финансовая система [20]. Исходя из этой предпосылки, мы стремимся определить, можно ли также отследить эти факторы в начале 4-го IR; проанализировать, какие прорывные изменения и новые технологии движут 4-м IR и какие бизнес-модели и подходы являются подходящими на будущее. В таком контексте, когда сопротивление изменениям в организациях рассматривается с использованием синтагмы «защитной системы» [36, 48], мы стремимся понять, как это влияет на организационную трансформацию?

Литературный обзор предшествующих работ по тематике исследования позволяет сделать предположение о том, что внутри организаций у нас должен быть единый подход с точки зрения управления рисками, подход более важный, поскольку управление рисками – это циклический процесс, включающий в себя несколько этапов. В широком смысле управление рисками включает в себя более взаимосвязанные процессы, а именно: систематическое и непрерывное расследование подверженности различным рискам или потерям, оценку их характера, частоты, серьезности и потенциального воздействия, планирование и организацию соответствующих методов контроля рисков для минимизации потерь и использования возможностей, внедрение таких методов, как внутренние, так и внешние [13].

С точки зрения рисков, у нас должен быть единый подход внутри организаций. В этом контексте риск может пониматься как отклонение от желаемого состояния как с отрицательными, так и с положительными последствиями. Обычно он представляется как произведение вероятности возникновения опасности и ее последствий. С точки зрения процессов организации, идентификация рисков связана с определением опасностей, с которыми организация может столкнуться в ходе процесс внедрения данного решения. Процесс выявления потенциальных опасностей является ключевым моментом в контексте результатов оценки риска [22]. Внутри организаций по финансовым или нефинансовым причинам намеренное пренебрежение рисками признается рискованной стратегией. Для удержания на определенном

рынке требуется, чтобы у организации была стратегия высокого риска, которая очень часто также сопряжена с высокими затратами [32].

Существует широкий спектр подходов к управлению рисками. Люди привыкли управлять рисками через интуицию или опыт. Растущая сложность бизнес-среды и внедрение системного подхода к управлению рисками привели к тому, что привели к появлению различных стандартов и рамок для управления рисками [75].

Важным аспектом является стандартизация процессов на уровне организаций, четкое определение процедур и руководящих принципов. Начиная с 2010 года понятия «управление рисками» и «рискованность» появляются в международных стандартах ISO 31000 и ISO 31010. Международная организация по стандартизации (ИСО) через Рабочую группу ISO/TC 262 разработала серию стандартов ISO 31000 по управлению рисками, которые помогают организациям оценивать свои риски и получать наилучшие результаты в соответствии с установленными целями [50, 51]. На данный момент ISO опубликовала 4 стандарта из этой серии, и еще 5 стандартов находятся в стадии разработки (www.iso.org).

В контексте фактов, представленных выше, международный стандарт ISO 31000 по управлению рисками, пересмотренный в 2018 году, определяет риск как «влияние неопределенности на цели, представляющее собой отклонение от ожидаемого». Оно может быть положительным, отрицательным или и тем, и другим одновременно и может лечить, создавать или приводить к возможностям и угрозам. Кроме того, в рамках упомянутого стандарта управление рисками определяется как скоординированная деятельность по руководству и контролю организации с точки зрения риска. (www.iso.org).

Не существует общепринятого подхода к оценке рисков, выполняемого организацией. В литературе можно выделить несколько методов оценки риска: предварительный анализ опасности (РНА), анализ режима отказа и последствий (FMEA), анализ режима отказа, последствий и критичности (FMESCA), деревья событий, анализ дерева отказов (FTA), анализ надежности человека (HRA) или вероятностная оценка риска (PRA) [64], но каждая организация решает, какой метод использовать, и устанавливает свою собственную процедуру выявления и оценки рисков [55].

С другой стороны, в целях соответствия международному стандарту ISO 9001: 2015 что касается систем менеджмента качества, организации должны планировать и внедрять действия по управлению рисками, чтобы повысить эффективность системы менеджмента качества, достичь улучшенных результатов и предотвратить негативные последствия рисков [38].

Методологический аппарат, исходные данные и результаты основаны на исследовании, в основном состоящем из анализа онлайн-материалов - книг, документов представительных учреждений в данной области, научных и газетных статей, блогов экономистов и бизнесменов и т.д. Вся инфор-

мация собранная нами информация была подвергнута дальнейшему критическому и сравнительному анализу. В следующем разделе, основанном на индуктивном подходе, мы излагаем основные результаты исследования.

Результаты работы сформированы тремя основными факторами, определяющими IR. В рамках 1-го IR:

– новый источник энергии: представлен переходом от использования древесины к использованию угля, что способствует развитию паровых лодок и поездов и ведет к индустриализации (использование машин и возможности быстрого массового передвижения).

– новая система связи: представлена печатным станком с паровым приводом.

Это привело к появлению доступных/дешевых газет и журналов, что каким-то образом обеспечило массовое образование. Это была великая трансформация для человечества после Гутенберга с момента в 1439 году, когда соответственно, был изобретен первый печатный станок (печатный станок Гутенберга позволил массово выпускать книги, сделав их доступными, теоретически, для любого) [48].

– новая финансовая система: представлена лондонской фондовой биржей.

Эта новая финансовая система активно поддерживала развитие новых источников энергии и новой системы коммуникаций, в то время как они, в свою очередь, поддерживали новую финансовую систему, что привело к трудно прогнозируемому синергетическому эффекту.

Во 2-м IR:

– новым источником энергии стала нефть, заменившая уголь. Также было изобретено электричество, которое привело к появлению новой системы связи.

– новой системой связи был телеграф, затем телефон. Города и дома начали электрифицироваться благодаря изобретению Томаса Эдисона. Кроме того, нефть и электричество вдохновили Daimler и Benz в Германии на разработку двигателя внутреннего сгорания. Дальнейшие разработки можно увидеть в строительстве автомобильных дорог и других форм транспортной инфраструктуры, которые помогают соединять людей и товары.

– новая финансовая система: представлена «корпорацией с ограниченной ответственностью, которая снизила риски физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью» [20].

В рамках 3-го ИК:

– новый источник энергии: ядерная энергия (в конце 3-го ИК мы можем наблюдать зачатки солнечной энергетики, действительно развитой в 4-м ИК).

– новой коммуникационной системой стал Интернет после развития персональных компьютеров (ПК) в 90-х годах, когда настольные ПК впервые были подключены к Всемирной паутине.

– новая финансовая система менее понятна и продвинута, но прорывы, связанные с Интернетом, такие как краудфандинг и пиринговое финансирование, привели к демократизации финансов.

Технический прогресс и разработки в области связи, цифровых систем и компьютеров, начавшиеся в 1960-х годах, ознаменовали начало третьего этапа IR, открыв новые способы обработки информации и обмена ею – эру информационных технологий [78]. Во многих частях мира аспекты 2-й и 3-й IR все еще полностью испытаны и внедрены.

Более того, новые технологии в некоторых случаях способны «перепрыгнуть» старые. Больше людей в мире имеют доступ к мобильному телефону, чем к элементарным санитарным услугам. Таким образом, можно утверждать, что 4-й IR начинается точно в тот же период? когда 3-й IR все больше внедряется во многих организациях по всем странам и континентам.

Итак, в начале 4-го IR:

– новыми источниками энергии являются возобновляемые «зеленые» источники энергии – топливо и энергоносители, которые восстанавливаются в течение коротких периодов времени и не истощаются. К таким источникам энергии относятся солнце, ветер, движущаяся вода, органические растения и отходы, а также тепло земли (геотермальное). Наиболее развитой и все более широко используемой новой формой энергии является солнечная и фотоэлектрическая энергия;

– новая коммуникационная система основана на революции в социальных сетях, а также на цифровых коммуникационных системах Интернета и на технологиях виртуальной реальности (VR) и технологиях дополненной реальности (AR) и прорывах. Более быстрый и стабильный Интернет – 5G – будет способствовать более быстрому развитию Интернета вещей, который, вероятно, станет движущей силой следующего этапа развития здравоохранения и многих других технологических инноваций;

– новая финансовая система, вероятно, основана на технологии блокчейн, наиболее просто определяемой как децентрализованная распределенная бухгалтерская книга, которая регистрирует происхождение цифрового актива. Кроме того, Интернет вещей окажет влияние на финансовые биржи будущего. И, поскольку мы находимся только в начале 4-го IR, развитие искусственного интеллекта, машинного обучения и робототехники может привести ко все более обсуждаемому Всеобщему базовому доходу (UBI).

4-й IR – прорывные изменения и новые технологии. Предыдущая IRS освободила человечество от власти животных, сделала возможным массовое производство и обеспечила цифровизацию миллиардам людей.

Однако эта 4-я IRS принципиально отличается. Она характеризуется «диапазоном о новых технологиях, которые объединяют физический, цифровой и биологический миры, воздействуя на все дисциплины, экономику и отрасли промышленности и даже бросая вызов представлениям о том, что значит быть человеком» [72].

Все эти изменения, вызовы и сбои доказывают, что мы живем во «время больших надежд и больших опасностей» [78]. Миллиарды людей в настоящее время подключены к цифровым сетям, эффективность многих организаций, очевидно, повысилась, и теперь люди могут начать управлять своими активами способами, которые могут помочь восстановить таким образом, у человечества теперь есть потенциальная возможность устранить ущерб, нанесенный предыдущими промышленными революциями.

Однако, как отметил Schwab, «существуют также большие риски и серьезные опасения: некоторые организации могут оказаться не в состоянии измениться и адаптироваться; некоторым правительствам может не удастся использовать и/или регулировать новые технологии. Вот почему серьезные изменения в системе власти общества 21-го века создадут новые важные риски для безопасности, и неравенство между людьми, вероятно, будет расти» [78].

Однако реальное влияние технологий заключается не в разрушении. Темпы, плотность и непредсказуемость, которые привносит разрушение в начале этого 4-го IR, не имеют прецедента и поистине удивительны. В 15 веке печатный станок Гутенберга изменил мир. Сегодня, благодаря компьютерным достижениям, у нас есть множество научно-технических достижений, включая возобновляемую (солнечную) энергию, блокчейн, искусственный интеллект и машинное обучение, биотехнологии, автономные автомобили, VR и дополненную реальность, дроны, нанотехнологии, квантовые вычисления и многое другое. Тот факт, что так много событий происходит одновременно, уникален в истории человечества.

Область применения результатов исследования сосредоточена на новых бизнес-моделях и новых подходах для будущего бизнеса. Что касается предприятий, то сбоев во внешней среде сейчас так много и они настолько велики, что скорость изменений превышает скорость, с которой они могут двигаться и адаптироваться. Этой ситуацией пользуются стартапы в области новых технологий. Вот почему так много предпринимателей пытаются попытаться счастья с инновационными идеями и технологиями. И вот почему технологические и интернет-компании выросли до глобальных корпораций быстрее, чем когда-либо в истории.

В прошлом у компании были годы на то, чтобы понять, как позиционировать себя и как адаптируйтесь и реагируйте на относительно медленно меняющихся рынках. Сегодня этот срок сокращается до нескольких месяцев, поскольку новое поколение стартапов внедряет новые бизнес-модели и вносит изменения. В качестве примера, посмотрите, с какой скоростью Илон Маск трансформировал автомобили (TESLA), космос (SPACE X) и теперь планирует изменить энергетику и транспорт (Hyperloop).

Традиционные бизнес-модели основаны на дефиците: ценность извлекается из продажи продукта или услуги, предложение которых ограничено.

Однако экспоненциальные технологии генерируют изобилие всего - от информации до энергии, – поэтому основная задача заключается в поиске новых бизнес-моделей, которые работают на изобилие. В этом контексте ниже мы кратко приводим ряд соответствующих примеров новых бизнес-моделей:

1. Продукт как услуга. Система, в первую очередь основанная на средствах, связанных с Интернетом вещей, которая позволяет потребителям покупать меньше и арендовать больше, основываясь на идее сервитизации продуктов – соответственно, продавать решения клиентам, а не материальные товары – вместо разовой продажи. Одним из важных примеров является Uber. Поскольку пользователи звонят только тогда, когда им нужен автомобиль, это может привлечь большое количество как водителей, так и клиентов для предоставления своих услуг. Более того, по мнению многих бизнесменов, это каким-то образом произвело революцию в том, как люди, особенно молодежь, воспринимают владение автомобилем.

Другим примером является то, как Philips задумала эту бизнес-модель. Аэропорт Схипхол в Амстердаме, Нидерланды, в полной мере использует эту возможность с 2015 года. Даже если лампы (очень дорогие), которые обеспечивают освещение в аэропорту, принадлежат Philips, которая отвечает за их постоянное использование, техническое обслуживание и гарантии их надлежащей работы, то аэропорт получает выгоду, оплачивая только энергию, используемую для его освещения.

2. Многосторонние платформы. Онлайн-программное обеспечение связывает и автоматизирует процессы между потребителями и производителями. Соответствующий, широко известный пример представлен Airbnb. Частные лица сдают в аренду дома или комнаты, которыми они не пользуются. Airbnb может использовать множество мест для аренды, и она уже стала крупнейшей гостиничной сетью в мире, не владея ни одним номером. Другим примером может служить 99designs, который представляет собой онлайн-сервис торговая площадка графического дизайна, которая позволяет любому, кто ищет дизайн (например, логотип) разместить запрос и предложить дизайнерам побороться за работу. 99designs имеет доступ к множеству дизайнеров, чтобы предложить своим клиентам широкий выбор дизайнов.

3. Экосистемы. Помимо платформ, экосистемы объединяют различные сервисы и решения, предлагая комплексную ценность участникам экосистемы. В последнее время развивающиеся экосистемы расширяют модель платформы. Успешные глобальные компании создают свои собственные экосистемы, в рамках которых существует ряд компаний. Нет все эти компании имеют четкие бизнес-модели, но все они вносят свой вклад в экосистему. Например, Google построил свою собственную экосистему, создав такие организации, как Gmail, Google Maps и Google Drive, в то время как Facebook построил свою экосистему, купив такие организации, как Instagram, WhatsApp и Oculus. Реальная задача состоит в том, чтобы найти

правильную бизнес-модель для определенной организации. Или, что еще сложнее, правильную форму и конфигурацию экосистемы для данного бизнеса.

4. Сопротивление изменениям – как «защитная система» организации. Проблема существующих сегодня предприятий заключается не в недостатке прорывных идей, как мы объясняли ранее; их очень много. Реальная проблема заключается в том, что, если и когда кто-то попытается внедрить разрушительные инновации внутри традиционного бизнеса, организационная/корпоративная защитная система отреагирует и, вероятно, атакует новаторов и разрушителей. Но, прежде чем продолжить рассмотрение концепции «защитной системы», стоит пояснить ее: «Защитная система организации, подобно защитной системе человека, защищает от изменений (вторжений), возводя мощный барьер. Организационная защитная система состоит из людей, политики, процедур, процессов и культуры, которые она создает для предотвращения изменений, независимо от последствий». [36, 33].

Даже если высшее руководство или владельцы организации уже определились с новой бизнес-моделью, которую их организация должна внедрить, чтобы адаптироваться и стать более устойчивой, можно возразить, что выбор правильной бизнес-модели (непростая задача) может оказаться самой простой частью. Вызов, с которым они неизбежно столкнутся, будет заключаться в том, что каждый раз, когда крупная организация пытается внедрить инновации или преобразовать себя, организационная (корпоративная) защитная система может подвергнуться атаке. Корпоративная защитная система выполняет свою работу по уважительной причине: у устоявшихся организаций обычно есть работающий бизнес и функционирующие процессы, которые важно поддерживать.

Однако защитная система не должна восприниматься как «плохой персонаж истории». Следовательно, целью должно быть не разрушение защитной системы, а управление ею. Способы, с помощью которых организация внедряет инновации, как правило, усиливают проблема защитной системы. Организации часто спрашивают внешних консультантов, что нужно сделать, чтобы добиться трансформации. Или они инвестируют во внешние стартапы или покупают их. В любом случае защитная система организации может подвергнуться атаке, обычно потому, что корпоративная защитная система реагирует на все, что она считает «чужеродной ДНК». Трансформация организации касается не только самой организации, но и обновления мышления и базы знаний людей, которые в ней работают.

Основные выводы заключаются в том, что общество находится в начале 4-го IR: переломного момента, когда человеческий фактор как опыт оцифровывается и дополняется с помощью технологий. Эта оцифровка ускоряет изменения. Вопрос и вызов на будущее заключается в том, как отдельные люди, предприятия и общество в целом могут ориентироваться в нем!?

Любая организация, построенная в прошлом веке, возможно, не сможет

пережить 4-й IR, если ей не удастся адаптироваться. Следовательно, организационные преобразования необходимы не для процветающей, но для выживания в 21 веке. Любая признанная организация может захотеть трансформировать свою бизнес-модель, чтобы подключиться к изобилию, став платформой, создав собственную экосистему или выбрав другую бизнес-модель, основанную на изобилии. Сегодняшние руководители бизнеса (владельцы бизнеса, предприниматели или лица, принимающие корпоративные решения) сталкиваются с трудностями, делая несколько вещей одновременно: находят новые идеи, которые могут развивать, расти и адаптировать их компанию, и подавляют реакцию защитной системы их организаций.

Находить новые идеи непросто, но более сложная задача заключается в том, чтобы не дать защитной системе организации противостоять инновационным идеям и сбоем. Для того чтобы организационная трансформация была успешной, ключевые сотрудники должны быть активно вовлечены в процесс трансформации. Они должны изучать новые концепции, практиковаться в использовании новых инструментов и генерировать собственные идеи по преобразованию. Новая среда и изменения иногда могут вызывать дискомфорт, поэтому руководящая команда должна оказывать сотрудникам полную поддержку.

В качестве окончательного вывода, учитывая всю ранее изложенную информацию, для преобразования организации в рамках 4-го IR владельцы бизнеса и лица, принимающие решения, должны быть ориентированы на: поиск правильной новой бизнес-модели; эффективное управление корпоративной защитной системой; поддержку людей в их опыте трансформации и обучение на практике производственной культуре.

1.8. Влияние рынка труда на экономическую безопасность страны

Рынок труда является основным экономическим механизмом, обеспечивающим эффективное использование трудового потенциала страны, региона, отдельного предприятия, создающим конкурентную борьбу за рабочие места, и, таким образом, способствующим росту квалификации кадров, повышению мобильности носителей ресурса труда и способствующим распространению гибких форм занятости.

Трудоустройство – это процесс поиска рабочего места с целью получения занятости. Так же понятие трудоустройство возможно рассмотреть, как шанс зарабатывать деньги, иметь постоянный заработок и возможность обеспечивать себя и свое окружение необходимыми благами. В Российской Федерации вопрос о трудоустройстве граждан и снижении уровня безработицы является достаточно актуальной темой на сегодняшний день. Последствия от данной проблемы наблюдаются как в экономической, так и в социальной сфере.

Демографическая ситуация в стране так же может зависеть от количества трудоустроенных граждан.

Таблица 1.27

Демографическая ситуация в России*

	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год
Всё население, чел	146 880 000	146 781 000	146 749 000	1 46171 000	145 558 000
Возраст					
0 – 4	9 347 000	9 032 000	8 579 000	8 080 000	7 598 000
5 – 9	8 873 000	9 085 000	9 309 000	9 551 000	9 624 000
10 – 14	7 598 000	7 825 000	8 049 000	8 257 000	8 597 000
15 – 19	6 816 000	6 947 000	7 161 000	7 272 000	7 433 000
20 – 24	7 336 000	7 114 000	6 889 000	6 776 000	6 773 000
25 – 29	11 120 000	10 222 000	9 427 000	8 582 000	7 985 000
30 – 34	12 766 000	12 718 000	12 633 000	12 423 000	11 920 000
35 – 39	11 425 000	11 735 000	12 003 000	12 131 000	12 470 000
40 – 44	10 453 000	10 594 000	10 708 000	10 915 000	11 022 000
45 – 49	9 499 000	9 674 000	9 896 000	9 980 000	10 139 000
50 – 54	9 372 000	9 021 000	8 846 000	8 892 000	8 976 000
55 – 59	11 049 000	10 811 000	10 443 000	9 857 000	9 349 000
60 – 64	9 783 000	10 027 000	10 106 000	10 300 000	10 320 000
65 – 69	7 937 000	8 179 000	8 339 000	8 469 000	8 558 000
70 +	13 506 000	13 797 000	14 361 000	14 686 000	14 793 000

* Источник: Федеральная служба государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/>

Так, на основе исследования, проведенного Высшей школы экономики, к 2030 году в Российской Федерации произойдет постарение трудовых ресурсов. Если верить статистике, то доля населения России старше 40 лет составит всего 63%.

Исходя из данных таблицы, мы можем констатировать, что в России преобладают пожилые люди в возрасте от 70 лет и молодежь от 35 до 39. В 2022 году на граждан 70 лет + приходится 10,16% от общего населения.

Статистические исследования показывают, что численность населения России на 2022 год сокращалась. Отмечается отрицательная динамика рождаемости, растет миграционный отток. Эксперты полагают, что тенденция сохранится в последующие годы. Определенно, эти все негативные моменты скажутся в дальнейшем и на рынке труда и на экономической безопасности страны в целом.

Нестабильность экономики, социальное напряжение в обществе, бедность, высокие колебания инфляции, преступность, а также развитие теневого сектора также являются последствиями высокого уровня нетрудоустроенных граждан.

Люди, не имеющие стабильного заработка, оказывают негативное влияние на состояние бюджета страны. В частности, это происходит из-за недостатка налоговых поступлений и необходимости социального обеспечения

высокого количества безработных граждан. Рост экономики замедляется. В связи с этим социальное и экономическое развитие страны тесно связано с необходимостью увеличения количества трудоустроенного населения. Трудоустройство может быть реализовано как самостоятельно, так и через службы занятости населения.

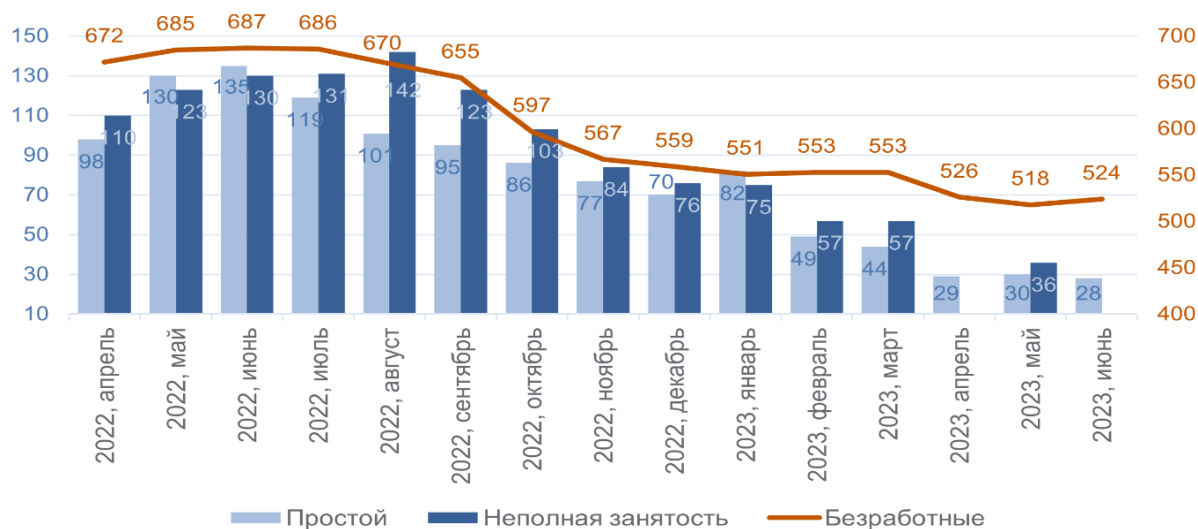

Рис. 1.37. Динамика режимов занятости за апрель 2022 – июнь 2023 года

На основании данного рисунка мы можем констатировать, что вследствие высокой потребности в работниках во втором квартале количество безработных и людей, находящихся в простое, стабилизировалось на минимальных за год значениях. Численность в простое в июне уменьшилась еще на 57% с марта. Данные по численности персонала на неполной занятости публикуют нерегулярно, но в мае она тоже сократилась на 36% по сравнению с уровнем марта.

Если обратиться к статистике, то в центрах занятости безработных с начала 2023 года снизилось на 78 000 и составляло 487 000 человек. Это на 27% ниже, чем в августе 2022 года.

На основе статических данных Росстата, по состоянию на декабрь 2022 года уровень безработицы в России составляет 3,9%. Что касается 2023 года то на рынке труда ситуация остается стабильной, наблюдается сокращение зарегистрированной безработицы с начала года на 5 тыс чел. Уровень безработицы на октябрь 2023 года составляет – 2,9%.

Таким образом, среди основных причин трудоустройства населения страны можно назвать такие явления на фоне геополитической напряженности в мире как недостаток высококвалифицированных специалистов с необходимыми компетенциями, текучесть кадров и демографию.

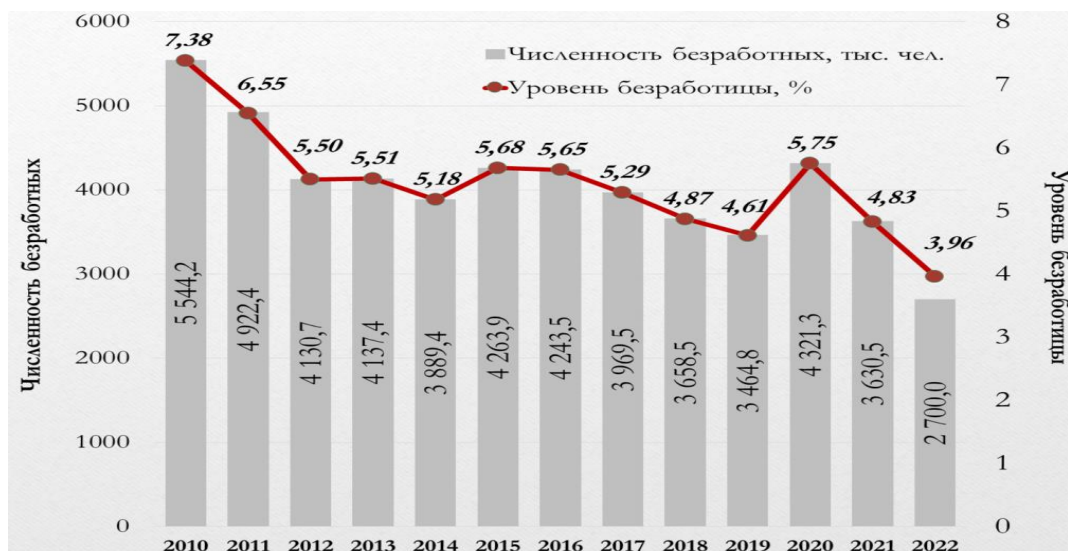

Рис. 1.38. Динамика уровня безработицы и число безработных в России [220]

Но, все же стоит заметить, по данным РБК: «...половина компаний увеличили численность сотрудников в 2023 году. Это наблюдалось в IT-компаниях (64%), машиностроительных (63%) и финансовые (59%) компаниях. Сокращение численности сотрудников затронуло только 18% компаний» [236].

На рис. 1.39 проиллюстрируем причины текучести кадров. Их необходимо знать работодателям, поскольку стоимость найма персонала постоянно растет, становится все дороже и сложнее привлекать новых сотрудников, и вопросы удержания персонала, конечно, становятся все более важными и актуальными на данный момент.

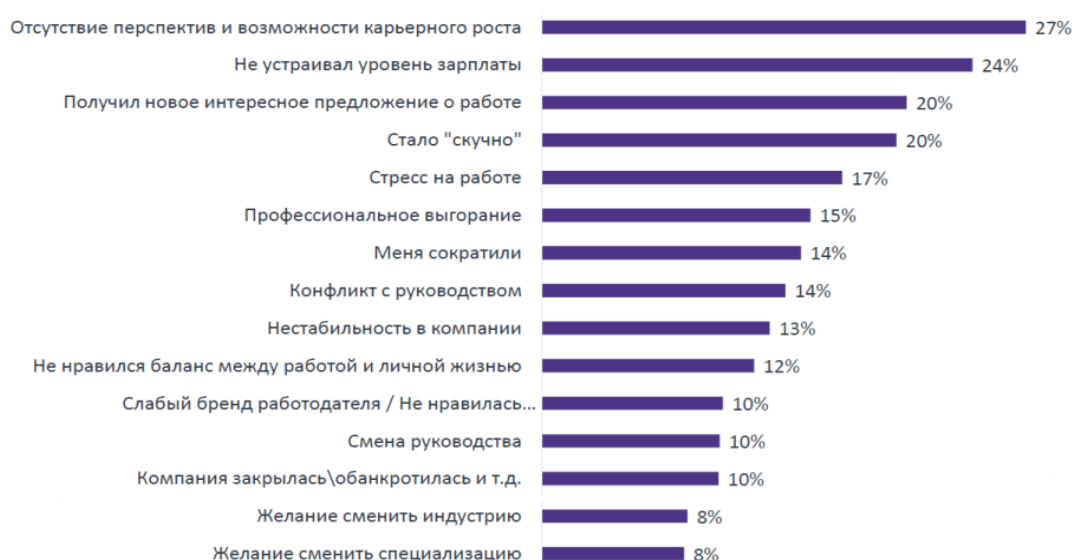

Рис. 1.39. Динамика уровня безработицы и число безработных в России [439]

Так, по данным рисунка мы можем констатировать, что 27% респондентов отметили, что основной причиной ухода из компании стало отсутствие перспектив и возможностей карьерного роста. На наш взгляд, эта причина является одной из самых важных. Не менее важной является и уровень заработной платы: 24% респондентов уволились из-за того, что их не устраивал уровень заработной платы.

Таким образом, современный рынок труда постоянно меняется, а вместе с ним меняются и предпочтения сотрудников в отношении того, что они хотят получить от своей работы. В последние годы мы стали свидетелями серьезных изменений в приоритетах людей. Если раньше стабильность в работе была на первом плане, то на сегодняшний день приоритеты поменялись в сторону заработной платы и возможности гибридной формы работы.

Следует отметить, что на успешное трудоустройство могут влиять различные факторы, такие как: уровень образования, квалификация, знание иностранных языков, личностные качества, стаж работы и дипломы, подтверждающие дополнительное образование. Работодатели отдают предпочтение опыту и навыкам соискателя. Данные факторы повышают возможность устройства на высокой должности. Так, по данным Росстата, в 2022 году численность работников в возрасте до 35 лет сократилась на 1,3 миллиона. Россияне в возрасте 25–29 лет особенно сильно «выбывают» с рынка труда. Причинами являются старение населения и эмиграция.

На рис. 1.40 проиллюстрируем изменения количества занятых по возрастным группам.

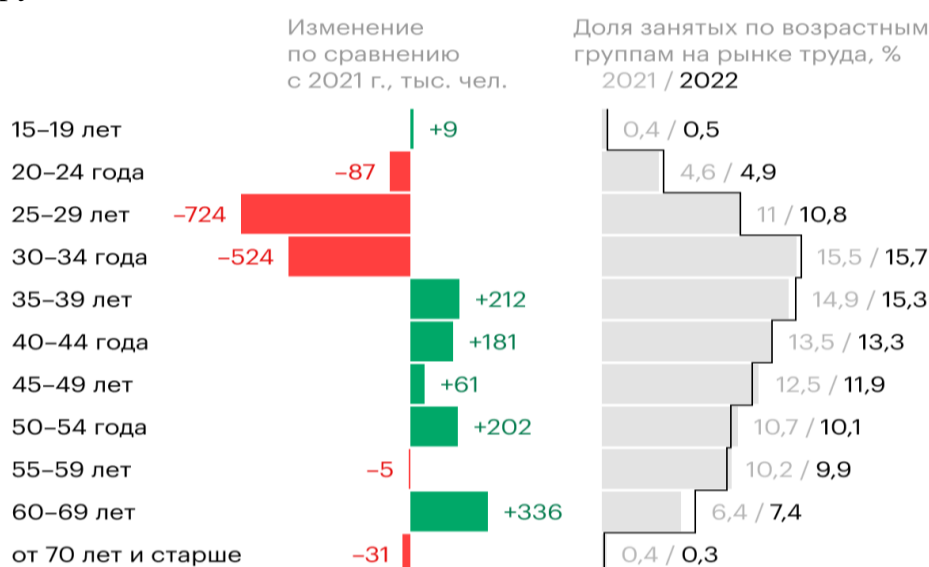

Рис. 1.40. Изменения количества занятых по возрастным группам [515]

На основании данного рисунка мы можем сделать вывод о том, что в прошлом году число сотрудников в возрасте от 25 до 29 лет сократилось на 724 тысячи (7,2 миллиона человек). Несколько менее активное, но также значительное «вымывание с рынка труда» наблюдается и в возрастной

группе 30–34 года, их численность сократилась на 524 000 до 10,7 миллиона. Но в некоторых возрастных группах наблюдается и рост занятости населения.

Таким образом, россияне в возрасте 60–69 лет продемонстрировали наиболее убедительную положительную динамику, их присутствие на рынке труда увеличилось на 336 тысяч до 4,9 миллиона.

В связи с высоким спросом на высококвалифицированных, опытных работников, государство пытается поддерживать начинающих специалистов.

Государственная поддержка заключается в проведении ряда мероприятий, направленных на снижение уровня безработицы в стране и стабилизацию рынка труда. Так, Правительство Российской Федерации выделило более 2,5 млрд руб. на бесплатное переобучение граждан в 2023 году. Эти средства пойдут на организацию мероприятий по переподготовке и дополнительному профессиональному образованию более чем для 46 тысяч человек. В будущем ожидается, что благодаря этой переподготовке более 34 тысяч человек смогут найти работу и заняться предпринимательской деятельностью (во время и после обучения).

Министерством труда и социальной защитой разрабатываются программы и выделяются субсидии тем компаниям и организациям, которые принимают на работу молодых сотрудников, окончивших ВУЗы и профессиональные колледжи. Данная программа впервые была реализована в 2020 году и получила свое продолжение и в 2023 году [145, с. 189].

Таблица 1.28

Результаты трудоустройства выпускников по уровню полученного образования (в процентах от численности выпускников) *

Образование	Трудоустроились	Из них	
		искали работу	не искали работу**
Высшее образование по программам подготовки кадров высшей квалификации	97.2	41.9	55.3
Высшее образование по программам специалитета	93.1	56.8	36.3
Высшее образование по программам магистратуры	93.5	56.1	37.5
Высшее образование по программам бакалавриата	87.7	55.1	32.6
Среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена	86.1	57.8	28.2
Среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих	85.5	55.5	30.0

* <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/749756927.pdf?ysclid=lqe60eabo8756247968>

**Выпускники, получившие работу в соответствии с заключенным договором с работодателем, в том числе о целевом обучении; продолжившие работать на том же месте, что и во

время обучения; открывшие собственный бизнес, самозанятые; не искавшие работу по причинам: продолжения обучения, состояния здоровья, семейным обстоятельствам, призыва в Вооруженные Силы, отсутствия необходимости работать и другим, но трудоустроившиеся в дальнейшем.

Согласно Федеральному закону от 24.07.2002 № 104-ФЗ (последняя редакция 02.07.2021 № 305-ФЗ) индивидуальные предприниматели имеют возможность вести свою деятельность по упрощенной системе налогообложения, документация ведется аналогично по упрощенной системе.

Таким образом происходит стимуляция населения к открытию собственного бизнеса. Это помогает создавать новые рабочие места, стимулировать рост ВВП и соответственно развивать экономику.

В 2022 году, благодаря национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство», появились новые стимулы для перехода к самозанятости. Таким образом, вы можете подать заявку на получение кредитов на сумму до 1 млн рублей, развивать свой бизнес по льготным процентным ставкам и воспользоваться льготным национальным микрофинансированием.

Теперь граждане, перешедшие на самозанятость, могут получить бесплатную или льготную аренду и электронные торговые площадки для государственного или муниципального имущества.

По итогам третьего квартала 2023 года, по сравнению на конец 2022 года, число самозанятых граждан в России увеличилось на 29,9% (или на 1,9 млн человек). Большая часть этого увеличения приходится на долю физических лиц: в период с января по сентябрь 2023 года число самозанятых (1,8 млн человек) увеличилось на 30,2%. Количество самозанятых за счет индивидуальных предпринимателей увеличилось на 24,6% (83,3 тыс. человек).

Следует обратить внимание на принятие Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» который предусматривает с 1 января 2024 года новое правовое регулирование отношений в сфере занятости населения с учётом современного состояния рынка труда и сложившейся к настоящему времени системы мер государственной поддержки граждан, ищущих работу.

«...Законом систематизируются меры государственной поддержки в сфере содействия занятости населения, уточняется порядок их предоставления, а также предусматриваются специальные меры государственной поддержки, направленные на содействие занятости инвалидов, лиц, завершивших прохождение военной службы, молодёжи.

Федеральным законом устанавливаются минимальная и максимальная величины пособия по безработице и условие об их ежегодной индексации с учётом индекса роста потребительских цен за предыдущий год.

В новой редакции закона акцентируется внимание на предотвращении и профилактике безработицы, на адресной поддержке и социальной помощи безработным, учете индивидуальных особенностей каждого гражданина, а

также внедрении эффективных механизмов поддержки для тех, кто ищет работу или планирует сменить сферу деятельности» [484].

Одним из важнейших аспектов государственной поддержки безработных, трудоустроенных граждан и так же только обучающихся будущих специалистов является повышение высшего и профессионального образования. К данной поддержке можно отнести такие примеры, как увеличение количества бюджетных мест, повышение качества образования, внедрение в образовательный процесс инновационных технологий и увеличение финансирования образовательных организаций. Все это может помочь гражданам при обучении и получении профессиональных компетенций.

Использование в совокупности выше приведенных мер поддержки положительно сказывается на количестве трудоустроенных граждан. Так же стабилизируется положение на рынке труда и повышается качество жизни населения.

Анализ текущей ситуации на рынке труда в Российской Федерации показывает, что уровень безработицы нестабилен и это связано с экономикой страны. Так COVID-19 нанес непоправимый ущерб многим фирмам, предприятия были вынуждены сокращать рабочие места, а в худшем случае закрываться вовсе.

По данным сервиса «Работа.ру», более четверти опрошенных россиян работают удаленно в той или иной форме. Спрос на этот формат сильно вырос после 2020 года, когда компании временно перевели сотрудников на удаленную работу в результате коронавирусной эпидемии. С тех пор количество вакансий, предлагающих такие предложения, увеличилось на 135% [484].

Но, в последнее время мы можем наблюдать и гибридный формат работы. Так, в России количество вакансий по смешанной модели работы за полгода выросло в 1,3 раза.

Следует обратить внимание и на то, как изменится численность сотрудников до конца 2023 года.

Рис. 1.41. Изменение численности сотрудников к концу 2023 года [392]

Далее в табл. 1.29 представлены данные, касаемо уровня безработицы, уровня инфляции и динамики заработных плат.

Таблица 1.29

Уровень безработицы, инфляции и динамики заработных плат*

Дата	Уровень безработицы	Уровень инфляции	Динамика зарплат	Дата	Уровень безработицы	Уровень инфляции	Динамика зарплат
01.2019	4,74%	4,99%	100	04.2021	5,21%	5,53%	108
02.2019	4,75%	5,22%	100	05.2021	4,97%	6,02%	107
03.2019	4,61%	5,25%	101	06.2021	4,84%	6,50%	108
04.2019	4,71%	5,17%	102	07.2021	4,64%	6,46%	108
05.2019	4,59%	5,13%	102	08.2021	4,54%	6,68%	108
06.2019	4,53%	4,66%	103	09.2021	4,38%	7,40%	108
07.2019	4,53%	4,58%	102	10.2021	4,29%	8,13%	108
08.2019	4,44%	4,31%	104	11.2021	4,26%	8,40%	109
09.2019	4,55%	3,99%	104	12.2021	4,20%	8,39%	109
10.2019	4,57%	3,75%	105	01.2022	4,28%	8,73%	109
11.2019	4,56%	3,53%	105	02.2022	4,06%	9,15%	109
12.2019	4,53%	3,04%	105	03.2022	4,08%	16,69%	110
01.2020	4,53%	2,42%	106	04.2022	4,04%	17,83%	101
02.2020	4,52%	2,31%	105	05.2022	4,00%	17,10%	102
03.2020	4,60%	2,54%	106	06.2022	4,01%	15,90%	104
04.2020	5,76%	3,09%	100	07.2022	3,95%	15,10%	105
05.2020	6,14%	3,02%	103	08.2022	3,87%	14,30%	106
06.2020	6,28%	3,21%	103	09.2022	3,89%	13,68%	107
07.2020	6,41%	3,37%	105	10.2022	3,81%	12,63%	108
08.2020	6,54%	3,58%	105	11.2022	3,64%	11,98%	109
09.2020	6,43%	3,67%	106	12.2022	3,65%	11,94%	110

Окончание табл. 1.29

Дата	Уровень без-работицы	Уровень инфляции	Динамика зарплат	Дата	Уровень без-работицы	Уровень инфляции	Динамика зарплат
10.2020	6,20%	3,99%	106	01.2023	3,51%	11,77%	110
11.2020	6,08%	4,42%	105	02.2023	3,46%	10,99%	112
12.2020	5,83%	4,91%	107	03.2023	3,41%	3,51%	113
01.2021	5,59%	5,19%	107	04.2023	3,28%	2,31%	113
02.2021	5,58%	5,67%	107	05.2023	3,23%	2,51%	114
03.2021	5,35%	5,79%	107	06.2023	3,15%	3,25%	115

* Источник: Федеральная служба государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/>

В России самыми востребованными на сегодняшний день являются профессии медицинского работника, IT-специалиста, преподавателя, строителя, работника в сфере услуг.

В связи с развитием технологий и информатизацией общества, в последние годы сфера IT стала особенно актуальна. Именно поэтому рынку труда стали необходимы квалифицированные специалисты, работающие в данной сфере.

Цифровизация экономики поддерживает IT-сферу и отчасти поэтому наблюдается спрос на услуги системных агрегаторов [393].

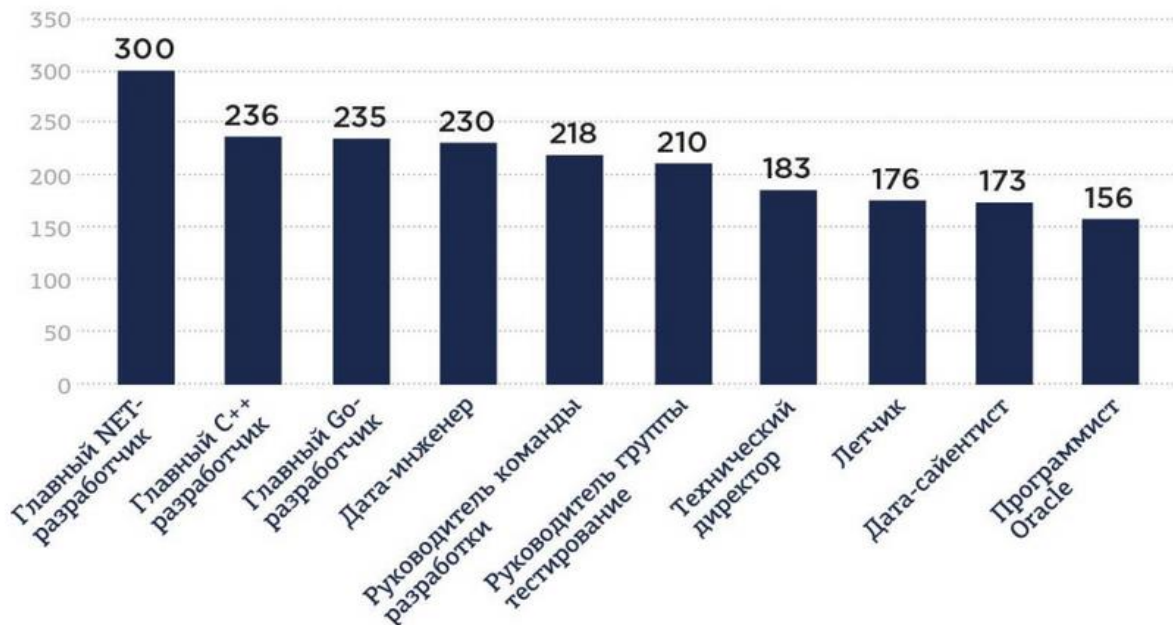

Рис. 1.42. Самые высокооплачиваемые специальности, тыс. рублей [393]

Так, по данным рис. 1.42 IT-специальности являются одними из самых высокооплачиваемых вакансий в России.

На рис. 1.43 продемонстрируем структуру спроса и предложения на рынке труда по профессиональным областям.

Рис. 1.43. Структура спроса и предложения на рынке труда по профессиональным областям [392]

Анализируя рис. 1.42 можно отметить, что число вакансий для топ-менеджеров, специалистов в области инвестиций, консалтинга, стратегического управления, а также для представителей сферы искусства, развлечений, массмедиа невелико, отсюда и высокий уровень конкуренции среди соискателей из этих профессиональных групп от 15,8 до 17,6 пункта.

Совершенно иная ситуация в медицине, фармацевтике, торговле.

На основании проведенного анализа при помощи рис. 1.43 следует продемонстрировать самую высокую конкуренцию в самых массовых с точки зрения спроса профессиональных областях.

Рис. 1.44. Конкуренция в профессиональных областях [392]

Работодатели из разных отраслей фактически конкурируют за одних и тех же людей на рынке труда. Но, на количество профессий и конкуренцию напрямую влияют и ключевые тренды на рынке труда:

– демографические (старение страны, количество работающих молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет на рынке труда сократилось за 10 лет, пенсионный возраст увеличился, и женщины больше вовлечены в некоторые ранее нетипичные профессии).

– экономические (уход значительного числа западных компаний с рынка России из-за санкций, отток высококвалифицированных специалистов в зарубежные страны, импортозамещение и ряд других проблем экономического характера).

– эмоционально-психологические (работодатели отдают предпочтения сотрудникам по рекомендациям, наблюдается снижение работоспособности и эмоциональное выгорание людей и т.д.).

Следует отметить, что безработица и инфляция зачастую взаимосвязаны между собой. Высокая инфляция может привести к увеличению безработицы, так как предприятия начинают сокращать свои расходы и рабочую силу. В то же время, высокая безработица может сдерживать инфляцию, так как спрос на товары и услуги ослаблен. Правильное управление инфляцией и безработицей является важной задачей для макроэкономической политики любой страны.

Далее на рис. 1.45 представлена зависимость уровня безработицы от уровня инфляции.

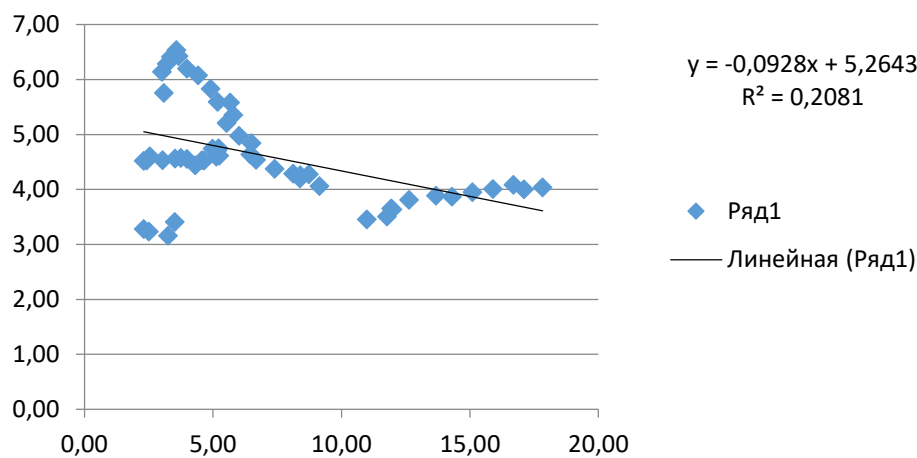

Рис. 1.45. Зависимость уровня безработицы от уровня инфляции [481]

Следует рассмотреть зависимость безработицы от динамики реальных зарплат.

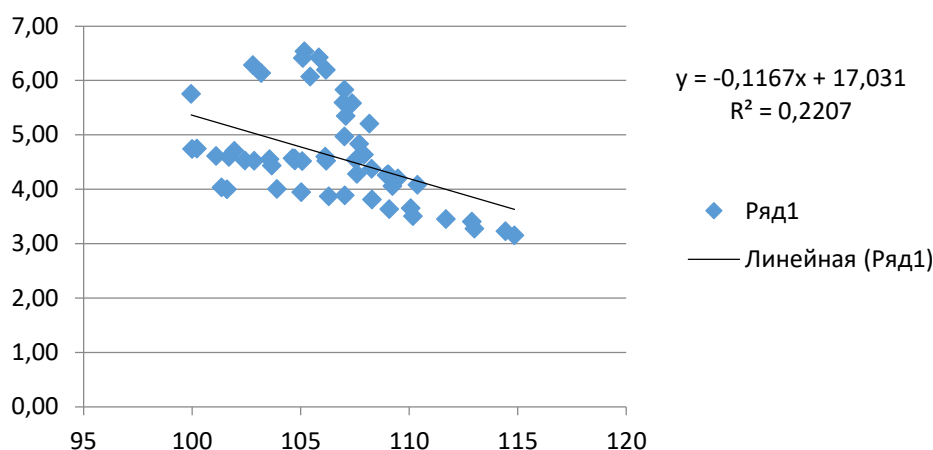

Рис. 1.46. Зависимость безработицы от динамики реальных заработных плат [481]

Таблица 1.33

Характеристики линейного многофакторного уравнения регрессии*

Регрессионная статистика	
Множественный R	0,635108979
R-квадрат	0,403363415
Нормированный R-квадрат	0,379965902
Стандартная ошибка	0,700865073
Наблюдения	54

Дисперсионный анализ					
Значимость					
	df	SS	MS	F	F
Регрессия	2	16,93657683	8,468288415	17,23958495	1,9081E-06
Остаток	51	25,05180435	0,49121185		
Итого	53	41,98838118			

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Y-пересечение	16,92138642	2,858902599	5,918839775	2,74799E-07	11,18190008	22,66087276
Переменная X 1	-0,087145522	0,022051267	-3,951950797	0,000239251	-0,131415286	-0,042875757
Переменная X 2	-0,109991382	0,026922137	-4,085536905	0,000155663	-0,164039826	-0,055942939

* Источник: Федеральная служба государственной статистики <https://rosstat.gov.ru/>

На основании проведенных нами расчетов, можем констатировать, что с увеличением инфляции на 1% уровень безработицы сокращается на 0,087%. С увеличением динамики реальной зарплаты, уровень безработицы сокращается на 0,109%. F наблюдаемое равно 17,29, а F критическое равно 3,178. И так как F наблюдаемое больше, чем F критическое, то модель является статистически значима. Также t наблюдаемого больше t критического, это

доказывает, что выбранные значения X значимо влияют на изменение уровня безработицы.

В целом, ситуация на рынке труда в России остается достаточно сложной. Работодателям приходится активно искать способы привлечения и обучения квалифицированных сотрудников для компенсации недостатка на рынке труда. Чтобы привлечь лучших специалистов, необходимо не только обеспечить конкурентоспособную заработную плату, но и создать условия для гибкой рабочей среды, поддерживать баланс между работой и личной жизнью, а также предоставлять возможности для профессионального роста.

Закончить хочется словами Стива Джобса: «Единственный способ хорошо работать – это любить то, что вы делаете. Если вы еще не нашли его, продолжайте искать. Не останавливайтесь» [481].

1.9. Обеспечение социальных потребностей населения в контексте экономической и национальной безопасности России

В системе экономической безопасности России неотъемлемым элементом является социальная сфера: благополучие, благосостояние граждан в условиях глобальных современных социально-экономических изменений. В системе экономической безопасности элемент – социальная сфера – включает понятие общественного благосостояния, исследуемое в качестве экономической категории, широко вовлечённой в «экономическую, социальную и политическую жизнь общества» [198]. Достижение экономической безопасности страны связано с экономическим развитием и экономическим благосостоянием общества единой целевой функцией, образующий потенциал национальной экономики. Повышение благосостояния российского общества в ближайшей перспективе президент РФ В.В. Путин определяет главной целью экономики России.

Экономика России относится к смешанному типу с различными формами собственности и способами хозяйствования, где важной её особенностью является ориентация на социальную модель с активным участием государства в решении социально-экономических задач и регулировании экономической системы.

Анализ научных источников позволяет выделить обобщённое определение экономического благосостояния населения как обеспеченность необходимыми благами и услугами (материальными и духовными) с целью удовлетворения его основных потребностей для качественной жизнедеятельности. Благосостояние здесь определяет уже достигнутый уровень жизни населения и в настоящее время выделяют систему характеризующих (оценивающих) его показателей, среди которых основными определяют уровень доходов, занятость, образование, здоровье, уровень бедности и другие.

Понятия благополучие и благосостояние являются очень близкими, но имеют сущностные различия. Современные авторы понятия благополучие

и благосостояние называют «факторами социально-культурного явления современного рынка» [401, с. 26]. При этом следует выделить присущую социальным благам особенность, что в условиях рыночного производства издержки на них чаще всего высокие, вследствие чего доступ к социально значимым благам граждан с низкими и очень низкими доходами становится существенно или совсем ограничен.

В сущности, исследуемых трактовок учёные обращают внимание на смысловые общности и различия понятий «благополучие» и «благосостояние» [401, с. 26], что позволяет автору выделить научный и экономический интерес, в том числе состояние экономической безопасности. Первая часть исследуемых понятий имеет общее – «благо», т.е. что-либо удовлетворяющее конкретную потребность. Существенные различия понятий имеет их вторая часть: в первом случае означает «непрерывное поступление каких-то потоков, неважно – в денежном или в натуральном измерении», а во втором случае – означает состояние, т.е. связанность «с какой-то устойчивой, застывшей, равновесной позицией» [401, с. 26]. С экономической точки зрения можно сказать, что получение (доступность) определённых социально значимых благ (благополучие) позволяет достичь некоторого уровня благосостояния, и степени устойчивости в социальном положении. Эта достигнутая устойчивость определяет уровень безопасности социально-экономической сферы в системе национальной безопасности.

Далее необходимо выделить, что функционал реального сектора экономики и социальной сферы (в части производства общественных, в том числе социальных и социально значимых благ) в рыночных условиях имеют существенные отличия. В современной экономике в настоящее время выделяют «третий сектор», который и берёт на себя функцию производства и предоставления общественных, в том числе социально значимых благ [191, 27]. Социально значимые блага не могут быть реализованы на рынке, поскольку не являются предметом купли-продажи, имеющим цель извлечения прибыли, но данные блага необходимы для достижения социальных целей, которые планирует, определяет и распределяет государство (государственный или общественный сектор).

Актуальность данной работы заключается в исследовании состояния социальной сферы России в аспекте экономической безопасности, где степень доступности и удовлетворённость населения социальными благами (*благополучие*) автором рассматривается в качестве показателя (индикатора) достижения некоторого уровня благосостояния общества. С этой позиции – обеспечения населения социальными благами – выполнен анализ имеющихся статистических показателей о количестве и видах социальных благ, числа их получателей среди группы населения с низкими доходами.

Поскольку социально значимые блага направлены на удовлетворение нерыночных потребностей людей – это активизирует рост общественного сек-

тора, в структуре которого выделяют некоммерческие организации, предоставляющие социальные блага и услуги в сфере образования, воспитания, здоровья, творчества и другие социальные услуги и блага, востребованные в обществе по мере трансформации современной экономики.

Именно некоммерческие организации (далее – НКО) в современных экономических условиях берут на себя выполнение важной социальной функции государства – удовлетворение потребностей общества востребованными социальными благами и услугами. Кроме того, НКО в условиях ограниченности ресурсов вместе с органами власти или самостоятельно помогают реализовать приоритетные направления государственной политики в удовлетворении населения социальными благами и услугами.

Основной целью исследования является оценка деятельности некоммерческих организаций в сфере обеспечения социальными благами и услугами населения в контексте экономической безопасности страны. В связи с тем, что от деятельности некоммерческих организаций в определённой мере зависит доступность для населения социальных благ и услуг, то это позволяет достичь устойчивости благосостояния и должно рассматриваться в качестве показателя достижения экономической безопасности общества. Деятельность некоммерческих организаций призвана повысить удовлетворённость потребностей населения в социальных благах и услугах, что также определяет необходимым выделение аспекта экономической безопасности. В работе автором сформулировано понятие «экономическая безопасность деятельности некоммерческих организаций», что представляет научную новизну исследования.

Следует отметить, что понятие устойчивость часто используется в современных научных исследованиях и имеет очень широкий смысл [222] и значимую сущность в формировании основ экономической безопасности [198]. Современное научное сообщество определяет понятие устойчивости в различных контекстах как долгосрочное поддержание систем с учетом экологических, экономических и социальных аспектов [19]. Это подразумевает и в то же время демонстрирует, что устойчивость стала междисциплинарной конструкцией и является объектом, оказывающим влияние на большинство сфер хозяйственной деятельности общества, имеет очень сложный профиль [15]. Понятие благосостояния, исходя из его сущностных характеристик, в том числе следует изучать именно с позиции достигнутого уровня устойчивости социальной сферы.

Объектом данного исследования определена деятельность некоммерческих организаций в сфере обеспечения населения социальными благами и услугами в контексте экономической безопасности.

Социальные блага очень востребованы в современном обществе, что подтверждает интенсивность роста «третьего сектора» экономики России, имеющего целью функционирование предоставление нерыночных услуг

посредством общественных некоммерческих организаций (НКО), или государственно-частными партнёрствами.

Одним из важнейших показателей состояния социальной сферы является уровень доходов, в первую очередь влияющий уровень благосостояния населения страны. С другой стороны, на уровень благосостояния общества влияет степень удовлетворения потребностей населения в социальных благах – общественных товарах и услугах. Социально значимые блага предоставляются населению бесплатно или за небольшую (не рыночную) плату, где в этом случае все издержки по их производству или большую их часть берёт на себя государство.

Исходя из выделенной актуальности темы исследования устойчивость экономической системы и достижение её безопасности в настоящее время и на перспективу зависит в том числе от степени удовлетворения потребностей населения в социальных и социально-значимых благах и услугах.

Задачами для данного исследования автором определены анализ различных источников относительно сущности деятельности некоммерческих организаций с позиции обеспечения экономической безопасности и национальных интересов и приоритетов; сравнительный анализ статистических показателей их деятельности, видового состава и количества социальных благ и услуг, обеспечивающих потребности населения в них, где исследована часть населения с низкими доходами.

Социальные блага и услуги производятся и предоставляются в сфере «третьего сектора» экономики России, который в настоящее время имеет тенденцию активного роста [191], в связи с чем выделим тренды его современного состояния и развития.

Некоммерческий сектор стал институциональным образованием в экономической системе России, образует институциональные конструкции, называемые «третьим сектором», «добровольным сектором» и «социальной экономикой», получающие все большее признание со стороны политиков, практиков и ученых. Что говорит о научном интересе к исследованию данного сектора.

Наблюдается рост влияния некоммерческого сектора на различные аспекты общественной жизни и во всем мире. Зарубежные учёные отмечают уникальную роль НКО в предоставлении общественных благ [91]. Они выполняют разнообразные социальные, экономические и политические роли в обществе: предоставляют востребованные населением услуги, занимаются просвещением, пропагандой и вовлечением людей в гражданскую и общественную жизнь, и другие важные социальные задачи.

Экономисты традиционно определяют НКО в терминах так называемого ограничения нераспределения. По мнению зарубежных исследователей, некоммерческая фирма — это фирма, которой запрещено распределять в финансовой форме свои избыточные ресурсы среди тех, кто ее контролирует

[39; 84]. Ограничение нераспределения «обеспечивает четкое разграничение, которое влияет на то, как организация получает ресурсы, как она контролируется, как она ведет себя на рынке, как ее воспринимают доноры и клиенты и как мотивируются ее сотрудники» [84, с. 118]. В то же время она гибко учитывает всё вышеупомянутое разнообразие некоммерческих фирм; остается их определяющим атрибутом независимо от характера деятельности, структуры финансирования и конкретных процедур управления. Более того, ограничение на нераспределение не запрещает некоммерческим фирмам получать финансовые излишки, оно лишь ограничивает возможности их использования: на развитие основного вида деятельности НКО, т.е. строго целевое использование.

Организации «третьего сектора» являются жизненно важной частью российской национальной системы, предоставляют широкий спектр благ и услуг, получение которых обеспечивает социальную защиту определённых групп населения, и тем самым повышает их благосостояние и уровень жизни. Такое состояние защищённости по мнению автора следует учитывать, как показатель экономической безопасности социальной сферы.

В России в конце XX века деятельность НКО имеет прочную правовую и нормативную основу. «В соответствии с законодательством Российской Федерации, некоммерческая организация – это организация, не имеющая цель извлечения прибыли в качестве основной в «своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль среди своих участников» [414]. На практике, тем не менее, очень важно, чтобы некоммерческая организация была прибыльной для поддержания цели её деятельности и выполнения миссии. Прибыль от деятельности (пожертвований спонсоров, меценатов, добровольных взносов участников и др.) инвестируется прежде всего на реализацию присущего ей вида деятельности, в том числе на капитальные затраты (помещения, оборудование), или в активы, приносящие доход, для обеспечения финансирования будущих мероприятий. Тем самым НКО повышают эффективность системы социальных услуг, вносят весомый вклад в социальную и политическую стабильность регионов и страны в целом [487]. Анализ функционирования НКО, отражённый в научных работах, показывает, что эти организации обладают большим потенциалом для решения государственных социально-экономических задач, таких как поддержка малого и среднего бизнеса, увеличение занятости, повышение производительности труда и стимулирование инноваций [263, 341].

Следует отметить, что среди НКО, выделяют социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО), имеющие основную цель функционирования – обеспечение людей социально значимыми благами, занимающие в структуре НКО особое место. Именно СОНКО предоставляют населению с низкими и очень низкими доходами социально значимые блага и услуги, которые в силу своих низких доходов эта группа граждан не имеет (или очень ограничена) возможности получать.

Деятельность СОНКО в последнее время становится всё более институционализированной. Специально для СОНКО Минэкономразвития создан реестр данных организаций. Основная цель НКО – это предоставление гражданам общественных благ, не связанных с получением прибыли, включающих защиту прав человека, развитие образования, здравоохранения, культуры и т.д. Кроме того СОНКО имеет и благотворительные цели, но их деятельность должна быть направлена на решение социальных проблем и улучшение качества жизни мало защищённых групп населения.

Следует подчеркнуть, что деятельность как НКО, так и СОНКО имеет мировую значимость [198]. В настоящее время в странах мира (правительством, бизнесом, международными НКО) ведётся работа в соответствии с 17 целями устойчивого развития, разработанными в Стратегическом плане Программы Организации Объединённых Наций по населённым пунктам на период 2020-2025 годов [426]. Разработанные этой Стратегической Программой ООН цели приняли 193 государства-члена ООН, в том числе Россия. Цели устойчивого развития стали значимым направлением с 2019 г. и для многих российских компаний реального сектора: в соответствии с ними они в настоящее время планируют свои благотворительные программы и сотрудничают с НКО и СОНКО.

Основными среди указанных целей СОНКО, соответствующие целям ООН, можно выделить борьбу с бедностью, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания населения, формирование здорового образа жизни и обеспечение инклюзивного и доступного качественного образования в обществе. Эти цели имеют в основе своей достижение определённого уровня социально-экономического развития стран, особенно бедных, и таким образом формируют основы национальной экономической безопасности. Чем выше устойчивость достигнутых социально-экономических показателей, тем прочнее экономическая безопасность страны. Таким образом устойчивость является мерой определения как благосостояния общества, так и экономической безопасности страны.

Повышение устойчивости общества (социально-экономических показателей) включает различные направления работы СОНКО, имеющие цель защиты его социального благополучия и достижения экономической безопасности. К ним относят работу СОНКО в сфере образования, загрязнения окружающей среды, здоровья, безопасности, культуры и многих других социальных аспектов жизни общества. Деятельность СОНКО жизненно важна по таким причинам. Во-первых, у правительств и бизнеса не всегда достаточно ресурсов для решения и обеспечения в полном объёме всех социальных потребностей общества. Многие социальные проблемы, такие как нищета, бездомность, абьюзинг, отсутствие доступа к продовольствию, медицинским и образовательным услугам, не всегда находят должного решения. Но их можно решить с помощью таких мер поддержки, которые предостав-

ляют населению СОНКО в рамках своих миссий, определяемых доступными для бедных жизненно важные ресурсы.

К социально значимым относят экологические проблемы, такие как выбросы парниковых газов, изменение климата, загрязнение окружающей среды (почв, воды, воздуха) и другие, которые в том числе могут быть решены и решаются посредством деятельности НКО. Они в том числе проводят исследования в сфере экологии отдельных микросистем, территорий, создавая тем самым ценную базу теоретических знаний и практического опыта для научного сообщества.

Различные социальные проблемы могут возникать как в национальных масштабах, так и в отдельных регионах, небольших (локальных) сообществах. В связи с чем они имеют отличия, сложный характер, и поэтому для их решения требуется затраты времени, ресурсов (финансовых, информационных, трудовых и др.) и усилий. Поскольку правительствам приходится обслуживать большое разнообразие потребностей различных групп населения и заинтересованных сторон, бывает очень сложно в полной мере решать каждую конкретную проблему или потребность ввиду её локального характера. В связи с чем НКО и СОНКО являются так называемыми посредниками между государством (органами власти) и обществом в сфере реализации государственной социальной политики и имеют возможности адресного удовлетворения потребностей граждан в социальных благах и услугах (локальные общественные блага и услуги в регионах России).

Выделяется и другая значимая сторона функционирования НКО – они создаются на основе потребностей людей, общества [302], т.е. в рамках определенной цели и полностью сосредоточены на ее достижении. Это позволяет данным организациям идеальным способом восполнить пробел между потребностями общества в целом и тем, что в ограниченных размерах может предоставить правительство и коммерческие организации.

Ещё один важный аспект деятельности СОНКО – объединение людей вокруг общего дела, где они учатся сотрудничать и разделять ценности, что сближает общество и повышает его социальную сплоченность [243], чем они способствуют формированию гражданского общества. НКО часто выполняют задачи по созданию, объединению сообщества, например, предоставляя место для занятий, организованных для определенного круга лиц в рамках какого-либо сообщества.

Многие НКО ориентированы на искусство, например, муниципальный театр или музей. Какие бы из спектра вменённых им услуг они ни предлагали, НКО всегда ориентированы на улучшение благополучия и достижение определённого уровня благосостояния общества, что обеспечивает достижение состояния экономической безопасности общества.

НКО способны создать более образованную, здоровую, осознанную, справедливую и взаимосвязанную среду жизнедеятельности, предлагают

людям возможность участвовать в решении волнующих проблем, в непосредственной организации желаемых ими перемен в обществе. НКО организуют и задействуют неиспользуемую в других случаях рабочую силу волонтеров для решения в определенном смысле неисполнимых задач [107]. НКО позволяют объединить тех, кто может помочь, с теми, кто нуждается в помощи, и в этом они чрезвычайно важны для решения социально значимых вопросов и проблем в обществе.

Следует выделить в качестве важного аспекта такое «преимущество некоммерческих организаций по отношению к коммерческим и государственным структурам в предоставлении социальных услуг населению», состоящее «в индивидуальном подходе к проблемам и целевой аудитории» [10, с. 79]. Государство, исходя из масштабов своей деятельности, может ориентироваться исключительно на «медианного» потребителя. НКО способны генерировать более разнообразные виды благ и успешнее справляются с задачей удовлетворения потребностей даже очень небольших групп людей» [10, с. 84]. Таким образом, следует ещё раз подчеркнуть значимость деятельности НКО, и СОНКО в повышении благополучия и достижении устойчивости в благосостоянии как отдельных групп людей (*локальные блага*), так и в целом всего общества (*национальные интересы и приоритеты*). Этот аспект является значимым в достижении социально-экономического равновесия в обществе, способствующим реализации государственной социальной политики на макро- и микроуровне, что формирует устойчивость национальной экономики и имеет определённый вклад в укрепление основ экономической безопасности страны.

На законодательном уровне деятельность НКО в России регулируется с 1996 г. За период с 1996 до 2019 гг. включительно деятельность НКО регулируется с позиции определения общего социального значения их деятельности, в том числе определены меры их поддержки государством.

С 2020 г. вводятся меры упорядочения их деятельности со стороны государства – Реестр СОНКО, где приведен ряд требований по отнесению организаций к СОНКО. Кроме того, нормативные изменения регламентируют порядок формирования и использования целевого капитала СОНКО, а также включение (расширение) в ОКВЭД продукции и услуг, производимой и предоставляемой СОНКО.

Согласно представленным основополагающим нормативным документам в табл. 1.31, было официально закреплено понятие НКО, созданы условия для активного формирования «третьего сектора» на территории РФ, а изменениями с 2020 г. закреплены меры поддержки НКО по видам деятельности, позволяющие выделить СОНКО по предоставлению социально значимых благ и услуг населению, спрос на которые имеет тенденцию роста [199]. Важно подчеркнуть: СОНКО уполномочены государством действовать напрямую (адресно), обходя бюрократические барьеры.

Нормативные документы, регулирующие деятельность СОНКО

Документы до 2020 года	Документы после 2020 года
Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»	Порядок представления в Минэкономразвития РФ сведений для включения в реестр СОНКО (Приказ Минэкономразвития России от 2 июля 2020 года N 386)
Указ Президента РФ от 31.08.2006 № 938 «О мерах государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» (вместе с «Положением о Комиссии по вопросам государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»)	Постановление Правительства РФ от 30 июля 2021 г. № 1290 «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций» в соответствии с которым формируется реестр СОНКО (далее соответственно – постановление № 1290, СОНКО, реестр СОНКО)
ФЗ от 05.04.2010 № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций»	Разработаны требования к формату сведений, представляемых о НКО для включения в реестр СОНКО – утверждены приказом Минэкономразвития России от 14 января 2022 года № 14.
Постановление Правительства РФ от 23.08.2011 № 713 «О предоставлении поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям»	14 июля 2022 г. № 279-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия положений Федерального закона «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций»
Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»	Приказ Росстандарта от 20 декабря 2022 г. № 1533-ст «Об утверждении Изменения 52/2022 ОКВЭД 2 к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) и Изменения 75/2022 ОКПД 2 к Общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности» вступили в силу с 1 марта 2023 г.

Анализ содержания документов в табл. 1.31 позволил сгруппировать их по двум периодам, где в содержании документов, начиная с 2020 г., выделены конкретные требования к деятельности СОНКО (как, например, введение реестра СОНКО и др.).

Главным федеральным органом в сфере разработки и реализации государственной социальной политики в сфере нормативно-правового регулирования и поддержки СОНКО выступает Министерство экономического развития РФ. В его структуре действует Департамент развития социальной сферы и сектора НКО, занимающийся непосредственно вопросами дости-

жения поставленных целей посредством развития инфраструктуры господдержки СОНКО, а также содействия доступу негосударственных поставщиков на рынок сферы социальных услуг, развития благотворительности и добровольчества среди хозяйствующих субъектов и физических лиц.

До 2021 г. количество СОНКО постепенно увеличивается, их деятельность в сфере выполнения государственных заказов становится максимально прозрачной (введённым реестром СОНКО). Согласно требованиям, чтобы попасть в официальный реестр Минэкономразвития, СОНКО должны осуществлять свою деятельность в рамках статьи 31.1 ФЗ №40-ФЗ от 05.04.2010 [483], не иметь иностранных источников финансирования и не реже раза в год осуществлять финансовые операции.

В России деятельность НКО поддерживается государством на национальном и региональном уровне, а органами власти осуществляется сбор и распространение лучших практик по реализации социальных благ и услуг, информационного и методического сопровождения их деятельности. Для практической реализации целей деятельности НКО на государственном уровне функционирует единая автоматизированная информационная система поддержки СОНКО (официальный сайт: nko.economy.gov.ru).

Среди НКО в настоящее время СОНКО стали значимыми субъектами в сфере предоставления социальных и социально значимых благ и услуг. Они предлагают широкий спектр (перечень) услуг (представлены далее в табл. 1.35), которые Правительство и частный сектор не всегда имеют возможности достаточно оперативно предоставлять их обществу.

Отметим, что предоставление социальных, в том числе социально значимых благ и услуг, Росстандарт определяет в качестве вида экономической деятельности, включенный в ОКВЭД (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности).

Согласно приказа Росстандарта от 20.12.2022 г. № 1533-ст [354] изложенные в нём изменения для ОКВЭД-2 вступили в силу с 1 марта 2023 г., где внесены изменения в состав видов деятельности НКО, осуществляющих предоставление социальных благ и услуг населению.

Приведём примеры некоторых подходящих для деятельности НКО классов в структуре ОКВЭД по видам экономической деятельности – это 64, 85, 86, 88, 94, где каждый из них классифицирует различные виды, группы и подгруппы деятельности:

- в 64 классе сгруппирована деятельность по сбору пожертвований, и формированию целевого капитала НКО;
- в класс 85 включены виды деятельности по дополнительному образованию детей и взрослых;
- класс 86 включает виды деятельности в области психического здоровья;
- в классе 88 отнесены услуги по предоставлению социальных услуг без обеспечения проживания;

– в классе 94 включены несколько разных видов деятельности среди которых деятельность организаций правозащитных, в сфере охраны окружающей среды, по защите особых групп населения, по улучшению положения гражданского населения и поддержке общественности, деятельность молодёжных объединений, по проведению культурных и развлекательных мероприятий, по предоставлению стипендий или грантов НКО и прочие.

Министерством экономического развития РФ также разработана Система поддержки СОНКО, позволяющая правильно определиться с видом экономической деятельности согласно ОКВЭД [397].

В сфере защиты населения исследователи выделяют «особую роль государства в трансформирующейся экономике», заключающаяся «в определении перечня и объёма общественных благ», необходимых для удовлетворения потребностей населения и отдельных категорий граждан, остро в них нуждающихся [222, с. 51].

В табл. 1.32 приведен перечень социально значимых благ и услуг согласно ОКВЭД-2, установленный нормативными требованиями Росстандарта. Согласно статье 31.1 N 40-ФЗ от 05.04.2010 перечисленные виды деятельности (табл. 1.35), позволяют придать некоммерческой организации статус социально ориентированной.

Таблица 1.32

Перечень социальных благ и услуг по ОКВЭД-2*

№ п/п	до 1 марта 2023 г.
1	социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан;
2	подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;
3	оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам;
4	охрана окружающей среды и защита животных;
5	охрана и в соответствии с установленными требованиями содержание объектов (в том числе зданий, сооружений) и территорий, имеющих историческое, культурное, культурное или природоохранное значение, и мест захоронений;
6	оказание юридической помощи на безвозмездной или на льготной основе гражданам и некоммерческим организациям и правовое просвещение населения, деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина;
7	профилактика социально опасных форм поведения граждан;
8	благотворительная деятельность, а также деятельность в области организации и поддержки благотворительности и добровольчества (волонтерства);
9	деятельность в области образования, просвещения, науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан, физической культуры и спорта и содействие указанной деятельности, а также содействие духовному развитию личности;
10	формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению;

№ п/п	до 1 марта 2023 г.
11	развитие межнационального сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации;
12	деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического, воспитания граждан Российской Федерации;
13	проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков защитников Отечества, установление имен, погибших и пропавших без вести при защите Отечества;
14	участие в профилактике и (или) тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ;
15	социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов;
16	мероприятия по медицинской реабилитации и социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических или психотропных веществ;
17	содействие повышению мобильности трудовых ресурсов
18	увековечение памяти жертв политических репрессий
	с 1 марта 2023 г.
19	деятельность организаций по улучшению положения гражданского населения и поддержке общественности прочие;
20	деятельность организаций по защите особых групп населения;
21	деятельность организаций по улучшению положения гражданского населения и поддержке общественности прочие;
22	деятельность в области психического здоровья;
23	деятельность организаций по защите особых групп населения;
24	деятельность организаций по улучшению положения гражданского населения и поддержке общественности прочие;
25	деятельность организаций по улучшению положения гражданского населения и поддержке общественности прочие;
26	деятельность организаций по защите особых групп населения;
27	деятельность правозащитных организаций

*Источник: Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [418]

Из табл. 1.32 видим широту спектра социальных благ и услуг различного характера – в сфере здравоохранения (физическое, психическое), образования, культуры, искусства, правозащиты, реабилитации, благотворительности и многих других видов.

Как было сказано, с 1 марта 2023 г. этот список был дополнен и расширен вступившими в силу изменениями в перечне видов социальных услуг, где были добавлены ещё 9 видов деятельности для СОНКО, значительно расширяющих реестр и функционал данных организаций (см. табл. 1.32).

Приказом Росстандарта от 20 декабря 2022 г. № 1533-ст также предусмотрено включение отдельных кодов видов деятельности, осуществляе-

мых СОНКО, в том числе для деятельности по сбору и передаче благотворительных пожертвований, деятельности по формированию целевого капитала НКО, деятельности организаций по охране окружающей среды, деятельности правозащитных организаций и др.

В качестве полигона исследования анализ деятельности СОНКО выбран Уральский макрорегион, в составе семи его субъектов РФ.

Проведём анализ имеющихся статистических данных по деятельности СОНКО. Проанализируем по данным Росстата их количество в границах исследуемого Уральского макрорегиона по итогам выборочного обследования, представленных в табл. 1.33.

Таблица 1.33

Количество СОНКО в субъектах РФ, входящих в состав Уральского макрорегиона, всего, ед.

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	19341	18867	19561	16 233	16 140	16 304
Республика Башкортостан	4 535	4 552	4 635	4 758	3 235	3 419
Удмуртская республика	1 859	1 791	1 811	1 492	1 474	1 482
Свердловская область	5 107	4 707	5 019	4 127	4 194	4 141
Курганская область	624	715	719	569	564	570
Пермский край	3 074	3 058	3 263	2 762	2 788	2 788
Оренбургская область	2 308	2 158	2 138	1 596	1 538	1 501
Челябинская область	1 834	1 886	1 976	2 252	2 347	2 403

Источник: Росстат [388]

По данным табл. 1.33 в Уральском макрорегионе наблюдается динамика снижения числа СОНКО к 2022 г., исключением является Челябинская область. По отдельным субъектам макрорегиона имеются различия в количестве СОНКО: наибольшее число СОНКО сосредоточено в Свердловской области, наименьшее – в Курганской. Второе место по числу СОНКО занимает Республика Башкортостан, далее следуют Пермский край и Оренбургская область. В Республике Удмуртия и Челябинской области показатели отличаются незначительно.

По динамике показателей числа СОНКО в табл. 1.36 видны изменения от 2021 к 2022 году: небольшой рост имеет общий показатель по макрорегиону и аналогичную динамику их числа наблюдаем в Республиках Башкирии и Удмуртской, в Курганской и Челябинской областях. В Свердловской, Оренбургской областях небольшое снижение числа СОНКО, в Пермском крае их число стабильно.

Анализ изученных источников позволяет выделить следующие причины выявленной динамики числа СОНКО по табл. 1.33. Так, в докладе о состоянии, проблемах и перспективах развития социально ориентированной деятельности некоммерческих организаций в Удмуртской Республике указано, что в 2021 г. было зарегистрировано 109 новых НКО, но при этом 132 пре-

кратили свою деятельность в результате изменения законодательных требований. В связи с чем с 2021 г. наблюдается отрицательная динамика количества СОНКО (убыль составила 15 организаций или 0,8%) [179].

Аналогичная ситуация происходила в других субъектах исследуемого Уральского макрорегиона. Причина такой динамики числа СОНКО (снижение) в большей мере связана с введением Минэкономразвития реестра и с середины 2021 г. их количество во всех субъектах РФ начало сокращаться. Отметим, что ведённые Минэкономразвития изменения потребовали значительных временных затрат на перерегистрацию деятельности для некоторых СОНКО (в соответствии с изменениями в ОКВЭД-2), где нарушение законодательных требований влечёт наложение штрафных санкций [487]. Данные требования строго регламентируют отчётность деятельности НКО и обязуют сдавать отчёты о результатах их деятельности в Росстат [285, 352].

Далее в табл. 1.34 приведены статистические показатели объёма (количества) и видов благ и услуг, предоставляемых СОНКО в 2022 г.

Таблица 1.34

Число получателей, социально значимых благ и услуг по видам деятельности, чел.*

Субъекты РФ	Услуги в 2022 г., в том числе в сфере:				
	Социальной политики	Культуры и кинематографии	Образования	Здравоохранения	Спорта
Республика Башкирия	5 599	6 416	10 780	6 858	336 932
Республика Удмуртия	3 493	153 808	5 429	–	80 738
Свердловская область	41	107	7 317	20 347	14 682
Курганская область	–	–	–	–	1 404
Пермский край	-	50 871	4 656	227	169 086
Оренбургская область	232	436	619	–	127 852
Челябинская область	5 206	33 135	4 536	14 610	5 619

*Источник: Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [418]

Отметим, что среди данных табл. 1.34 отсутствуют данные по каким-либо видам социальных услуг в некоторых субъектах Уральского макрорегиона. Причина – отсутствие этих данных в статистике (автором не найдено отчётов по предоставленным видам социальных благ и услуг). Данная ситуация не позволяет в полной мере провести анализ и оценку удовлетворённости населения некоторыми видами социальных услуг.

Далее в табл. 1.35 приведены показатели объёма предоставленными СОНКО социальных благ и услуг по некоторым видам деятельности.

Таблица 1.35

Объём социальных благ и услуг по видам деятельности, руб.*

Субъекты РФ	Стоить оказанных услуг в 2022 г., в тыс. руб., в том числе в сфере:				
	Социальной политики	Культуры и кинематографии	Образования	Здравоохранения	Спорта
Республика Башкирия	1368352,92	205611,99	692352,58	15876,06	627100,89
Республика Удмуртия	13756,77	17836,08	29419,88	–	290249,53
Свердловская область	586240,88	–	317704,26	3041,5	8858,12
Курганская область	–	–	–	–	30,60
Пермский край	19922,55	205807,38	106893,41	5395,42	315311,4
Оренбургская область	106028,44	–	64758,57	–	581058
Челябинская область	49091,82	17108,3	185137,77	1076,6	2829689,8

*Источник: Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [418]

В табл. 1.35, как и в предыдущей табл. 1.34, отсутствуют показатели по некоторым субъектам, что не позволяет провести анализ статистических данных в полной мере.

Можно полагать, что статистические данные должны появиться ввиду обозначенных Министерством экономического развития новых требований к деятельности СОНКО, включающих обязательность предоставления отчёта о выполнении запланированных мероприятий [327].

Тем не менее, из данных табл. 1.34 и 1.35 видим, что реализация социальных благ и услуг в исследуемых субъектах Уральского макрорегиона СОНКО осуществляется.

Необходимо изучить динамику числа граждан в субъектах РФ Уральского макрорегиона с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (табл. 1.36). Данная категория граждан является наиболее нуждающейся в получении социально значимых благ и услуг, предоставляемых СОНКО.

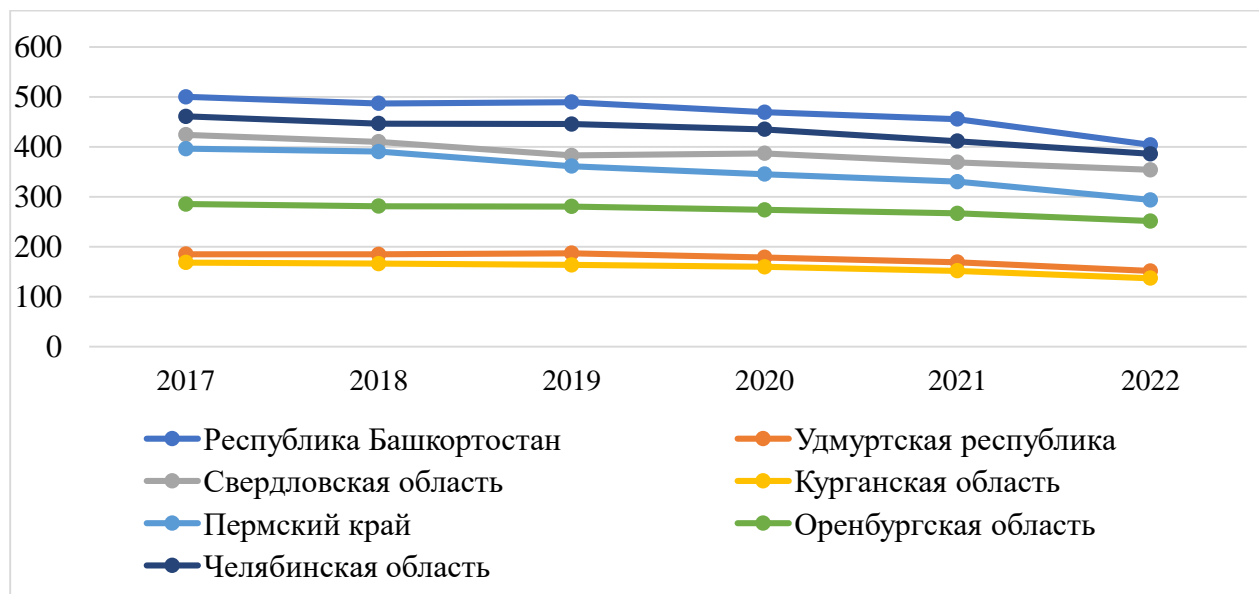
Таблица 1.36

Население с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, тыс. чел.*

Регион	2017	2018	2019	2020	2021	2022
<i>Всего в макрорегионе</i>	<i>2 421</i>	<i>2 366,6</i>	<i>2 311,6</i>	<i>2 249,4</i>	<i>2 154,1</i>	<i>1 684,2</i>
Республика Башкортостан	500,2	487,3	489,9	469,7	455,7	404,1
Удмуртская республика	185,0	184,6	187,0	178,5	169,1	151,3
Свердловская область	424,3	410,2	383,1	387,0	369,0	354,2
Курганская область	168,4	166,1	163,6	159,6	151,6	136,9
Пермский край	396,5	390,5	361,5	345,5	330,2	293,9
Оренбургская область	285,4	281,2	280,7	273,8	267,0	251,5
Челябинская область	461,3	446,7	445,8	435,3	411,5	386,2

*Источник: Росстат [388]

В табл. 1.36 видим, что число человек, нуждающихся в социально значимых услугах, снижается, что на рис. 1.47 представлено наглядно.

Источник: составлено автором по данным таблицы 1.36.

Рис. 1.47. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, тыс. чел. [388]

По данным табл. 1.36 и рис. 1.47 определяется чёткий тренд снижения числа населения, находящегося за чертой бедности, при чём интенсивность их снижения растёт с 2021 г. Данный тренд динамики коррелирует с показателями уровня безработицы в исследуемых субъектах РФ.

По данным Росстата динамика изменения уровня безработицы в России была высокой в 2000 и в 2009 годах (соответственно 10,9% и 8,24%). На мировом уровне безработица не является опасной, если её уровень не превышает 8%. Тренд безработицы в России после 2009 г. имеет устойчивое снижение. За период с 2020 по 2023 гг. динамика безработицы имеет значения ниже, чем средний мировой уровень (табл. 1.37), также снижается число безработных. По состоянию на 2023 г. уровень безработицы в России снизился до 2,96 %, а число безработных до 2 257,5 тыс. человек.

Таблица 1.37

Показатели уровня безработицы и числа безработных*

Показатели	2019	2020	2021	2022
Уровень безработицы в РФ, %	4,54	5,76	4,84	3,79
Число безработных в РФ, тыс. чел.	3 464,8	4 321,3	3 630,5	2 842,8
<i>Показатели числа безработных в Уральском макрорегионе, тыс. человек</i>				
Республика Башкортостан	83,8	111,7	83,2	65,1
Удмуртская Республика	32,6	48,2	34,2	21,6
Свердловская область	8,6	10,0	9,6	10,3

Окончание табл. 1.37

Показатели	2019	2020	2021	2022
Курганская область	28,4	30,4	27,9	23,5
Пермский край	63,1	70,5	57,0	41,9
Оренбургская область	41,2	55,4	44,4	32,3
Челябинская область	95,1	125,9	91,5	55,7
<i>Показатели уровня безработицы в Уральском макрорегионе, %</i>				
Республика Башкортостан	4,4	5,9	4,3	3,4
Удмуртская Республика	4,3	6,3	4,5	2,9
Свердловская область	4,2	5,8	4,1	3,5
Курганская область	7,8	8,2	7,6	6,5
Пермский край	5,2	5,7	4,6	3,4
Оренбургская область	4,4	5,9	4,7	3,5
Челябинская область	5,6	6,8	4,9	3,1

*Источник: Уровень безработицы в России; Показатели уровня безработицы в Уральском макрорегионе в % (по методологии МОТ) [345, 474]

Таким образом, динамика снижения числа граждан с доходами ниже прожиточного минимума является положительным фактором состояния социально-экономической сферы исследуемых субъектов РФ Уральского макрорегиона. Но это не свидетельствует об однозначном снижении потребностей населения в социальных благах и услугах, поскольку потребность в них у населения постоянна.

Обеспечение социальных потребностей общества является важной государственной задачей, эффективное выполнение которой создаёт основу устойчивости и стабильности национальной экономики. Для более полной и эффективной реализации задач в социально-экономической сфере призваны НКО и СОНКО.

Необходимо отметить ещё один важный аспект, который, по мнению автора необходимо учитывать в процессе организации деятельности НКО. В настоящее время каждый субъект РФ в обязательном порядке имеет стратегию социально-экономического развития (согласно ФЗ-172 О стратегическом планировании) [488], в которой отражены приоритеты его социально-экономического развития, являющиеся обязательными для достижения собственных целей развития территории и, в конечном итоге, общей национальной цели социально-экономического развития. Содержание стратегии каждого субъекта РФ отличается, поскольку каждому из них присущи свои социально-экономические проблемы и в соответствии с ними выделены приоритеты их социально-экономического развития. Указанные стратегии должны быть важной основой для функционирования СОНКО с позиции выбора ими приоритетных видов деятельности, потому как выделенные в стратегических документах социально-экономические проблемы позволяют определять и решать конкретные социально-экономические задачи развития территории.

С этой позиции необходимо налаживать целенаправленное взаимодействие органов местного самоуправления с СОНКО для консолидации усилий по реализации социально-экономических задач стратегического развития всех субъектов РФ.

Консолидация действий некоммерческих организаций и органов власти будет способствовать более эффективному достижению социально-экономических задач общества. В результате такого взаимодействия можно ожидать повышения наметившихся трендов представленных статистических показателей, что должно способствовать повышению благополучия и укреплению благосостояния общества.

Таким образом в заключение исследования можно определить сущность экономической безопасности деятельности НКО. Авторская трактовка данного понятия определена тем, что *экономическая безопасность деятельности некоммерческих организаций – это создание условий повышения доступности для населения, особенно наименее обеспеченных и защищённых граждан, социально значимых благ и услуг, с целью повышения уровня обеспечения их основных социальных потребностей, благополучия, реализации государственных социальных гарантий.*

Место деятельности НКО, в том числе СОНКО, в структуре экономической безопасности общества представлена на рис. 1.48.

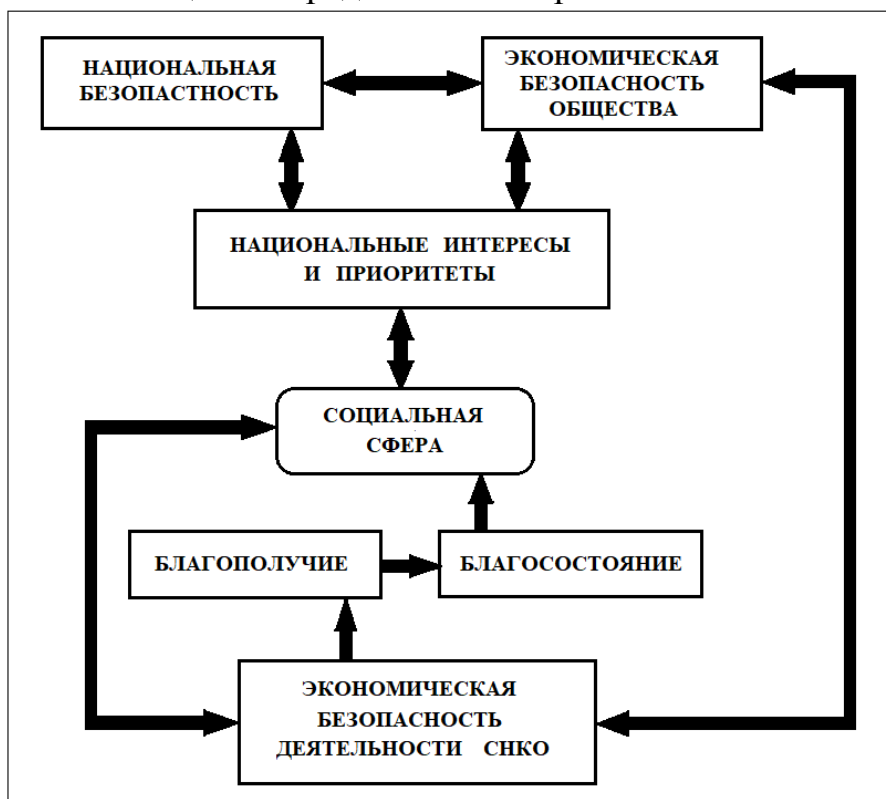

Рис. 1.48. Деятельность НКО в системе экономической безопасности общества

Примечание: составлено автором.

На рис. 1.48 выделены связи между сферами интересов в процессе деятельности СОНКО. Их деятельность, направленная на повышение благополучия и благосостояния граждан, помогает реализовать государственную социально-экономическую политику, имеющую аналогичную цель на уровне национальных интересов и приоритетов. Защищённость интересов нации позволяет обеспечивать состояние экономической безопасности общества, которая связана с национальной безопасностью.

Деятельность НКО является востребованной и необходимой обществу, поскольку она – один из инструментов решения социально-экономических задач государства. На практике видим востребованность деятельности НКО в формировании и развитии «третьего сектора» экономики России, приобретающего формы институционального образования, означающего повышение прозрачности и эффективности его функционирования. Данный сектор призван способствовать более эффективному, адресному распределению социальных благ и решению многих системных проблем в обществе. Это проблемы находящиеся в сфере образования, здравоохранения, экологии, защиты прав граждан и многие другие находятся в социальной сфере государства, где важно то, что НКО способствуют перераспределению ресурсов в обществе для повышения социального благополучия.

На основе проведённого исследования можно заключить следующее:

1) деятельность НКО (и СОНКО) требует дальнейшей чёткой организации, где со стороны Министерства экономического развития уже приняты определённые шаги (введение реестра, требование к отчётности и др.), что позволит сопоставлять статистические данные, анализировать и прогнозировать деятельность исследуемых видов организаций;

2) статистические показатели позволят конкретнее определять (анализировать, оценивать) уровень благополучия и благосостояния граждан на каждом временном этапе, кроме того, наличие статистики позволит применять имеющиеся и разрабатывать специализированные методики оценки состояния экономической безопасности деятельности НКО, что расширит и дополнит оценку экономической и национальной безопасности;

3) анализ и оценка благосостояния общества имеет не только количественную, но и качественную сторону оценки экономической безопасности, что придаст новые характеристики и свойства оценке благосостояния в системе национальной безопасности.

Таким образом, деятельность НКО и СОНКО, повышает уровень реализации государственных социальных гарантий, делает их более адресными и позволяет укрепить устойчивость и развитие социально-экономической сферы России на перспективу. Экономическая безопасность призвана обеспечить социальное благосостояние общества.

1.10. Воспитание молодежи как ключевая проблема системы образования и национальной безопасности страны

В условиях перемен, интенсифицированных специальной военной операцией (СВО) России на Украине и выхода страны из «рыночного геноцида» прежних десятилетий (термин С.Ю. Глазьева [151], А.И. Субетто [429]) обострилась проблема воспитания молодежи. Она стала ключевой не только для сферы отечественного образования, но и национальной безопасности страны в целом.

Отказ от прежних идеологических установок после развала СССР в «лихие» 1990-е и непростые годы начала XXI века привел к трансформации социокультурных смыслов, смене стереотипов деятельности и поведения людей. Мы разделяем мнение ученых, что страна в 1990-х гг. в состоянии духовно-идеологического смятения смотрела в свое прошлое и будущее. В прошлом остались два огромных по своим масштабам ценностно-мировоззренческих отречения. В начале XX века, начиная с 1917 г., произошло большевистское отречение «от старого мира», положившее начало строительству коммунизма, а в 1990-х гг., при развале СССР, – отречение уже от результатов этой гигантской работы. По мысли В.А. Мосолова [377], это двойное отречение при жизни одного поколения беспощадно мстит тем, что словосочетание «духовный вакуум» стало своеобразным зеркалом, в которое смотрит на себя обществовед, лихорадочно разрабатывающий во имя будущего новое мировидение, новые концепции обустройства Отечества, воспитания подрастающих поколений» [294, с. 3].

Вал накопившихся проблем в стране, безусловно, стал препятствием на пути выработки властями страны грамотной молодежной политики, приведшей к неэффективной модели её реализации. Причинами, повлиявшими на это важнейшее звено национальной безопасности стали факторы: отсутствия идеологического единства общества (из-за запрета на государственную идеологию), нарушение принципа социальной справедливости, низкая религиозность общества, деформация традиций отечественной системы воспитания-обучения из-за «вхождения» в чуждый стране «Болонский процесс». Последнее привело к формированию целой системы «натаскивания» детей для сдачи ЕГЭ, резко усилив фактор случайного выбора молодыми людьми направлений профессиональной подготовки [96]). Все это во многом «добило» остатки унаследованной от советского времени не безукоризненной, но вполне работавшей в стране системы воспитания-образования. Решение важнейшей для будущего страны проблемы воспитания и по сути «спасение» Отечества от потенциально страшных последствий от невоспитанности и деградации молодежи сегодня легло на многострадальные российские семьи. Однако, изменившаяся геополитическая, социально-тех-

нико-экономическая и социокультурная ситуация требует научного осмысления путей движения страны вперед и поиск надежных ориентиров этого движения.

Воспитание – сложнейший феномен [447]. Вопрос о смысле воспитания – это вопрос о должном. Философия воспитания требует, чтобы к его изучению подходили в целостности, соединяющей в себе многообразие проявлений феномена. Отсюда следует, что вопрошание о воспитании как реальном феномене – это уже вопрошание о сущем, в котором важно представлять, каким является воспитание в действительности. Для философов это проблема сопоставления должного и сущего [242, с. 21]. Трудно не согласиться с учеными, что воспитание – непрерывный процесс соотнесения человека и мира, результатом чего оказываются новые формы их взаимного бытия. Поэтому современная философия воспитания правильно ставит вопрос о взаимосвязи ценностей воспитания и ценностей культуры. Лишь культура ориентирует воспитательный процесс на тот или иной идеал человека, а идеал человека, как известно, есть вектор, задающий смысл функционирования воспитания как системы [365]. Только в адекватной системе воспитания люди осознают свою принадлежность обществу и причастность к общей исторической судьбе.

Служение Отечеству – понятие, требующее изначального «расщепления» на более общие термины и выхода на междисциплинарный уровень. Имея массу измерений (от служения Богу и близким, воинской и государственной службы до службы музам в сфере культуры и т.п.), слово «служение», естественно, не может редуцироваться даже в такое в широкое понятие как «патриотизм» [291, 259, 517].

Само понятие воспитания, как процесса управления потребностями, определяющего уровень духовности и образ жизни, многомерно и имеет духовно-социальное, биологическое и естественное (по жизни) измерения. Помимо названных направлений воспитание идет в процессе образования человека и его деятельности [165, с. 154]. Ученые, вовлеченные в работу по формированию и осмыслению Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России [173] отмечают исключительную важность утверждения национального воспитательного идеала в его исторической преемственности, предостерегая о пагубности прагматизма и увлечённости сиюминутным в ущерб вечным ценностям [161]. Нами разделяется мысль, что воспитание – принципиально социальная и общенародная, а не ведомственная (образовательная) проблема. Трудно что-либо добавить к мысли Ж-Ж. Руссо из его «Очерка национального воспитания, или Плана образования для молодежи»), где он писал, что «именно воспитание должно <...> так направлять мнения и вкусы граждан, чтобы они были патриотами по склонности, по страсти, по необходимости. Дитя, открывая глаза, должно видеть отечество, и до смерти не должно ничего видеть, кроме отечества» (цит. по работе [298, с. 147]).

Тысячелетняя история многострадальной России подтверждает значимость духовного начала в деле воспитания молодежи. Именно поэтому служение Отечеству видится нам стратегическим ориентиром в этом деле.

Выше нами не случайно использовано сочетание слов «в духе Служения Отечеству». Первое слово в нем сразу вызывает ассоциацию со «Святой Троицей» – триединством Бога. Православное вероучение утверждает единачалие Бога Отца как источника Бога Сына и Святого Духа, не означая их подчинения Богу Отцу (они самостоятельны во всем, кроме происхождения). Как известно, Ф.М. Достоевский определял «силу духа русской народности» как «стремление её в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности» [186, с. 147].

Дух – энергетическая составляющая человека, качество, отличающее его от животных (тварей), но вовсе не принадлежащее ему. Человек не властен над духом (который приходит и уходит), тогда как душа – субъект личного бытия. По религиозным и философским учениям, душа есть бессмертная нематериальная субстанция, в которой выражена божественная природа человека, его личность, дающая начало и обуславливающая его жизнь, способность ощущения, мышления, сознания, чувств и воли, и обычно противопоставляемая телу. При этом душа обнаруживает троичность, поскольку выступает носителем разума, чувств и воли, а её составной неотъемлемой частью является бессмертный дух [140, с. 102].

Обращение к слову «служение» в Библейской энциклопедии Брокгауза дает нам два толкования в Ветхом Завете – как добровольное и свободное (привилегия) и «по принуждению» (рабское). В Новом Завете оно уже расширяется до шести смыслов: а) подневольного труда раба; б) черновой работы типа «прислуживания за столом», трансформировавшееся в «христианское служение», где нет «черной» и «белой» работ, а есть лишь богоугодное дело; в) перехода от периодичности (отправления культа) к непрерывному, вечному служению; г) как повседневности; д) как священнодействия; е) как обозначения проповедников (знающих предание о Христе и передающих его новообращенным) [420].

Термин «служение» происходит от старославянского – «общинная служба» и означает тип отношения человека к своей деятельности, при котором он ощущает себя ответственным и обязанным добросовестно и высокопродуктивно выполнять любую взятую на себя работу (независимо от того, каково руководство и каковы условия). Служение – это бескорыстие общественно ценных мотивов. Им может быть помощь и поддержка кого-нибудь, строгое и точное, с самоотдачей выполнение своих прямых профессиональных функций, выполнение не по обязанности, а из внутренней гражданской позиции. В этом смысле говорят о служителях веры, науки, искусств. Именно поэтому в народе закрепились афоризмы о «служении верой и правдой», «служении делу, а не лицам», «служении Отчизне», «служение

народу». Служение – это высокий долг гражданина и христианина, не опускающегося до лести, выгоды и карьеризма [113, с. 726–727.]. Неправильный выбор служения зовется грехом (в древнегреч. языке «грех» – это «промах, погрешность, провинность, непопадание в цель»).

Появление термина «служение Отечеству» в истории связывают с временем уменьшения роли религии (секуляризацией общества) в XVIII в., когда на смену религиозной ментальности пришли светские принципы. Главный из них – «служение Отечеству и своим ближним» стал базисом национально-культурной идентификации [130]. Поэтому уже много веков служение Отечеству, как ключевая установка, неизменно формирует основу патриотической компоненты политики нашего государства.

В настоящее время словосочетание «служение Отечеству и ответственность за его судьбу» прямо включено в п. 5 Указа Президента РФ № 809 [469]. Оно говорит о непреходящей важности для нашего народа высоких (сакральных) идей. На уровне теоретического сознания идеал святости ярко проявился в русской философии XIX–XX веков (у С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского) в учении о Софии, олицетворяющей вечную любовь, женственность – в противовес Логосу, отражающему космический закон и порядок, где нет любви, идущей от материнского образа божества. Хорошо известно, что на Руси особо почитали Божью мать. Именно в этих мирах, по мнению ученых, лежат «родники» отечественной ментальности, истоки иррациональной веры в хорошего царя, которого народ противопоставлял плохим боярам. В СССР все это трансформировалось в идеалы коммунизма, потом «народного» президента, обещавшего борьбу с привилегиями, в справедливые демократические реформы и т.д.

Идеал святости основан на иррациональной вере в высшие принципы жизни как отдельного человека, так и всего российского общества. Вспомним великого Ф.М. Достоевского, который в «Дневнике писателя» ещё в 1876 г. писал: «Повторяю: судите русский народ не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает». А далее писатель добавлял: «А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили её навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении» [187, с. 42–43].

Отметим, что эти принципы касаются не только религии, но и светской жизни, распространяясь на социально-экономические отношения и политику, ведь по православной и исламской традиции «Бог познаётся сердцем, а не умом». Представляется важным, что в уже упомянутом выше пункте 5 Указа Президента России № 809 это нашло отражение в словосочетании «приоритет духовного над материальным».

Известно, что человеческий язык – не только отражательная система и аккумулятор опыта человечества, он – мощное орудие воздействия и регуляции. Язык – ключевое средство воспитательного процесса. Трудно не согласиться с утверждением, что «люди говорят воздействуя, а точнее, воздействуют говоря» [391, с. 7]. Здесь отметим лингвистическое единство (по корневому морфу), казалось бы, разных по смыслу слов: «достаток», «достояние» и «достоинство». Если смысл первого слова состоит в «зажиточности, материальной обеспеченности (кого-либо)», то второе указывает на ресурсы (природные и культурные), которые, казалось бы, по праву рождения и обретения гражданства страны, должны быть доступны всем членам общества. К сожалению, после развала СССР и грабительской приватизации, которую народ окрестил словом «прихватизация», случилось огромное имущественное расслоение людей. По данным ВШЭ и Внешэкономбанка, в 2019 г. 3% самых богатых россиян владели 92% всех срочных вкладов и 89% финансовых активов, причем концентрация денег у этой группы выросла, ведь в 2013 г. она составляла 84% [204]. Росстат, который с 2017 г. находится в ведении Минэкономразвития, опубликовал в конце 2022 г. данные, по которым на 10% самых обеспеченных россиян приходилось 30% всего объема денежных доходов в стране, тогда как в руках 10% беднейших граждан концентрировалось лишь 2% общих доходов [387].

Попытка осознать всю глубину падения нравственных начал в обществе в предшествующие годы, а также реальность процессов, происходящих в условиях идущей сегодня на Украине СВО, где наши воины демонстрируют неподдельный героизм, заставляет невольно вспомнить пророческие слова М.Е. Салтыкова-Щедрина: «На патриотизм стали напирать. Опять, видимо, проворовались...». Не комментируя нестыковку приведенных цифр, отметим, что социальная несправедливость – одна из ключевых причин деградации системы воспитания в стране и её «узкое место». Нам не стоит забывать, что в 2018 г. каждый второй безработный в России был молодым человеком возраста 20–30 лет [96]. И хотя с началом СВО многое в стране начало меняться, немалая часть институтов культуры и масс-медиа по-прежнему продолжает внедрять в общественное сознание стереотипы стратегии «умения жить». С позиций воспитания молодежи это очень опасное и весьма «узкое место» в стране, для «расшивки» которого точно нужна реализация сильнейшей воли высшего руководства страны.

Слово «достоинство» являет собой морально-нравственную категорию, раскрывающее самоуважение человеческой личности. Более того, достоинство входит в систему базовых человеческих идеалов (наряду с идеалами жизни, свободы и справедливости) [168]. Исследователи отечественной модели управления отмечают, что в ментальных кодах народов современной многонациональной и многоконфессиональной России по-прежнему живы

представления о некоей «золотой середине» – приоритетной позиции на пятиуровневой шкале материального состояния (а также развития сознания): «нищета – бедность – достаток – богатство – роскошь».

Они, кстати, отражаются в распространенном в повседневном обиходе пожелании людей друг другу – «жить как люди». По сути, речь идет об уникальной социальной ценности достатка – не только в материальном, но и нравственном смыслах. Получается, что, даже желая друг другу заработать побольше денег, граждане в обыденной языковой реальности (сами не замечая этого) фактически говорят о своем внутреннем согласии с укоренившимся в ментальном поле страны «приоритетом духовного над материальным» [361, с. 251–272]. На наш взгляд, это исключительно важно с позиций воспитания правильных ориентиров у отечественной молодежи, подверженной многим соблазнам, благодаря упомянутому многоканальному воздействию современных масс-медиа.

Понятие «общинность» происходит от слова «общее», а идеал общинности уходит своими корнями в крестьянскую жизнь, где коллективистские ценности ставились выше личных. Ведь если в коллективе все равны, никто не будет обижен. По мнению историков, именно тяжкие природно-климатические условия заставляли крестьян в течение столетий дорожить общиной как нормой социальной справедливости в обществе [280]. При этом сам тип русской ментальности на протяжении веков отличался явным преимуществом «общественного» над «частным». Эта способность признавать «общее» более важным, чем «частное» (не отвергая последнее) имела громадное значение в истории русского народа. Наряду с добротой, отзывчивостью, готовностью к самопожертвованию, долготерпением, трудолюбием, отчаянной храбростью и коллективизмом, она на протяжении столетий составляла особенность русского менталитета и главную черту русского национального характера». И хотя общинность сопряжена с соборностью, эти понятия не идентичны. Для понимания современного человека понятие «соборность» является сложным, ведь изначально оно трактовалось как религиозное. Д.А. Хомяков (сподвижник министра народного просвещения России в 1833–1849 гг. графа С.С. Уварова и соавтор триады «Самодержавие. Православие. Народность» [457, 494]) понимал соборность как сочетание людской свободы и людского единства на основе любви к единым для всех абсолютным ценностям. Таким образом, в компактном виде соборность – это духовная сторона коммунитарной взаимозависимости, а общинность – её хозяйственно-бытовое воплощение.

Феномен успеха Октябрьской революции 1917 г. и установления советской власти, по мнению Н.А. Бердяева, состоял в том, что партия большевиков хорошо поняла и четко «сыграла» на общинно-соборных струнах русского народа. В лозунге «Вся власть Советам!» налицо соответствие соборному идеалу свободного равенства людей перед Богом, объединенных

общей верой [105]. Вполне соответствовал традиции общинного пользования простой лозунг большевиков: «Фабрики – рабочим, земля – крестьянам». Более того, сама вера в коммунизм, который как светлое будущее может состояться лишь при условии, если люди сегодня серьезно помучаются, была своеобразной калькой с религиозной веры в спасение души после тяжелой, но праведной земной жизни.

Идеал сильной государственности у народов страны в крови. В условиях идущей сегодня СВО на Украине, являющейся по факту гибридной войной коллективного Запада с нанесением России когнитивных, кибернетических и кинетических ударов по всем человеческим мирам (идеальному – сознанию, мировоззрению, морали и ценностям; виртуальному – цифровой среде обитания человека; материальному – по физическим объектам) [340], у населения страны нет сомнений в том, что без мощного государства россияне (как нация) просто не выживут. Любопытно, что для зарубежных исследователей жизни советских граждан (причем в самую жесткую для страны, сталинскую эпоху [47]) вызвало крайнее удивление и стало самым настоящим откровением то, что именно в государстве, а вовсе не в гражданском обществе (!) опрашиваемые ими люди в Советском Союзе видели гарантию своих прав.

При этом идеал сильной государственности у нас тесно переплетается с идеалом социальной справедливости. Именно поэтому народы России болезненно переносили несправедливое распределение тягот служения Отчизне и государству. Этому общественному идеалу соответствовал принцип «служилого государства», воплощающий в себе идею демократии равенства всех сословий в служении Отечеству. Так, по мнению А.С. Панарина, все сословия несли государственную службу, причем отличалась она не столько степенью тяжести, сколько спецификой общественного разделения труда. Ведь одни кормят страну, другие её защищают, третьи – духовное сословие – поддерживают в ней живое присутствие высокого ценностного начала [336]. При нарушении принципа в стране возникало недовольство, грозившее перерасти в народный бунт. Ярким примером из прошлого ученые называют закон о «золотой вольности дворянства» от 18 февраля 1762 г., введенный Петром III. По нему, дворяне получали право на неслужилый статус, что сразу же поставило под вопрос службу крестьянского сословия, ведь «одно дело – кормить и снабжать всем необходимым дворян как храбрых защитников Отечества, готовых в любую минуту пролить кровь, а совсем другое дело – обслуживать «лишних людей» – сибаритствующих снобов» [105].

История несправедливого распределения тягот служения Отечеству недавно повторилась в современной России сразу с началом СВО 24 февраля 2022 г., но, особенно, после 21 сентября 2022 г., когда в стране была объявлена частичная мобилизация военных резервистов, по которой в армию было призвано 300 тыс. человек. По данным Forbes, за две недели с начала

мобилизации Россию покинули до 600–700 тыс. человек – эмигрантов нового типа, получивших имя «релокантов» (от англ. relocate – переместить). Пару месяцев спустя, когда первоначальный испуг этих «патриотов России» оказаться на линии боевого соприкосновения прошел, до 40% этих лиц вновь появились в родных местах [425]. На мировоззренческие причины такого поведения людей указывает также «трещина» идеологического характера, хорошо видная на примере столкновения взглядов групп исследователей по отношению к судьбе страны и Отечества, прежде всего, в академической среде страны. Так, например, пророссийские взгляды отразились в статьях сборника по итогам заседаний Первого Большого Философского Собора 2022 г. [132], а совсем противоположные взгляды – в статьях сборника, вышедшего в Германии [342]. Это, на наш взгляд, наглядное подтверждение актуальности обсуждаемой нами проблемы.

Размышляя об этимологии ключевых слов в ней, ученые констатируют, что они преисполнены глубокого духовного смысла: воспитать – питать (кормить), в первую очередь, душу; образование – от слова «образ» – воссоздание в каждом человеке образа Божия; просвещение – от слова «свет»: «Свет истинный [Христос] иже просвежает всякого человека» (Остромирово Евангелие, 1057 г.) [88, с. 311].

Анализ словарей и энциклопедий подтверждает, что в них отражаются изменения в духовной, социальной и политико-идеологической жизни людей. Подчас исконное понятие, изменяясь, едва ли не исчезает совсем. Ещё на заре христианства Климент Александрийский писал о духовном смысле педагогики, рассматривал воспитание как спасение и утверждал, что его цель – подготовка к иной (высокой) жизни: «Через воспитание, получаемое на земле, становится он гражданином неба» [232, с. 283–284].

Всей историей педагогики доказано, что важнейшую роль в воспитании человека играет его созидательная деятельность. В качестве врагов в деле воспитания К.Д. Ушинский называл жадность денег, неверие в добро, отсутствие правил, презрение к мысли, любовь к окольным тропинкам, равнодушные к нарушению законов чести [318]. Нами полностью разделяется мнение Ушинского о том, что русская педагогика – неотъемлемая часть русской идеологии.

Трудности реализация единой стратегии воспитания в образовании страны сегодня вызваны не только социальной стратификацией российского общества и отсутствием общенародной общероссийской совокупности ценностей, но и многообразием трактовок самого понятия «воспитание». Упомянутая стратификация пока одномерна (по доходам) и больше видна в больших городах, но опасность тенденции и её проявление в сфере образования мешают выработке стратегии. Духовная жизнь России лежит на перекрестке главных осей общественного сознания: социально-общественного и индивидуально-личностного; духовно-нравственного и утилитарно-прагматического; альтруистического и эгоцентрического. Решению

проблем препятствует разночтение понятия воспитания учеными: как процесса целенаправленного формирования личности, создания условий для её самоактуализации, управления этим процессом и т.п. [202, с. 68].

Споры исследователей по трактовке терминов всегда идут долго. В реальной жизни общество спасает законодательно-юридическое закрепление понятий. С этих позиций в текущей трактовке ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 г. №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» под воспитанием понимается не только деятельность, направленная на развитие личности, но и создание условий для самоопределения и социализации обучающихся (табл. 1.38).

Таблица 1.38

Трактовки базовых терминов сферы воспитания

Термин	Определение	Источник
1	2	3
Воспита- ние	Подлинная функция воспитания, в частности школы, не в изобретении будущего, а в передаче прошлого. По Х. Арндт («Кризис в культуре»), сущность воспитания – консерватизм, не означающий отказа от идеи переделки мира. Она пишет: «Именно для того, чтобы в каждом ребенке сохранить все новое и революционное, воспитание должно быть консервативным»	[237, с. 81–82]
	Деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа России, природе и окружающей среде	(п. 2 ФЗ № 273 в ред. ФЗ № 304 от 31.07.2020 г.
Героизм	Высшая степень гражданского или военного мужества	[419]
	Крайняя степень бескорыстной храбрости, противостоящей любому реальному или возможному злу. Эта храбрость способна противостоять не только страху, но и страданию, усталости, унынию, отвращению и соблазну. Это исключительная добродетель исключительных людей. Никто не обязан быть героем, поэтому герои всегда вызывают восхищение	[237, с. 96]
Граждан- ствен- ность	Многофункциональный феномен, представляющий единство трех составляющих: государства, общества, человека, приоритет которых в процессе их взаимодействия трансформировался в зависимости от той или иной исследовательской парадигмы, а также историко-социокультурных условий. Отсутствие одного из компонентов обуславливает негражданственность либо закономерно ведет к антигражданственности	[347]

1	2	3
Патриотизм	Любовь к родине, свободная от ослепления и ксенофобии. Отличается от национализма и иногда служит для его маскировки. Национализм это, как правило, чужой патриотизм, тогда как патриотизм – национализм от первого лица. Одно из свойств слепоты заключается в том, что человек не видит сам себя. Патриотизм ценен только в том случае, если подчинен разуму, носящему универсальный характер, или справедливости, тяготеющей к универсальности. Именно таков сегодняшний смысл прав человека и смысл существования международных трибуналов	[237, с. 308]
Патриотизм (П)	Любовь к отечеству. Когда собирательная жизнь человечества держалась на кровной связи между членами отдельных небольших групп, чувство общественной солидарности совпадало с чувством семейным. Ясное сознание своих обязанностей по отношению к отечеству и верное их исполнение образуют добродетель П., которая издревле имела и религиозное значение, отечество не было только географическим и этнографическим термином – оно было вотчиной особого бога, который сам, по всей вероятности, был более или менее отдаленной трансформацией умершего родоначальника. Таким образом, служба родине была деятельным богослужением и П. совпадал с благочестием	[514]

Определение включает понятия героизма, гражданственности и патриотизма. Предтечей последнего у древних греков было понятие «арете», переводимое как «доблесть» (в смысле высокой нравственности), присущая героям и благородным людям, но не отражающее его многозначности. Высшим «арете» у Аристотеля была деятельность ради блага гражданской общины и сограждан. Позже с установлением империи «римский патриотизм» подвергся трансформации, включив в себя элементы космополитизма и превратившись в «имперский». По мере распространения христианства святые отцы (типа Августина Блаженного и др.) призывали христиан отказаться от лояльности какому-либо политическому сообществу.

Второе рождение патриотизм получил в трудах Н. Макиавелли, подчинившему личную жизнь человека жизни общества. Главным качеством гражданина (*virtu*) была любовь к отечеству, а базу становления гражданина как патриота Макиавелли видел в государственной идеологии, сравнимой по воздействию с религией. В позднем средневековье власти Европы стали продвигать представления о традиционном *regnum* (царстве) как о *patria* (родине), требуя от подданных политического поклонения. Европейские мыслители XVIII в. считали, что в монархиях любовь к родине существует отдельно от государства. «Взлет» патриотизма пришелся на период Великой французской революции, когда понятие «патриот», трактовавшееся в античном понимании, сомкнулось в риторике политических деятелей с понятием «гражданин» в качестве его высшей добродетели.

Существование в стране колоссального числа работ по проблемам гражданственности и патриотизма по всем научным направлениям есть свидетельство их особой важности для развития общества. Феномен патриотизма изучается в разных аспектах, при этом отечественные исследования, например, показывают, что в российском обществе «нормативная» гордость (близкая к «слепому» патриотизму) выше, чем «рациональная» гордость (близкая к «конструктивному» типу) [269, с. 55]. Патриотическое поведение предполагает «истовое, сознательное служение общим интересам народа, слияние с родным народом духом и телом, выдвижение общенациональных соборных интересов на первый план и решение вместе с ними и своих частных, не противопоставляя их друг другу» [441]. Патриотизм формируется как традиция и правило общественной жизни при решении общих проблем этноса, при служении людей общему интересу.

При изучении корней патриотизма, напрямую связанных с идентичностью русских и других народов России (как сложного «неосвязаемого» предмета) нельзя обойти культурного слоя пословиц как «концентрированного метафорического «образа» той символической реальности, которая способствует осознанию этнической идентичности» [415, с. 78]. Огромная территория, суровый климат и бесчисленное количество войн сформировали особые черты нашего народа. Даже за время татаро-монгольского ига (примерно в течение 250 лет) в стране случилось более сотни войн, к которым татаро-монголы не имели никакого отношения. Иначе говоря, народы на Руси вечно жили в условиях опасности уничтожения.

Поэтому великим социально-экономико-политическим изобретением страны стало казачество. К середине XIX века в России за счет этого сословия была создана надежная система безопасности границ, растянувшихся на десятки тысяч километров с запада на восток. Получив от царя в вечное и бесплатное пользование землю, казак защищал от врагов её и свою семью, а следом и всю страну. Казачеству, составлявшему до 2,4 % населения, принадлежало 65 млн. десятин земли в стране. К 1914 г. пояс безопасности России в себя включал 11 казачьих войск численностью более 4 млн чел. Два казачьих полка входили в состав царской лейб-гвардии. Однако, по известным причинам (владения землей), после революции 1917 г. казачество не вошло в большевицкую доктрину [262].

Известно, что общезначимые идеалы как сверхъестественная сила связывает людей, обеспечивая рационально-эмоциональную общность. Массовый экстаз ещё в античности понимался как «вселение божества», поэтому идеология как учение об идеалах (светских или религиозных) с точек зрения психологии и этимологии напоминает религию. Идеалы, как святые для поклонников, связывают их духовно друг с другом (не случайно на латыни «святые» звучит как «religio», а «связывать» – «religare» [121, с. 30]). В настоящее время жизнеспособность угасших социальных идеалов, прояви-

лась в форме героизации нашими людьми погибших родственников на Великой Отечественной войне. Это сублимировалось в феномен движения «Бессмертный полк», охватившее свыше 80 стран в виде «нового крестного хода» [201]. Вспоминая и осмысливая сегодня феномен массовости советских праздничных демонстраций, исследователи рассматривают их также как своеобразную сублимацию «крестных ходов» [106].

Вся эволюция человечества убеждает нас, что отказ от идеологии невозможен. Философами доказано, что социально значимые идеалы, сочетая в себе прагматический и утопический аспекты, не исчезают из жизни людей. Они приходят-уходят и снова возвращаются, т.е. всякая идеология переживает, согласно эффекту Икара, свои взлеты и падения (акме и катаболе) [121, с. 31]. В свете этого становится ясно, почему система воспитания в современной России наследует многое из системы воспитания в Советском Союзе. В советский период большое внимание ученых было уделено процессам формирования убеждений.

Кроме того, советская система воспитания базировалась на коллективизме. Молодежь была массово вовлечена в деятельность системы детско-юношеских и молодежных организаций: октябрята – дети в возрасте от 7 до 9 лет, пионеры – подростки 9–15 лет, комсомольцы – молодежь 15–28 лет). Несмотря на случаи «заорганизованности», ярким результатом воспитания в их среде стал массовый героизм пионеров и комсомольцев в годы Великой Отечественной войны. Позже он перерос в трудовой героизм молодежи в период освоения целины в 1950–1960-е гг., превратившись затем в мощное движение студенческих строительных отрядов (ССО) с середины 1960-х до конца 1980-х гг. (табл. 1.39).

Подвигом принято называть героический поступок, совершённый человеком во благо ближнего (ближних), для пользы Отечества. С религиозных позиций он совершается во исполнение Божественной воли и связан с самоотверженностью и преодолением значительных трудностей (аскетический и монашеский подвиги, подвижническая жизнь). Часто это действие, совершаемое быстро (порой мгновенно), с риском для жизни. Результатом является значимая военная, военно-политическая или социально-экономическая польза. Трудовым подвигом называют действие выдающегося характера, совершаемое человеком на поприще трудовой деятельности во благо людей (табл. 1.39).

Позитивный опыт прошлого в стране не забыт. В 2003 г. создана молодежная общероссийская общественная организация «Российские студенческие отряды» (МООО РСО). На 2023 г. численность МООО РСО составила до 225 тыс. чел. (это примерно четверть численности ССО времен СССР). Работают отряды: строительные, проводников, педагогические, медицинские, сервисные, сельскохозяйственные, специализированные (археология, научные, охраны правопорядка, производственные, профильные, IT, экология), а также трудовые отряды подростков.

Знаковые люди (герои) служения Отечеству

Императорская Россия	Советский период	Настоящее время
1	2	3
Военная сфера		
<p>Святые РПЦ: князь А.Я. Невский (Чудское озеро, 1242 г.), князь Д.И. Донской, иноки А. Пересвет и А. Ослябя (Куликово поле, 1380 г.).</p> <p>Народные герои: гражданин К. Минин и князь Д. Пожарский (1611-1612 гг.)</p> <p>Генералиссимус А.В. Суворов и его «чудо-богатыри», генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов и все павшие и выжившие в боях герои Отечественной войны 1812 г.</p> <p>Генерал А.А. Брусилов и все герои Первой мировой войны (1914–1917 гг.)</p>	<p>Герои: Гражданской войны: в Красной армии (М.В. Фрунзе, С.М. Буденный, В.К. Блюхер, В.И. Чапаев и др.); в Белой армии (П.Н. Врангель, А.И. Деникин, А.В. Колчак и др.);</p> <p>Великой Отечественной войны (Л. Голиков, М. Казей, А. Маресьев, А. Матросов и др.). Всего Героев Советского Союза – 12777 чел., в т.ч. дважды – 154 чел., трижды – 3 человека (С.М. Будённый, И.Н. Кожедуб и А.И. Покрышкин) и четырежды – 2 человека (Л.И. Брежнев и Г.К. Жуков).</p> <p>войны За доблесть в войне в Афганистане стали Героями Советского Союза 86 воинов</p>	<p>На сегодня в стране 1417 Героев России, в т.ч. воинов: первой войны в Чечне – 175; защиты Дагестана и второй войны в Чечне – 304; войны в Грузии (2008 г.) – 22; военной операции в Сирии – 23.</p> <p>С начала СВО на Украине уже 267 Героев России, в т.ч. – 3 Герои ДНР. Народы России считают всех участников, в т.ч. солдат ЧВК «Вагнер» (погибших и живых) настоящими героями страны</p>
Сфера трудового героизма (на самых разных «фронтах»)		
<p>Трудовой подвиг безымянных строителей нашей роскошной «Северной Пальмиры» – Санкт-Петербурга. Позже – строительство Николаевской (ныне Октябрьской железной дороги), потом Транссиба.</p> <p>Велики заслуги Н.И. Путилова: постройка флота канонерок и корветов (в 1854-1855 гг.); решение проблемы производства комбинированных рельсов (зима 1888 г.); строительство Морского порта Петербурга с Морским каналом из Кронштадта</p>	<p>Известные «Ударники труда» (А. Стаханов, П. Ангелина, П. Кривонос, М. Мазай, А. Фрайденберг и др.). Велик подвиг К.П. Орловского, Героя Советского Союза (1943 г.), полуглохого инвалида без правой руки и с одним пальцем на левой, принявшего на малой родине в 1945 г. в дер. Мышковичи колхоз «Рассвет» и выведший его в миллионеры (Герой Социалистического труда от 1958 г.)</p> <p>Всего Героями Социалистического Труда в СССР стали 20614 чел., в т.ч. 201 – дважды, 15 – трижды. Первые три: И.В. Сталин, В.А. Дегтярев, Ф.В. Токарев (конструкторы оружия)</p>	<p>В современной России уже 93 Героя труда. В их числе: 25 чел. – врачи, доярки, чабаны, педагоги и проходчики, машинисты, слесари и лесничество.</p> <p>Есть и предприниматели, например: В.Л. Богданов «Сургутнефтегаз», А.Б. Миллер («Газпром»), А.И. Пекарш (АХК «Сухой»), В.Ф. Рашников (ПАО «ММК»), А.Р. Ротенберг и др.</p>

1	2	3
Первопроходцы, покорители природы и космоса		
<p>Великие русские первопроходцы А. Никитин (Индия); Ермак Тимофеевич (путь в Сибирь); С. Дежнев и В. Беринг (пролив); С. Челюскин и Х. Лаптев (Арктика); И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский (кругосветка), Ф. Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев (Антарктида), Ф.П. Врангель (северо-восток Сибири), Н.Н. Миклухо-Маклай (юго-восток Азии, Австралия и Океания), Н.М. Пржевальский (Центральная Азия), А.В. Колчак (Арктика) и др.</p>	<p>И.Д. Папанин (Арктика); О.Ю. Шмидт (Памир и Арктика); М. М. Громов (летчик-испытатель –рекорд дальности – 12411 км за 75 час); В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков, А.В. Беляков (беспосадочный перелет: Москва-Се-верный полюс-Ванкувер(США) – 8504 км). Эра освоения космоса: Ю.А. Гагарин и первый отряд космонавтов (в т.ч. погибшие: В.М. Комаров, В.Н. Волков, Г.Т. Добровольский, В.И. Пацаев). В СССР стали Героями Советского Союза 72 космонавта (в их числе 2 женщины: В.В. Тереш-кова и С.Е. Савицкая (дважды))</p>	<p>Герои РФ – 53 космонавта и 10 испытателей космической спецтехники. Герои России: А.Н. Чилингаров, А.М. Сагалевич, Е.С. Черняев (глубоководка «Мир», Северный полюс), Н.Ф. Гаврилов (посадка вертолета: Эльбрус, Северный и Южный полюсы). Известны Ф.Ф. и П.Ф. Конюховы (старший – покоритель всех полюсов недоступности, младший – кругосветка на велосипеде)</p>
Благотворители (богатые и влиятельные люди), предприниматели		
<p>Начиная от многих предст-авителей рода Демидовых (Лопухиных-Демидовых и Демидовых-СанДонатто), Д.М. Голицына и рода Строгановых до А.Ф. Бахрушина, С.И. Мамонтова, С.Т. Морозова, Д.П. Рябушинского, К.Т. Солдатёнова, Г.Г. Солодовникова, П.М. Третьякова и многих других великих русских благотворителей</p>	<p>На фронтах и флотах Великой Отечественной воевали 2,5 тыс. самолетов, тысячи танков и 8 подводных лодок, построенных на средства советских граждан. Люди сдавали свои деньги (часто последние) в Фонд обороны. Известные люди страны: М. Шолохов, А. Твардовский, В. Лебедев-Кумач подарили фронту истребители. Тяжелые танки стоили дорого, поэтому С. Маршак, С. Михалков и Кукрыниксы вместе купили КВ-1. Построенные на средства музыкантов Л. Утесова 2 Ла-5 летали под именем «Веселые ребята». Десятки тыс. долл. выслал на нужды Красной Армии из США С. Рахманинов (не принявший советской власти). Они пошли на боевой самолет</p>	<p>Сегодня у людей «на слуху»: Герой Труда Кубани (2011 г.) С. Галицкий: стадион для футбольного клуба «Краснодар» (2013 г.) и парк 23 га (2017 г.) в Краснодаре; Почетный гражданин: В. Салды (1997 г.), Свердлов. обл. (2007 г.), Ниж. Тагила (2017 г.) В. Тетюхин: Уральский клинический ЛРЦ (4 млрд руб.). Благотворители: Р. Авдеев, В. Аликперов, В. Вексельберг, М. Гуцериев, О. Дерипаска, Н. Мишин, В. Потанин, М. Прохоров, Г. Тимченко, А. Усманов</p>

1	2	3
Социально активные люди (добровольцы, волонтеры)		
<p>Добровольчество стало традицией сразу после Крещения Руси в 988 г.</p> <p>Ярослав Мудрый в начале XI века издал указ, по которому всех детей-сирот (вне сословий) отправляли в училища, которые содержались за счет милостыни, собиравшейся с соседних сел.</p> <p>В Первую мировую войну сама императрица Александра Федоровна и 4 великие княжны стали сестрами милосердия, а Зимний дворец был превращен в госпиталь</p>	<p>Возникли новые формы добровольчества – коммунистические субботники, тимуровское движение. В фильме «Добровольцы» (Ю. Егорова, 1958 г.) отражены судьбы добровольцев Московского метростроя (1935 г.), войны в Испании (1936 г.), боев на Халкин-Голе (1939 г.), Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.</p> <p>Известно, что 22.06.1941 г. только в Ленинграде в военкоматы без повестки пришли 100 тысяч добровольцев.</p> <p>По комсомольским путёвкам в 1954–1956 гг. на освоение целинных земель выехало 350 тыс. молодых людей.</p> <p>На строительство БАМа с 1974 по 1980-е гг. выехало 45 тыс. комсомольцев</p>	<p>На 05.12.2022 г. в России более 21 млн волонтеров. На стройках космодрома «Восточный» трудится более 1 тыс. стойотрядовцев. Е.П. Глинка (Доктор Лиза) в 2001 г. открыла свой хоспис, 2007 г. – фонд «Справедливая помощь». С 2014 г. спасала детей на Украине, 2016 г. – организовала в Сирии гумпомощь. Фонд Н. Водяновой «Обнаженные сердца»; А. Кузнецова (фонд «Покров», ныне Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ; К. Хабенский (благотворительный фонд) и др.</p>
Сфера просвещения, образования, науки и техники		
<p>Приведем список лишь части великих людей России: В. Белинский, Н. Добролюбов, В. Жуковский, Н. Зинин, Н. Данилевский, П. Каптерев, П. Лесгафт, Н. Лобачевский, М. Ломоносов, Л. Магницкий, Д. Менделеев, И. Павлов, Н. Пирогов, А. Попов, А. Радищев, В. Розанов, И. Сеченов, В. Соловьев, В. Татищев, Л. Толстой, К. Ушинский, В. Шухов, П. Яблочков, Б. Якоби и др.</p>	<p>Вот краткий список великих фамилий, прославивших страну: Н. Басов, В. Бехтерев, Н. Вавилов, В. Вернадский, В. Войно-Ясенецкий (архиепископ Лука), Л. Выготский, В. Гинзбург, А. Иоффе, Л. Канторович, П. Капица, Н. Крупская, И. Курчатов, Д. Лихачев, А. Луначарский, А. Макаренко, А. Сахаров, В. Сухомлинский, А. Туполев, А. Ухтомский, К. Циолковский, С. Шацкий, М. Янгель и др.</p>	<p>Нобелевские лауреаты А. Абрикосов, Ж. Алферов. Герои России: Ю. Гаревская, И. Дедов, И. Коваль, А. Коновалов, М. Лысенко, В. Порханов, Д. Проценко, Л. Рошаль, Г. Савельева, С. Чернов. Знаменитые педагоги страны: Б. и Л. Никитины, И. Иванов, Г. Щедровицкий, С. Соловейчик, Ш. Амонашвили, М. Щетинин, А. Мудрик, Е. Ямбург и др.</p>

1	2	3
Сфера литературы, культуры и искусств		
<p>Писатели-классики: С. Аксаков, Н. Гоголь, А. Грибоедов, Ф. Достоевский, И. Крылов, М. Лермонтов, Н. Некрасов, А. Островский, А. Пушкин, М. Салтыков-Щедрин, И. Тургенев, Н. Чернышевский, А. Чехов и многие другие.</p> <p>Великие русские композиторы и исполнители: М. Глинка, М. Мусоргский, А. Нежданова, Н. Римский-Корсаков, Л. Собинов, П. Чайковский, Ф. Шалляпин и др.</p> <p>Деятели театра: В. Немирович-Данченко, К. Станиславский и др.</p>	<p>Деятели театра, кинематографа: Е. Вахтангов, Г. Вишневская, И. Козловский, Вс. Мейерхольд, Ю. Никулин, Л. Орлова, С. Рихтер, М. Ромм, М. Ростропович, Г. Уланова, М. Ульянов, Л. Утесов, С. Эйзенштейн и др.</p> <p>Писатели: А. Барто, А. Волков, А. Гайдар, Д. Гранин, М. Горький, В. Драгунский, Б. Заходер, В. Каверин, В. Катаев, В. Крапивин, В. Маяковский, С. Маршак, С. Михалков, Н. Носов, Н. Островский, Л. Пантелеев, В. Распутин, А. Толстой, Э. Успенский, М. Шолохов, К. Чуковский и др.</p> <p>Композиторы: И. Дунаевский, А. Пахмутова, С. Прокофьев, С. Рахманинов, М. Таривердиев, Д. Тухманов, Я. Френкель, Д. Шостакович (особо «Ленинградская» симфония №7).</p> <p>Певцы и барды: Ю. Визбор, В. Высоцкий, А. Герман, А. Галич, А. Городницкий, Л. Зыкина, Ю. Кукин, Л. Лещенко, М. Магомаев, Т. и С. Никитины, Б. Окуджава, И. Тальков, В. Цой и др.</p>	<p>Герои труда РФ Э. Артемьев, Ю. Башмет, Г. Волчек, В. Гергиев, М. Захаров, В. Захарченко, М. Кажлаев, И. Кобзон, В. Лановой, Н. Михалков, Ю. Соломин и др.</p> <p>Писатели (для молодежи): А. Быкова, Э. Верткин, Ю. Гиппенрейтер, Е. Мурашова, Л. Петрашевская и др.</p> <p>Композиторы/исполнители/певцы: И. Крутой, И. Матвиенко, А. Пахмутова-Н. Добронравов, Д. Мацуев, О. Митяев, А. Розенбаум, Д. Хворостовский, Т. Шаов и др.</p> <p>Новые «звезды»: Я. Дронов («Шаман») с песнями: «Встанем», «Я русский»; Н. Качура и М. Лисовина с песней «Донбасс за нами» (В. Скобцова-М. Хохлова) и др.</p>

В день 100-летия пионерии в Госдуму страны был внесен законопроект о создании общероссийского движения «Российское движение детей и молодежи «Большая перемена» и уже 14 июля 2022 г. Президент РФ В.В. Путин подписал федеральный закон № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» (РДДМ). В декабре 2022 г. выбрано название «Движение первых» и возникла первая ячейка («Артек»). В марте 2023 г. у РДДМ появился свой телеканал «Движ» и логотип. Однако при общей численности детей в возрасте 7–17 лет до 17,2 млн по стране на конец 2023 г. число участников РДДМ составило лишь 4,5 млн. С ними работают почти 300 тыс. наставников. И хотя у организаторов РДДМ есть понимание рисков формализма, избежать их пока трудно. Исследования ученых указывают на отсутствие в

стране единой адаптивной модели, ориентированной на вовлечение всех категорий молодежи (не только талантливой) в социальное развитие государства. Сегодня молодежь реализует многие свои социальные потребности в цифровой среде. Однако, перенося взаимодействия с молодежью в цифровой мир, государство пока не решило проблем формирования новой идеологии [303].

Стремительная цифровизация социума создает колоссальные коммуникативные возможности, которые могут быть эффективно использованы в деле воспитания, но в этой сфере на сегодня нет надежных научно-обоснованных рекомендаций для педагогов-наставников. Научное согласование прошлого позитивного опыта с современными тенденциями сильно отстает от запросов лиц, занятых сегодня практической работой с детьми. При этом информационно-психологическое воздействие на молодежь нарастает и в нём очень сложно выявить эффекты позитивного или негативного свойства [144]. Все чаще в публикациях о воспитании молодежи фигурирует не только объективная, но и виртуальная реальность [141].

По факту воспитательная среда к настоящему времени уже является смешанной [405]. В подтверждении данной мысли отметим феномен проведения в феврале-марте 2024 г. в Казани первого международного мультиспортивного турнира «Игры Будущего» в концепции фиджитал, обозначающей союз физической и цифровой (physical + digital) реальностей. Коренные изменения всего уклада социально-экономической жизни на планете под воздействием информационно-коммуникационных технологий не оставляют научному и педагогическому сообществу шансов опираться на прежние парадигмы и концепции воспитания молодежи, т.к., по мнению экспертов, в ближайшие десятилетия цифровая экономика достигнет не менее 50% мирового ВВП и составит 100–200 трлн долл. [374]. В свете этого актуален глубокий анализ существующих парадигм воспитания (авторитарная, природосообразная, воспитания в коллективе сверстников, индивидуального выживания в обществе риска) [266] и типологий воспитательных систем (авторитарная, нормативная, гуманистическая, фрагментарная) [142].

При этом очевидно, что базовые закономерности воспитания, проверенные веками человечеством (единства образования-воспитания при «скрытом характере» воспитания, целостности воспитательного процесса, активности и актуальности потребностей детей, демонстрации любви к ним, эксплуатация совместно-разделенной деятельности и создание ситуаций успеха) вряд ли могут быть подвергнуты каким-либо сомнениям.

То же касается основных принципов воспитания: ориентации на ценностные отношения, субъектности, социальной адекватности, принятие ребенка как данности, социального закаливания и создания воспитывающей среды [215, с. 10, 15]. Однако, совершенно точно ученым с позиций реальных наступившей цифровой эпохи необходимо уточнить особенности реализации деятельностного, средового и, особенно, коммуникационного подходов

в деле воспитания современной молодежи [274]. Научным сообществом необходимость решения отмеченных выше проблем осознается. Об этом свидетельствует наш анализ тематики диссертационных работ высокого уровня по многим научным специальностям (табл. 1.40).

Таблица 1.40

Защита диссертаций по проблемам воспитания, гражданственности, патриотизма в 1995–2023 гг. (в хронологическом порядке)

Год	Ф.И.О автора	Тематика докторских диссертаций
1	2	3
История		
1998	Тормозов В.Т.	Белое движение в гражданской войне: историография проблемы, 1918–1998 гг.
2000	Ипполитов Г.М.	Военная и политическая деятельность А.И. Деникина, 1890–1947 гг.
2002	Хачатурян М.В.	Деятельность государственных органов по правовому воспитанию военнослужащих России, 1918–2000 гг.: историографическое исследование
2004	Ушаков А.И.	Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России. Отечественная историография
2007	Ефремов В.Я.	Деятельность властных структур по укреплению морального духа Вооруженных сил Советского государства, 1918–1991 гг. историографическое исследование
2008	Галдобина С.В.	Военно-патриотическое воспитание населения СССР в 1946–1991 гг. историографическое исследование
2010	Цветков В.Ж.	Формирование и эволюция политического курса Белого движения в России в 1917–1922 гг.
2011	Азарова А.В.	Патриотическое воспитание советских военнослужащих в 1918–1991 гг.: историографическое исследование
2011	Салов О.А.	Идеологические основания, политические программы южно-российского Белого движения и их практическая реализация (ноябрь 1917–1920 гг.): историографическое исследование
2012	Степанова Е.Е.	Тыл Советских Вооруженных Сил (1918–1991 гг.): историография проблемы
2013	Никонова О.Ю.	ОСОАВИАХИМ и военно-патриотическое воспитание населения в Уральском регионе (1927–1939 гг.)
Педагогика		
1995	Титова Е.В.	Методика воспитания как феномен педагогической науки и практики
1997	Козлова А.Г.	Теоретические основы педагогики ненасилия
1998	Мануйлов Ю.С.	Средовой подход в воспитании
1999	Власова Т.И.	Теоретико-методологические основы и практика воспитания духовности современных школьников
	Петракова Т.И.	Гуманистические ценности образования в процессе духовно-нравственного воспитания подростков
2000	Артамонова Е.И.	Философско-педагогические основы развития духовной культуры учителя

1	2	3
2000	Беляева В.А.	Теория и практика духовно-нравственного становления и развития личности учителя в светской и православной педагогической культуре
	Игнатова В.В.	Педагогические факторы духовно-творческого становления личности в процессе социализации и условия их реализации
	Мосолов В.А.	Парадигмы воспитания в педагогической мысли России XI-XX вв.
2001	Дьяченко В.В.	Теория и практика патриотического воспитания в современной России
2002	Костикова М.Н.	Вероисповедная политика Министерства Народного Просвещения Российской Империи в XIX веке
	Лопуха А.Д.	Социально-педагогические условия эффективности системы воспитания патриотизма у офицеров в высших военно-учебных заведениях
	Харисова Л.А.	Религиозная культура в содержании общего образования
2003	Воропаев М.В.	Теоретические основы построения типологии воспитательных систем
2004	Маслов Н.В.	Православное воспитание как явление русской педагогической культуры (на материале трудов схиархимандрита Иоанна (Маслова))
	Рогова А.В.	Идеи воспитания человека культуры в философско-педагогической мысли России и русского зарубежья: Вторая половина XIX - первая половина XX вв.
2005	Метлик И.В.	Интеграция знаний о религии в учебно-воспитательной деятельности светской школы
2006	Мальцева Э.А.	Детская общественная организация как пространство социального воспитания подростков
	Пионтковский В.В.	Патриотическое воспитание учащейся молодежи в условиях регионального образования
	Соловцова И.А.	Духовное воспитание в православной и светской педагогике
	Шестун Е.В.	Православные традиции духовно-нравственного становления личности (историко-теоретический аспект)
2007	Гарифуллина Р.С.	Аксиологический потенциал социально-культурной деятельности как ресурс духовно-нравственного воспитания молодежи
	Кузнецова Л.В.	Становление и развитие гражданского воспитания школьников в России
	Рыбин В.А.	Проблема нравственно-гуманистического воспитания в философско-педагогических учениях (XVII-XIX вв.)
	Снопко Н.М.	Психологические механизмы и педагогические основы патриотического воспитания в системе профессионального образования
	Шеховская Н.Л.	Духовность нравственного воспитания в русской философско-педагогической мысли (вторая половина XIX-первая половина XX вв.)

1	2	3
2007	Шитякова Н.П.	Концепция и система подготовки будущего учителя к духовно-нравственному воспитанию школьников
2008	Берсенева Т.А.	Духовно-нравственные основания традиционного уклада жизни как социально-педагогическая проблема
	Емельянова И.Н.	Воспитательная функция в процессе развития системы классического университетского образования
	Князев А.М.	Акмеолого-педагогическая концепция воспитания гражданственности в системе российского образования
	Койчуев А. А.-Д.	Педагогический потенциал ислама в светских образовательных практиках
	Склярова Т.В.	Профессиональная подготовка социальных педагогов в профессионально-ориентированных ВУЗах
	Черкашин И.А.	Интеграция духовного и физического воспитания юношей в этнокультурном пространстве: организация и управление
	Якушкина М.С.	Взаимодействие социокультурных институтов как фактор развития воспитательного пространства
2009	Агапова Г.В.	Патриотическое воспитание молодежи и подготовка её к службе в ВС РФ в рег. системе профессионального образования
	Ежкова Н.С.	Теория и практика эмоционально развивающего воспитания и образования детей дошкольного возраста
	Микрюков В.Ю.	Теория и практика военно-патриотического воспитания учащихся в современной России
	Резниченко М.Г.	Формирование воспитательного пространства вуза
	Трофимова Н.Б.	Акмеологическая концепция развития духовного потенциала старшего школьника
	Янушквичене О.Л.	Историко-педагогический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающих поколений
2010	Лукаш С.Н.	Воспитание подрастающих поколений в традициях и инновациях культуры казачества юга России
2011	Вежевич Т.Е.	Моделирование региональных систем патриотического воспитания школьников
	Гладких В.В.	Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в поликультурной среде ВУЗа: системно-деятельный подход
	Зауторова Э.В.	Нравственно-эстетическое воспитание осужденных
	Нугуманова Л.Н.	Профильно-ориентированное трудовое воспитание учащихся современной общеобразовательной школы
2012	Дивногорцева С.Ю.	Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России
	Нечаев М.П.	Теоретические основания развития воспитывающего потенциала образовательной среды школы
2015	Кузьмин А.В.	Социально-культурная профилактика экстремизма в молодежной среде
2023	Гусакова В.О.	Педагогический потенциал традиций православной культуры в духовно-нравственном воспитании школьников

1	2	3
Политология		
1998	Вилков А.А.	Менталитет крестьянства и российский политический процесс
2000	Савельев А.Н.	Механизмы духовно-нравственного измерения политических процессов: политическая мифология
2002	Шестов Н.И.	Социально-политический миф: теоретико-методологические проблемы
2005	Полухин О.Н.	Гражданственность как предмет политологического анализа
2008	Баранов Н.А.	Эволюция современной демократии: политич. опыт России
	Щербинина Н.Г.	Героический миф в конструировании политической реальности России
2010	Рукинов В.А.	Социализация безопасности и политической безопасности в современной России
2013	Летуновский П.В.	Эволюция политико-идеологических институтов подготовки молодёжи к защите Отечества
Психология		
1998	Волкова Е.Н.	Субъектность педагога: теория и практика
2006	Дворецкая М.Я.	Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан средневековья
Социология		
1999	Касьянов В.В.	Политическая социализация молодежи в современной России
2000	Маргулян Я.А.	Система и способы обеспечения социальной безопасности
2002	Гришай В.Н.	Социология военного профессионализма в современной российской армии
2006	Барсукова Т.И.	Воспитание в современном российском обществе: социокультурный анализ
2011	Гузенина С.В.	Этнокультурные основы образа Родины в теории и практике социального поведения
Философия		
1996	Бородай Ю.М.	Ценность и знание. Природа нравственно-культовых представлений
1998	Лутовинов В.И.	Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях: социально-философский анализ
1999	Мелешко Е.Д.	Философия непротивления Л.Н. Толстого: систематическое учение и духовный опыт
	Пурыничева Г.М.	Сущность и истоки русской духовности: социально-философский анализ
1	2	3
2000	Михайлова Р.В.	Духовность крестьянства как всеобщий способ его самовыражения
	Муронов А.А.	Социально-философское исследование воспитания
	Носков Ю.Г.	Социально-философский анализ воздействия религиозного фактора на национальную безопасность
	Чижик П.И.	Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства

1	2	3
2002	Кислов А.Г.	Оправдание детства как феномен культуры: философский анализ
2004	Гавров С.Н.	Модернизационные процессы в России: социокультур. аспекты
	Иванова С.Ю.	Патриотизм в культуре современной России
2006	Николаева Е.М.	Социализация личности как проблема социальной синергетики
2011	Беспалова Т.В.	Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества
	Гельфонд М.Л.	Нравственно-религиозное учение Л.Н. Толстого: теоретическое содержание и нормативный смысл
	Ореховская Н.А.	Эволюция массового сознания россиян
	Равочкин Н.Н.	Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов современного общества
2012	Авдеева Е.А.	Гуманитаризация системы образования: социально-философский аспект
	Моисеева Н.А.	Национальный характер как проблема социально-философского анализа
2018	Мороз Е.Ф.	Система образования России – стратегический фактор эффективного обеспечения национальной безопасности: социально-философский аспект
2019	Луков В.А.	Социокультурные основания субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодежи)
2020	Панасенко Ю.А.	Культура воинской службы: феноменологическая концептуализация проблемы инкультурации
2023	Извекова Т.Ф.	Соотношение религиозной веры и научного знания в познавательном процессе: на примере философских взглядов Ф.М. Достоевского
	Хвастунова Ю.В.	Трансформация духовности в современной постсекулярной культуре

Хорошо известно, что в принятии решений люди опираются, во-первых, на свою интуицию, во-вторых, используют (как им кажется) рациональное мышление, а в-третьих, прибегают к аналогии (традукции). Однако, интуиция у многих людей часто попросту «хромает», тогда как подлинной рациональности нет и в помине (не случайно нобелевский лауреат Г. Саймон специально ввел в науку понятие *bounded rationality* – «ограниченная рациональность»). Отсюда становится ясным широчайшее использование людьми с незапамятных времен суждений по аналогии, а также примеров – образцов для подражания.

Примеры героев и героического, а также подражание им, доносятся к нам из глубокой древности [225, 370, 26, 437]. По мнению Г. Тарда, вообще общество – это подражание и лишь благодаря ему оно поддерживает свою целостность. Этот французский социолог верил, что изменения в обществе

объясняются не возникновением великих людей и их поступками, а возникновением великих идей, именуемых изобретениями или открытиями [65]. Тем не менее, примеры героев и героического играют огромную роль в воспитании молодежи. Настоящее время стало периодом переосмысления многих ценностей. Оно активно идет сегодня в обществе и в науке, в т.ч. на основе ранее недоступных (засекреченных) фактов. Однако, дело воспитания не может дожидаться окончания научных споров и должно политически беспристрастно опираться на все богатство находок отечественной теории воспитания и обучения. Инвариантным критерием в этом деле, безусловно, включающем выбор тех или иных исторических личностей в качестве народных героев, на наш взгляд, является именно факт их служения Отечеству (см. табл. 1.39).

К сожалению, отечественная психолого-педагогическая общественность пока мало знакома с наработками Г.С. Альтшуллера и И.М. Верткина по теории развития творческой личности (ТРТЛ) [101] и слабо использует наработки по ней в практике воспитательной работы с молодежью. А зря, ведь созданная на основе анализа свыше 1000 биографий выдающихся людей мира, в т.ч. граждан и патриотов нашей страны, она обладает высокой системностью и технологичностью. На её базе вполне можно вести исследования перспективных моделей воспитательной работы с молодежью в цифровую эпоху [503]. В отличие от постулатов парадигмы индивидуального выживания в обществе риска (опоры на себя, «жизнь есть игра», планирование жизни не имеет смысла, «надо жить сегодняшним днем» и проч.), отражающих, по сути, социальную аномию (см. работу [266]), наработки по ТРТЛ, на наш взгляд, порождают веру в позитивные результаты социального творчества.

В условиях отсутствия идеологического единства общества в современной России большую роль играет религиозный фактор [313]. Хотя апелляция к Богу есть в гимне страны, Конституция России, как известно, ни к одной из религиозных традиций не обращается. В советский период религию считали социально обусловленным и исторически преходящим явлением. Считалось, что она утратит влияние на общественное сознание, чему будет способствовать распространение научного мировоззрения в массах. Однако события последних десятилетий актуализировали анализ места и роли религии в сфере образования. По мнению Н.Д. Никандрова, «опора на религию, особенно на русское православие, ускорит наше движение к духовному обществу, попытка безрелигиозного воспитания замедлит его» [304, с. 43]. Поэтому надежные ориентиры для работы с молодежью дают беседы с яркими представителями отечественных конфессий, особенно РПЦ, в лоне которой накоплен многовековой опыт воспитания [323].

Признаки пробуждения угасших социальных идеалов и духовного возрождения в современной России есть. Один из таких индикаторов – упомя-

нутый феномен движения «Бессмертный полк», но надо инициировать пробуждение и других. То, что они живы, подтверждают примеры массового интереса народа по ряду направлений: 1) в религиозном плане – к масштабному возрождению храмов; 2) в отечественном спорте; 3) в сфере культуры: а) кинематографе и на телевидении – к непростой истории страны и её героям на войнах («Адмираль» (А. Кравчука, 2008 г.), «Сталинград» (Ф. Бондарчука, 2014), «Легенда о Коловрате» и «Последний богатырь» (Д. Файзилова и Д. Дьяченко, 2017 г.), «Праведник» (С. Урсуляка, 2022 г.), «Воздух» (А. Германа мл., 2023 г.); в спорте («Легенда № 17» (Н. Лебедева, 2013 г.), «Движение вверх» (А. Мегердичева, 2018 г.); б) в музыке (так проект «Голос», где часто звучат лучшие песни советского времени, в 2015 г. признан лучшим музыкальным шоу страны).

Сегодня, помимо ставших уже традиционными (деятельностного, личностного, системного, отношенческого) подходов, исследователи обращают свое внимание на другие аспекты проблемного поля воспитания. Так, получил развитие подход к воспитанию как к социальному институту (А.В. Мудрик). Понимание особой важности в современных условиях известного с древности средового подхода подвигло Ю.С. Мануйлова к решению ряда проблем технологизации опосредованного управления процессами формирования и развития молодежи. Отечественные ученые продолжают поиск в направлении коэволюционного (Е.В. Орлов), событийного (Д.В. Григорьев, К.В. Дрозд), герменевтического (И.Д. Демакова), философско-антропологического (Л.М. Лузина) и других аспектов современной воспитательной работы.

Однако, при всем богатстве подходов, наработанных наукой, важно их вовлечение в практику. Логика этих процессов в виде концепции «тройного опережения» была предложена учеными Исследовательского центра проблем качества подготовки специалистов (ИЦПКПС) ещё в 1990-е гг. [308]. В ней нетрудно увидеть базовый закон кибернетики – закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби [6], по которому разнообразие управляющей системы должно быть больше (или, по крайней мере, равно) разнообразию управляемого объекта. Отсюда ясно, что «первичное опережение» требует опережения темпами роста качества подготовки педагогов-наставников темпов роста качества воспитанников. «Вторичное опережение» – это опережение качеством педагогического персонала школ и вузов качества этих образовательных систем, тогда как «тройное опережение», по сути, предусматривает «научный прорыв» и подготовку на этой базе научных кадров высочайшего класса. Лишь такой ступенчатый «подпор» может способствовать, на наш взгляд, решению накопившихся проблем в системе воспитания и обучения молодежи страны.

Позитивные изменения в стране становятся все более заметными. Одним из последних значимых событий в сфере решения проблем воспитания стал Всемирный фестиваль молодежи, прошедший 29 февраля-7 марта 2024 г. на

территории «Сириус» в г. Сочи. На него приехало более 20 тыс. человек из 190 стран мира. На фестивале с иностранцами работали свыше 5 тыс. волонтеров и 300 экскурсоводов, причем все 89 регионов России стали шефами иностранных делегаций. В ходе реализации региональной программы фестиваля 10–17 марта 2024 г. её участники фестиваля посетили 30 городов нашей страны.

Безусловно, значимую роль в социальной жизни общества сегодня играют социальные сети. Горизонты их влияния на воспитание молодежи ещё не осмыслены, однако ясно, что они имеют не только позитивные, так и негативные аспекты [305, 505, 399]. Так, социолог О.А. Чебунина отмечает особую опасность социализационных рисков, связанных с легкостью образования в сетях групп деструктивной направленности [498]. Весьма слабо исследовано современное социальное взаимодействие семей с детьми, сфера формирования и сохранения семейных ценностей в современных условиях, опосредованное сегодня социальными сетями [502, 182]. Не случайно, анонсированный В.В. Путиным в Послании Федеральному Собранию национальный проект «Семья» вызвал ажиотаж в социальных сетях [301].

Важным звеном решения проблем воспитания-обучения в стране и «вытягивания» её из социально-экономического кризиса в прошедшие десятилетия стала подготовка управленческих кадров. За 26 лет работы Президентской программы подготовки управленческих кадров для организаций народного хозяйства страны более 100 тыс. человек прошло обучение в стране, из них до 25 тыс. стажировались на ведущих зарубежных компаниях. Однако программа не удовлетворяет «голода» на кадры. Именно поэтому Администрацией Президента России в 2017 г. был инициирован конкурс «Лидеры России». В конце февраля 2024 г. прошел суперфинал уже пятого сезона конкурса. Несколько победителей предыдущих сезонов уже стали депутатами Госдумы России, два участника конкурса (Д. Артюхов и В. Орлов) стали губернаторами ЯНАО и Амурской области, М. Львова-Белова – омбудсменом по правам ребенка РФ, а всего по итогам конкурса на должности заместителей председателя правительства, вице-губернаторов было назначено более 10 победителей и финалистов конкурса. Кроме того, на должности региональных министров назначены более 20 конкурсантов. Отвечая на вопрос корреспондента «Коммерсанта», организатор конкурса, генеральный директор АНО «Россия – страна возможностей», ректор РАН-ХиГС А.Г. Комиссаров признался, что является сторонником меритократии (власти достойных) [136].

Большие надежды на решение проблем воспитания-обучения в стране связаны с недавней инициативой В.В. Путина в его Послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. Им было предложено расширить формат конкурса «Лидеры России» новым конкурсом – «Время героев», ориентированным на участников СВО с высшим образованием и опытом управления

людьми. Результатом реализации идеи данного конкурса должно стать масштабное замещение на всех этажах управления страны и регионов представителей нынешней «элиты», часто коррумпированной и утратившей порой не только патриотические, но многие общечеловеческие ориентиры [279].

«Время героев» – это не только конкурс, а кадровая программа. Его участники должны будут пройти обучение в РАНХиГС на управленческих курсах и из них будет сформирован резерв кадров для госструктур и менеджмент крупнейших госкомпаний. Таким образом, Президент России фактически призвал делать из героев СВО лидеров страны. Участники с наилучшими результатами по итогам отбора, пройдут обучение в Мастерской управления «Сенеж» Высшей школы государственного управления и получат наставников из числа высших государственных деятелей и бизнесменов страны. Есть надежда и большая уверенность в том, что именно «критическая масса» участников СВО, прошедших войну и подтвердивших своей кровью преданность Отечеству станут опорой процесса обновления системы воспитания страны.

Проведенный междисциплинарный анализ проблемного поля отечественной системы воспитания позволил выявить её следующие «узкие места», а именно: слабое использование большого объема накопленных научных знаний по теории воспитательных систем; разбалансировку связей в системах «семья-школа-детские организации» и «наука-вуз-школа»; отсутствие верных ориентиров работы социальных институтов (сферы культуры, спорта, масс-медиа, социальных сетей) из-за отсутствия традиционного для нашей страны в прошлом идеологического монизма. На сегодня это компенсируется в основном за счет расширения религиозного начала в сфере отечественного воспитания-обучения молодежи.

Многие из перечисленных проблем, как это следует из диссертационных исследований последнего времени [256, 306, 102], могут быть решены лишь на системной основе. Только опора на надежные теоретические знания, синтезирующие колоссальный отечественный опыт воспитания, плюс хорошо работающие в режиме «тройного опережения» каналы трансляции живого знания (от научной сферы до школы, каждой семьи и детских общественных организаций), использующие современные информационные технологии и социальные сети, а также массово обновленные руководящие кадры за счет участников и ветеранов СВО социальные институты страны позволят, на наш взгляд, решить непростые проблемы воспитания нашей молодежи, достойной великой России в быстроизменяющемся мире.

1.11. Человеческий потенциал как объект экономического анализа в системе экономической безопасности

В настоящий момент времени негативное развитие ситуации на мировой арене выдвигает на первый план ряд угроз, дестабилизирующих функционирование государства в процессе построения социально-экономической политики в рамках национальных границ. Одной из угроз, отраженных в стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года, является качество человеческого потенциала. Важность его учета обусловлена тем, что роль человека как центра любого государства выступает фактором, обеспечивающим эффективность проводимой социально-экономической политики, а такие ее аспекты как экономика, здравоохранение, культура, образование обеспечивают качественное изменение всего общества. Именно выработка мер, направленных на устойчивый рост доходов и благосостояния граждан, создание комфортной и безопасной среды проживания, формирование здорового образа жизни, реализация конституционных прав и гарантий в сферах здравоохранения, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, социального обеспечения, образования и культуры позволят обеспечить последующее развитие человеческого потенциала [485].

Можно с уверенностью сказать, что качество человеческого потенциала играет ключевую роль в обеспечении экономической безопасности государства, являясь одним из ее основных элементов. Характерной особенностью человеческого потенциала является его способность создавать инновации, новые продукты и услуги, увеличивать производительность труда и стимулировать экономический рост. Устойчивый человеческий потенциал – главный движущий фактор экономического развития страны. Однако, низкий уровень образования, плохое здоровье, низкий уровень доходов и низкая производительность труда представляют собой факторы, оказывающие отрицательное воздействие на экономическое развитие государства. Они мешают росту экономики, приводят к возрастанию социального неравенства и снижению качества жизни населения. Следовательно, при разработке стратегий и программ по развитию экономики и социальной сферы необходимо учитывать роль уровня образования, здоровья и доходов населения, а также создавать условия для инноваций и научно-технологического развития.

Определение человеческого потенциала в экономической сфере имеет множество подходов и трактовок, которые различаются в зависимости от исследовательского направления. А. Смит и К. Маркс, в своих трудах также уделяли внимание важности человеческого потенциала в экономическом развитии. Однако, их подходы к определению человеческого потенциала были отличными от современных концепций. Например, Смит считал, что развитие человеческого потенциала происходит через труд и специализацию труда [422], а Маркс уделял большое внимание социальной структуре и классовой борьбе в контексте человеческого потенциала. Амартия Сен

предложил концепцию «человеческой экономики», как более комплексный подход к определению человеческого потенциала, включающий не только экономические, но и социальные, культурные и политические аспекты [517].

Наиболее распространенной концепцией сегодня является рассмотрение человеческого потенциала как совокупности индивидуальных знаний, умений, навыков и опыта, которые могут быть применены для достижения целей в развитии экономических отношениях. При оценке качества человеческого потенциала, одной из первоочередных задач является сопоставление различных концептуальных подходов к определению этого понятия и их учет в дальнейшем исследовании. В табл. 1.41 для наглядности представлены авторские подходы к определению человеческого потенциала.

Таблица 1.41

Понятие «человеческий потенциал» в научных подходах

Автор концепции	Концепция сущности человеческого потенциала
Программа развития Организации Объединенных Наций	имеющиеся возможности индивидов, наделенных разнообразными характеристиками, которые могут проявляться в той или иной мере и использоваться для достижения поставленных целей, путем активного участия в процессах, формирующих их жизнедеятельность
Вишневский А.Г. [137]	совокупность физических и духовных характеристик, направленных на достижение индивидуальных и общественных целей как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенций человека и возможностей его самореализации.
Докторович А.Б. [181]	внутрисистемная совокупность способностей человека, общества, социальных групп и их объединений к действиям, взаимодействиям и отношениям, которые обеспечивают их существование и воспроизводство.
Зараковский Г.М., Степанова Г.Б. [197]	способность индивидуумов к осуществлению жизнедеятельности в направлении повышения качества жизни на основе достижения устойчивости внутренних и внешних условий.
Иванов О.И. [207]	способность и готовность различных социальных общностей выполнять общественно-необходимую деятельность, социальные роли, и функции, которые обеспечивают удовлетворение системы универсальных и специализированных потребностей в жизненно важных общественных сферах.
Колин К.К. [234]	совокупность возможностей отдельных лиц, общества, государства в области использования людских ресурсов, которые могут быть приведены в действие и использованы для решения отдельных задач и достижения поставленных целей.
Кочева Е.В. Матев Н.А. Панищенко М.И. [247]	возможность индивидуума проявлять свои способности посредством самовыражения и самореализации для достижения общественных и индивидуальных целей.
Курныкина Е.Е. [258]	один из основных видов экономического потенциала, служащий для оценки и анализа человеческого прогресса

Автор концепции	Концепция сущности человеческого потенциала
Кушлин В.И. [297]	все то, что накоплено обществом в виде знаний, опыта и информации и играет большую роль в процессе труда, но также может быть использовано для обеспечения функционирования социально-экономической системы в условиях чрезвычайных ситуаций.
Римашевская Н.М. [375]	совокупность таких характеристик как: физическое, психическое и социальное здоровье; профессионально-образовательные ресурсы и интеллектуальный потенциал; культурно-нравственные ценности, духовность и социокультурная активность граждан.
Ромашенко Т.Д. Кисова А.Е. [379]	совокупность отношений, возникающих между субъектами экономики по поводу формирования, распределения и использования всех элементов потенциала с целью количественных и качественных преобразований социально-экономической системы на различных уровнях.
Синицкая Н.Я. [416]	совокупность врожденных способностей и запаса здоровья, приобретенных знаний, опыта и квалификации, эффективное использование которой в качестве основного элемента общественного воспроизводства становится решающим фактором экономического роста страны.
Слуцкий Е.Г. [421]	человеческие ресурсы (население), обладающие определенными качествами и свойствами, определяющими потенциальную возможность развития социума (или его деградацию).
Соболева И.В. [424]	накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, который реализуется в различных областях деятельности, а также в определенной иерархии потребностей людей.
Тимофеев И.Ю. [445]	состояние человеческого развития субъекта страны, выражаемое, с одной стороны, численностью населения, а, с другой – достигнутым уровнем качества жизни.
Тихонова Н.Е. [448]	не только знания, образование, здоровье и уровень жизни, но и социально-психологическое состояние человека, его адаптационные возможности, культурный капитал, связанный с условиями первичной социализации, личностные качества – ответственность, специфика трудовых мотиваций, инициативность, исполнительность.

Понимание сущности человеческого потенциала в целом является важным фактором при формировании стратегии экономического развития и эффективного использования человеческого капитала. Концепция человеческого потенциала определяется как мера способности человека к производству и потреблению товаров и услуг, а также к развитию производственных и интеллектуальных ресурсов. Данный фактор имеет большое значение для обеспечения экономической безопасности государства и повышения качества жизни населения.

Представленные авторские подходы к определению человеческого потенциала содержат в своей трактовке элементы социально-экономического, социологического, экономического, ресурсного, деятельностного и многих иных подходов. При этом в качестве его базовых компонентов выделяют наличие деятельностного, интеллектуального, ценностного потенциала, что связано с переходом к новой инновационной экономике. Именно это в ближайшее

время требует от людей новых профессиональных качеств в различных областях науки. Например, в социологии и психологии, человеческий потенциал определяется как комплекс качеств и способностей, необходимых для личностного роста и реализации потенциала в жизни. В здравоохранении, человеческий потенциал может быть описан как физические и психологические возможности человека, которые влияют на его здоровье и способность к работе и социальной активности. С экономической точки зрения человеческий потенциал рассматривается главным и определяющим фактором экономического роста, отражая прямые и косвенные производственные и потребительские способности, людей, а именно количественные и качественные характеристики участия населения в экономической деятельности.

Таким образом, определение человеческого потенциала в различных сферах науки является критически важным для понимания его роли в экономическом развитии и в обеспечении экономической безопасности государства. На рис. 1.49 приведены фундаментальные аспекты, отраженные в различных концепциях человеческого потенциала.

Существует тесная связь между человеческим потенциалом и человеческим капиталом, так как оба термина описывают совокупность знаний, умений и опыта, что является основой человеческих ресурсов, необходимых для повышения производительности труда и конкурентоспособности. Однако, если человеческий капитал фокусируется на финансовых аспектах, связанных с повышением квалификации и образования работников, тогда как человеческий потенциал включает более широкий спектр аспектов, таких как социальные, культурные и моральные. На рис. 1.50 приведены определения понятий: человеческие ресурсы, человеческий потенциал и человеческий капитал.

Стоит отметить, что в последнее время все больше внимания уделяется понятию «интеллектуального капитала», который рассматривает знания, технологии и инновации как важнейшие факторы экономического развития. Этот подход акцентирует внимание на роли человеческого потенциала как источника новых идей, которые могут привести к созданию новых продуктов, услуг и бизнес-моделей.

Рис. 1.49. Аспекты, отражённые в концепциях человеческого потенциала

Кроме того, стоит учитывать, что человеческий потенциал не является статическим понятием и может изменяться в зависимости от многих факторов, таких как образование, опыт работы, здоровье и т.д. Поэтому развитие человеческого потенциала должно рассматриваться как постоянный процесс, требующий активного внимания и привлечения инвестиций со стороны общества и государства.

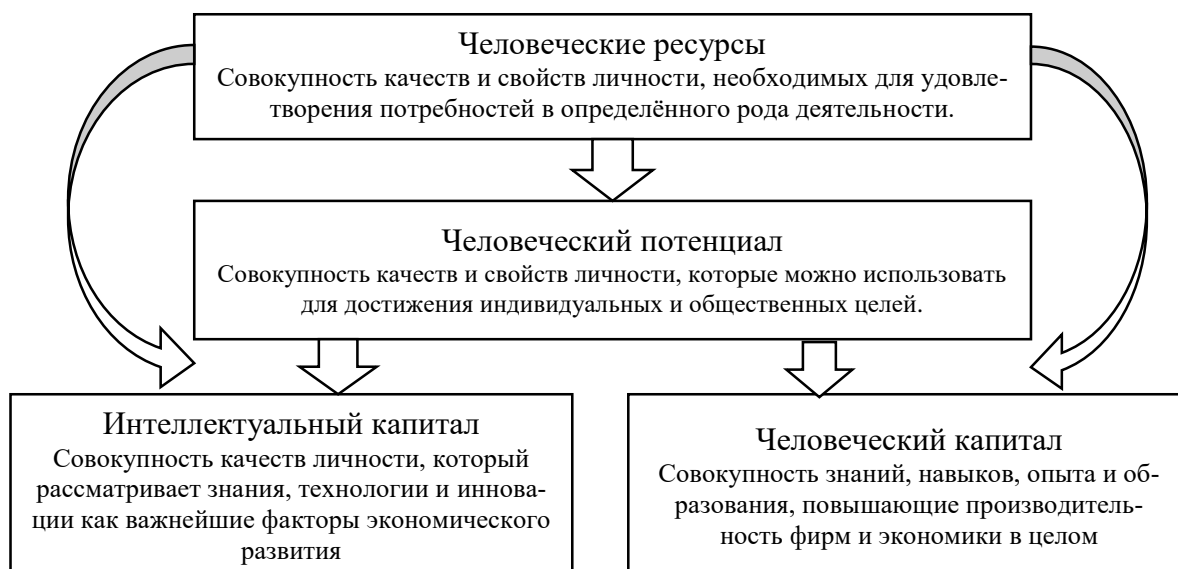

Рис. 1.50. Дефиниции понятий «человеческие ресурсы», «человеческий потенциал», «человеческий капитал»

Развитие и максимальное использование человеческого потенциала имеет большое значение для экономического развития, так как это может способствовать созданию более эффективной, конкурентоспособной и устойчивой экономики. Человеческий капитал и человеческий потенциал важны для экономики, но имеют различную направленность и охват.

Как видно, человеческий капитал представляет собой совокупность знаний, опыта, навыков и образования, которые могут быть использованы для создания экономических ресурсов, способствующих повышению производительности и конкурентоспособности как компаний, так и экономики в целом. Он рассматривается на уровне отдельных индивидов и может быть измерен, оценен и передан в виде профессионального развития и обучения.

Понятие человеческого потенциала является более широким и охватывает все возможности и способности людей, которые могут быть использованы для достижения определенных целей и задач. Это включает в себя не только знания и навыки, но и личностные качества, такие как творческий потенциал, самореализация и инновации, он сложнее измеряется и оценивается. На рис. 1.51 отражена взаимосвязь человеческого капитала и человеческого потенциала.

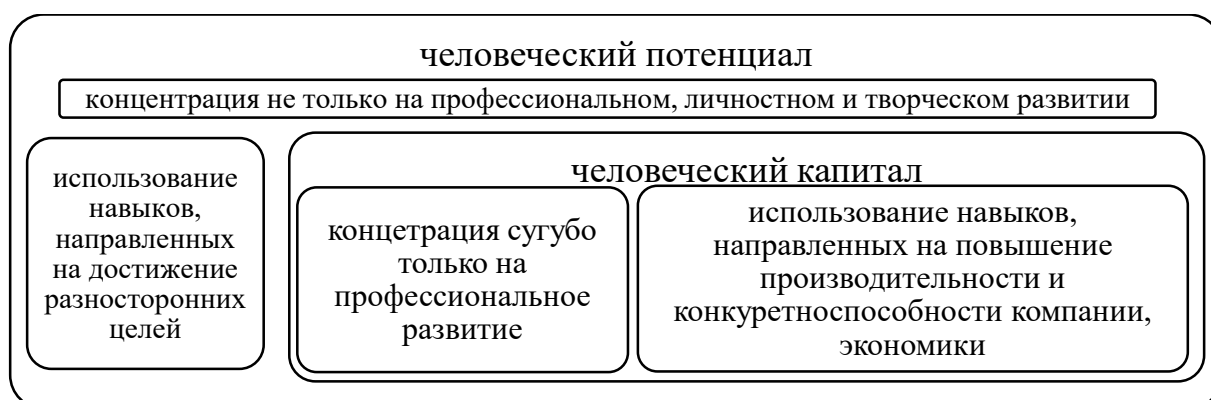

Рис. 1.51. Взаимосвязь человеческого капитала и человеческого потенциала

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации, разработанной до 2030 года, одной из основных проблем общества в области человеческого развития является неравенство, которое проявляется в доступе к образованию, здравоохранению и другим социальным благам. Это приводит к ограничению возможностей для реализации потенциала людей и затрудняет достижение целей страны по созданию сильного, процветающего и безопасного общества. В табл. 1.42, показана взаимосвязь выделенных угроз экономической безопасности по сферам их влияния с развитием человеческого потенциала.

Связь угроз экономической безопасности Российской Федерации
с человеческим потенциалом

Сфера влияния угрозы	Угроза экономической безопасности	Связь с человеческим потенциалом
Социально-экономическая сфера	Низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к финансовой, транспортной и энергетической инфраструктуре	Финансовая, транспортная и энергетическая инфраструктура, а также ее пространственное расположение оказывает влияние на скорость перемещения многих видов экономической деятельности, что требует от населения увеличения расходов на проживание в регионах с благоприятными условиями
	Несбалансированность национальной бюджетной системы	Распределение бюджета в регионах имеет сильную дифференциацию, что оказывает негативное влияние на те регионы, где бюджет не позволяет обеспечивать развитие систем здравоохранения, образования и условий жизни на приемлемом уровне
Социально-экономическая сфера	Снижение качества и доступности образования, медицинской помощи	Низкое качество образования и здравоохранения не позволяет населению в полной мере проявить себя в научной и интеллектуальной деятельности, обеспечить расширенное воспроизводство
	Неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития	Возникает неравномерность распределения для развития населения, поскольку имеется сосредоточение интеллектуальных, производственных и финансовых мощностей в одних регионах и нехватка их в других
Сфера рынка труда	Сохранение значительной доли теневой экономики	Тесная взаимосвязь с коррупцией, которая порождает неформальные отношения не позволяют обеспечивать равноценное и справедливое взаимодействие граждан, что ведёт к снижению качества жизни и увеличению бедности большой доли населения
	Усиление дифференциации населения по уровню доходов	Концентрация значительных доходов у малой доли населения приводит к недоступности качественных услуг в сферах образования, здравоохранения и ведет к ухудшению человеческого потенциала населения в целом

Сфера влияния угрозы	Угроза экономической безопасности	Связь с человеческим потенциалом
Сфера инвестиционной активности	Недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности	Отсутствие достойного инвестирования негативно влияет на условия труда для населения, что ведет к стагнации в экономике и к снижению ставок заработных плат как источника воспроизводства населения
Сфера экономической эффективности и развития экономики	Подверженность финансовой системы РФ глобальным рискам (в т.ч. в результате влияния спекулятивного иностранного капитала), а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы	Влияние глобальных угроз, таких как COVID – 19, экономические санкции, оказывают колоссальное влияние на экономическое развитие страны, что свою очередь оказывает прямое влияние на человеческий потенциал
	Слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в т.ч. технологий цифровой экономики)	Потенциальное отставание ключевых инновации повлечёт замедленный темп развития не только экономики, но также здравоохранения, образования, культуры, оборонной промышленности, что затрагивает большинство сфер развития человеческого потенциала

В условиях быстро меняющегося мира, обеспечение экономической безопасности Российской Федерации становится одной из приоритетных задач государства. Это связано с необходимостью обеспечения стабильности экономического роста, снижения уровня безработицы, повышения уровня жизни и социальной защищенности населения, а также обеспечения национальной безопасности страны. Для решения этих задач, правительство РФ принимает меры по развитию экономики и ее инфраструктуры, созданию благоприятного инвестиционного климата, поддержке малого и среднего бизнеса [485] и снижению уровня коррупции. Кроме того, уделяется большое внимание социальным программам и мерам поддержки населения, таким как повышение уровня зарплат и пенсий [486], улучшение качества медицинской помощи и образования, а также строительство жилья для нуждающихся [460]. Кроме того, важной задачей является совершенствование системы социальной защиты населения, обеспечение устойчивости экономического роста и повышение конкурентоспособности России на мировой арене.

В последнее время все большее внимание в научных исследованиях экономистов уделяется попыткам количественного измерения человеческого потенциала. В мировой практике к оценке человеческого потенциала уже сложились следующие методологические подходы, позволяющие проводить межстрановое сравнение по качеству человеческого потенциала, а именно:

- Индекс человеческого развития (Human development index) (ИРЧ);
- Индекс социального прогресса (Social Progress Index) (ИСП);
- Индекс лучшей жизни (OECD Better Life Index) (ИЛЖ);
- Индекс оценки жизни (Life Evaluation Index) (ИОЖ);
- Индекс процветания Legatum (Legatum Prosperity Index) (ИПЛ).

Наиболее распространенным является методологический подход Программы развития Организации Объединенных Наций к оценке человеческого развития. Он предусматривает оценку индекса развития человеческого потенциала (с 2013 года – индекс человеческого развития (ИЧР)), как обобщающей характеристики совместного влияния на человеческий потенциал наиболее важных социально-экономических процессов. ИЧР позволяет сравнивать уровень развития различных стран мира, что позволяет лучше понять различия в их социальном и экономическом развитии. Также данный индекс позволяет отслеживать динамику развития в отдельных странах и анализировать влияние социальных, экономических и политических изменений на уровень развития населения.

В методику расчета ИЧР заложено обобщение трех количественно измеряемых параметров, влияющих на развитие человека:

- 1) измерение уровня здравоохранения, где определяется средняя продолжительность жизни при рождении, что является индикатором общего уровня здоровья и качества медицинского обслуживания;
- 2) измерение уровня образованности, где определяется среднее количество лет обучения взрослого населения, а также ожидаемая продолжительность обучения детей в возрасте от 5 до 18 лет;
- 3) измерение уровня дохода, где определяется величина Валового национального дохода (ВНД) на душу населения по паритету покупательной способности.

Элементы, а также основные показатели необходимые для расчета индекса человеческого развития наглядно показаны в табл. 1.43.

Для каждого из компонентов проводится нормализация, т.е. каждый показатель приводится к шкале от 0 до 1, где 0 соответствует минимальному значению и 1 – максимальному. Далее каждый компонент перевешивается с на основе коэффициентов, учитывающих относительную важность каждого компонента для конкретной страны.

Таблица 1.43

Структура индекса развития человеческого развития

Элемент	Уровень долголетия	Уровень образованности		Уровень дохода
Подэлемент	средняя продолжительность жизни при рождении ↓	среднее количество лет обучения ↻	ожидаемая продолжительность обучения ↻	ВНД на душу населения ↓
Индекс	Индекс долголетия	Индекс образованности		Индекс дохода
Индекс человеческого развития (ИЧР)				

Значения показателя ИЧР по странам представлены в табл. 1.44.

Таблица 1.44

Рейтинг стран по ИЧР за период 2018–2021 гг.

2021			2020			2019			2018		
Место в рейтинге	Страна	Индекс	Место в рейтинге	Страна	Индекс	Место в рейтинге	Страна	Индекс	Место в рейтинге	Страна	Индекс
1	Швейцария	0,962	1	Норвегия	0,957	1	Норвегия	0,954	1	Норвегия	0,953
2	Норвегия	0,961	2	Ирландия	0,955	2	Швейцария	0,946	2	Швейцария	0,944
3	Исландия	0,959	2	Швейцария	0,955	3	Ирландия	0,942	3	Австралия	0,939
4	Гонконг	0,952	4	Гонконг	0,949	4	Германия	0,939	4	Ирландия	0,938
5	Австралия	0,951	4	Исландия	0,949	4	Гонконг	0,939	5	Германия	0,936
6	Дания	0,948	6	Германия	0,947	6	Австралия	0,938	6	Исландия	0,935
7	Швеция	0,947	7	Швеция	0,945	6	Исландия	0,938	7	Гонконг	0,933
8	Ирландия	0,945	8	Австралия	0,944	8	Швеция	0,937	7	Швеция	0,933
9	Германия	0,942	8	Нидерланды	0,944	9	Сингапур	0,935	9	Сингапур	0,932
10	Нидерланды	0,941	10	Дания	0,940	10	Нидерланды	0,933	10	Нидерланды	0,931
21	США	0,921	17	США	0,926	15	США	0,920	13	США	0,924
52	Россия	0,822	52	Россия	0,824	49	Россия	0,824	49	Россия	0,816

Индекс социального прогресса (Social Progress Index), разработанный в 2013 году экономистами Майклом Портером, Скоттом Стерном – это комплексный показатель, который измеряет уровень социального прогресса и благополучия наций. Он включает в себя более 50 различных компонентов, которые отражают такие области, как основные человеческие потребности,

образование, здоровье и благополучие, личная свобода, личная безопасность, социальная групповая справедливость и экологическая устойчивость. Каждый компонент измеряется на основе нескольких индикаторов, таких как смертность новорожденных, образовательный уровень населения, уровень загрязнения окружающей среды, процент населения, которое живет в бедности и т.д.

Индекс ИСП измеряет достижения каждой страны по шкале от 0 до 100 на основе полученных данных в трёх базовых категориях: основные потребности человека, основы благополучия человека и возможности развития человека, тем самым включает в себя и показатели благосостояния и показатели экономической безопасности, где 0 – наименьшая степень устойчивости, а 100 – наибольшая степень устойчивости. На основе ИСП формируется рейтинг стран, приведенный в табл. 1.45.

Таблица 1.45

Рейтинг стран по ИСП за период 2018–2021 гг.

2021			2020			2019			2018		
Место в рейтинге	Страна	Индекс	Место в рейтинге	Страна	Индекс	Место в рейтинге	Страна	Индекс	Место в рейтинге	Страна	Индекс
1	Норвегия	90,74	1	Норвегия	92,73	1	Норвегия	90,95	1	Норвегия	90,26
2	Дания	90,54	2	Дания	92,11	2	Дания	90,09	2	Исландия	90,24
3	Финляндия	90,46	3	Финляндия	91,89	3	Швейцария	89,89	3	Швейцария	89,97
4	Швейцария	90,26	4	Новая Зеландия	91,64	4	Финляндия	89,56	4	Дания	89,96
5	Исландия	89,54	5	Швеция	91,62	5	Швеция	89,45	5	Финляндия	89,77
6	Швеция	89,42	6	Швейцария	91,42	6	Исландия	89,29	6	Япония	89,74
7	Нидерланды	88,97	7	Канада	91,40	7	Новая Зеландия	88,93	7	Нидерланды	89,34
8	Германия	88,72	8	Австралия	91,29	8	Германия	88,84	8	Люксембург	89,27
9	Япония	88,19	9	Исландия	91,09	9	Канада	88,81	9	Германия	89,21
10	Канада	88,17	10	Нидерланды	91,06	10	Япония	88,34	10	Новая Зеландия	89,12
25	США	84,65	28	США	85,71	26	США	83,62	25	США	84,78
59	Россия	71,99	69	Россия	72,56	62	Россия	69,71	60	Россия	70,16

Индекс социального прогресса позволяет определить области, где нужны улучшения и направить соответствующие ресурсы на улучшение качества жизни населения.

Еще одним инструментом оценки качества жизни в разных странах выступает индекс лучшей жизни (Better Life Index). Он позволяет оценить уровень жизни на основе различных показателей, включая экономические, социальные и окружающие условия. Индекс состоит из 11 категорий, включающих жилье, доходы и богатство, занятость, окружающую среду, здоровье, образование, личную безопасность, социальные отношения, общественное участие, работу и жизнь в целом. Каждая категория содержит несколько показателей, которые оцениваются на основе данных, предоставленных правительствами и другими организациями.

Оценка страны по индексу лучшей жизни основывается на рейтинге каждой категории, который определяется на основе субъективного восприятия населения. В табл. 1.46 приведен рейтинг стран на 2021 год.

Таблица 1.46

Рейтинг стран по индексу лучшей жизни за 2021 год

Место в рейтинге	Страна	Составляющие рейтинга										
		Жилье	Доход	Работа	Общество	Образование	Окружающая среда	Гражданские права	Здравоохранение	Удовлетворенность жизнью	Безопасность	Баланс между работой и отдыхом
1	Норвегия	8,1	4,6	8,8	8,7	7,4	9,8	6,5	8,3	8,0	9,9	8,5
2	Исландия	6,5	6,4	9,7	10,0	6,8	9,7	6,6	8,6	9,0	9,3	4,8
3	Швейцария	6,9	8,2	9,4	8,2	7,4	8,7	3,2	9,2	8,7	9,3	7,7
4	Швеция	6,9	5,0	8,3	7,8	8,3	9,8	6,9	8,6	8,1	8,6	8,1
5	Финляндия	6,4	3,8	8,2	8,9	9,2	9,8	5,4	7,6	10,0	9,3	7,3
6	Нидерланды	7,5	4,1	9,1	8,0	7,7	7,6	7,4	8,2	8,7	8,9	8,3
7	Австралия	8,2	5,9	8,6	7,7	8,6	8,9	8,9	9,3	7,5	7,4	4,4
8	США	8,6	8,5	8,8	7,8	7,4	8,2	7,0	8,6	7,2	7,5	5,2
9	Дания	6,3	3,3	8,7	8,3	8,0	8,3	6,8	7,5	8,8	9,2	8,6
10	Канада	7,8	5,3	8,4	7,5	7,8	8,6	6,8	9,5	7,1	8,3	6,5
33	Россия	4,7	1,3	7,0	5,5	6,8	3,6	2,4	3,1	2,1	6,3	7,8

Следующим индексом, который измеряет, насколько успешно люди управляют своей жизнью является индекс оценки жизни. Он основан на анализе ответов на вопросы, затрагивающие личные финансы, личное время для работы и отношений. По результатам опросов все респонденты распределяются на группы процветающих, борющихся и страдающих.

Процветающие (Thriving) – это респонденты, характеризующееся высоким благосостоянием. Они позитивно оценивают свою нынешнюю жизненную ситуацию, характеризуют себя как лиц минимальным количеством проблем со здоровьем, и, следовательно, малом количестве дней нетрудоспособности, при отсутствии чувств беспокойства и стресса, и большем уровне счастья, удовольствия и уважения.

Борющиеся (Struggling) – респонденты, благополучие, которых является умеренным или непостоянным. Они имеют умеренные взгляды на свою нынешнюю жизненную ситуацию и умеренные взгляды на свое будущее, либо испытывают трудности в настоящем, либо ожидают трудностей в будущем.

Страдающие (Sufferers) – респонденты, имеющие высокие риски достижения благополучия. Они имеют низкие оценки своей текущей жизненной ситуации и негативные взгляды на следующие пять лет. Имеют меньше доступа к медицинскому страхованию и уходу и более чем в два раза больше бремени болезней по сравнению с «процветающими» респондентами. Данные за период с 2018 по 2021 год представлены на рис. 1.52.

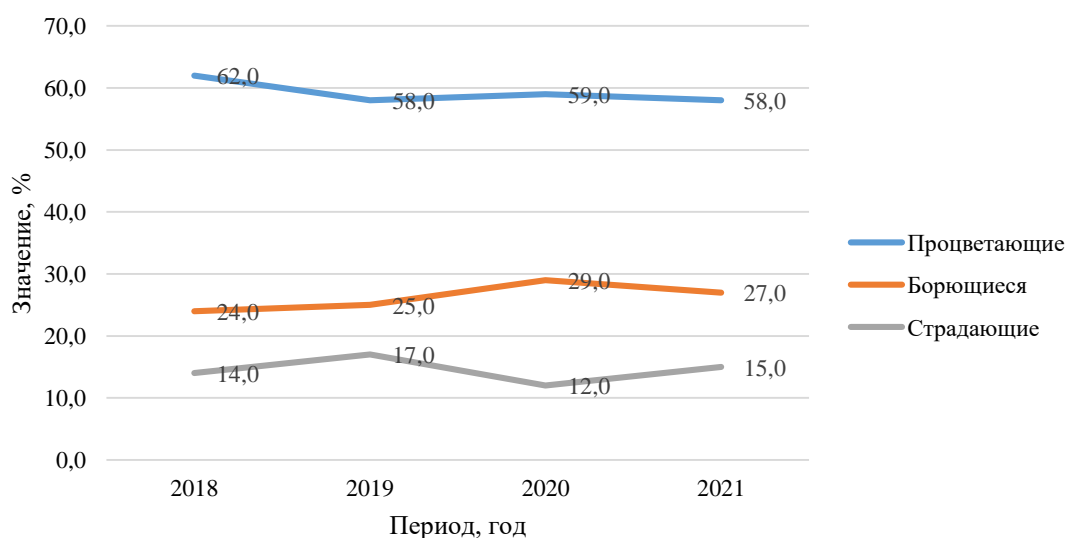

Рис. 1.52. Мировой индекс оценки жизни за период 2018–2021 гг.

Данные рисунка показывают, что с 2019 года по всем группам респондентов наблюдается ухудшение оценки своей жизни.

Крайним для рассмотрения индексом в данном исследовании выступает индекс процветания, разработанный Legatum Institute. Особенностью индекса является использование обширной базы показателей таких как, например, охрана и защищенность, личная свобода, управление, социальный капитал, инвестиционная среда, условия работы предприятия, доступ к рынкам и инфраструктура, экономический уровень, условия жизни, здоровье, образование, окружающая среда.

В методику расчета включен набор переменных из 104 пунктов, которые группируются в двенадцать подиндексов перечисленных выше. Далее все показатели нормализуются для того, чтобы их межстрановое сравнение было возможным. Каждому показателю присваивается вес, указывающий на уровень важности элемента, который он оказывает на один из двенадцати подиндексов. Обычно используются четыре веса от 0,5 до 2 с шагом 0,5. По умолчанию каждый показатель имеет вес равный 1, но в зависимости от его значимости для основных элементов значение может быть скорректировано соответственно в сторону уменьшения или увеличения. Общий балл рассчитывается как среднее арифметическое основанное на двенадцати подиндексах. Следует отметить, что в то время как оценка индекса дает общую оценку процветания страны, оценка каждого компонента служит ориентиром для того, как страна действует в отношении конкретной основы процветания. В табл. 1.47 показан рейтинг стран по индексу процветания за 2021 год.

Таблица 1.47

Рейтинг стран по индексу процветания за 2021 год

Место в рейтинге	Страна	Средний балл	Охрана	Личная свобода	Управление	Социальный капитал	Инвестиционная среда	Условия работы предприятия	Доступ к рынкам и инфраструктура	Экономический уровень	Условия жизни	Здоровье	Образование	Окружающая среда
1	Дания	83,8	92,2	92,5	90,9	77,2	80,1	80,5	81,8	74,5	94,8	80,6	88,1	72,5
2	Норвегия	83,5	95,7	94,0	90,8	76,6	79,9	79,0	77,8	72,9	93,8	84,0	85,6	71,2
3	Швеция	83,1	91,1	91,8	88,5	72,5	78,1	77,9	83,1	74,6	94,1	82,0	85,2	77,9
4	Финляндия	82,9	88,6	90,8	91,0	74,9	80,4	78,3	81,7	69,4	93,5	81,4	88,0	77,2
5	Швейцария	82,8	95,4	86,8	88,1	68,8	77,0	83,3	81,0	79,2	93,8	81,4	86,3	73,0
6	Нидерланды	82,1	91,2	89,5	89,3	71,1	78,0	79,6	85,0	74,7	96,1	82,2	86,4	62,4
7	Люксембург	81,1	94,2	88,7	87,3	64,2	74,7	79,8	81,4	77,4	93,5	81,5	78,9	71,1
8	Новая Зеландия	80,9	86,5	86,7	88,8	74,9	79,9	77,9	77,0	70,0	90,1	79,7	85,5	73,8
9	Германия	80,5	88,1	86,6	86,7	65,5	76,5	77,9	83,3	73,6	95,1	81,1	82,6	69,3
10	Исландия	80,1	92,2	88,1	85,5	71,5	74,5	72,0	79,1	69,3	93,2	82,2	85,1	68,4
20	США	77,1	72,1	81,3	78,7	67,3	76,5	81,1	83,6	70,0	90,6	73,9	83,2	67,0
70	Россия	59,3	50,9	40,3	41,4	54,0	54,3	54,9	63,0	62,5	79,4	71,6	82,7	56,0

В целом можно сказать, интегральные показатели и многомерные подходы к оценке качества жизни и человеческого потенциала являются действенными инструментами для сравнения и анализа различных стран и регионов. Однако следует учитывать, что каждый индекс имеет свои ограничения и не может полностью отражать сложность и многообразие факторов, влияющих на качество жизни и уровень развития населения.

Если рассматривать качество человеческого потенциала в региональном аспекте, то прежде всего следует отметить, что поскольку каждый регион имеет свою специфику производства и использования ресурсов то и уровни социально-экономического развития в регионах России значительно отличаются друг от друга. Чтобы определить положение населения в стране и ее отдельно взятом регионе, а также оценить уровень и качество жизни, также могут быть использованы различные подходы, содержащие многочисленные инструменты оценивания.

Полагаем, что для оценки качества жизни населения можно использовать индекс человеческого развития, который считается одним из наиболее универсальных методов. Однако из-за отсутствия региональной статистики по некоторым показателям его применение для оценки качества жизни в регионах затруднено. Поэтому целесообразно внести некоторые коррективы в методику расчета качества жизни населения.

В основе метода заложен расчет среднеарифметического значения трех индексов: долголетия (оценивается на основе средней продолжительности жизни), образования (оценивается на основе доли грамотного населения и доли обучающихся в возрасте от 7 до 24 лет) и дохода (уровня жизни) (оценивается на основе ВВП на душу населения по паритету покупательной способности). Сравнение текущей ситуации с максимальными (желаемыми) и минимальными значениями выступает принципиальным моментом при расчете каждого из составных подиндексов [2]. Следовательно, основная цель каждого подиндекса заключается в сопоставительной оценке текущего состояния в сравнении с наилучшим и наихудшим значениями показателей на соответствующем уровне анализа.

Для расчета подиндекса долголетия воспользуемся следующей формулой.

$$(X - 25) / (85 - 25),$$

где X – ожидаемая продолжительность жизни в стране при рождении.

Подиндекс образования представляет собой комплексный показатель, состоящий из двух компонент с разными весами. Первый – измеряет долю грамотного населения и учитывается с коэффициентом $2/3$, второй – измеряет долю молодежи в возрасте от 7 до 24 лет, и учитывается с коэффициентом $1/3$.

Для расчета подиндекса дохода (уровня жизни) используется следующая формула.

$$(\lg Y - \lg 100) / (\lg 75000 - \lg 100),$$

где Y – ВРП на душу населения по паритету покупательской способности.

Далее производится расчет ИЧР путем вычисления среднего арифметического из трех указанных индексов, формула [13].

$$\text{ИЧР} = (\text{ОПЖ} + \text{СПОД} + \text{РДД}) / 3,$$

где ОПЖ – ожидаемая продолжительность жизни при рождении; СПОД – среднегодовая продолжительность образования на душу населения; РДД – реальные располагаемые денежные доходы на душу населения.

Следует обратить внимание, что расчет ИЧР для регионов России, может включать некоторые корректировки. Так, например, отдельные виды экономических операций, которые предоставляются обществу за счет средств федерального бюджета, учитываются только на макроуровне. Деятельность финансовых организаций также не учитывается, поскольку она обычно выходит за рамки отдельных регионов. При оценивании охвата населения образованием в расчете учитываются лица, которые посещают учебные заведения всех типов, а именно начальные, средние и высшие учебные заведения, т.е. в возрасте от 7 до 24 лет.

В конечном итоге в зависимости от полученного значения происходит ранжирование по достигнутому уровню человеческого развития. Если значение ИЧР больше 0,8 присваивается ранг – очень высокий уровень; если значение ИЧР больше 0,7 – высокий; больше 0,55 – средний и если значение ИЧР ниже 0,55 – это означает низкий уровень человеческого развития.

Сегодня многие показатели развития регионов России имеют существенные различия, именно они и отражают их специфику [206]. Ниже в табл. 1.48 приведен расчет подиндексов, использующихся для расчета индекса человеческого развития для России и ее восьми федеральных округов, которые позволят дать оценку ситуации в области человеческого развития в стране.

Таблица 1.48

Агрегированные показатели подиндексов ИЧР за 2019–2021 гг.

Объект исследования	Агрегированные показатели								
	Индекс долголетия			Индекс образования			Индекс уровня жизни		
	2021	2020	2019	2021	2020	2019	2021	2020	2019
	0,751	0,774	0,803	0,859	0,877	0,892	0,991	0,992	0,976
Центральный ФО	0,764	0,793	0,826	0,803	0,816	0,827	0,971	0,968	0,973
Северо-Западный ФО	0,756	0,784	0,861	0,816	0,835	0,850	0,949	0,949	0,928

Объект исследования	Агрегированные показатели								
	Индекс долголетия			Индекс образования			Индекс уровня жизни		
	2021	2020	2019	2021	2020	2019	2021	2020	2019
Южный ФО	0,754	0,785	0,812	0,834	0,857	0,880	0,925	0,925	0,906
Приволжский ФО	0,742	0,764	0,799	0,864	0,881	0,893	0,965	0,968	0,949
Дальневосточный ФО	0,718	0,736	0,754	0,917	0,934	0,943	0,920	0,921	0,902
Сибирский ФО	0,722	0,743	0,769	0,937	0,953	0,962	0,939	0,941	0,924
Северо-Кавказский ФО	0,813	0,826	0,861	0,926	0,961	0,997	0,894	0,949	0,875
Уральский ФО	0,744	0,764	0,792	0,901	0,928	0,949	0,954	0,964	0,951

Исходя из данных табл. 1.48 проведем расчет сводного индекса человеческого развития. Итоговые значения ИЧР для РФ и федеральных округов за соответствующий период представлено в табл. 1.49.

Таблица 1.49

Индекс человеческого развития по РФ и федеральным округам за 2021 год в сравнении с двумя предшествующими периодами

Объект исследования	Период, год		
	2019	2020	2021
	0,891	0,881	0,867
Центральный ФО	0,875	0,859	0,846
Северо-Западный ФО	0,863	0,856	0,840
Южный ФО	0,866	0,856	0,837
Приволжский ФО	0,880	0,871	0,857
Дальневосточный ФО	0,866	0,864	0,851
Сибирский ФО	0,885	0,879	0,866
Северо-Кавказский ФО	0,911	0,894	0,878
Уральский ФО	0,897	0,885	0,866
Источник: рассчитано автором			

Для визуализации динамики изменения индекса человеческого развития представим его графически (рис. 1.53).

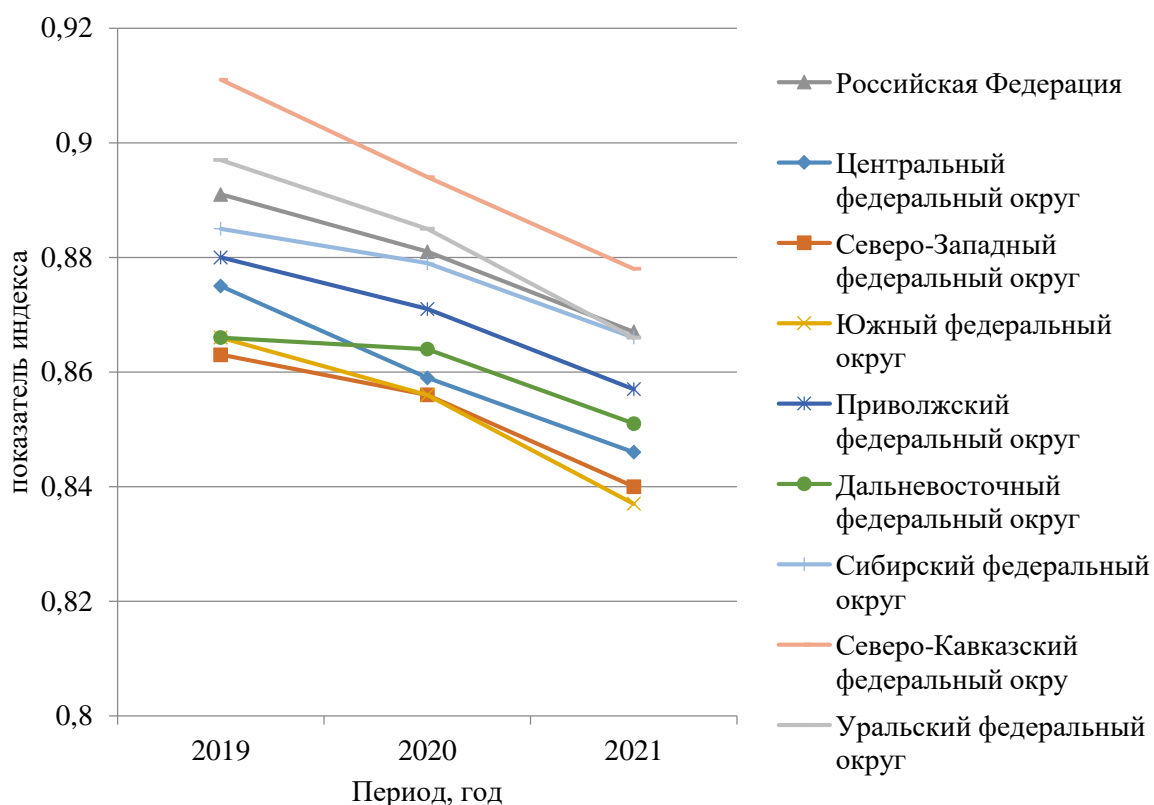

Рис. 1.53. Динамика изменения индекса человеческого развития в РФ и федеральных округах с 2019 по 2021 года

В табл. 1.50 представим динамические изменения показателя ИЧР в период с 2019 по 2021 год.

Таблица 1.50

Динамика изменения показателя ИЧР по стране в целом и федеральным округам РФ в период с 2019 по 2021 год

Объект исследования	Изменения показателя		Причина изменения показателя ИЧР
	2020/2019	2021/2020	
	-0,009	-0,014	Прослеживается общая тенденция к снижению показателя ИЧР по причине, влияния внешних факторов, а именно период распространения COVID – 19. Это резко негативно в целом повлияло на индексы долголетия, уровня жизни и образования.
Центральный ФО	-0,016	-0,013	
Северо-Западный ФО	-0,007	-0,016	
Южный ФО	-0,011	-0,018	
Приволжский ФО	-0,017	-0,016	
Дальневосточный ФО	-0,009	-0,014	
Сибирский ФО	-0,012	-0,019	
Северо-Кавказский ФО	-0,005	-0,013	
Уральский ФО	-0,002	-0,012	

Полученные данные наглядно иллюстрируют общую негативную тенденцию к уменьшению индекса человеческого развития, однако их уменьшение не равномерно, что обусловлено региональными различиями при влиянии факторов на результирующий показатель ИЧР. Это свидетельствует о необходимости выработки эффективной экономической политики, направленной на совершенствование аспектов, связанных с развитием человеческого потенциала.

Таким образом, человеческий потенциал как объект анализа в системе экономической безопасности может быть рассмотрен как элемент социально-экономического развития общества. Высокий уровень человеческого потенциала содействует социально-экономическому развитию, и тем самым обуславливает процесс дальнейшего человеческого развития. Его снижение приводит к низким темпам роста, что в значительной мере подрывает перспективы для человеческого развития в будущем. Именно четкая и слаженная политика органов власти, направленная на поддержание, формирование и развитие человеческого потенциала играет существенную роль в формировании и развитии человеческого потенциала и, следовательно, обеспечении экономической безопасности государства и устойчивого экономического роста.

РАЗДЕЛ 2. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

2.1. Экономическая безопасность региона: сущность, содержание, проблемы и пути решения (на примере Рязанской области)

Экономическая безопасность – это система функционирования национальной экономики, позволяющая поддерживать приемлемые условия жизни населения – качество, уровень жизни и обеспеченность экономическими ресурсами в объеме, необходимом для устойчивого экономического роста страны [511]. Сущность экономической безопасности в целом заключается в гарантиях и защите государственных интересов, способствующих социально-экономическому развитию страны, а также необходимом оборонном потенциале даже при возникающих внутренних и внешних угрозах.

В настоящее время термин «экономическая безопасность» рассматривается не только в рамках экономической науки, но и как один из основополагающих терминов, на которых базируется концепция национальной безопасности государства. В частности, экономическая безопасность, являющаяся одним из национальных приоритетов обеспечивающих национальную безопасность, предусматривает укрепление единства экономического пространства Российской Федерации, развитие кооперации и хозяйственных связей между субъектами Российской Федерации, а также сокращение дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню и темпам социально-экономического развития, качеству жизни, стимулирование развития экономического потенциала регионов, укрепление их бюджетной обеспеченности [467].

Применение термина «регион» в экономике характеризуется достаточно широким перечнем характеристик. Например, в научной работе «Современные подходы к определению понятия «регион», автор Доронина Ф.Х. выделяет несколько подходов к раскрытию содержания: территориально-географический, административно-территориальный, социально-экономический. По мнению автора, регион – это относительно самостоятельная, способная к саморазвитию целостная социально-экономическая система, обладающая определенным набором природных ресурсов, экономическим потенциалом и человеческим капиталом, которая, в целях поддержания устойчивости единого экономического пространства, повышения эффективности его развития и качества жизни населения, интегрируется с другими регионами [184].

Существует определение региона и в нормативных документах Российской Федерации, в частности: «... макрорегион – часть территории Российской Федерации, включающая в себя территории двух и более субъектов

Российской Федерации, социально-экономические условия в пределах которой требуют выделения отдельных направлений, приоритетов, целей и задач социально-экономического развития при разработке и реализации документов стратегического планирования; ... регион – часть территории Российской Федерации в границах территории субъекта Российской Федерации [459]. Таким образом, в термине «экономическая безопасность региона» должны находить отражение основные характеристики региона как комплексной социально-экономической системы.

Определение термина «экономическая безопасность региона» представлено в табл. 2.1.

Таблица 2.1

Определение термина «экономическая безопасность региона»

Автор	Определение
Елкина О.С.	Понимается совокупность текущего состояния, условий и факторов, определяющие стабильность, независимость и непрерывное развития экономики региона, органически интегрированной в экономику страны в целом как относительно самостоятельная структура [189]
Молчан А.С.	Определяется способностью его экономики функционировать в режиме устойчивого развития для обеспечения достойных условий жизни населения, развития личности, чтобы противостоять дестабилизирующему воздействию внутренних и внешних социально-экономических факторов [292]
Санникова И.Н., Приходько Е.А.	Это состояние экономики, обеспечивающее поступательное социально-экономическое развитие региона, включая механизм противодействия внешним и внутренним угрозам [400]
Сергеев А.Ю.	Часть системы обеспечения национальной безопасности, которая относится к внутренней ее составляющей, иногда к ней применяется термин «внутренняя безопасность» [412]
Уразгалиев В.Ш.	Это мера структурной вариабельности степени сбалансированности ресурсов, обеспечивающая поступательное расширенное социально-экономическое развитие региона [473]
Шпалтаков В.П.	Состоит в возможности и способности его экономики поэтапно улучшать качество жизни населения на уровне общепринятых стандартов, противостоять влиянию внутренних и внешних угроз, обеспечивать социально-экономическую и общественно-политическую стабильность региона [508]

*Таблица составлена авторами.

Анализируя определения, представленные в работах ученых-экономистов, содержание термина «экономическая безопасность региона» представляется комплексным. Во-первых, экономическая безопасность региона рассматривается как элемент системы национальной безопасности. Во-вторых, в определениях имеет место ресурсный подход, опирающийся на сбалансированность региональных ресурсов в экономике региона (финансовых, трудовых и т.д.) при обеспечении его экономической безопасности. В-третьих,

достаточный уровень экономической безопасности обеспечивает противодействие внешним и внутренним угрозам, способствует развитию экономики региона.

Все авторы едины в том, что экономическая безопасность – состояние защищенности и устойчивости экономики региона.

Учитывая то, что регион представляется как постоянно развивающаяся социально-экономическая система, для понимания содержания его экономической безопасности необходимо принимать во внимание факторы, оказывающие влияние на его развитие. Так в Указе Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года», установлено: «Факторами и условиями регионального развития, оказывающими влияние на формирование и реализацию государственной политики регионального развития, являются:

а) федеративное устройство страны и самостоятельное осуществление органами государственной власти субъектов РФ своих полномочий;

б) размер территории РФ и протяженность ее государственной границы, количество приграничных государств;

в) географические, природно-климатические, демографические и социокультурные особенности регионов;

г) значительные различия в уровне социально-экономического развития регионов;

д) недостаточная инфраструктурная обеспеченность ряда регионов [467].

Базируясь на выводах ученых, принимая во внимание факторы развития региона, предлагаем авторское определение экономической безопасности региона.

Экономическая безопасность региона определяется как состояние защищенности его экономики от внешних и внутренних угроз, достигнутое путем комплексного использования ресурсов региона, эффективного управления ими, обеспечивающее развитие экономики региона и его интеграцию в экономику других регионов и государства.

Определение имеет новизну, так как не только определяет состояние экономики, как защищенное от угроз, но и раскрывает факторы достижения этого состояния: ресурсный и административный аспекты.

Определение может быть применено в процессе изучения учебной дисциплины «Экономическая безопасность», а также как базовое для нормативных документов в сфере экономической безопасности региона.

Следует отметить, что в действующем законодательстве не представлены нормативно-правовые акты, в которых дается определение понятия «экономическая безопасность региона».

Нормативно-правовая база обеспечения экономической безопасности региона (на примере Рязанской области) представлена в табл. 2.2.

Таблица 2.2

**Нормативно-правовая база обеспечения экономической безопасности
Рязанской области**

Нормативно-правовой документ	Содержание документа
Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»	Определяет принципы, цели, приоритетные задачи и механизмы реализации региональной политики РФ
Закон Рязанской области от 04.12.2008 № 182-03 «Об административных правонарушениях»	Направлен на охрану прав и свобод человека и гражданина, защита законных интересов общества, государства, физических и юридических лиц от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений
Закон Рязанской области от 21.12.2016 № 91 -ОЗ «О мерах социальной поддержки населения Рязанской области»	Регулирует отношения, связанные с реализацией полномочий Рязанской области в сфере предоставления социальной поддержки населению Рязанской области, а также иные связанные с ними отношения
Закон Рязанской области от 04.04.2007 № 47-03 «О недропользовании на территории Рязанской области»	Определяет основные положения в сфере геологического изучения, использования и охраны недр на территории Рязанской области
Закон Рязанской области от 03.04.2006 № 41 -ОЗ «О защите нравственности и здоровья детей в Рязанской области»	Устанавливает меры, направленные на обеспечение физической, интеллектуальной, нравственной, психической безопасности и здоровья детей в Рязанской области
Постановление Правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 г. N 418 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года»	Является документом стратегического планирования, определяющим стратегические направления социально-экономического развития Рязанской области
Постановление Губернатора Рязанской области от 30.11.2006 № 490-пг «О совершенствовании антитеррористической деятельности в Рязанской области»	Способствует образованию антитеррористической комиссии Рязанской области и утверждению ее состава по должностям

В настоящее время единая нормативно-правовая база по обеспечению экономической безопасности Рязанской области до конца не разработана, однако регулирование социально-экономической сферы региона находится в постоянном обновлении.

Анализируя состояние экономической безопасности региона, исследователи традиционно концентрируют свое внимание на экономических и социально-экономических показателях. Однако, обеспечение экономической безопасности Рязанской области возможно добиться только посредством правильно скоординированных, грамотных действий органов власти как на федеральном, так и на региональном уровнях, а также посредством привлечения населения в реализацию стратегических направлений развития региона [452]. На этот же фактор обеспечения экономической безопасности региона обращают внимание и авторы настоящей статьи, изучая современные методики анализа.

Например, Санникова И.Н., Приходько Е.А, предлагают с целью оценки уровня региональной экономической безопасности применять систему показателей эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ и деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ [400]. Система базируется на нормативно установленных показателях: численности населения субъекта РФ, ожидаемой продолжительности жизни при рождении, уровне бедности, уровне образования, условиях для воспитания патриотической личности, количестве семей, улучшивших жилищные условия; объеме жилищного строительства; качестве городской среды; темпе роста (индексе роста) реальной среднемесячной заработной платы; темпе роста (индексе роста) реального среднедушевого денежного дохода населения; темпе роста (индексе роста) физического объема инвестиций в основной капитал, за исключением инвестиций инфраструктурных монополий (федеральные проекты) и бюджетных ассигнований федерального бюджета; численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, показатель цифровой зрелости [350]. Причем нормативный документ устанавливает ежегодную периодичность расчета вышеуказанных показателей. Вышеперечисленные показатели целесообразно обобщить в группу «Показатели эффективности управления регионом» и включить в систему показателей, используемых для оценки экономической безопасности региона.

Большой интерес представляет показатель «Цифровая зрелость», который характеризует уровень цифровизации госуправления, здравоохранения, образования, городского хозяйства, строительства и общественного транспорта региона, подразумевающей использование ими отечественных информационно-технологических решений.

Состав основных показателей «Цифровая зрелость» в части цифровизации деятельности структур управления регионом представлен ниже:

- доля видов сведений в государственных или региональных информационных системах, необходимых для оказания массовых социально значимых услуг;
- сокращение регламентного времени предоставления государственных и муниципальных услуг;

– доля государственных и муниципальных услуг, предоставленных без нарушения регламентного срока;

– доля проверок в рамках контрольно-надзорной деятельности.

Для оценки региональной экономической безопасности существует достаточное количество авторских методик и разработок. Расчет индикаторов необходим для выявления существующих и прогнозирования возможных угроз экономической безопасности. Авторами статьи предложена система индикаторов экономической безопасности региона, включающая группы индикаторов производственной безопасности, научно-технической безопасности, инвестиционной безопасности, социальной безопасности, демографической безопасности, представленных в табл. 2.3.

Таблица 2.3

Индикаторы экономической безопасности для территорий
регионального уровня*

№ п/п	Индикатор	Пороговое значение
I. Индикаторы производственной безопасности		
1	Темп роста ВРП к предыдущему году в сопоставимых це-	Не менее 105
2	Индекс промышленного производства, % к предыдущему	Не менее 105
3	Индекс производства продукции сельского хозяйства к предыдущему году, %	Не менее 105
II. Индикаторы научно-технической безопасности		
4	Численность занятых научными исследованиями и разра- ботками, в % к занятым в экономике	Не менее 1
III. Индикаторы инвестиционной безопасности		
5	Индекс физического объема инвестиций в основной капи- тал, в сопоставимых ценах % к предыдущему году	Не менее 105
6	Коэффициент обновления основных фондов, %	Не менее 15
IV. Индикаторы социальной безопасности		
7	Уровень безработицы по методологии МОТ	Не более 5
8	Численность населения с доходами ниже прожиточного ми- нимума, в % к общей численности населения	Не более 10
V. Индикаторы демографической безопасности		
9	Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100
10	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Не менее 70
11	Миграционный прирост на 10 000 чел. населения	Не менее 0

*Таблица составлена авторами.

В таблице отражена совокупность основополагающих социально-экономических показателей, позволяющих наиболее полно отразить угрозы и возможности региона с точки зрения экономической безопасности.

Исследование экономической безопасности региона осуществляется при помощи индикаторов различных сфер: экономической, демографической, социальной, культурной, образовательной и ряда других, которые вычисляются на основе статистических данных [312]. В предложенный перечень

предлагаем включить группу показателей «Показатели эффективности управления регионом». Методика расчета показателей данной группы установлена нормативным документом [350].

Далее для анализа экономической безопасности Рязанской области будут использованы индикаторы, представленные Сюповой М.С., Бондаренко Н.А. [435]. Базу для исследования составили статистические данные Росстата, Территориального органа государственной статистики по Рязанской области, данные статистического сборника Росстата «Рязанская область в цифрах. 2022», а также публикации Единой межведомственной информационно-статистической системы.

Для осуществления расчета необходимых индикаторов, разработана вспомогательная таблица, в которой представлены данные, необходимые для их расчета (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Вспомогательные значения для расчета показателей экономической безопасности Рязанской области*

№ п/п	Показатель	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
1	Валовой региональный продукт, млн. руб.	416 183,2	436 043,2	443 339,3	489 882,1	455586,2
2	Численность занятых научными исследованиями и разработками, чел.	2 516	2 507	2 421	2 299	2304
3	Численность занятых пенсионеров в экономике, чел.	72 532	71 933	70 601	71 719	74235
4	Численность населения, тыс. чел.	1 114,1	1 108,8	1 098,3	1 085,1	1085,2

*Таблица составлена авторами.

На основе представленных данных рассчитаем соответствующие индикаторы экономической безопасности Рязанской области и отразим их в табл. 2.5.

Анализируя данные, представленные в табл. 2.5, можем сделать следующие выводы о состоянии индикаторов экономической безопасности Рязанской области:

1. За исследуемый период темп роста валового регионального продукта (на примере Рязанской области) по отношению к предыдущему году в сопоставимых ценах имел неоднозначную тенденцию изменения, однако данный показатель в 2022 году по сравнению с 2019 годом сократился на 5,5%. Стоит отметить, что данный индикатор в 2019 и 2021 годах соответствовал пороговому значению, однако в 2022 году он оказался существенно ниже порогового.

Таблица 2.5

Динамика показателей экономической безопасности Рязанской области*

№ п/п	Показатель	Пороговое значение	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение
1	Темп роста ВРП к предыдущему году в сопоставимых ценах, %	Не менее 105	105	102	110	99,5	-5,5
2	Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	Не менее 105	106,1	106,3	107,9	109,2	+3,1
3	Индекс производства продукции сельского хозяйства к предыдущему году, %	Не менее 105	116,2	115,6	96,1	116,2	0,0
4	Численность занятых научными исследованиями и разработками, в % к занятым в экономике	Не менее 1	3,5	3,4	3,2	3,3	-0,2
5	Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в сопоставимых ценах % к предыдущему году	Не менее 105	102,6	84,7	110,4	106,9	4,3
6	Коэффициент обновления основных фондов, %	Не менее 15	4,2	5,2	4,8	6,9	2,7
7	Уровень безработицы по методологии МОТ, %	Не более 5	3,9	5,4	4,0	4,4	0,5
8	Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % к общей численности населения	Не более 10	12,7	12,8	12,4	12,8	0,1

Окончание табл. 2.5

№ п/п	Показатель	Пороговое значение	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	Абсолютное отклонение
9	Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100	99,5	99	99	99,5	0,0
10	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	Не менее 70	73,2	70,95	68,61	72,14	-1,06
11	Миграционный прирост на 10 000 чел. населения	Не менее 0	20,9	6,5	26	25,4	4,5

*Таблица составлена авторами.

2. Индекс промышленного производства по отношению к предыдущему году имеет тенденцию увеличения. В 2022 году по сравнению с 2019 годом он увеличился на 3,1%, что говорит о развитии промышленности в Рязанской области. Следует отметить, что за 2019–2022 годы показатель соответствует пороговому значению.

3. Индекс производства продукции сельского хозяйства по отношению к предыдущему году в Рязанской области за 2019–2022 годы в целом снижался на в 2022 году снова оказался на уровне 2019 года. В 2022 году данный показатель составил 116,2, что свидетельствует о неизменности объема производства продуктов растениеводства и животноводства. Данный индикатор соответствует пороговому значению.

4. Показатель численности занятых научными исследованиями и разработками по отношению к занятым в экономике имеет тенденцию снижения в исследуемом периоде. В 2022 году по сравнению с 2019 годом он сократился на 0,2%, однако его величина соответствует пороговому значению.

5. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал в сопоставимых ценах по отношению к предыдущему году имеет неоднозначную тенденцию изменения. В 2022 году по сравнению с 2019 годом данный показатель увеличился на 6,9%, следует отметить, что пороговое значение было достигнуто лишь в 2021 и 2022 году.

6. В Рязанской области за исследуемый период наблюдается неоднозначная тенденция изменения коэффициент обновления основных фондов. В 2022 году по сравнению с 2019 годом данный показатель увеличился на 2,7%, однако его значения в 2019–2021 годах далеки от порогового, что свидетельствует о снижении доли новых основных средств в общем их объеме на конец отчетного периода.

7. Уровень безработицы по методологии МОТ в 2019–2022 годах имеет неоднозначную тенденцию изменения, однако в 2022 году по сравнению с

2019 годом его значение увеличилось на 0,5%. Данный индикатор соответствует пороговому значению.

8. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума по отношению к общей численности населения в исследуемом периоде имеет неоднозначную тенденцию изменения. В 2022 году по сравнению с 2019 годом его значение выросло на 0,1%, что является отрицательным социально-экономическим явлением, значение показателя не соответствует нормативному значению [456].

9. Годовой темп роста численности населения в 2022 году по сравнению с 2019 годом не изменился. Стоит отметить, что значение данного показателя приближено к нормативному, однако не достигает его.

10. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении сокращается. В 2022 году по сравнению с 2019 годом данный показатель сократился на 1,06 лет. Пороговое значение индикатора достигается только в 2019 и 2020 и 2022 годах.

11. Миграционный прирост на 10 000 человек населения имеет неоднозначную тенденцию изменения, однако к 2021 году данный показатель растет. В 2022 году отмечается небольшое сокращение. В исследуемом периоде индикатор соответствует пороговому значению.

Таким образом, по результатам проведенного исследования возможно сделать следующие выводы:

1. Исходя из проведенного анализа основных индикаторов экономической безопасности Рязанской области по выбранной методике, можно отметить, что четыре индикатора не соответствуют пороговым значениям. Что с позиции оценки экономической безопасности может свидетельствовать о рисках и уязвимости данной системы.

2. В рамках анализа состояния экономической безопасности Рязанской области была выявлена ее нестабильность и недостаточная обеспеченность по ряду направлений, поскольку значительная часть анализируемых показателей отличается от установленных нормативов. Требуется тщательная разработка мер повышения эффективности системы экономической безопасности региона.

3. Среди показателей, не достигающих нормативные значения можно выделить следующие: индекс производства продукции сельского хозяйства по отношению к предыдущему году; коэффициент обновления основных фондов; численность населения с доходами ниже прожиточного минимума по отношению к общей численности населения; годовой темп роста численности населения; ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Следует сделать акцент на региональных органах власти на разработку соответствующих мер, направленных на повышения уровня экономической безопасности региона.

4. Для улучшения состояния показателей экономической безопасности Рязанской области необходимо провести ряд мероприятий по стабилизации

и оптимизации многих показателей, лишь с учетом систематического контроля за ними будет достигнут оптимальный уровень экономической безопасности [147].

На обеспечение экономической безопасности региона огромное влияние оказывает сфера занятости. Это сложная социально-экономическая система, связанная с такими важнейшими аспектами общества, как уровень и качество жизни населения, демографические процессы, система образования и др. Тенденции изменений отношений в сфере занятости во многом определяют вектор развития региона в целом [404].

Одним из наиболее важных показателей анализа экономической безопасности Рязанской области, является уровень безработицы по методологии Международной организации труда, так как он отражает влияние экономического состояния региона на население и возможность жителям региона находить место трудоустройства.

Анализ индикаторов экономической безопасности Рязанской области показал, что в течение рассматриваемого периода уровень безработицы имел неоднозначную тенденцию изменения. Одним из самых важных способов количественного выражения общей тенденции изменения показателя выступает аналитическое выравнивание ряда динамики, а метод экстраполяции – это способ определения количественного значения за пределами ряда.

Таблица 2.6

Динамический ряд уровня безработицы по Рязанской области

Год	Уровень безработицы, % (y)	Условное Обозначение времени (t)	t ²	y*t	ŷt
2015	4,7	-3	9	-14,1	4,454
2016	4,5	-2	4	-9	4,436
2017	4,1	-1	1	-4,1	4,418
2018	4,2	0	0	0	4,4
2019	3,9	1	1	3,9	4,382
2020	5,4	2	4	10,8	4,364
2021	4	3	9	12	4,346
Итого	30,8	0	28	-0,5	30,8

Аналитической моделью тенденции развития (тренда) данного показателя во времени можно считать линейную функцию:

$$\hat{y}t = a_0 + a_1t,$$

где $\hat{y}t$ – выровненные значения уровней динамического ряда;

t – время; a_0, a_1 – параметры уравнения прямой.

Определим с помощью системы уравнений неизвестные коэффициенты a_0 и a_1 :

$$\begin{cases} \sum y_i = a_0 * n + a_1 * \sum t_i \\ \sum y_i t_i = a_0 * \sum t_i + a_1 * \sum t^2 \end{cases},$$

где n – число периодов; a_0, a_1 – параметры уравнения прямой.

Так как в нашем случае сумма значений t равна 0, то систему можно упростить.

Рассчитаем значения показателей a_0 и a_1 из системы 2:

$$\begin{cases} a_0 = \frac{30,7}{7} = 4,4 \\ a_1 = \frac{-0,5}{28} = -0,018 \end{cases}$$

Уравнение прямой, представляющее собой трендовую модель искомой функции, будет иметь вид:

$$\hat{y}_t = 4,4 - 0,018 * t$$

Выравненные значения показателя \hat{y}_t представлены в табл. 2.7.

Зная расчетные значения, можно отметить, что они незначительно отклоняются от фактических, следовательно, модель тренда подобрано адекватно.

Используя полученные данные на основании вычислений методом аналитического выравнивания, делаем прогноз уровня безработицы Рязанской области на 2022–2024 годы.

Экстраполяция на 2022, 2023, 2024 год представлена в табл. 2.7.

Таблица 2.7

Прогнозные значения численности безработного населения

Год	t	\hat{y}_t
2022	4	4,328
2023	5	4,31
2024	6	4,292

Фактические и расчетные значения численности безработного населения, а также прогнозные значения представлены на рис. 2.1.

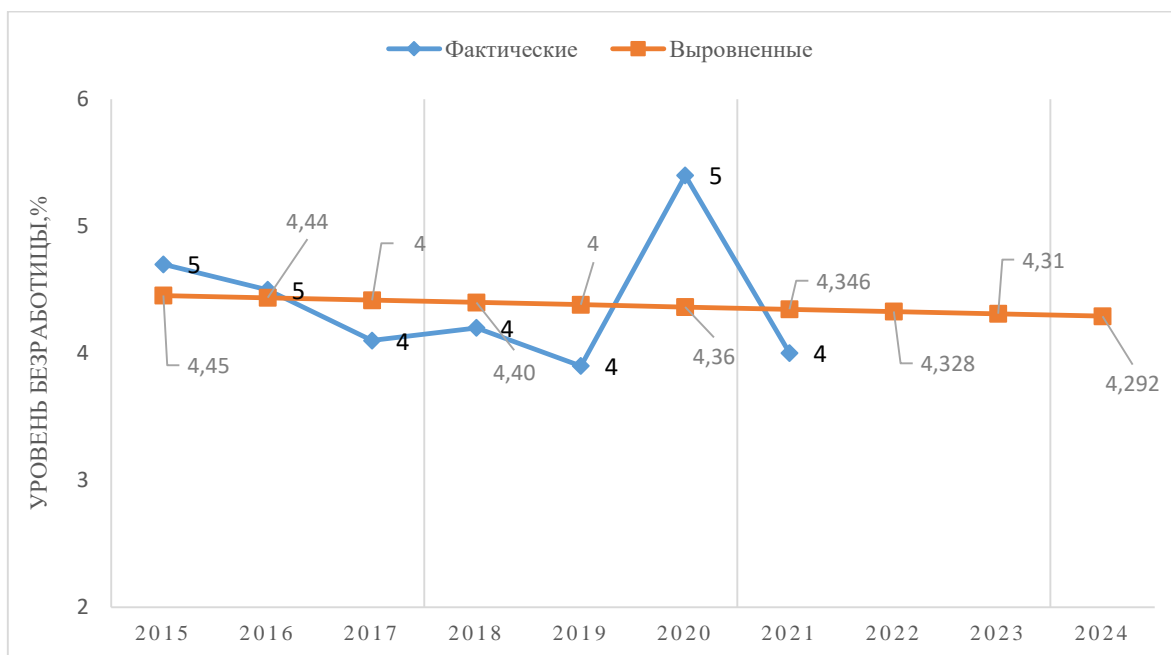

Рис. 2.1. Динамика фактических и выровненных значений уровня безработицы в Рязанской области до 2024 года

Таким образом, по данным проведенного анализа можно судить о следующем:

1. По данным прогнозного значения происходит сокращении уровня безработицы в Рязанской области к 2024 году, однако данный прогноз может быть верным при отсутствии внешних факторов, влияющих на экономическую безопасность региона, а также при стабильном росте его социально – экономических показателей.

2. Значение уровня безработицы по Рязанской области составит: в 2023 году – 4,31%, а в 2024 году – 4,292%.

3. В настоящее время нестабильная политическая и экономическая ситуация в стране может привести к росту бедности в регионе, ухудшению его социально-экономического положения, отсутствию рабочих мест, а, вследствие перечисленных проблем, к росту уровня безработицы.

4. Уровень безработицы является важным фактором, оказывающим значительное влияние на экономическую безопасность региона, совмещающий в себе как социальную, так и экономическую составляющие. Увеличение данного индикатора может представлять угрозу экономической безопасности Рязанской области, так как наблюдается неоднозначная тенденция его изменения, поэтому необходимо проводить анализ показателей, связанных с занятостью и безработицей в регионе.

Чтобы своевременно противостоять внешним и внутренним угрозам, необходимо проводить постоянный мониторинг, направленный на выявление угроз в различных сферах деятельности региона и принятие своевременных мер по их устранению, поскольку угрозы экономической безопасности,

затрагивающие одну сферу, затрагивают и другие отрасли, взаимодействующие с этой сферой [160].

Необходимо также отметить, что на динамику основных показателей экономической безопасности региона будет оказывать и влияние ряд факторов нестабильности, например, продолжительность текущей внешнеэкономической ситуации, ограничительные меры со стороны недружественных государств в отношении экспортируемого товара с региона, стабильность денежно-кредитной и бюджетной политики государства в отношении регионов и др.

Для регулирования экономической сферы могут быть предложены следующие мероприятия.

1. Обеспечение первостепенное развитие субъектов, имеющих наиболее важное геополитическое и стратегическое значение.
2. Создание условий для эффективной деятельности малого и среднего бизнеса.
3. Дальнейшее развитие и расширение промышленного производства.
4. Формирование взаимовыгодных экономических отношений между регионами.
5. Продолжить совершенствовать механизм импортозамещения.

Для регулирования социальной сферы могут быть предложены следующие мероприятия:

1. Совершенствование системы социальной поддержки населения.
2. Совершенствование системы пенсионного обеспечения населения.
3. Снижение налоговой нагрузки на категории лиц, с доходами нижепрожиточного минимума.
4. Систематическая индексация заработной платы.

Одним из наиболее эффективных с точки зрения улучшения экономической безопасности является разработка мероприятий по повышению инвестиционной привлекательности региона, поскольку с помощью привлечения инвестиций можно осваивать новые сферы производства, тем самым увеличивая количество рабочих мест и сокращение уровня безработицы, увеличивать конкурентоспособность региональных предприятий мировом рынке, осваивать новые технологии. Стоит отметить, что применение рассмотренных ранее мероприятий будет в полной мере способствовать повышению инвестиционной привлекательности региона [260].

В целях обеспечения экономической безопасности Рязанской области необходимо обеспечить решение задач, сформулированных в Постановлении Правительства Рязанской области «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Рязанской области на период до 2030 года». Ориентируясь на данное положение, следует отметить следующие приоритетные направления и цели, которые впоследствии повлияют на состояние экономической безопасности региона:

- 1) создание условий для развития человеческого капитала и самореализации личности, оказание социальной поддержки;
- 2) формирование точек роста на основе кластерного подхода, создание высокопроизводительных рабочих мест (таких как, Инновационный научно-технологический центр (ИНТЦ) «Аэрокосмическая инновационная долина»);
- 3) обеспечение комплексного развития окружающей среды;
- 4) всестороннее развитие окружающей человека среды;
- 5) создание одного из крупнейших центров культуры и туризма в России, охрана исторических и культурных ценностей [260];
- 6) создание условий для развития бизнеса и реализации инициатив граждан, совершенствование системы государственного управления;
- 7) обеспечение сбалансированного территориального развития [146];
8. цифровая трансформация региона, дальнейшее развитие цифровизации органов управления и их взаимодействия с субъектами экономики региона.

На основе изучения выбранных индикаторов социальной, экономической и финансовой сферы с установленными пороговыми значениями было выявлено неустойчивое состояние региона, поскольку часть анализируемых индикаторов в отчетном периоде не соответствует пороговым значениям, среди них можно отметить следующие:

1. В отчетном периоде коэффициент обновления основных фондов меньше порогового значения более чем в три раза.
2. Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума по отношению к общей численности населения больше порогового значения.
3. Годовой темп роста численности населения в 2022 году ниже порогового значения.
4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении ниже порогового значения.

Далее был проведен прогноз уровня безработицы в Рязанской области на 2022–2024 годы, а также установлено, что показатель имеет тенденцию снижения, это положительно влияет как на экономическую безопасность, так и на экономику в целом. Методом аналитического выравнивания было выявлено, что в 2022 году уровень безработицы составит 4,328%; в 2023 – 4,31%, а в 2024 – 4,292%.

Сегодня в динамически изменяющемся мире особое значение для обеспечения экономической безопасности имеет постоянный мониторинг вызовов и угроз в данной сфере. На основе имеющихся проблем в регионе были исследованы ряд мер, который будет способствовать их сокращению и улучшению состояния экономической безопасности Рязанской области. Ввод в действие данных мероприятий способствует повышению способности региона противодействовать внешним и внутренним угрозам.

2.2. Региональный аспект обеспечения экономической безопасности: проблема оценки

В настоящее время вопросы обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов разных уровней хозяйственной системы становятся остро актуальными по причине роста обострения противоречий и нарастания глобальной напряженности, что ведет к нестабильности и самой мировой архитектуры и мирохозяйственных связей, и порождает всё больше проблем внутри национальных хозяйств.

Поиск механизмов обеспечения безопасности является не просто теоретической проблемой. Построение институционального каркаса безопасности субъектов, обеспечиваемое государственными структурами, решает многоплановые задачи, в первую очередь, связанные с обеспечением жизнедеятельности людей и расширенным воспроизводством экономической системы. Именно эффективность функционирования систем национальной безопасности и действенность социально-экономической политики правительств продемонстрировала ситуация, связанная с преодолением последствий наступившей в начале 2020 года эпидемии новой коронавирусной инфекции. Она обнажила, с одной стороны, проблемные места в различных сферах экономики и жизни людей как в нашей стране, так и в других странах, но в то же время, показала, что, использование грамотной антикризисной политики и системного подхода к обеспечению безопасности позволило найти выход даже в ситуации очень высокой степени неопределенности и сверхвысоких рисков, преодолеть множество сложностей как экономических и политических, так и социальных. В такие периоды, как никогда, востребованными становятся научные подходы к обеспечению экономической безопасности субъектов как на уровне организаций, регионов, государств, так и мирного сообщества.

В российской научной и учебной литературе достаточно широко представлены методологические подходы, а также набор аналитических инструментов, которые принято использовать для характеристики категориального поля и анализа проблем безопасности субъектов различных уровней и разных видов безопасности. Данная тематика выступала объектом научных интересов отечественных исследователей, таких как Л.И. Абалкин, Т.Н. Агапова, А.Ш. Ахмедуев, А.В. Бабкин, В.Г. Вечканов [135], С.Ю. Глазьев [153], Н.Н. Карзаева [224], А.В. Карпушкина, Р.М. Нуреев, Е.А. Олейников, В.А. Плотников, В.К. Сенчагов [409], А.И. Татаркин [438], Т.В. Ускова и многих других.

Региональная безопасность может быть рассмотрена с 2-х позиций (рис. 2.2):

- 1) как безопасность макрорегиона (макрорегионов) на уровне мировой экономики (в рамках интер-уровня системы глобальной безопасности);

2) как один из элементов национальной безопасности (в рамках мезо-уровня национального хозяйства).

На рис. 2.2 представлена структурно-элементная модель глобальной безопасности, в которой наглядно видно, что безопасность проявляет себя на разных уровнях и в разных сферах хозяйства, и ее можно представить как систему, в которой присутствуют в качестве элементов национальная безопасность стран мира (1, 2, 3, 4 и т.д.) со своими подуровнями безопасности (от нано до макро-) и сферами безопасности (природная, социальная, экономическая) (на рисунке это – обозначено как А, Б, В).

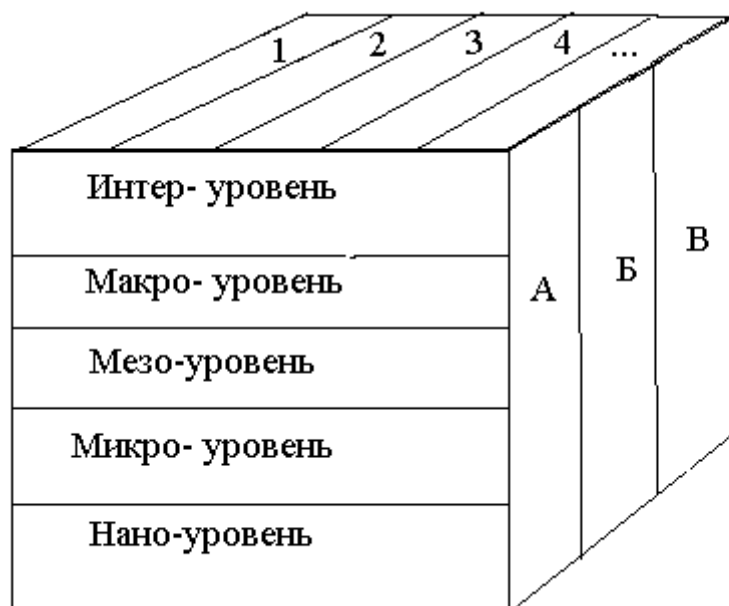

Рис. 2.2. Структурно-элементная модель системы глобальной безопасности [288, с. 38]

В дальнейшем мы будем использовать второй подход, а именно, рассматривать региональную безопасность в рамках национального хозяйства, в составе которой региональная экономическая безопасность выступает одной из важнейших составляющих, наряду с экологической, энергетической, информационной, демографической и пр. подвидами безопасности.

Так как любой регион представляет собой полифункциональную систему, важнейшими функциями которой выступают обеспечение уровня и качества жизни населения и развитие регионального хозяйства, то и региональная экономическая безопасность предстает, в первую очередь как система, позволяющая обеспечивать эти функции. Но в большинстве встречающихся определений упор делается на вторую функцию, а именно, на расширенное воспроизводство хозяйства.

Так, например, российский экономист Г.С. Вечканов определяет понятие экономической безопасности региона как «совокупность текущего состояния, условий и факторов, отражающих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики территории страны» [135].

В то же время, В.К. Сенчагов под термином экономическая безопасность региона понимает «состояние, при котором отсутствуют, сведены к минимуму или устранены внутренние и внешние угрозы сохранению социально-экономического и финансового потенциала региона ниже уровня, достаточного для повышения благосостояния его населения» [409].

На наш взгляд, в определении должны быть учтены обе функциональные сферы регионального развития – и производственная, и социальная, а также две составляющие компоненты безопасности (пассивная и активная), поэтому, мы разделяем позицию А.И. Татаркина, А.А. Куклина и согласны с их определением региональной экономической безопасности или в их трактовке – экономической безопасности территориального образования (области, республики, федерального округа).

Под ней данные авторы понимают «совокупность условий и факторов, характеризующих текущее состояние экономики, стабильность, устойчивость и поступательность ее развития, степень ее самостоятельности в процессах интеграции с экономикой Федерации, что выражается в следующем:

- возможность проводить собственную экономическую политику в рамках Федерации;

- способность безобвально реагировать на резкие геополитические изменения;

- способность осуществлять (или, по крайней мере, начать осуществление) крупные экономические мероприятия (не ожидая помощи от Федерации) по неотложным ситуациям на территории, связанным с локальными экономическими бедствиями или экономическими просчетами (ошибками) на федеральном уровне;

- возможность на договорной основе оказывать помощь сопредельным областям, республикам и регионам, существующая несбалансированная экономическая ситуация в которых может негативно отразиться на экономических интересах территории;

- возможность стабильно поддерживать соответствие действующих на территории экономических нормативов общепринятым в мировой практике (или директивно утвержденным для территории на конкретный период времени), что позволило бы сохранить (или восстановить) достойный уровень жизни населения [438, с. 29].

Таким образом, можем сделать вывод, что содержанием процесса обеспечения экономической безопасности региона является спланированная и целенаправленная деятельность государственных органов данного региона, направленная на поддержание такого уровня экономического потенциала

всех сфер экономики региона, который обеспечивает его развитие и социально-экономическую стабильность уровня жизни населения на основе реализованной защиты от внутренних и внешних угроз.

Объектом экономической безопасности региона является совокупность сфер, формирующих хозяйство региона (в том числе природной, социальной, производственной и других), а также те угрозы экономической безопасности, которые негативно воздействуют на его экономику в текущем периоде, а также могут оказать негативное воздействие на него в перспективе.

Субъектами, обеспечивающими экономическую безопасность региона, являются органы государственной власти как федерального (осуществляет региональную экономическую политику), так и регионального уровней (разрабатывают и реализуют решения по социально-экономическому развитию региона), а также представители основных общественных институтов и бизнеса.

В существующих на сегодняшний день и представленных в российской практике подходах к оценке региональной безопасности можно выделить три глобальных тренда, позволяющие отслеживать параметры безопасности хозяйствования, т.е. выявлять региональный аспект экономической безопасности определенной территории по:

- оценкам регионального развития, характеризующим состояния экономики региона, хозяйственную среду (инвестиционный климат, условия ведения бизнеса и др.);
- оценкам регионального развития, характеризующим состояние уровня и качества жизни населения регионов;
- по смешанным оценкам, включающим параметры и деловой, и социальной среды.

В экономической литературе достаточно широко исследован механизм оценки безопасности экономических субъектов, в большей степени относительно государства, но и региональная безопасность также изучена с точки зрения квалиметрического подхода.

Оценка уровня региональной экономической безопасности осуществляется на основе существующих методов оценки, многие из которых основываются на методах оценки уровня экономической безопасности страны, однако существуют и методы, применяемые исключительно для обеспечения экономической безопасности региона как субъекта. Рассмотрим основные из них.

1. Макроэкономический метод оценки уровня экономической безопасности региона подразумевает сравнение существующих в данном регионе основных макроэкономических показателей с установленными для каждого показателя пороговыми значениями, после чего на основе данного сопоставления определяются наиболее проблемные сферы, а также угрозы экономической безопасности региона.

Преимуществом данного метода является простота использования при получении в то же время достаточно обширных результатов, на основе которых можно сделать выводы об уровне экономической безопасности региона. Представителями данного метода являются С.Ю. Глазьев, З.З. Абдулаева, Г.М. Воронин и др. Недостатком данного метода является то, что при проведении оценки складывающихся значений основных макроэкономических показателей с усредненными показателями по стране или же пороговыми значениями не учитывается уникальность социально-экономического положения того или иного региона. Однако все же стоит отметить, что именно данный метод получил наибольшее распространение на практике и является наиболее популярным при проведении оценки уровня экономической безопасности.

Ученые Уральской научной школы из УрОАН под руководством А.И. Татаркина разработали для региональной экономической безопасности модифицированный подход, при котором уровень проявления угроз экономической безопасности определяется путем сравнения выбранного набора текущих значений индикаторов с их пороговыми значениями. Для регионального уровня ими выделено тринадцать сфер экономической безопасности, которые, в свою очередь, объединены в три крупных группы, охватывающие параметры функционирования экономики региона (экономическая сфера), уровень жизни населения (социальная сфера) и экология (природная среда во взаимодействии с человеком) [438, с. 30–32]. Это наиболее детально проработанная методика, позволяющая мониторить ситуацию региональной экономической безопасности.

Акцент делается на процедуру индикативного анализа, и сложность состоит в том, необходимо формировать пороговые уровни индикативных показателей, что зачастую является субъективной оценкой экспертов.

На сегодняшний день не существует единого верного подхода к определению и оценке уровня экономической безопасности региона, по большей части выбор метода зависит от того, какие цели преследует лицо, проводящее оценку. Однако в научном сообществе в силу своей достаточной простоты, практической применимости и комплексности рассматриваемых показателей макроэкономический метод, применяемый на основе индикативных показателей, используется достаточно часто.

Примером тому может служить, в частности, адаптированный метод оценки уровня экономической безопасности региона, основанный на индикативных показателях, предложенных С.Ю. Глазьевым на основании 22 индикативных показателей [150]. Для каждого из индикативных показателей определены свои пороговые значения, превышение которых приводит к нарушению состояния безопасности в той или иной сфере. Важно отметить, что индикаторы экономической безопасности, предложенные С.Ю. Глазьевым, охватывают различные сферы государства или региона, а именно: со-

циальную, экономическую, производственную, финансовую и др. Таким образом можно сделать вывод, что система индикаторов экономической безопасности, а значит, и оценка уровня экономической безопасности, проведенная на их основе, является комплексной и охватывающей разные стороны жизни общества, что крайне важно для получения общей картины. Также важно добавить, что не все из двадцати двух оригинальных показателей возможно адаптировать к рассмотрению экономической безопасности регионального уровня, однако подавляющее большинство имеет свои аналоги на региональном уровне.

2. При использовании метода экспертных оценок для оценки уровня экономической безопасности региона привлекаются специалисты или группа специалистов в данной области и на основе их профессионального, научного и практического опыта ими обосновывается и дается та или иная оценка безопасности. Такой метод зачастую применяется при ранжировании регионов (территорий) по уровню угроз экономической безопасности. Представителями данного метода являются С.Г. Волкова, С.В. Гук и др.

Существенным недостатком применения такого рода методов является субъективизм в оценке, а также отсутствие пороговых значений. Именно поэтому по сравнению, например, с методами, основанными на математике и статистике, данный метод явно проигрывает.

3. При проведении оценки уровня экономической безопасности региона посредством математических методов оценки и многомерного статистического анализа происходит достаточно трудоемкое вычисление показателей, характеризующих уровень экономической безопасности региона, используются интегральные показатели, которые характеризуют экономику региона. Представителями данного метода являются Т.Н. Агапова, О.С. Филеткин и др.

Преимуществом данного метода является получение достаточно объективной оценки. Недостатком данного метода является его высокая многоступенчатость, громоздкость, сложность вычисления и, как следствие, воспроизведения во многих регионах. Также в некоторых случаях при использовании данной методики подвергается сомнению взаимосвязь между отдельными включенными в данную методику показателями, что требует дополнительных исследований.

4. При использовании динамического метода оценки уровня экономической безопасности региона происходит оценка динамики развития региона путем исследования темпов роста основных макроэкономических показателей данного региона. Наиболее известными представителями данного метода являются В.К. Сенчагов, А.Н. Илларионов, И.В. Долматов и др.

К недостаткам данного метода можно отнести отсутствие показателей, которые характеризуют эталонные ситуации в экономике региона, а также отсутствие в методе пороговых значений.

Наряду с методикой, предложенной С.Ю. Глазьевым, достаточно популярной в научной среде является система индикативных показателей, на основе которых проводится оценка уровня экономической безопасности, предложенная Институтом экономического анализа под руководством А.Н. Илларионова [209]. Данная система состоит из 11 индикативных показателей, однако, по сравнению с системой индикативных показателей С.Ю. Глазьева, в ней выделяют следующие недостатки, а именно система в своей совокупности охватывает только производственные и финансовые индикаторы (индикаторы социально сферы отсутствуют), а также в системе индикаторов отсутствуют заранее установленные пороговые значения по каждому из индикаторов экономической безопасности. Таким образом при проведении оценки уровня экономической безопасности возникает ситуация, при которой трактовка результатов остается за специалистом, осуществляющим оценку, что вносит высокую долю субъективизма в проведение данного метода.

Также среди наиболее популярных методик отметим методику В.К. Сенчагова, в которой формирование показателей экономической безопасности осуществляется по 6 блокам, которые достаточно полно охватывают основные сферы жизни общества.

5. В случае употребления метода оценки последствий угроз экономической безопасности через количественное выражение параметров применяется функциональный анализ безопасности территорий на основе определения вероятности наступления определенных негативных событий. Представителями данного метода являются Э.А. Уткин, Л.Г. Гончаренко, А.Ф. Денисов и др.

Можем заметить, что перечисленные методы достаточно различны между собой: в некоторых методах возможно определение общего показателя экономической безопасности, а в других, например, основой является ранжирование угроз экономической безопасности региона, после чего составляется общий рейтинг и определяются лучшие регионы; некоторые основаны на использовании сложных математических и статистических расчетах, а в некоторых возможно определения уровня экономической безопасности путем достаточно несложных вычислений.

Основные методологические проблемы, возникающие при оценке региональной экономической безопасности, на наш взгляд, можно свести к трем основным.

Во-первых, это проблема определения пороговых значений показателей безопасности.

Ситуация экономического развития России и ее регионов за последние 30 лет демонстрировала очень существенную вариацию в уровнях экономических параметров жизнедеятельности субъектов. Очевидно, что с улучшением ситуации, пороговые значения индикаторов экономической безопас-

ности требуют пересмотра, подстройки под меняющиеся социально-экономические реалии. Конечно, со временем происходит и изменение экспертных представлений о допустимых или критических значениях функционирования тех или иных процессов или явлений хозяйственной жизни, что связано, например, с уровнем материального благополучия населения.

Во-вторых, имеют место существенные отличия в уровнях экономического развития регионов, их экономической и социальной инфраструктуры, и, соответственно, уровнях жизни населения в разных регионах страны.

Потому, для более эффективного и системного описания, их сопоставительного анализа, а в дальнейшем решения региональных проблем, особенно в части обеспечения экономической безопасности, необходимо использование типологий регионов. Однако, в настоящее время еще нет окончательно сформированной и пригодной для решения аналитических задач типологии российских регионов. Главной проблемой типологизации регионов является разделение различных регионов России на определенные схожие по общим признакам группы в процессе осуществления сопоставлений регионов между собой и исследовании экономических процессов внутри данных регионов.

Вытекающая из этой задачи общая проблема сопоставимости оценок регионального развития является на сегодня очень актуальной. Президент страны В.В. Путин на ПМЭФ-2023 поставил схожую задачу – разработать российскую модель целевых условий для ведения бизнеса по типу той, что была использована Всемирным банком, но скомпрометировала себя в связи с коррупционной составляющей при проведении подсчетов.

Это очень важная задача, так как в настоящий момент в стране существуют различные методики оценки безопасного ведения бизнеса в регионах. Сложности сопоставления данных различных рейтингов можно увидеть в табл. 2.8. В ней для сравнения представлены данные рейтинговой группы RAEX (первый столбец), которая публикует информацию по рейтингованию российских регионов по инвестиционному климату и рискам, начиная с 1996 года, а также Агентства стратегических инициатив (АСИ), которое ведет свой «Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в регионах» с 2014 года (3–11 столбцы).

Таблица 2.8

Рейтинги регионов по инвестиционной привлекательности по методике АСИ и RAEX в 2020 году

Рейтинг RAEX	Название региона	Рейтинг по АСИ	Ранг потенциала	Средне-взвешенный индекс риска	Место региона (ранг)					
					Социальный риск	Экономический риск	Финансовый риск	Криминальный риск	Экологический риск	Управленческий риск
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Московская область	5	2	0,1271	3	4	10	14	27	6
2	Санкт-Петербург	4	3	0,1280	2	11	4	55	47	2
3	Липецкая область	24	38	0,1370	4	14	17	6	36	9
4	Белгородская область	7	16	0,1381	5	5	13	1	8	34
5	Ленинградская область	13	22	0,1459	11	10	2	53	49	1
6	Москва	1	1	0,1507	1	30	9	71	25	4
7	Республика Татарстан	2	7	0,1572	16	3	7	16	39	19
8	Воронежская область	15	20	0,1622	7	2	41	37	13	16
9	Краснодарский край	6	4	0,1660	25	1	8	30	10	25
10	Тамбовская область	21	54	0,1690	12	22	44	7	14	18

Источник: составлено по [212, 299].

В табл. 2.8 представлен вариант данных о региональных рисках, включая экономические, рассчитанные по методике RAEX. Как видно из данных таблицы, у первой десятки регионов, выделенных по методике RAEX как регионы с высокой инвестиционной привлекательностью (инвестиционный потенциал (столбец 4) + низкие интегральные риски (столбец 5)), есть существенные расхождения с рейтингом АСИ (столбец 3).

И региональный экономический риск в методике RAEX выступает как один из видов, наряду с финансовым, управленческим и пр. в интегральном

сводном региональном риске, хотя, финансовая безопасность может быть выделена как элемент экономической безопасности региона.

Как справедливо отмечает В.Е. Дементьев [176], различные рейтинги регионов в силу высокой динамики показателей во времени и прочим факторам, оказываются недостаточно информативными для понимания факторов роста регионального валового продукта, как важнейшего оценочного показателя экономического состояния региона, и базового параметра региональной экономической безопасности.

Важным моментом в сопоставлении регионов и региональной безопасности выступает степень их развитости, а также такие факторы как институты и культура, которые все больше оказывают влияние на экономическое развитие и все активнее экономисты призывают их учитывать [257, 111].

В-третьих, при оценке угроз/опасностей экономической безопасности регионального развития требуется формирование четкого представления о тех факторах, которые имеют силу в настоящем или могут проявиться в будущем, а также разделения их на группы, с позиции возможности/невозможности осуществления контроля за их действием (рис. 2.3).

Как видно из представленной на рис. 2.3 факторно-уровневой модели группировки факторов регионального развития, для субъекта управления важно разделять в процессе анализа экономической безопасности региона 3 группы факторов:

- факторы регионального развития, неподконтрольные регулированию на уровне региона (1 блок);
- факторы регионального развития, подконтрольные регулированию на уровне региона (2 блок);
- факторы национального развития, подконтрольные регулированию на уровне региона (3 блок).

Предложенное деление позволяет учитывать факторы безопасного развития при формировании стратегии регионального развития, или даже, в лучшем случае, при формировании целевых программ развития региона или программ обеспечения безопасного развития региона [390]. Эта работа важна для крупных региональных образований, в первую очередь, федеральных округов в рамках страны.

Конечно, существует и множество других проблем оценки безопасности регионального экономического развития. Так, наряду с оценкой экономической безопасности региона, на наш взгляд, требуется проведение оценки эффективности институтов обеспечения экономической безопасности, но это тема отдельного исследования.

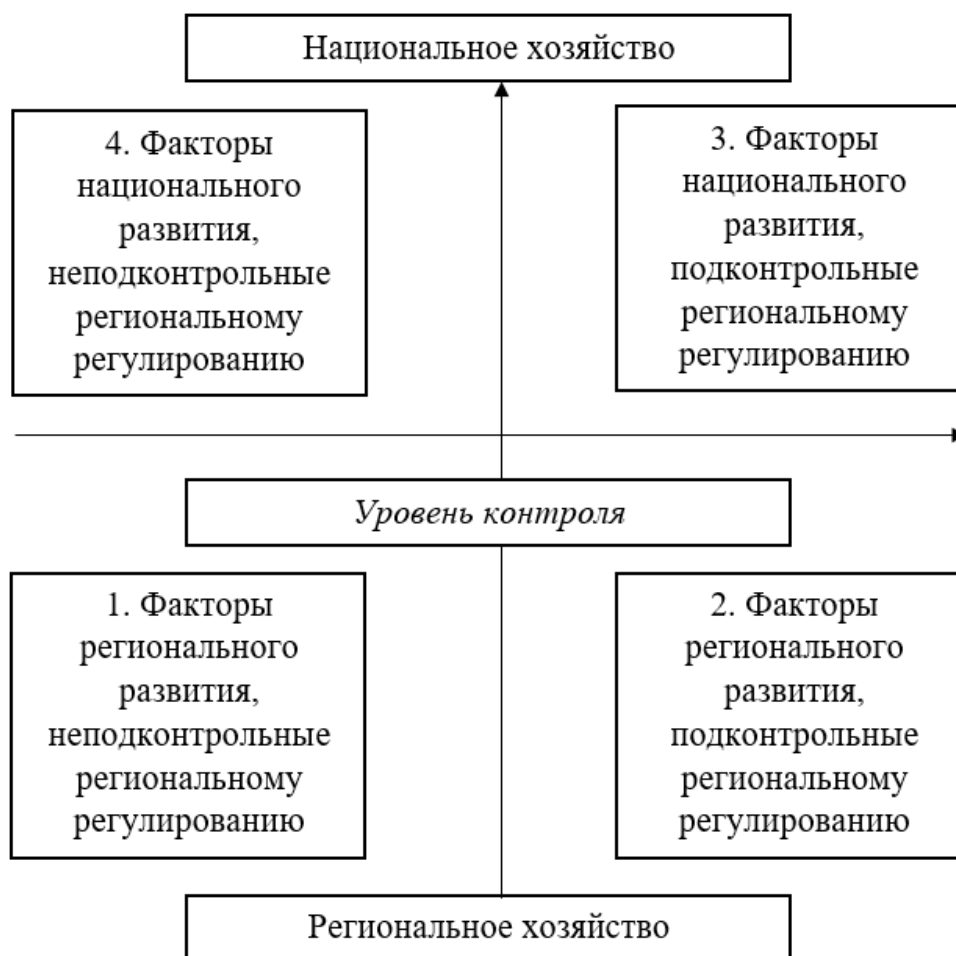

Рис. 2.3. Группировка факторов национального и регионального развития по уровню подконтрольности региональному регулированию

В заключение хочется отметить, что обеспечение экономической безопасности региона является достаточно сложным и стратегически важным процессом как для каждого отдельно взятого региона нашей страны, так и для России в целом. Анализ основных индикативных показателей экономической безопасности на основе обширного разнообразия существующих методик поможет выявить существующие проблемы и угрозы экономической безопасности региона, на нивелирование влияния которых должны быть направлены силы государственных органов управления того или иного субъекта регионального развития. Также важно подчеркнуть, что постоянный контроль за основными показателями экономической безопасности является залогом предотвращения перерастания возможных угроз в угрозы реальные, осуществляющие негативное воздействие на социально-экономическую систему региона, что может привести к достаточно серьезным проблемам и последствиям как для самого региона, так и для всей страны в целом.

2.3. Оценка угроз экономической безопасности региона (на примере туристической отрасли)

Одной из составляющей содержания экономической безопасности государства является экономическая безопасность регионов страны. В контексте последних мировых событий обеспечение этой безопасности становится ключевым направлением государственной политики.

Понятие экономической безопасности региона трактуется различными учеными неоднозначно. Мы провели обзор дефиниций экономической безопасности региона, представленных в трудах Быкова В.П., Дембовской О.А., Лебедько Е.М. [124], Калининой Н.М. [223], Гутмана Г.В. [167], Карпова В.В., Кораблева А.А. [440], Шубиной Н.В. [509], Носкина С.А. [311], Глустенкова И.В. [156], Красносельской Д.Х., Мамателашвили О.В. [248]. Нами предпринята попытка систематизации факторов, отраженных в изученных нами источниках для того, чтобы провести их сравнительный анализ и выбрать те характеристики, которые, на наш взгляд наиболее полно отражают экономическую безопасность региона через призму, рассматриваемой нами проблемы (табл. 2.9).

Таблица 2.9

Систематизация факторов, оказывающих влияние на экономическую безопасность региона

Обобщенная характеристика дефиниций	Определенное состояние экономики региона	
Группа факторов	Комплекс мер по развитию экономики	Совокупность условий снижения дестабилизирующих факторов
Факторы	<ul style="list-style-type: none"> – устойчивое, постоянное развитие и совершенствование [124, 311, 248]; – поступательное развитие в стратегическом аспекте [509]; – улучшение показателей качества жизни [223, 156]; <ul style="list-style-type: none"> – эффективное – использование ресурсного потенциала [248]; – социально-экономическая стабильность региона [156]; – эффективное взаимодействие государством [248]. 	<ul style="list-style-type: none"> – противодействие внутренним и внешним угрозам [223, 440, 509, 311, 156, 248]; – устранение угроз при оптимальных затратах всех ресурсов [223, 248]; – своевременное выявление и систематизация дестабилизирующих факторов [311]; – выработка мер предупреждающего характера [311].

Во всех рассматриваемых определениях присутствует характеристика состояния экономики региона. Большинство определений содержит характеристику комплекса мер или совокупности факторов (см. табл. 2.8). И

только в определении Гутмана сказано, что экономическая безопасность региона не может быть «совокупностью условий и факторов» [167]. При этом часть авторов особое внимание уделяют характеристике комплекса мер по развитию экономики и практически в каждом определении говорится о необходимости противодействия внешним и внутренним угрозам. Наиболее емкое содержание дефиниции отражено в работе Красносельской Д.Х., Мамателашвили О.В. [248].

Проведенный анализ дефиниций позволил нам взять за основу определение экономической региональной безопасности, включающее ряд характеристик – «это способность эффективного контроля со стороны региональных органов управления за эффективным использованием природных, трудовых, материальных и финансовых ресурсов с целью ускорения экономического роста, повышения качества продукции и оказываемых услуг, а также обеспечение конкурентоспособности функционирующих экономических субъектов» [509].

В соответствие с выбранной нами дефиницией и согласно исследованию Калининой Н.М. «ключевыми характеристиками, определяющими экономическую безопасность региона, являются:

- уровень предпринимательской активности;
- сбалансированность распределения доходов;
- повышение профессионального, образовательного и культурного уровня населения;
- стимулирование привлечения инвестиций;
- поддержка и развитие инновационной деятельности» [223].

Объектом проведенного нами исследования будет являться экономика территории, представляющая собой совокупность таких элементов как оказание услуг, природные факторы и показатели социального развития.

Наши предыдущие исследования были посвящены оценке влияния факторов природного характера (стихийных бедствий) [356] и социальных факторов (преступлений экономического характера) [357] на безопасность региона.

В данной работе мы предприняли попытку оценить угрозы безопасности региона, обусловленные уровнем его экономического развития.

К субъектам экономической безопасности региона мы отнесли следующих участников экономической деятельности: «исполнительные и законодательные органы власти, как государственные, так и региональные, хозяйствующих субъектов, занимающих значительную долю рынка, представителей теневой экономики, иностранных конкурентов», перечисленные в учебно-практическом пособии Ульясбаевой А.О. [471].

Основными составляющими системы региональной экономической безопасности являются:

1. Экономическая независимость: риски экономической безопасности региона в данном случае обусловлены тем, что регион относительно зависим от геополитических факторов, государственной политики и степени экономической интеграции с другими субъектами федерации. Для снижения рисков потери экономической независимости региональные власти должны способствовать эффективному использованию имеющихся в регионе ресурсов, обеспечению высокого уровня конкурентоспособности, созданию привлекательного инвестиционного климата, расширению кооперации как на национальном, так и международном уровне на взаимовыгодных условиях.

2. Стабильность и устойчивость региональной экономики. Под которой следует понимать создание условий для обеспечения гарантий защиты различных форм собственности, надежных гарантий для успешного развития предпринимательства, борьбу с теневой экономикой и нелегальными доходами, достижение оптимального платежного баланса на региональном уровне.

3. Прогрессивное развитие. Предполагает инновационное развитие всех сфер деятельности на основе достижений научно-технического прогресса, использования передового опыта развития как в производственной сфере, так и сфере услуг, постоянное совершенствование кадрового потенциала региона.

Гарантия экономической безопасности в регионе в первую очередь может быть обеспечена благодаря предотвращению возможных и фактически существующих угроз. Оценка и прогнозирование воздействия всех возможных угроз, занимает значительное место в обеспечении экономической безопасности региона.

В различных источниках информации угрозы экономической безопасности делятся на две группы: внутренние (существующие внутри страны и региона) и внешние. Внутренними являются угрозы, возникающие как в сфере производства (падение объемов производства, выбытие капитала, сокращение объема инвестиций и инноваций) так и в социальной сфере (снижение уровня жизни населения, рост числа безработных и др.).

В качестве объекта исследования нами была выбрана оценка экономической безопасности Краснодарского края.

Одно из центральных мест в структуре системы экономической безопасности края занимает сфера туризма и, соответственно уровень ее экономического развития. Так как данный регион является наиболее приоритетным центром туристического и бальнеологического отдыха на приморском побережье, занимает значительную долю в структуре туристической отрасли страны, данная отрасль оказывает ощутимое воздействие на формирование валового регионального продукта и других показателей экономической безопасности региона.

В настоящее время сфера туризма обеспечивает стабильность данного региона как в сфере экономики, так и в социальной сфере. Поэтому угрозы экономической безопасности данной сферы региональной экономики являются наиболее вероятными рисками для снижения региональной экономической безопасности.

Таким образом, целью нашего исследования является установление зависимости между показателями экономической безопасности туристической отрасли и региональными показателями экономической безопасности.

Для достижения поставленной цели мы проанализировали научные труды по обеспечению экономической безопасности в сфере туризма. Определенный интерес по данному вопросу представляют работы Ю.А. Брусенцева, С.Н. Белоусова, Д.А. Ерпулева [138], А.Н. Полухиной [348], А.А. Зайцева, Л.Э. Дубаневич, Н.Д. Дмитриева [196], А.О. Овчарова [317] и др.

Анализ данных работ позволил определить теоретико-методологическую основу исследования для определения роли сферы туризма в структуре экономической безопасности региона.

Актуальность исследования обусловлена тем, что благодаря развитию, расширению и дифференциации туристических и санаторно-курортных услуг в Краснодарском крае создаются условия, способствующие укреплению безопасности его экономического развития, к показателям которой относятся: рост валового регионального продукта, повышение уровня жизни населения, рост уровня занятости проживающих на территории Краснодарского края, формирование весомого источника, который обеспечивает пополнение доходной части централизованных и децентрализованных финансов (в первую очередь бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов).

На данный момент Краснодарский край – центр внутреннего туризма среди всех курортных регионов Российской Федерации.

Благодаря своим природным и культурным достопримечательностям, край привлекает туристов со всего мира потому эта сфера одна из наиболее важных отраслей развития региона.

Согласно проведенному исследованию на развитие туристической отрасли оказывают влияние множество факторов, которые можно разделить на две группы: статические и динамические.

Статические факторы не изменяются с течением времени к ним относятся природные, климатические факторы, географическое положение региона, наличие культурного и исторического наследия).

Все названные факторы присутствуют в Краснодарском крае, что делает его благоприятным для создания различных дестинаций.

Динамические факторы, те, которые изменяются во времени и связаны с внешней средой: к ним относятся политическая, социально-экономическая обстановка в стране и в мире, а также изменяющаяся нормативно-правовая база. Они могут оказывать положительное и отрицательное воздействие на развитие сферы туризма.

В настоящее время факторы благоприятствуют развитию внутреннего туризма:

- экономический рост и повышение уровня благосостояния населения страны;
- сложная геополитическая ситуация;
- введение экономических санкций, осложняющих возможности международного туризма;
- более разветвленная сеть транспортной инфраструктуры;
- цифровизация экономики;
- построение интеллектуального общества;
- благоприятный инвестиционный климат по отношению к туристической отрасли;
- государственная поддержка как самой туристической отрасли, так и отдельных категорий населения, для стимулирования спроса и предложения.

Негативными факторами, создающими угрозу безопасности туристической отрасли, являются:

- недостаточный уровень конкурентоспособности туристической сферы по сравнению с зарубежными аналогами;
- неполное использование благоприятных статичных факторов для дифференциации туристических услуг: рекреации и исторически-культурного наследия;
- затруднения в логистике перемещения туристического потока, вызванные проведением специальной военной операции.

Вышеназванные факторы, способствующие возникновению угроз и предоставляющие возможности развития сферы туризма необходимо учитывать при разработке программы стратегического развития Краснодарского края, способствующие обеспечению его экономической безопасности.

Наиболее важным фактором для развития туризма в Краснодарском крае, как уже говорилось ранее, является его географическое расположение из-за выгодного сочетания благоприятных условий климата и наличия лечебных грязевых и минеральных источников.

Согласно данным, собранным нами в рамках исследования, туристическая отрасль в Краснодарском крае с годами продолжает развиваться. Об этом говорит заметный рост социально-экономических показателей региона и туристической деятельности.

В процессе исследования мы оценили динамику отдельных показателей экономической безопасности региона, результаты анализа представлены в таблице (табл. 2.10).

Таблица 2.10

Показатели экономической безопасности Краснодарского края

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Валовой региональный продукт (в текущих основных ценах), млн руб.	1459491	1662969	1784834	1933512	2076604	2225918	2499915.5	2577131.1	2667228.2	3200607.1	3500000
Индекс физического объема валового регионального продукта (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)	103,7	103,9	100,7	98,4	100,1	102,8	101,0	100,3	98,2	108,1	100,5
Индекс физического объема валового регионального продукта по Краснодарскому краю (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году по виду деятельности: Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания)	103,6	116,3	101,3	107,3	109,7	113,9	112,1	101,8	91,7	106,2	105,2
Среднедушевые денежные доходы населения (в месяц), рублей ¹⁾	21686	25777	28788	31375	32785	33403	34372	35673	36828	43217	48278
Реальные располагаемые денежные доходы населения, в процентах к предыдущему году ¹⁾	107,6	112,4	103,5	95,4	98,6	98,5	101,1	99,7	99,9	107,8	102,0
Численность рабочей силы – всего, тыс. чел ¹⁾	2634	2620	2613	2702	2739	2786	2603	2623	2609	2703	2599
Уровень безработицы (на конец года) %	5,6	6,1	5,7	6,0	5,8	5,7	5,2	4,8	5,7	5,0	3,2
Число занятых в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, тыс. чел.	68,4	68,3	71,7	96,1	100,3	102,7	105,4	115,1	117,0	120,8	121,3
Доходы бюджета, всего млрд.руб	244,9	219,4	232,9	236,8	263,3	235,7	250,9	291,4	314,9	362,7	422,2

*Составлено автором по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея – <https://23.rosstat.gov.ru/>.

Анализ данных (см. табл. 2.10) свидетельствует о том, что туристическая отрасль на протяжении последних лет неуклонно развивалась и по мере

этого росли среднедушевые доходы населения края, а также общий объем дохода бюджета субъекта РФ. Определенный спад ВРП наблюдается лишь в 2020 году, что обусловлено введением карантина и общим положением в стране и мире. Уровень реальных располагаемых доходов населения снижался в период с 2015 до 2021 года после резкого их увеличения во время подготовки к Олимпийским играм. Тем не менее, с уверенностью можно отметить, что развитие сферы туризма в регионе способствует увеличению региональных экономических и социальных показателей.

В рамках работы также было проведено исследование влияния налоговых поступлений от туризма на доходы краевого бюджета, что нашло свое отражение в таблице (табл. 2.11).

Таблица 2.11

Доходы от туристической деятельности и показатели экономической безопасности региона

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доходы от предоставляемых услуг, млрд.руб. рублей	63,8	67,4	87,6	100,6	114,7	121,8	130,5	142,5	95,2	143,4	150,9
Индекс физического объема валового регионального продукта (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году)	103,7	103,9	100,7	98,4	100,1	102,8	101,0	100,3	98,2	108,1	100,5
Индекс физического объема валового регионального продукта по Краснодарскому краю (в постоянных ценах; в процентах к предыдущему году по виду деятельности: Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания)	103,6	116,3	101,3	107,3	109,7	113,9	112,1	101,8	91,7	106,2	105,2

Окончание табл. 2.11

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доходы бюджета, всего млрд.руб	244,9	219,4	232,9	236,8	263,3	235,7	250,9	291,4	314,9	362,7	422,2
Налоговые поступления в краевой консолидированный бюджет от санаторно-курортных и туристических организаций, млрд. руб.	4,0	4,3	5,6	5,8	6,6	7,1	7,5	8,0	8,8	12,1	9,9
Общий объем доходов бюджета субъекта РФ от уплаты курортного сбора за отчетный период	-	-	-	-	-	-	115900,5	225496,57	38103,72	163530,1	514818,1

*Составлено автором на основе информации Управления Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея - <https://23.rosstat.gov.ru/>.

На протяжении аналитического периода (см. табл. 2.11) показатели деятельности бальнеологических курортов и сферы туризма в Краснодарском крае росли более быстрыми темпами по сравнению с аналогичными показателями других отраслей экономики и валовым региональным продуктом в целом.

Результаты проведенного аналитического исследования свидетельствуют о том, что темп роста валового регионального продукта Краснодарского края в 2022 году составил 100,5 % по сравнению с показателем 2021 года, при этом значение темпов роста совокупного объема бальнеологических и туристических услуг достигло 105,2 %.

Темпы роста совокупного объема результатов деятельности других отраслей отставали от туристической отрасли в исследуемом периоде [127].

На рис. 2.4 отражена динамика индексов физического объема ВРП и физического объема туристических услуг в период с 2012 по 2022 гг. График отражает достаточно тесную зависимость между этими показателями, при этом на протяжении практически всего анализируемого периода (за исключением 2020 года) индекс физического объема туристических услуг превышал индекс роста ВРП.

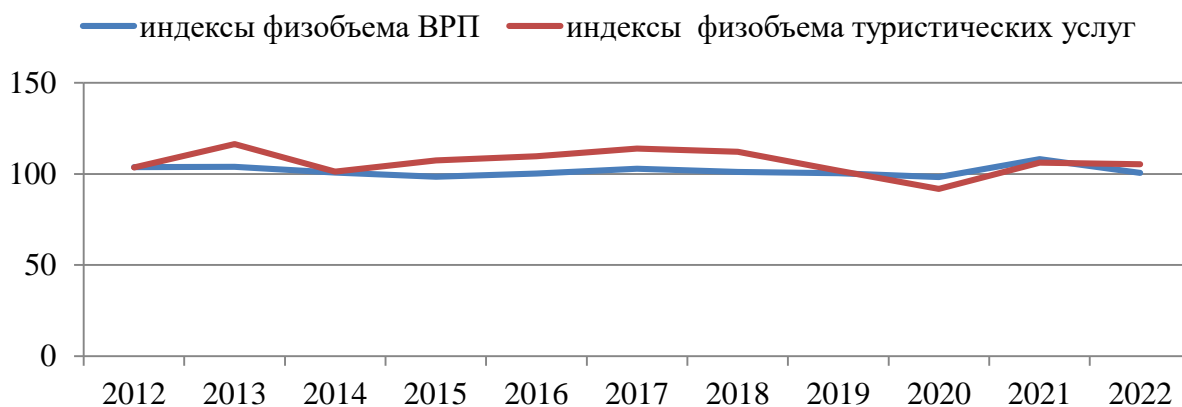

Рис. 2.4. Динамика индексов физического объема валового регионального продукта и физического объема туристических услуг в период с 2012 по 2022 г.

Показатели динамики индексов физического объема валового регионального продукта и физического объема туристических услуг (см. рис. 2.4) свидетельствуют о значимости туристической отрасли для формирования ВРП, а соответственно на экономическую безопасность региона. Для исследования данной зависимости мы использовали методы экономико-математического моделирования. Согласно полю корреляции, составленному на основе имеющихся данных за период с 2012 по 2022 гг. (см. табл. 2.10) было принято решение провести аппроксимацию с помощью линейной и показательной регрессии. Поскольку коэффициент корреляции линейной модели оказался выше, чем для показательной было принято решение строить математическую модель в виде линейной парной регрессии. Данный анализ демонстрирует взаимосвязь показателей экономической безопасности региона и туристической сферы через призму доходов краевого бюджета и налогов, поступающих от туристической сферы.

В ходе проведения анализа и составления линейного уравнения регрессии выяснилось, что на основании критерия Стьюдента коэффициент корреляции является статистически значимым, что дает нам право делать вывод о сохранении сильной связи между налогами от туристической деятельности и доходами краевого бюджета при выборках и за другие годы. Также оценка значимости уравнения регрессии на основании критерия Фишера показывает соответствие экспериментальным данным полученной математической модели, выражающей зависимость между налогами от туристической деятельности и доходами краевого бюджета. А значит, данное уравнение может быть использовано для расчета прогнозных значений на будущие периоды. Коэффициент уравнения регрессии (параметр b) показывает, что при увеличении налоговых поступлений от туристической деятельности на единицу краевого бюджет увеличится в среднем на 22,10 единицы.

Для определения путей дальнейшего развития и совершенствования туристической сферы в Краснодарском крае мы провели анализ показателей туристической деятельности, чтобы выяснить какие из них оказывают наибольшее влияние на данное направление.

Для этого мы, на основе данных за период с 2012 по 2022 гг., представленных в табл. 2.12 составили множественную регрессию, результаты регрессионного анализа отражены на рис. 2.5.

Таблица 2.12

Изменение показателей социально-экономического развития региона

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Доходы от предоставляемых услуг, млрд.руб. рублей	63,8	67,4	87,6	100,6	114,7	121,8	130,5	142,5	95,2	143,4	150,9
Число занятых в деятельности гостиниц, тыс. чел.	68,4	68,3	71,7	96,1	100,3	102,7	105,4	115,1	117,0	120,8	121,3
Число КСР, единиц	1583	1609	1684	2922	3106	4641	5181	5082	4465	5404	5425
Туристический поток, млн. чел.	11,9	11,8	13,8	15,0	15,8	16,0	16,2	17,2	12,1	16,8	17,4
Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности гостиниц и предприятий общественного питания, млн. руб.	5398,2	43775,2	51475,5	4125,8	7962,6	2596,3	4880,4	3515,0	3 607,4	7 010,2	10697,2

Окончание табл. 2.12

Показатель	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Транспортная составляющая, (пассажиропоток всего), млн. чел.	340,084	318,472	328,621	329,164	339,747	331,6	324,225	315,53	215,865	263,592	282,633
в т.ч. – пассажиропоток по автомобильному и железнодорожному транспорту	334,577	312,255	320,86	320,493	329,791	320,743	311,919	302,132	203,975	243,507	268,9
– пассажиропоток аэропортов Краснодарского края	5,507	6,217	7,761	8,671	9,956	10,857	12,306	13,398	11,890	20,085	13,733
Число туристских фирм, охваченных обследованием (на конец года) – всего	10,773	11,324	11,614	11,893	12,395	13,579	13,674	12,690	12,463	13,076	13,608
Число реализованных населению турпакетов по территории России, тысяч	50,848	74,434	85,347	97,434	92,231	95,014	112,161	103,589	68,387	174,452	170,185

*Составлено автором по данным Росстат, <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm>

Для расчетов были выбраны следующие показатели: число коллективных средств размещения, инвестиции в основной капитал для туристической деятельности, транспортная составляющая (пассажиропоток), число туристских фирм (рис. 2.5).

Матрица $B=((X^T \cdot X)^{-1}) \cdot X^T$		R=	0,53	Наблюдается средняя связь
-13,367762	a	Уравнение регрессии $y = a + b_2x_2 + b_3x_3 + b_4x_4$ $y = -13,37 - 0,0000103x_2 + 0,018x_3 + 1,846x_4$		
-0,0000103	b2			
0,0175547	b3			
1,8457828	b4			

	y	x1	x2	x3	x4	факторы X1 и X4 находятся между собой в высокой корреляционной связи. Следует исключить из модели множественной регрессии фактор X1 так как у него выше корреляция с факторами X2 и X3 чем у фактора X4.
y	1	0,76	0,42	0,06	0,79	
x1		1	0,63	0,49	0,92	
x2			1	0,19	0,47	
x3				1	0,28	
x4					1	

Y	Туристический поток
X1	Число КСР
X2	Инвестиции в основной капитал (деятельность гостиниц и предприятий общественного питания)
X3	Транспортная составляющая, (пассажиропоток всего)
X4	Число туристских фирм, охваченных обследованием

Рис. 2.5. Множественная регрессия

В результате проведенного анализа (см. табл. 2.11 и рис. 2.5) мы пришли к выводу, что из рассматриваемых показателей на туристическую сферу наибольшее влияние оказывают инвестиции в основной капитал и транспортная составляющая.

Учитывая данные факторы, мы определили направления совершенствования туристической отрасли в Краснодарском крае:

1. Привлечение дополнительных инвестиций позволит дифференцировать туристический продукт и повысить качество оказываемых услуг.

2. Совершенствование транспортной инфраструктуры края будет способствовать увеличению турпотока.

Анализ инвестиционной деятельности в Краснодарском крае показал, что в санаторно-курортной отрасли Краснодарского края реализуются инвестиционные проекты на сотни миллиардов рублей. «Эксперты отмечают, что активное развитие внутреннего туризма привлекает в отрасль инвесторов, в том числе федеральных. Тенденция последних лет — выход на гостиничный рынок недвижимости игроков из сегмента жилой недвижимости, в т.ч. коллаборация застройщиков крупных ЖК с отельными инвесторами для создания апарта-отелей с инфраструктурой под управлением существующего отельного бренда» [219]. Одной из причин такого сотрудничества является запрет на строительство жилья в курортных зонах.

Оценка структуры объектов гостиничного бизнеса (табл. 2.13 и рис. 2.6) показывает, что на рынке наблюдается общий недостаток объектов, но особенно не хватает пятизвездочных отелей.

Таблица 2.13

Структура средств размещения в Краснодарском крае, прошедших классификацию по «звездам»

Категория КСР	Количество		Уд. вес в общем количестве	
	Количество объектов	Количество номеров	Количество объектов	Количество номеров
5 звезд	52	7698	1,72	4,69
4 звезды	241	28205	7,96	17,17
3 звезды	686	55021	22,65	33,49
2 звезды	277	20037	9,14	12,19
1 звезда	87	6269	2,87	3,82
без звезд	1686	47078	55,66	28,65
Всего	3029	164308	100	100,00

*Составлена на основе данных Реестра классифицированных объектов: гостиницы и иные средства размещения – <https://fsa.gov.ru/use-of-technology/elektronnye-reestryu/reestr-klassifitsirovannykh-obektov-gostinitsy-i-inye-sredstva-razmeshcheniya/>.

Всего в Краснодарском крае (см. табл. 2.13) прошли классификацию 3029 средств размещения, 164308 номеров.

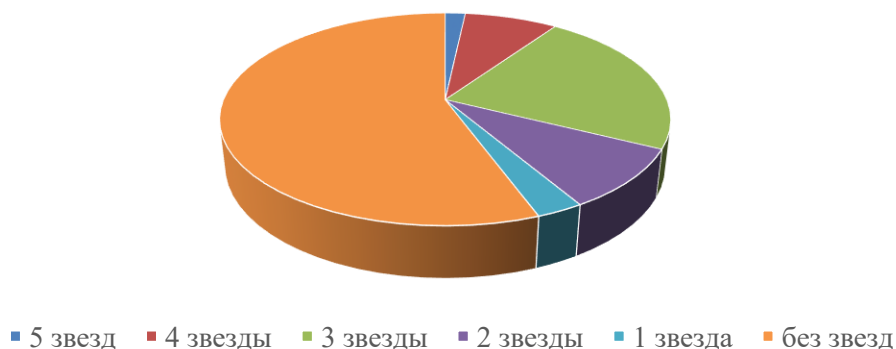

Рис. 2.6. Структура средств размещения в Краснодарском крае в 2022 году

Наибольшую долю в общем количестве средств размещения Краснодарского края (см. рис. 2.6) занимают объекты «без звезд». Они составляют 55,66%; значительный удельный вес составляют КСР, имеющие категорию «3 звезды» – 22,65%.

Средства размещения, соответствующие критерию «5 звезд» занимают всего 1.72% в общем количестве.

Данный сегмент средств размещения интересен как для застройщиков (как правила услуги данных КСР стоят намного дороже, что делает данный вариант вложений инвестиций более рентабельным с меньшим сроком окупаемости), так и для гостей (туристы стали больше ценить объекты с качественной инфраструктурой).

Для оценки объектов вложения инвестиций мы провели анализ спроса на различные виды продукта и факторы, обеспечивающие его.

Проведенное нами исследование позволило выявить следующие тенденции в предпочтениях туристов:

- возрастает потребность в разнообразных оздоровительных услугах и процедурах, оказываемых командой квалифицированных специалистов в медицине и индустрии красоты, совмещенных с высоким уровнем условий размещения;

- стабильный спрос на семейный отдых, обеспечивающий разнообразный досуг для всех членов семьи;

- большой спрос на объекты, работающие по системе all inclusive и ultra all inclusive;

- вырос спрос на оздоровительный отдых (санатории);

- появился и постоянно повышается спрос на винный и гастрономический туризм;

- инновационным в сфере туризма стал спрос на брендированные услуги и не массовый, а уединенный сервис, при этом, одним из требований является близость к центру города-курорта;

- растущим является востребованность современных умных технологий на отдыхе (информационные системы и онлайн-сервисы, позволяющие получить информацию о культурных и исторических достопримечательностях, наиболее интересных маршрутах; смарт-карты; технологии блокчейн; дистанционное управление комфортом в номере и др.);

- повышается «спрос на концептуальные объекты туристической отрасли: экоотели, молодежные отели с возможностью развлекаться non-stop, отели с акцентом на определенные виды активностей и спорта» [18].

В течение последних нескольких десятилетий для большинства туристов характерна тенденция сокращения времени, затрачиваемого на путешествия. Они привыкли быстро прилетать в место назначения, проводить отпуск и быстро возвращаться.

Второй год подряд авиасообщение в Краснодарском крае ограничено из-за проведения СВО. Закрытие аэропортов в южных регионах страны усложнило логистику и замедлило поток туристов. Не все путешественники готовы пользоваться автомобильным транспортом, а железные дороги не справляются с ростом пассажиропотока. Туристам не хватает не только билетов, но и комфортных условий в путешествиях. Эксперт отмечает: «Нам нужны быстрые поезда. Довольно сложно провести 40 часов в поезде из Москвы в Анапу».

Таким образом, важной проблемой является преодоление логистического кризиса, вызванного ограничением авиасообщения в Краснодарском крае.

Чтобы решить эту проблему необходимо улучшать сеть дорог, увеличивать количество поездов на железной дороге, повышать комфорт путешествий на дальние расстояния, обеспечивать быстрое движение пассажирских поездов посредством строительства высокоскоростных железнодорожных магистралей, а также активнее использовать морской транспорт для перемещения между курортами Краснодарского края, расположенными вдоль побережья.

Проведенное нами исследование позволило сделать следующие выводы:

– существует регрессионная зависимость между показателями экономической безопасности сферы туризма и региональной экономической безопасностью Краснодарского края, что позволяет спрогнозировать уровень доходов краевого бюджета в зависимости от уровня развития туристической отрасли;

– проведенный анализ факторов риска экономической безопасности позволил определить основные направления совершенствования туристической отрасли для повышения экономической безопасности Краснодарского края: привлечение дополнительных инвестиций позволит дифференцировать туристический продукт и повысить качество оказываемых услуг; совершенствование транспортной инфраструктуры края будет способствовать увеличению турпотока.

2.4. Об оценке финансовой устойчивости региона в контексте обеспечения его экономической безопасности

Вопросы оценки финансовой устойчивости региона совершенно справедливо часто рассматриваются в современной научной литературе в контексте обеспечения его экономической безопасности в новых условиях. А именно как те, решение которых необходимо для: «оценки различных рисков, угроз экономической безопасности...» [194, с. 127]; «обеспечения приемлемого уровня экономической безопасности» [194, с. 127]; «принятия своевременных управленческих решений ради повышения уровня экономической безопасности региона» [194, с. 128] и т. п.

Данным вопросам посвящены научные работы многих российских ученых, среди которых В.В. Печаткин, Т.А. Журавлева, Л.Ю. Филобокова, А.В. Минаков, Т.Н. Агапова и другие. Однако до настоящего времени они продолжают оставаться предметом дискуссии. В этой связи целью настоящего исследования является обзор существующих современных методических подходов к оценке финансовой устойчивости региона для определения направлений разрешения ведущихся дискуссий в их отношении.

Достижение данной цели потребовало применения следующих методов

исследования: анализа и синтеза, аналогии, сравнения, обобщения и других методов научного познания. Причем обобщение имеющихся современных знаний об оценке финансовой устойчивости региона осуществлено исходя из очередности действий, которая предусмотрена методологией оценки при построении любой методики оценки. Так, эта методология включает:

- 1) формулирование категорий, используемых в процессе оценивания;
- 2) разработку показателей, отражающих содержание категорий;
- 3) установление критерия, на основе которого проводится сравнение и делается вывод;
- 4) выбор способов оценки (статистический, экспертный, балльный и др.) [120, с. 446].

Ведь, как известно, только соответствием требованиям методологии оценки достигается эффективность любой методики оценки и, как следствие, возможность получить с ее помощью достоверный результат.

Исходными данными для проведения исследования выступили научные работы, содержащие описание требований методологии оценки и современных методических подходов к оценке финансовой устойчивости региона.

Как следует из приведенных выше положений методологии оценки, эффективная методика оценки финансовой устойчивости региона, позволяющая получить достоверный результат, должна предусматривать:

- формулирование определения финансовой устойчивости региона и раскрывающих ее содержание понятий;
- разработку показателей, отражающих финансовую устойчивость региона;
- установление критерия, на основе которого проводится сравнение и делается вывод о финансовой устойчивости региона;
- выбор способа оценки финансовой устойчивости региона.

Однако не во всех изученных научных работах прослеживаются соблюдение данных требований, вытекающих из положений методологии оценки, и подобная логика изложения материала.

Например, В.В. Печаткин предлагаемый им методический подход к оценке финансовой устойчивости региона, фактически, основывает на следующих ее определениях:

- «с одной стороны, финансовая устойчивость – это способность территории рассчитываться по своим обязательствам, а с другой – это состояние экономики, при котором обеспечиваются условия для расширенного воспроизводства за счет собственных источников. Кроме того, устойчивость финансовой системы в целом определяется уровнем дефицита бюджета, стабильностью цен, нормализацией финансовых потоков и расчетных отношений, устойчивостью банковской системы и национальной валюты, степенью защищенности интересов вкладчиков, развитостью рынка ценных бумаг, снижением внешнего и внутреннего долга, обеспечением финансовых условий для активизации инвестиционной деятельности...» [344, с. 20];

– финансовая устойчивость региона – «это один из основных факторов стабильного социально-экономического развития, характеризуемого состоянием экономики, при котором регион способен полностью рассчитываться по своим обязательствам, сохраняя одновременно условия для расширенного воспроизводства за счет собственных ресурсов и последовательного улучшения жизненного уровня населения, несмотря на шоковые воздействия внешней среды» [344, с. 20].

По мнению данного ученого, для «осуществления рейтинговой оценки финансовой устойчивости региона достаточно финансово-бюджетных показателей. При этом их величину необходимо скорректировать на величину регионального прожиточного минимума, что позволит в некоторой степени нивелировать ценовые диспропорции между различными территориями» [344, с. 23].

Для оценки финансовой устойчивости региона В.В. Печаткиным отобраны следующие «частные показатели», измеряемые в процентах:

- отношение доходов консолидированного бюджета на душу населения к величине прожиточного минимума в регионе;
- отношение расходов консолидированного бюджета на душу населения к величине прожиточного минимума в регионе;
- отношение доходов консолидированного бюджета к расходам;
- отношение величины депозитов и вкладов юридических лиц, на душу населения, к величине прожиточного минимума в регионе;
- удельный вес убыточных организаций;
- удельный вес просроченной кредиторской задолженности в общем объеме кредиторской задолженности;
- соотношение суммарной просроченной задолженности по заработной плате к величине прожиточного минимума;
- индекс потребительских цен [344, с. 24].

Необходимо отметить, что отбор данных показателей для оценки финансовой устойчивости региона проводился данным ученым на основе методов многофакторного корреляционно-регрессионного анализа с использованием линейной модели регрессии. В качестве результирующего показателя финансовой устойчивости региона им определено отношение доходов консолидированного бюджета на душу населения к величине прожиточного минимума в регионе, поскольку, по его мнению, именно доходы бюджета в наибольшей степени влияют на его финансовое благополучие. При этом из дальнейших расчетов автором данного методического подхода к оценке финансовой устойчивости региона исключались те факторы, влияние которых незначительно. Ограничение числа включаемых в рассмотрение факторов-признаков проводилось им на основе применения регрессионного анализа [344, с. 24].

Далее предусмотрена свертка «частных показателей в интегральный ...

на основе прямого суммирования, пронормированных по отношению к соответствующим средним по России величинам значений каждого фактора...» [344, с. 25]. Другими словами, предусмотрено производить расчет интегрального показателя, «характеризующего финансовую устойчивость», в виде суммы соотношений предварительно рассчитанных значений частных показателей финансовой устойчивости региона и их нормативных значений. При этом в качестве последних определены средние по России величины значений каждого из соответствующих частных показателей финансовой устойчивости региона или, другими словами, «среднероссийское значение» каждого из этих показателей.

В рамках рассмотренного методического подхода предусмотрено расчет интегрального показателя, «характеризующего финансовую устойчивость региона», производить в баллах [344, с. 26], использовать полученные результаты для ранжирования регионов по уровню их финансовой устойчивости [344, с. 25–26].

Однако, необходимо отметить, что этот методический подход не устанавливает критерия, позволяющего определить наличие либо отсутствие, а также уровень финансовой устойчивости или неустойчивости каждого региона в отдельности. То есть он не дает возможности определить, устойчив ли финансово каждый регион в отдельности и насколько.

Т.А. Журавлевой в аннотации к ее научной работе отмечено, что автором «сформулирована собственная трактовка», в частности, понятия финансовой устойчивости региона [194, с. 127]. С точки зрения данного ученого:

– «финансовую устойчивость региона можно определить как состояние, характеризующееся способностью региональных органов власти в полном объеме финансировать взятые расходные и долговые обязательства за счет собственных региональных бюджетных средств, регионального имущества и заимствований, объемы которых не превышают установленных законодательством ограничений» [194, с. 129];

– «сущность финансовой устойчивости региона заключается в эффективном формировании и использовании финансовых ресурсов» [194, с. 129].

Но проведена «оценка финансовой устойчивости региона ... на основе анализа финансово-бюджетных показателей» [194, с. 127]. А именно рассчитаны в динамике за шесть лет предложенные В.В. Печаткиным «частные показатели» финансовой устойчивости региона без последующего сравнения полученных значений с нормативными и без определения интегрального показателя [194, с. 131–133].

Более того выводы в части финансовой устойчивости региона сделаны на основе анализа динамики не заявленных, а совсем других показателей. Они следующие:

– «доля безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (дотации, субсидии, субвенции) по исполнению в 2020 г. составила 58% (в 2015 г. этот показатель был порядка 40%),

что свидетельствует о зависимости регионального бюджета от внешних источников финансирования, приводящей к снижению уровня финансовой устойчивости ... региона» [194, с. 132];

– «существенную часть собственных доходов регион направляет на погашение кредитов, что ... снижает уровень её финансовой устойчивости» [194, с. 132];

– «В результате исследования на основе анализа финансово-бюджетных показателей ... за 2015–2020 гг. было установлено, что бюджет региона является дотационным. Зависимость от заемных источников финансирования, характерная для бюджета региона, свидетельствует о низком уровне финансовой устойчивости и наличии угроз экономической безопасности» [194, с. 133].

Таким образом, для оценки финансовой устойчивости региона Т.А. Журавлевой, фактически, используются, не заявленные ею со ссылкой на работу В.В. Печаткина, а следующие показатели:

– доля безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (дотации, субсидии, субвенции);

– часть собственных доходов, которую регион направляет на погашение кредитов.

Кроме того, данным ученым не назван критерий, на основе которого проводится сравнение и делается вывод о финансовой устойчивости (неустойчивости) региона, определяется ее уровень.

Свое исследование, Т.А. Журавлева завершает выводом о том, что «необходимы дальнейшие исследования как теоретического, так и практического плана в области финансовой устойчивости регионов в обеспечении их экономической безопасности» [194, с. 133].

Л.Ю. Филобокова, М.М. Болтонова предлагают «методические подходы к оценке и последующей идентификации типа финансовой устойчивости региона, основанные на неформализованных подходах к расчету, измерению финансового потенциала» [491, с. 142].

Ими финансовый потенциал трактуется как «возможности финансирования (обеспечения) реализуемой стратегии социально-экономического развития» [491, с. 143]. Его измерение предлагается выполнять, используя систему индикаторов оценки финансового потенциала региона, включающую:

– коэффициент исполнения расходов областного бюджета за счет собственных доходов;

– коэффициент автономии коммерческих организаций региона;

– коэффициент рентабельности валового регионального продукта;

– долю прибыльных организаций региона в их общей численности;

– соотношение кредиторской и дебиторской задолженности коммерческих организаций региона;

– коэффициент финансовой независимости;

– коэффициент финансового потенциала [491, с. 143, 147].

Л.Ю. Филобоковой, М.М. Болтоновой установлен следующий алгоритм расчета данных «индикаторов»:

1) коэффициента исполнения расходов областного бюджета за счет собственных доходов – как отношения расходов областного бюджета к его собственным доходам [491, с. 147];

2) коэффициента автономии коммерческих организаций региона – как отношения собственного капитала коммерческих организаций региона к совокупному капиталу этих организаций [491, с. 147];

3) коэффициента рентабельности валового регионального продукта – как отношения прибыли, полученной коммерческими организациями в отчетном периоде, к валовому региональному продукту [491, с. 147];

4) доли прибыльных организаций региона в их общей численности – как отношения числа прибыльно функционирующих коммерческих организаций региона к их общей численности [491, с. 147];

5) соотношения кредиторской и дебиторской задолженности коммерческих организаций региона – как отношения общей суммы кредиторской задолженности коммерческих организаций региона к их дебиторской задолженности за отчетный период [491, с. 147];

б) коэффициента финансовой независимости – как суммы:

– одной второй (половины) коэффициента исполнения расходов областного бюджета за счет собственных доходов;

– коэффициента автономии коммерческих организаций региона [491, с. 143];

7) коэффициента финансового потенциала – как суммы следующих произведений:

– 0,35 и коэффициента финансовой независимости;

– 0,35 и коэффициента рентабельности валового регионального продукта;

– 0,2 и доли прибыльных организаций региона в их общей численности;

– 0,1 и соотношения кредиторской и дебиторской задолженности коммерческих организаций региона [491, с. 143].

По мнению данных авторов, эти «индикаторы» отображают:

– коэффициент исполнения расходов областного бюджета за счет собственных доходов – финансовую независимость регионального бюджета [491, с. 147];

– коэффициент автономии коммерческих организаций региона – финансовую независимость предпринимательства в регионе [491, с. 147];

– коэффициент рентабельности валового регионального продукта – эффективность управления экономикой региона [491, с. 147];

– доля прибыльных организаций региона в их общей численности – эффективность управления предпринимательской деятельностью в регионе [491, с. 147];

– соотношение кредиторской и дебиторской задолженности коммерческих организаций региона – возможный приток финансовых ресурсов в предпринимательскую деятельность региона [491, с. 147].

Данные показатели авторы рассматриваемого методического подхода называют также индикаторами, используемыми для идентификации типа финансовой устойчивости региона [491, с. 148].

Как предусмотрено Л.Ю. Филобоковой, М.М. Болтоновой:

– путем «сопоставления фактического значения коэффициента финансового потенциала (Кфп) с его заданным (нормативным) уровнем определяется уровень финансового потенциала региона...» [491, с. 143];

– дифференциация «типов финансовой устойчивости региона по уровню его финансового потенциала» осуществляется с использованием данных табл. 2.14 [491, с. 147].

Таким образом, в рамках этого методического подхода предложены формулировка сущности, показатели и их нормативные значения финансового потенциала региона, а не его финансовой устойчивости. Следовательно, фактически, оценивается финансовый потенциал региона, а не его финансовая устойчивость.

По мнению А.В. Минакова, Т.Н. Агаповой, к «наиболее важным показателям, отражающим финансовую устойчивость региона, относятся: коэффициент автономии, уровень дефицита бюджета, сбалансированность бюджета, уровень зависимости бюджета, уровень устойчивости бюджета» [281, с. 350].

Таблица 2.14

Дифференциация типов финансовой устойчивости региона по уровню его финансового потенциала

Финансовая устойчивость	Уровень потенциала
Абсолютная	$K_{фп} = 1$
Высокая	$0,66 \leq K_{фп} < 1$
Нормальная	$0,41 \leq K_{фп} \leq 0,65$
Низкая	$K_{фп} \leq 0,40$

Источник: [491, с. 147].

Этими учеными со ссылкой на научные работы приводятся следующие «формулы расчета основных показателей финансовой устойчивости региона»:

- коэффициент автономии равен отношению собственных доходов бюджета к общим доходам бюджета, умноженному на 100%;
- уровень дефицита бюджета равен отношению суммы бюджетного дефицита к сумме налоговых и неналоговых доходов, умноженному на 100%;
- сбалансированность бюджета (уровень сбалансированности бюджета) равна отношению суммы налоговых и неналоговых доходов к расходам бюджета, умноженному на 100%;

– уровень зависимости бюджета равен отношению суммы безвозмездных и безвозвратных перечислений от вышестоящих бюджетов к общим доходам бюджета, умноженному на 100%;

– уровень устойчивости бюджета равен отношению суммы безвозмездных и безвозвратных перечислений от вышестоящих бюджетов к сумме налоговых и неналоговых доходов, умноженному на 100% [281, с. 346].

Также приводятся следующие нормативные значения по этим показателям:

- по коэффициенту автономии – выше 50%;
- по уровню дефицита бюджета – ниже 10%;
- по уровню сбалансированности бюджета – выше 85%;
- по уровню зависимости бюджета – ниже 30%;
- по уровню устойчивости бюджета – ниже 30% [281, с. 346].

По результатам рассмотрения показателей финансовой устойчивости трех регионов за 2019–2020 гг., рассчитанных А.В. Минаковым, Т.Н. Агаповой по приведенным ими со ссылкой на научные работы формулам, данными учеными сделаны следующие выводы:

– «...по Красноярскому краю ... показатель бюджетной автономии снизился за 2020 г. ... (ухудшился), показатель бюджетной зависимости вырос ... (ухудшился), коэффициент устойчивости вырос ... (ухудшился), сбалансированность бюджета снизилась ... (ухудшилась), причем этот показатель в 2020 г. был ниже норматива. Можно сделать вывод о неустойчивом положении региона» [281, с. 347–348];

– «...по Томской области ... показатель бюджетной автономии снизился за 2020 г. ... (ухудшился), показатель бюджетной зависимости вырос ... (ухудшился), коэффициент устойчивости вырос на ... (ухудшился), сбалансированность бюджета снизилась на ... (ухудшилась), причем этот показатель в 2019–2020 гг. был ниже норматива. Коэффициент уровня дефицита вырос ... (ухудшился). Можно сделать вывод о неустойчивом положении региона» [281, с. 348];

– «...по Хакасии ... показатель бюджетной автономии снизился за 2020 г. ... (ухудшился), показатель бюджетной зависимости вырос ... (ухудшился), коэффициент устойчивости вырос ... (ухудшился), сбалансированность бюджета снизилась ... (ухудшилась), причем этот показатель в 2019–2020 гг. был ниже норматива. Можно сделать вывод о неустойчивом положении региона» [281, с. 348];

– в «2020 г. все регионы являются финансово неустойчивыми, за год у регионов снизились собственные доходы бюджета, выросли объемы безвозмездных поступлений, снизился профицит (у Красноярского края), вырос дефицит (в Томской области, в Хакасии), произошло снижение финансовой устойчивости... Из рассмотренных регионов наибольшая финансовая устойчивость у Красноярского края (низкий уровень долга, высокий уровень собственной ликвидности и бюджетной автономии). Средний уровень

у Томской области. Низкая финансовая устойчивость у Хакасии (высокий уровень долга, низкий уровень собственной ликвидности и бюджетной автономии), на что во многом повлиял высокий уровень дефицита бюджета» [281, с. 350].

Как видно из формулировок, сделанных учеными выводов:

– во-первых, они являются несколько противоречивыми, поскольку, с одной стороны по всем трем изучаемым регионам вначале сделан вывод о «неустойчивом положении региона», а ниже о том, что «наибольшая финансовая устойчивость у Красноярского края ... Средний уровень у Томской области. Низкая финансовая устойчивость у Хакасии...»;

– во-вторых, они в части вывода о «неустойчивом положении региона» сделаны на основе изучения динамики значений показателей финансовой устойчивости региона, а не их сравнения с нормативными значениями (за исключением показателя сбалансированности бюджета, который рассматривается и в сравнении с нормативным значением). В то же время известно, что изучение динамики тех или иных показателей позволяет сделать вывод об изменении уровня, отражаемого ими явления, а не о самом его уровне;

– в-третьих, они в части вывода о том, что «наибольшая финансовая устойчивость у Красноярского края ... Средний уровень у Томской области. Низкая финансовая устойчивость у Хакасии...», сделаны на основе изучения уровня показателей финансовой устойчивости региона, опять же без сравнения с нормативными значениями.

Кроме того, известно, что методики оценки, основанные на использовании совокупности коэффициентов, в случае, когда значения одних из этих коэффициентов соответствуют нормативным, других – нет, не позволяют сделать однозначный вывод об уровне оцениваемого явления.

П.В. Строев, О.В. Пивоварова, Х.В. Шеожев, А.И. Дудник в своем исследовании отмечают отсутствие «единого подхода к пониманию финансовой устойчивости региона» и считают «целесообразным учитывать в ее составе бюджетный и экономический аспекты» [428, с. 28]. При этом в их понимании «бюджетная составляющая подразумевает уровень финансовой самостоятельности регионального бюджета, а экономическая – итоги экономической деятельности субъекта Российской Федерации, среди которых в качестве результирующего показателя можно использовать валовой региональный продукт (... ВРП)» [428, с. 28]. На этой основе данные авторы трактуют финансовую устойчивость региона как «состояние региональной экономики, характеризующееся бюджетной сбалансированностью и среднероссийскими (или превышающими их) темпами социально-экономического развития, что означает способность территории рассчитывать по своим обязательствам, а также обеспечивать условия для привлечения инвестиционных ресурсов и расширенного воспроизводства» [428, с. 28].

Исходя из предложенной формулировки сущности финансовой устойчи-

ности региона, ее авторы сделали следующий вывод: «в рамках данного исследования будем говорить, что регион обладает низкой финансовой устойчивостью, если доля безвозмездных поступлений в доходах бюджета субъекта Российской Федерации составляет более 40%, а ренкинг данного региона по совокупному показателю ВРП и ВРП на душу населения ниже 45-го места среди субъектов Российской Федерации» [428, с. 29].

То есть, фактически, в рассматриваемом исследовании в качестве показателей финансовой устойчивости региона определены «доля безвозмездных поступлений в доходах бюджета субъекта Российской Федерации» и «ренкинг данного региона по совокупному показателю ВРП и ВРП на душу населения». Их нормативными значениями установлены: по первому показателю – уровень «более 40%»; по второму показателю – позиция «ниже 45-го места среди субъектов Российской Федерации». Предусмотрена возможность определения только низкой финансовой устойчивости региона. Другими словами, критерии иных возможных уровней, кроме низкой, финансовой устойчивости региона не установлены.

В то же время, в ходе дальнейшего изложения результатов своего исследования П.В. Строев, О.В. Пивоварова, Х.В. Шеожев, А.И. Дудник говорят о регионах «с низкой финансовой устойчивостью, имеющих различный уровень такой устойчивости...» [428, с. 29].

Кроме того, данные авторы со ссылкой на проведенный ими анализ отечественных и зарубежных работ отмечают, что «отсутствие единого подхода к пониманию категории финансовой устойчивости региона привело к множественности методик ее определения, набор предлагаемых показателей в которых вызывает определенную сложность получения объективной оценки» [428, с. 30].

Как свидетельствует проведенный обзор, рассмотренные современные методические подходы различаются формулировками сущности финансовой устойчивости региона, ее показателями, их нормативными значениями, используемыми методами оценки. Эти подходы не позволяют сделать однозначный вывод о наличии (отсутствии) финансовой устойчивости (неустойчивости) каждого региона в отдельности и определить ее уровень. Не все из этих подходов в полной мере учитывают требования методологии оценки. Поэтому актуальной является разработка методики оценки финансовой устойчивости региона, устраняющей выявленные недостатки.

Представляется, что такое состояние знаний об оценке финансовой устойчивости региона обусловлено, прежде всего, расхождением во мнениях в отношении понимания сущности оцениваемой категории. В этой связи для разрешения существующих дискуссий необходимо, в первую очередь, дальнейшее развитие знаний о сущности понятия «финансовая устойчивость региона» на основе комплексного изучения понятий, от которых оно производно, – «устойчивость» и «финансы региона». Это следует из

приведенной выше очередности действий, которая предусмотрена методологией оценки при построении любой методики оценки.

Результаты проведенного исследования могут быть применены в работах по созданию методики оценки финансовой устойчивости региона отдельными учеными, научными организациями и подразделениями органов государственной власти, рейтинговыми агентствами.

Таким образом, необходимы дальнейшие исследования, направленные на создание эффективной методики оценки финансовой устойчивости региона, позволяющей получить достоверный результат, для обеспечения экономической безопасности в новых условиях.

2.5. Исследование взаимосвязи между инвестиционной привлекательностью и уровнем экономической безопасности региона (на примере УрФО)

На сегодняшний день существуют многочисленные и разнообразные подходы к определению инвестиционной привлекательности региона.

Проследив связь между понятиями «экономическая безопасность региона», «инвестиционная безопасность региона» и «инвестиционная привлекательность региона», можно сказать, чем выше инвестиционная привлекательность, тем лучше инвестиционная безопасность и выше уровень экономической безопасности, на рис. 2.7 представлена взаимосвязь понятий с помощью кругов Л. Эйлера.

Рис. 2.7. Взаимосвязь понятий с помощью кругов Л. Эйлера [228]

Таким образом, инвестиционная привлекательность служит механизмом привлечений и увеличения темпов роста инвестиций, что повышает уровень

инвестиционной безопасности, а значит и экономическую безопасность. Развивая инвестиционные процессы региона, приведет к повышению благосостоянию населения и к защищенности и стабильности инвестиционных потоков в регион. Стало быть, для обеспечения экономической безопасности власти должны создавать и совершенствовать инвестиционную привлекательность.

По методике RAEX «Эксперт-РА» инвестиционная привлекательность имеет две самостоятельные характеристики: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск представлен на рис. 2.8. По определению агентства считают, что инвестиционная привлекательность отражает благосостояния той или иной страны (региона, отрасли) [278].

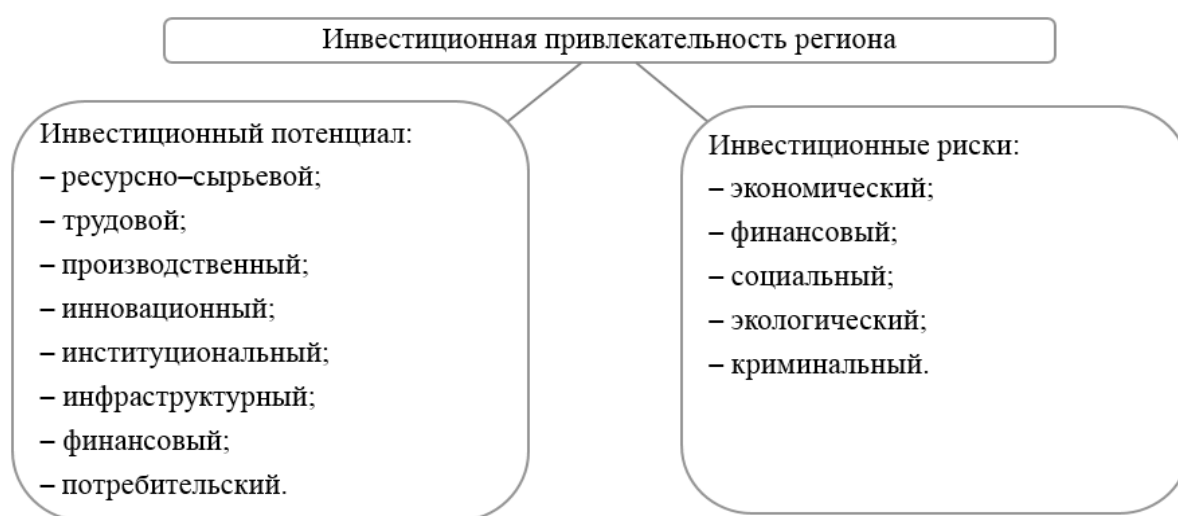

Рис. 2.8. Инвестиционная привлекательность региона [278]

Сторонники другого подхода (Национальное рейтинговое агентство, Андрущенко О.Г, Изюмова О.Н., Кирюхин В.В., Гришина И.В., Ройзман И.И., Шахназаров А.Г., Киселева О.В., Котуков А.А., Лахметкина Н.И., Литвинова В.В., Панина Д.Д., Моисеев В.В., Л.Г. Кочегарова), считают, что инвестиционный климат и инвестиционной привлекательности, являются тождественными понятиями. Под инвестиционной привлекательностью региона является темы роста объем внутреннего регионального продукта и иностранного капитала, один из основных форм источников инвестиционных поток [104; 162; 163; 208; 230; 245, 261, 264, 290, 337]. Вместе с иностранными инвестициями приходят в регион (страну, организацию), новые технология производства. В мировой экономике наибольший интерес проявляется именно движение иностранного капитала [118, с. 91–98]. Несомненно, инвестиционная потенциал и инвестиционный риск являются важнейшими характеристиками инвестиционной привлекательности. При таком подходе они понимаются как факторы одного уровня. Но это не совсем верно, так

инвестиционный климат рассматривается инвесторами как основной параметр, позволяющий определить, стоит ли вкладывать средства в регион и от того, каков он, зависит, привлекателен ли регион для инвестора [233, с. 363].

Инвестиционная привлекательность состоит из двух элементов: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск. Сторонники инвестиционной привлекательности трактуют по-разному, представлен в табл. 2.15.

Таблица 2.15

Подходы к определению «инвестиционная привлекательность»

Автор	Содержание
Национальное рейтинговое агентство	«Инвестиционная привлекательность региона представляет собой совокупность факторы, влияющие на эффективность и риск инвестиционных вложений той или иной страны (регион, отрасль)» [333]
Рейтинговое агентство «Эксперт РА»	«В рейтинге инвестиционной привлекательности используются две относительно самостоятельные характеристики: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск» [278]
Журавлева К.А.	«Инвестиционной привлекательностью понимают наличие таких условий инвестирования, которые оказывают большое влияние на настроение инвестора. Объектом инвестирования может выступать инвестиционный проект, компания в целом, регион и отрасли» [193, с.127–128]
Центр привлечения инвестиций в регионы России	«Инвестиционная привлекательность выступает в качестве одного из результирующих показателей оценки инвестиционного климата. Структуру инвестиционного климата составляют инвестиционный потенциал и инвестиционный риск» [335]
Журова Л.И.	«Инвестиционная привлекательность региона – это совокупность признаков (условий, ограничений), определяющих приток капитала в регион и оцениваемых инвестиционной активностью» [195, 50–58]

Проанализировав трактовки определения «инвестиционной привлекательности», можно сказать что определения отливаются сферой деятельности (страна, регион, организация), также показателями оценки инвестиционной потенциала и инвестиционного риска.

Инвестиционный потенциал – характеристика количественная которая учитывает основные макроэкономические показатели, например, насыщенность территории природными ресурсами, инфраструктурой, институтами [278].

На сегодняшний день существует огромное количество методик. В связи с этим, можно выделить основные подходы к оценки инвестиционной привлекательности региона: модель на макроэкономических показателях, многофакторный, факторно–рисковый и смешенные подходы. Подходы к оценки инвестиционной привлекательности представлена на рис. 2.9.

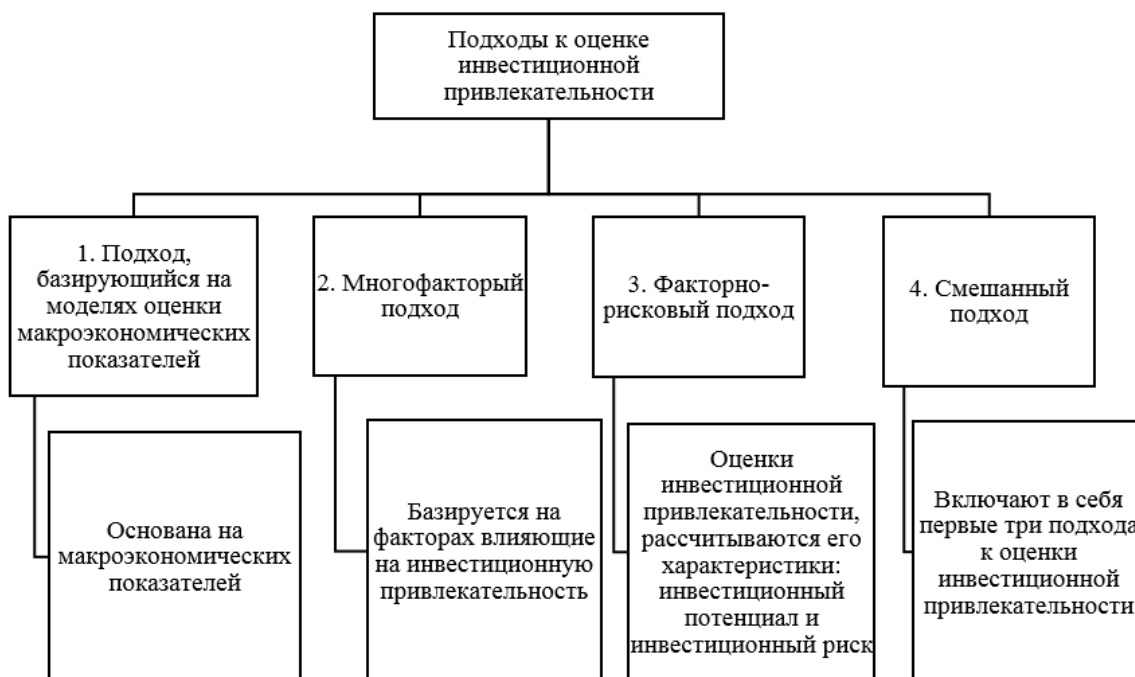

Рис. 2.9. Подходы к оценки инвестиционной привлекательности региона [228]

Большинство методик для оценки инвестиционной привлекательности региона используют экспертную оценку, что говорит о субъективности оценки. В отечественной наиболее признанной методикой оценки инвестиционной привлекательности региона является методика Рейтингового агентства РАЕХ «Эксперт-РА». Данный метод использует статистические данные и экспертную оценку для определения значимости показателей. Также для определения инвестиционной привлекательности региона, оценивает такие характеристики: инвестиционный потенциал и инвестиционный риск [278].

В рамках данной работы было проведено исследование по определению тесноты связи между инвестиционной привлекательности и экономической безопасностью региона с целью подтверждения либо опровержения гипотезы, о наличии между тесной корреляции и, как следствие, взаимовлияния. Базой исследования послужили статистические данные по регионам входящим в Уральский Федеральной округ. В рамках исследования авторами была проведена как оценка уровня экономической безопасности анализируемых регионов, так и проведена оценка инвестиционной привлекательности за достаточно длительный период в 10 лет. По результатам проведенных оценок был реализован корреляционный анализ, показавший неоднородную картину среди рассматриваемых субъектов.

Для оценки экономической безопасности была выбрана методика М.С. Сюповой и Н.А. Бондаренко [433]. Методика расчёта региональной экономической безопасности представляет собой интегральную величину, которая является обобщенным отражением состояния производственной,

научно-технической, инвестиционной, социальной и демографической безопасности территории. Индикаторы и показатели экономической безопасности представлены в табл. 2.16.

Таблица 2.16

Индикаторы экономической безопасности региона

Индикатор	Пороговое значение
Индикаторы производственной безопасности	
Темп роста ВРП к предыдущему году в сопоставимых ценах, %	более 105
Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	более 105
Индекс производства продукции сельского хозяйства к предыдущему году, %	более 105
Объем оборота розничной торговли, в % к ВРП	более 40
Индикаторы научно-технической безопасности	
Доля отгруженной инновационной продукции во всей отгруженной продукции промышленности, %	более 15
Численность занятых научными исследованиями и разработками, в % к занятым в экономике	более 1
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к ВРП	более 2,2
Индикаторы научно-технической безопасности	
Инвестиции в основной капитал, в % к ВРП (норма инвестирования)	более 25
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, в сопоставимых ценах % к предыдущему году	более 105
Степень износа основных фондов, %	менее 40
Коэффициент обновления основных фондов, %	более 15
Коэффициент выбытия основных фондов, %	более 5
Индикаторы социальной безопасности	
Уровень безработицы по методологии МОТ, %	менее 5
Обеспеченность жильем, м2 на 1 человека	более 25
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % к общей численности населения	менее 10
Коэффициент фондов (соотношение 10 % высокодоходного и 10% населения с низкими доходами), раз	менее 8
Число преступлений на 1 000 человек населения, ед.	менее 24
Индикаторы демографической безопасности	
Годовой темп роста численности населения, %	более 100
Коэффициент депопуляции	более 1
Суммарный коэффициент рождаемости, детей на одну женщину	более 2,15
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	более 70
Миграционный прирост на 10 000 чел. населения	более 0

Поскольку показатели имеют несоразмерный вид, необходимо произвести их нормирование.

Когда рост индикатора повышает уровень экономической безопасности в регионе, коэффициент соотношения рассчитывается по формуле:

$$K_i = \frac{Y_{\phi}}{Y_{п}}$$

где K_i – коэффициенты значимости; Y_{ϕ} – фактическое значение показателя; $Y_{п}$ – пороговое значение показателя.

В случае, если показатель имеет противоположную направленность, то его стандартизированное значение рассчитывается по формуле:

$$K_i = \frac{Y_{п}}{Y_{\phi}}$$

После чего рассчитывается индекс экономической безопасности и производится итоговая оценка экономической безопасности региона по критериальным границам, представленным в табл. 2.17.

Таблица 2.17

Критериальные границы для оценки экономической безопасности региона

Оценка ЭБР	Критериальные границы	Комментарии
Высокая	От 1,05	Отсутствие проблемных социально-экономических зон
Нормальная	1,00 – 1,04	Некоторые нарушения протекания исследуемых социально-экономических процессов в регионе
Низкая (предкризисная)	0,70 – 0,99	Исследуемые процессы находятся в переходном, пограничном состоянии, что свидетельствует о наличии проблемных зон для устранения которых требуется соответствующее государственное вмешательств
Кризисная	0,5 – 0,69	Серьезное проявление выделенных угроз, которые представляют собой серьезную социально-экономическую проблему, устранение которой разработку и реализацию дополнительных мер
Критическая	0,49 и ниже	Глубина существующих угроз приобретает национальные масштабы

Для оценки инвестиционной привлекательности региона в данном исследовании воспользуемся методикой рейтингового агентства «Эксперт РА».

Проведенная агентством оценка инвестиционной привлекательности основывалась на расчете 64 показателей, сгруппированных в пять блоков: инфраструктурные, экономические, социальные, финансовые ресурсы, состояние окружающей среды. Наибольший вес среди данных блоков у инфраструктурных и социальных ресурсов, так как для инвесторов существенное значение имеет сочетание развитой инфраструктуры и наличия производительной и квалифицированной рабочей силы.

Итоговый индекс инвестиционной привлекательности регионов определяется по формуле:

$$IP_j = 0,4 * I_j + 0,1 * E_j + 0,3 * S_j + 0,1 * F_j + 0,1 * O_j,$$

где IP_j – интегральный показатель инвестиционной привлекательности j -го региона; I_j – интегральный показатель оценки инфраструктурных ресурсов

j -го региона; E_j – интегральный показатель оценки экономических ресурсов j -го региона; S_j – интегральный показатель оценки социальных ресурсов j -го региона; F_j – интегральный показатель оценки финансовых ресурсов j -го региона; O_j – интегральный показатель оценки состояния окружающей среды j -го региона.

В соответствии, с расчетом оценки инвестиционной привлекательности составляется рейтинг, согласно которому регионам присваивается значение от 1А до 3D, а именно:

- высокий потенциал – минимальный риск (1А);
- высокий потенциал – умеренный риск (1В);
- высокий потенциал – высокий риск (1С);
- средний потенциал – минимальный риск (2А);
- средний потенциал – умеренный риск (2В);
- средний потенциал – высокий риск (2С);
- пониженный потенциал – минимальный риск (3А1);
- незначительный потенциал – минимальный риск (3А2);
- пониженный потенциал – умеренный риск (3В1);
- пониженный потенциал – высокий риск (3С1);
- незначительный потенциал – умеренный риск (3В2);
- незначительный потенциал – высокий риск (3С2);
- низкий потенциал – экстремальный риск (3D).

Теперь после расчета экономической безопасности региона и его инвестиционной привлекательности, можно соотнести полученные данные на рис. 2.10.

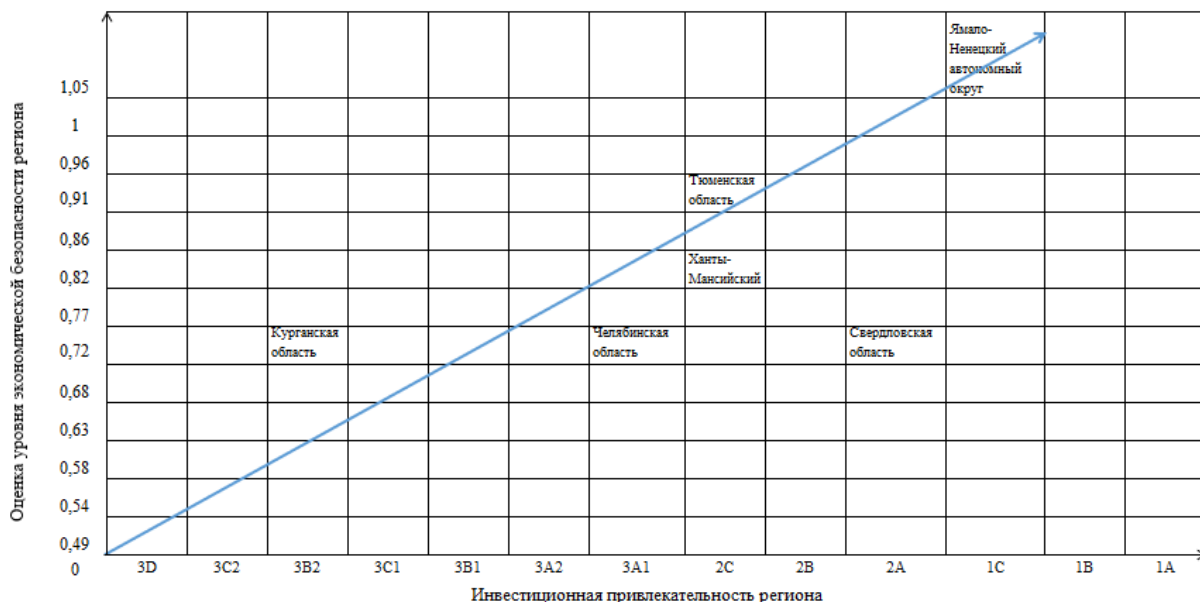

Рис. 2.10. Диаграмма соотношения уровня экономической безопасности и инвестиционной привлекательности регионов УрФО за 2021 год

На оси x находятся значения инвестиционной привлекательности, а на оси y находятся значения экономической безопасности региона. Исходя из этой диаграммы можно сделать вывод, что наблюдается положительная тенденция, а именно чем выше уровень ЭБ региона, тем выше уровень ИП.

Для более глубокого анализа определения тесноты связи были выбраны данные за 10 лет. Поскольку в рамках данного исследования небольшое количество периодов, правильнее всего для определения тесноты связи выбрать ранговую корреляцию Спирмена, так как она дает наиболее корректные данные. Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена производится по формуле:

$$r = 1 - \frac{6 \cdot \sum d^2}{n(n^2 - 1)}$$

Для трактовки силы связи между двумя наблюдаемыми величинами используется шкала Чеддока.

Поскольку значения инвестиционной привлекательности имеют буквенное выражение, необходимо их нормализовать и привести по росту рейтинга к сравниваемым значениям. Чтобы нормализовать данные, необходимо воспользоваться формулой интервалов по размаху вариации:

$$r = \frac{(x(\max) - x(\min))}{12} = 0,0467.$$

Полученные нормализованные данные представлены в табл. 2.18.

Таблица 2.18

Нормирование значений инвестиционной привлекательности

Инвестиционная привлекательность региона	Инвестиционная привлекательность – ранжирование (1 место наилучшее значение)	Нормализованные значения
1A	1	1,05
1B	2	1,00
1C	3	0,96
2A	4	0,91
2B	5	0,86
2C	6	0,82
3A1	7	0,77
3A2	8	0,72
3B1	9	0,68
3C1	10	0,63
3B2	11	0,58
3C2	12	0,54
3D	13	0,49

Для расчета корреляции необходимо присвоить ранги для нормализованных данных. Ранги присваиваются от наименьшего к наибольшему, то есть самый максимальный ранг 10, а минимальный – 1.

Поскольку у многих значений инвестиционной привлекательности и экономической безопасности имеются одинаковые ранги, необходимо использовать поправку. Расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена с поправкой:

$$T_a = \frac{\sum(a^3 - a)}{12},$$

$$T_b = \frac{\sum(b^3 - b)}{12},$$

где a – объем каждой группы одинаковых рангов в ранговом ряду А; b – объем каждой группы одинаковых рангов в ранговом ряду В.

Тогда коэффициент ранговой корреляции определяется по формуле:

$$r_s = 1 - 6 * \frac{\sum d^2 + T_a + T_b}{N * (N^2 - 1)},$$

где $\sum(d^2)$ – сумма квадратов разностей между рангами; T_a и T_b – поправки на одинаковые ранги; N – количество испытуемых или признаков, участвовавших в ранжировании.

Итоговые значения ранговой корреляции Спирмена представлены в табл. 2.19.

Таблица 2.19

Итоговые значения ранговой корреляции Спирмена

Наименование региона	Коэффициент корреляции	Теснота связи
Ямало-Ненецкий автономный округ	-0,2303	Обратная, слабая
Свердловская область	0,8424	Прямая, высокая
Тюменская область	0,0969	Прямая, слабая
Челябинская область	0,1818	Прямая, слабая
Ханты-Мансийский автономный округ	0,6545	Прямая, заметная
Курганская область	0,5333	Прямая, заметная

Таким образом, можно сделать вывод, что есть регионы в рамках УрФО, у которых теснота связи заметная (от 0,5 до 0,7), а именно у ХМАО и Курганской области, а также у которых теснота связи высокая – Свердловская область, но как видно из слайда это не данность для всех представленных регионов. Для каких-то регионов за длительный период эта связь не так очевидна. Соответственно, можно подытожить, что вывод о тесноте связи зависит от региона. Поэтому дальнейшее направление исследования будет направлено на выявление этой связи для всех регионов РФ и их кластерный анализ.

2.6. Влияние «ударопрочности» реакции регионов на внешнеэкономические ограничения на возможности структурной адаптации экономики*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ и Челябинской области в рамках научного проекта № 23-28-10167. The research was funded by RSF and Chelyabinsk Region, project number 23-28-10167.

В 2022–2023 гг. российская экономика столкнулась со значительными внешнеэкономическими ограничениями, включающими санкции в отношении традиционных отраслей производственной специализации и экспорта, финансовые отграничения и блокировку транспортно-логистических маршрутов [277, 171]. Интенсивность ограничительных мер представляет значительный вызов для российской экономики и определяет необходимость структурной адаптации [205, 453].

Общая модель адаптационного синдрома [190, 363] предполагает, что воздействие шоков любой природы на экономическую систему включает три стадии: 1) стадия неспецифической мобилизации («тревоги»), включающая шоковую и противошоковую фазы; во время фазы шока экономическая система испытывает первоначальную ударную нагрузку, приводящую к нарушению устоявшихся связей и замедлению активности; противошоковая фаза предполагает идентификацию природы шокового воздействия и возникшей угрозы, на данном этапе возникает реакция экономической системы на шоковое воздействие в виде спонтанного роста активности и неспецифичной дифференцированной реакции элементов экономической системы (в физиологии данной фазе соответствует реакция «бей или беги»); 2) стадия резистентности предполагает формирование системной специфической реакции экономической системы на шоковое воздействие, на данной стадии происходит закрепление успешных реакций, возникших в противошоковой фазе, формирование новых институтов и хозяйственных связей, адаптация отраслевой и товарной структуры производства; стадия резистентности предполагает максимальное напряжение системы и приводит к финальной стадии; 3) стадия восстановления / истощения, если экономическая система показывает успешную адаптацию к изменениям внешней среды, то это обеспечивает устойчивый долгосрочный восстановительный рост, в случае, когда адаптационные ресурсы истощены, а экономическая система не вышла на траекторию восстановительного роста, происходит в депрессивное состояние экономики.

Данная модель предполагает высокое значение мобильности экономических ресурсов (гибкости отраслевой структуры), интенсивности и длительности процесса структурной адаптации для восстановительного роста [271, 133]. При этом под воздействием шока при экстремальной нагрузке могут быть повреждены механизмы структурной адаптации, что ограничит возможности формирования специфической реакции экономической системы на шоковое воздействие. На наш взгляд, термин «ударопрочность» как системная реакция региона с учетом потенциала и пределов производственных возможностей, надежности структурных связей, условий восстановительного роста, вероятности деструктивных изменений и стагнации [65, 172], в наибольшей степени соответствует исследуемым свойствам экономических систем.

Научная гипотеза исследования состоит в том, что «ударопрочность» реакции региональной экономики на внешнеэкономические ограничения как способности за относительно короткий промежуток времени перейти от сокращения промышленного производства к интенсивному восстановительному росту оказывает статистически значимое влияние на возможности структурной адаптации региональной экономики, что проявляется в изменении отраслевой структуры промышленного производства.

Оценка влияния реакции регионов на внешнеэкономические ограничения на возможности адаптации экономики предполагает: выявление фактов шокового воздействия на динамику экономического развития регионов и идентификацию шоков, продуцируемых внешнеэкономическими ограничениями; типологизацию реакции регионов в категориях «ударопрочная» / «неударопрочная»; определение статистической зависимости типа реакции регионов на возможности последующей структурной адаптации.

Детализация методического подхода разграничена на три этапа.

1. Анализ динамики развития регионов за период 2006–2022 гг., идентификация событий краткосрочной дестабилизации экономики, характеризующихся падением производства и последующей постшоковой адаптацией. Для оценки регионов использованы оперативные данные по объему промышленного производства по полному кругу организаций. Фактические значения параметров промышленного производства скорректированы с учетом сезонности при помощи фильтра Ходрика-Прескотта [42, 115] с целью выравнивания временных рядов на основе минимизации следующей функции:

$$\min \sum_{t=0}^{\infty} (y_t^c)^2 + \lambda \sum_{t=0}^{\infty} [(y_{t+1}^g - y_t^g) - (y_t^g - y_{t-1}^g)]^2,$$

где y_t – фактическое значение показателя; y_t^g – значение, определенное фильтром; y_t^c – отфильтрованное значение (отклонение); λ – коэффициент выравнивания (исходя из типа данных в рамках данного исследования $\lambda = 200$).

Шоки, продуцируемых внешнеэкономическими ограничениями, определены как устойчивые продолжительные снижения объемов промышленного производства в период 2008 г., 2014–2015 гг.

2. Анализ реакции регионов на внешнеэкономические ограничения и их типологизация в категориях «ударопрочная» / «неударопрочная». Критерии: 1) длительность непрерывного снижения объемов промышленного производства в месяцах; 2) интенсивность восстановительного роста, оцененная по коэффициенту восстановления. Коэффициента восстановления при ударе для i -го региона рассчитан по формуле:

$$K_i = \sqrt{\frac{h_i}{H_i}},$$

где H_i – «глубина падения», разность объемов промышленного производства на начало и окончание периода снижения (в процентах к месяцу, принятому за базу сравнения); h_i – «высота подъема», разность значений объемов промышленного производства через 12 месяцев восстановительного роста и по окончании периода снижения (в процентах к месяцу, принятому за базу сравнения).

3. Анализ структурной адаптации региональной экономики к внешнеэкономическим шокам и оценка статистической зависимости типа реакции на структурные сдвиги, определенных с помощью линейного коэффициента абсолютных структурных сдвигов в промышленном производстве i -го региона [276, 226]:

$$L_i = \frac{\sum_{j=1}^m |d_{j1} - d_{j0}|}{m},$$

где d_{j0} , d_{j1} – удельный вес j -го вида экономической деятельности в объеме промышленного производства в период введения внешнеэкономических ограничений и через три года после воздействия шокового события, соответственно (для шоковых событий 2008 г. оценены структурные сдвиги за период 2008–2011 гг., для событий 2014–2015 гг. – за период 2015–2018 гг.); m – число исследуемых видов экономической деятельности.

Исследование направлено на обобщение опыта адаптации 82 субъектов РФ⁹ к внешним шокам. При анализе динамики промышленного производства за период 2006–2016 гг. использован показатель Объем промышленного производства по полному кругу организаций¹⁰, за период 2017–2022 гг. – Объем производства по собирательной классификационной группировке

⁹ Ввиду отсутствия непрерывных статистических данных за период 2006–2022 гг. из анализа исключены: Республика Крым, Чеченская Республика, город Севастополь.

¹⁰ Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43048> (дата обращения: 01.02.2024).

видов экономической деятельности «Промышленность»¹¹. Анализ структурных сдвигов проведен на основе информации об отраслевой структуре валовой добавленной стоимости¹².

На первом этапе проведен анализ динамики развития регионов и идентифицированы шоки, продуцируемые внешнеэкономическими ограничениями. Представим фрагмент анализа шоков промышленного производства на примере Челябинской области. На рис. 2.11 изображена динамика, фактического и выровненного значений объемов промышленного производства. применение фильтра Ходрика-Прескотта позволяет исключить из временного ряда случайные и сезонные с оставляющие, динамика которых не отражает влияние долгосрочных объективных факторов экономического развития территорий, таких как введение внешнеэкономических ограничений.

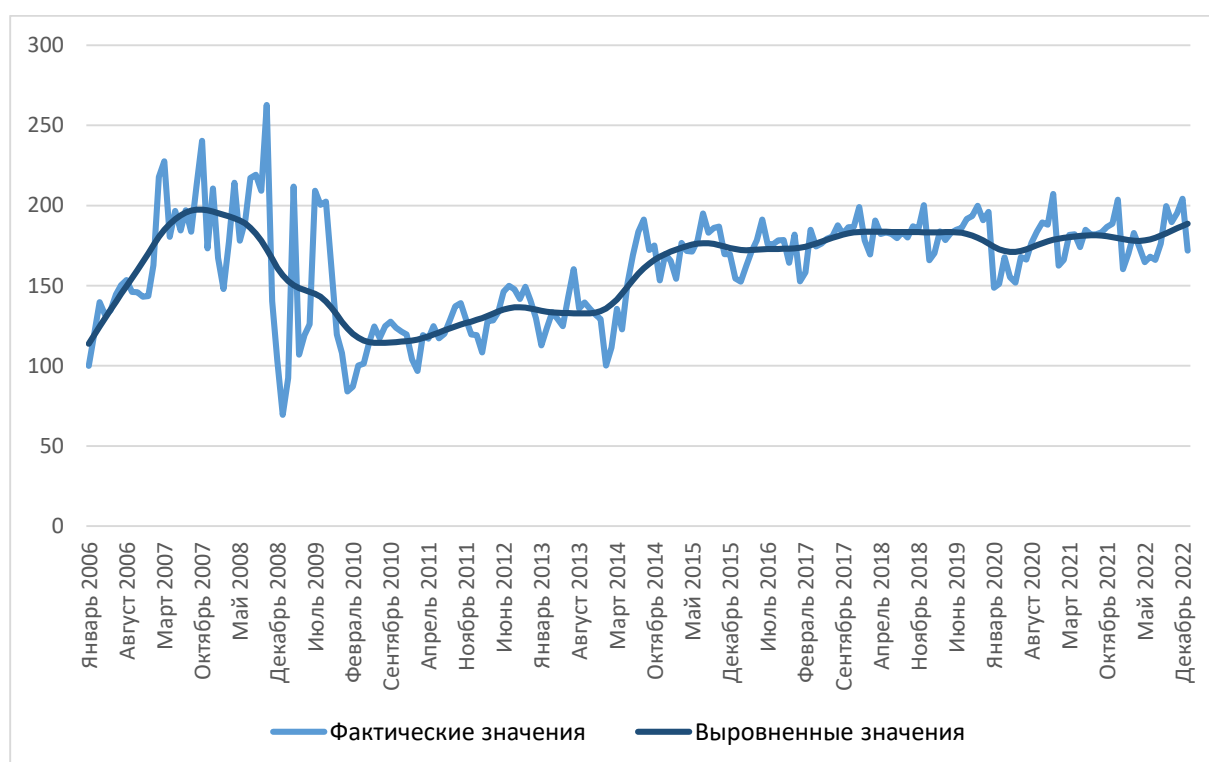

Рис. 2.11. Объем промышленного производства Челябинской области (100 – значение промышленного производства в январе 2006 г.)

На рис. 2.12 представлен ежемесячный прирост выровненных значений объема промышленного производства в Челябинской области, в рассматриваемом периоде можно выделить наличие пяти этапов устойчивого снижения объема промышленного производства в течение не менее 6 месяцев, что

¹¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57806> (дата обращения: 01.02.2024).

¹² Регионы России. Социально-экономические показатели. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.02.2024).

является проявлением воздействия ударной нагрузки шоков. Темной заливкой на рис. 2.12 обозначены периоды снижения объемов промышленного производства, совпадающие по времени с периодами введения внешнеэкономических ограничений: естественного характера в связи с событиями 2008 г. и санкционных ограничений 2014–2015 гг. На наш взгляд, данные события можно идентифицировать как шоки промышленного производства, продуцируемые внешнеэкономическими ограничениями. В исследуемых 82 субъектах РФ зафиксировано 314 шоков промышленного производства, из них 60 сопряжены с ситуацией 2008 г., а 47 – обусловлены событиями 2014–2015 гг.

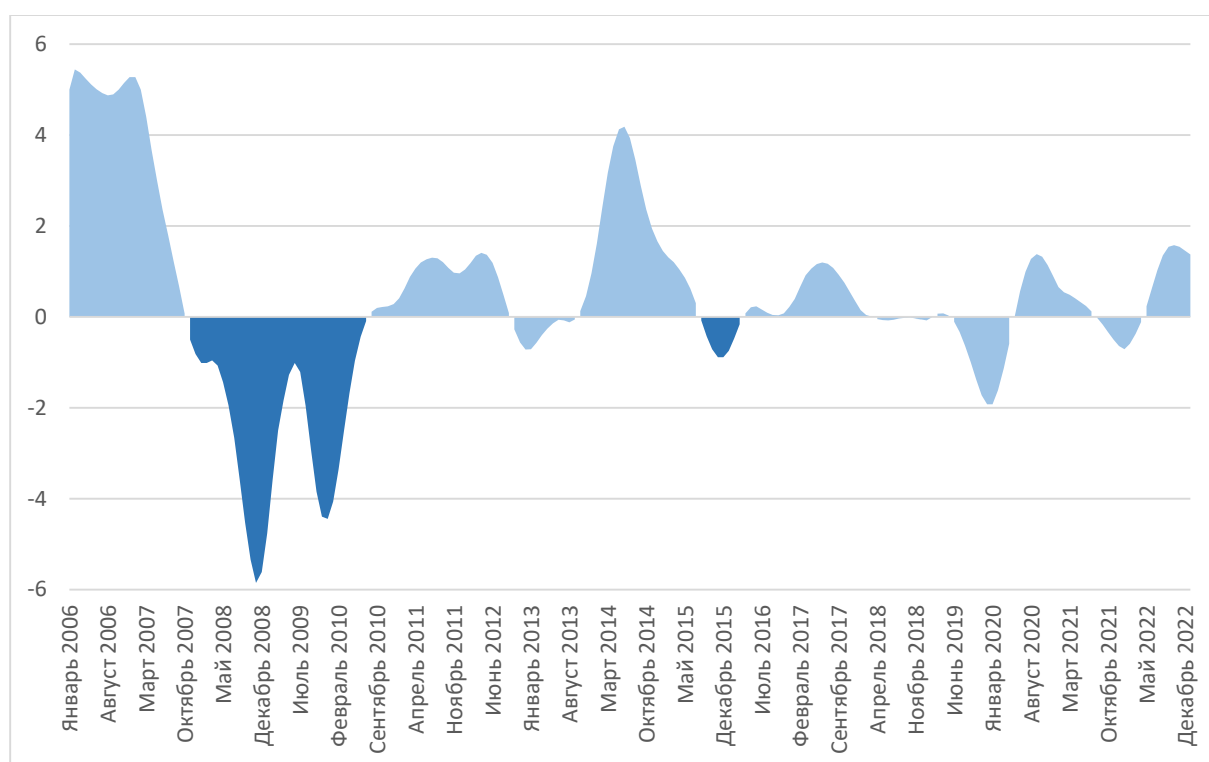

Рис. 2.12. Помесячный прирост выровненных значений объема промышленного производства в Челябинской области (100 – значение промышленного производства в январе 2006 г.)

На втором этапе проведена оценка реакции регионов на внешнеэкономические ограничения. В табл. 2.20 представлены описательные статистики реакции регионов на шоки. Очевидна высокая дифференциация ответов региональных экономических систем на ограничения, так продолжительность периода снижения объема промышленного производства изменяется от 6 месяцев (Амурская область, с августа 2009 г. по январь 2010 г.) до 68 месяцев (Архангельская область, с ноября 2008 г. по июнь 2013 г.). То же относится к интенсивности восстановительного роста, коэффициент восстановления изменяется от 0,001 (Нижегородская область за 12 месяцев после

окончания фазы снижения производства из-за внешнеэкономических ограничений 2014–2015 гг. не смогла нарастить объем промышленного производства) до 4,237 (Брянская область после 16 месяцев снижения промышленного производства в 2008–2009 гг. за 12 месяцев восстановительного роста добилась удвоения объема промышленного производства).

Таблица 2.20

Описательные статистики периода снижения объема промышленного производства и коэффициента восстановления

Показатель	Продолжительность периода снижения объема промышленного производства, мес.	Коэффициент восстановления
Среднее значение	21	0,896
Минимальное значение	6	0,001
Первый квартиль	11	0,238
Медиана	18	0,766
Третий квартиль	29	1,257
Максимальное значение	68	4,237

Источник: составлено авторами.

Не существует единого подхода к определению «ударопрочности» экономической системы. На наш взгляд, целесообразно оценивать реакцию регионов относительно среднего (медианного) значения, при этом «ударопрочность» характеризуется как одновременное соблюдение двух условий: 1) продолжительность периода снижения объема промышленного производства не превышает медианного значения по всем исследуемым наблюдениям; 2) коэффициент «восстановления при ударе» не ниже медианного значения анализируемых событий. Применение данного подхода ко всем шокам позволило установить следующее. Несмотря на то, что внешнеэкономические ограничения 2008 г. оказали воздействие на большее количество регионов (2008 г. – 60 регионов, 2014–2015 гг. – 47 регионов), «ударопрочная» реакция наблюдалась значительно чаще (2008 г. – 50,0%, 2014–2015 гг. – 31,9%), что косвенно может свидетельствовать об истощении факторов «ударопрочности» и адаптационных способностей регионов в условиях повторяющихся шоковых нагрузках.

Таблица 2.21

Типология реакций региональных экономик на внешнеэкономические ограничения 2008 г. и 2014–2015 гг.

Период	Всего регионов, испытавших шок, ед.	в том числе по типу реакции			
		«ударопрочные»		«неударопрочные»	
		ед.	%	ед.	%
2008 г.	60	30	50,0	30	50,0
2014–2015 гг.	47	15	31,9	32	68,1
Всего	107	45	42,1	62	57,9

Источник: составлено авторами.

На третьем этапе для определения влияния «ударопрочности» реакции регионов на внешнеэкономические шоки на возможности структурной адаптации был проведен анализ структурных сдвигов в промышленном производстве регионов. Регионы, показавшие «ударопрочную» реакцию на внешнеэкономические шоки, отличаются более высокими значениями всех описательных статистик по показателю абсолютных структурных сдвигов, данная ситуация характерна как в отношении адаптации к шокам 2008 г., так и событиям 2014–2015 гг. (табл. 2.22, рис. 2.13). В среднем абсолютные структурные сдвиги в регионах с «ударопрочной» реакцией на 2,97 п. п. (30,5%) выше, чем в регионах с «неударопрочной» реакцией. Данные результаты подтверждают научную гипотезу о наличии значимой статистической зависимости между «ударопрочностью» реакции региональной экономики на внешнеэкономические ограничения как способности за относительно короткий промежуток времени перейти от сокращения промышленного производства к интенсивному восстановительному росту и структурной адаптацией как изменения отраслевой структуры промышленного производства.

Таблица 2.22

Описательные статистики абсолютных структурных сдвигов
в разрезе типов реакции на внешнеэкономические шоки

Показатель	«Неударопрочная» реакция	«Ударопрочная» реакция
Шоки 2008 г.		
Минимальное значение	0,89	2,99
Медиана	9,90	11,20
Среднее значение	10,98	13,01
Максимальное значение	20,80	29,23
Шоки 2014–2015 гг.		
Минимальное значение	0,34	1,66
Медиана	8,89	11,12
Среднее значение	8,53	12,03
Максимальное значение	16,94	29,76

Источник: составлено авторами.

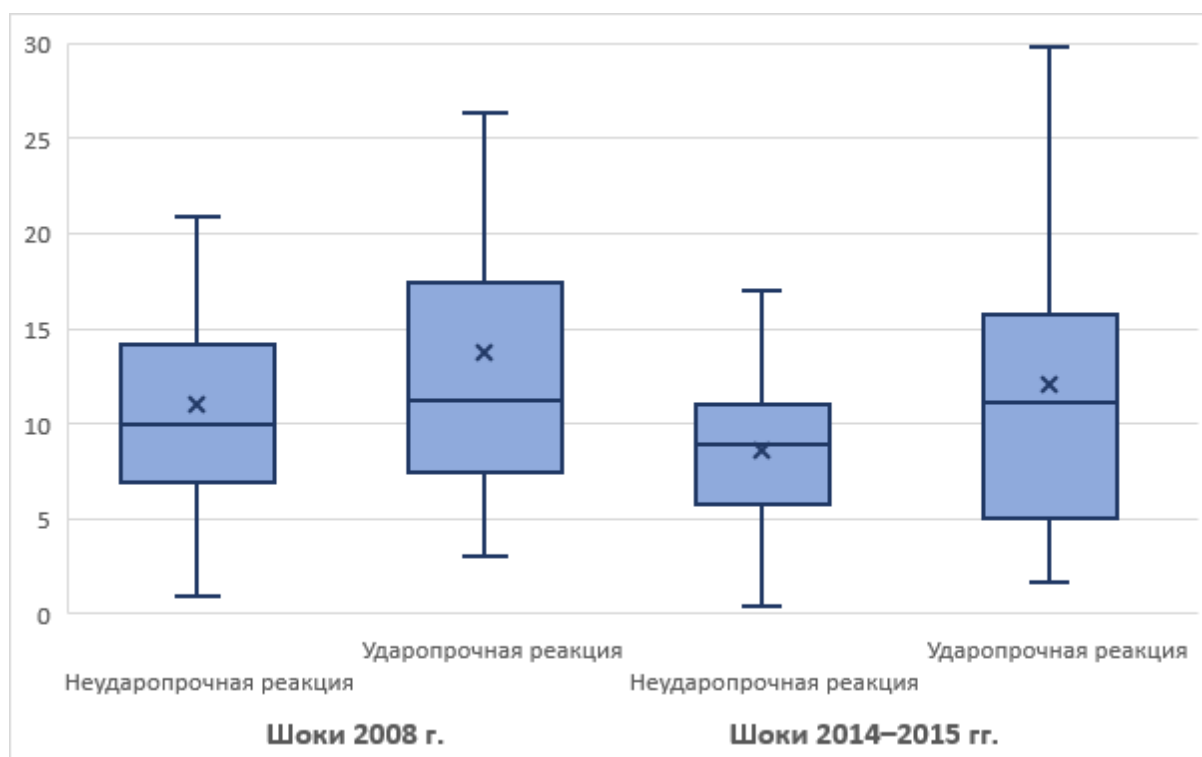

Рис. 2.13. Распределение значений абсолютных структурных сдвигов в разрезе типов реакции на внешнеэкономические шоки

На рис. 2.14 представлена картограмма абсолютных структурных сдвигов промышленного производства регионов с «ударопрочным» типом реакции к внешнеэкономическим ограничениям 2014–2015 гг., для большинства таких регионов характерно превышение величины структурных сдвигов среднего по России значения (Республика Ингушетия – 29,76%, Еврейская автономная область – 29,17%, Ульяновская область – 15,73; среднее значение – 9,64%). При этом для части регионов с «ударопрочным» типом реакции характерно низкое значение абсолютных структурных сдвигов (Тюменская область – 1,66%, Карачаево-Черкесская Республика – 3,73%, Челябинская область – 5,01%), что, на наш взгляд, определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, возможности структурной адаптации определяются множеством факторов, таких как: укорененность и капиталоемкость базовых отраслей специализации, федеральная и региональная промышленная политика, конъюнктура мировых и национальных товарных рынков, межотраслевая [458] и пространственная [244] связанность и т. д.; в связи с чем объяснить вариацию структурных сдвигов исключительно «ударопрочностью» не представляется возможным. Во-вторых, представленная теоретическая модель предполагает связь «ударопрочности» и потенциала структурной адаптации, в то время как структурные сдвиги указывают на фактическую реализацию возможностей изменения отраслевой структуры, вопрос реализации данных возможностей и факторов их определяющих остается открытым.

Источник: составлено авторами. Пояснения: 1 – Калининградская обл.; 2 – Калужская обл.; 3 – Ивановская обл.; 4 – Воронежская обл.; 5 – Ульяновская обл.; 6 – Карачаево-Черкесская Респ.; 7 – Респ. Ингушетия; 8 – Респ. Северная Осетия – Алания; 9 – Респ. Калмыкия; 10 – Астраханская обл.; 11 – Челябинская обл.; 12 – Тюменская обл.; 13 – Кемеровская обл.; 14 – Чукотский АО; 15 – Еврейская АО

Рис. 2.14. Картограмма абсолютных структурных сдвигов регионов с «ударопрочным» типом реакции к шокам 2014–2015 гг.

Российская экономика находится в условиях внешнеэкономических ограничений, превышающих пределы нормального функционирования, в таких условиях высокую значимость приобретает проблема определения факторов, определяющих возможности адаптации экономики к новым условиям, в том числе за счет изменения отраслевой структуры производства и определения новых перспективных специализаций. В условиях высокой ударной нагрузки особое значение приобретает «ударопрочность» региональной экономики, как возможность сохранения внутренних механизмов адаптации.

Обобщение опыта шоков промышленного производства и постшоковой адаптации российских регионов позволило выделить «ударопрочный» и «неударопрочный» тип реакции. «Ударопрочная» реакция на шок наблюдается, если период последовательного снижения объема промышленного производства не превышает медианного значения (18 месяцев), а в последующие 12 месяцев восстановительный рост компенсирует большую часть снижения объемов промышленного производства (коэффициента восстановления при ударе превышает 0,766). По результатам анализа структурных

сдвигов промышленного производства в разрезе регионов с различным типом реакции на внешнеэкономические ограничения в последующие три года после шокового воздействия в регионах с «ударопрочной» реакцией абсолютные структурные сдвиги в среднем на 2,97 п. п. (30,5%) превышали аналогичный показатель в регионах с «неударопрочной» реакцией. На наш взгляд, «ударопрочный» тип реакции регионов не приводит к значительному разрушению народнохозяйственных связей и механизмов структурной адаптации экономики к новым условиям, что обеспечивает возможности динамичного восстановительного роста.

Результаты исследования имеют значение для развития теории пространственной экономики в части оценки факторов, определяющих потенциал структурной адаптации экономики к внешнеэкономическим ограничениям [116], а оценка «ударопрочности» регионов к шокам 2022–2023 гг. позволит региональным органам исполнительной власти точнее определять возможности структурной адаптации и формировать прогноз отраслевой структуры промышленного производства субъектов Российской Федерации.

2.7. Технологическая диверсификация экономики индустриальных регионов как фактор обеспечения устойчивости и экономической безопасности РФ

В условиях экстремальной турбулентности последних лет актуализируется значимость сохранения и укрепления экономической безопасности страны в целом и ее отдельных регионов. В теоретическом плане, экономическая безопасность региона в большинстве случаев трактуется как интегральная характеристика, включающая независимость экономики, стабильность, устойчивость и поступательность развития, способность противодействовать внешним и внутренним угрозам [509]. Данное понимание нашло отражение и в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [464], где наряду с обеспечением экономического суверенитета страны и роста национальной экономики, значимыми целями государственной политики являются повышение устойчивости экономики и поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне. Декомпозиция перечисленных общегосударственных целей на региональный уровень нашла отражение в таких документах как Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации до 2025 года [325] и Стратегия пространственного развития Российской Федерации [427], где декларируется ускорение темпов научно-технологического развития и устойчивое социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации.

Одним из инструментов устойчивого роста и снижения негативного влияния экономических шоков является диверсификация региональной экономики [35], то есть стимулирование разнообразия факторов и условий осуществления экономической деятельности. В рамках концепции «Умная специализация», принятой на вооружение Европейским Союзом и рядом других стран в качестве стратегического подхода к планированию развития регионов [34], вопрос о разнообразии отраслей в экономике является ключевым. Концепция ориентирована на поиск направлений изменения структуры региональной экономики путем выявления и развития новых «трансформирующих видов деятельности» [34] с учетом глобальных научно-технологических трендов, национальных стратегических приоритетов и локализованных в регионе конкурентных преимуществ.

Сопряжение задач обеспечения устойчивости экономики, развития научно-технологического потенциала и обеспечения технологического суверенитета [378] формирует специфическую область исследования – оценку технологической диверсификации региональной экономики [119], под которой понимается разнообразие технологической структуры экономики региона, комбинации секторов, отраслей, видов экономической деятельности, продуктов разного уровня технологичности.

Одним из исследовательских фокусов в контексте изучения технологической структуры является вектор на оценку гетерогенности технологического пространства стран, регионов, территорий. Так, анализ стран Европейского Союза [58] позволил сделать вывод о наличии всего трех укрупненных архетипов технологической структуры, что дает основания для проведения унифицированной национальной и наднациональной экономической политики. С другой стороны, отмечаются ситуации существенной неоднородности распространения высокотехнологичного сектора, особенно в странах, имеющих значительную территорию [18].

Гетерогенность технологической структуры экономики, ее многоукладность [170, 417] в наибольшей степени характерны для развивающихся стран. Например, сопоставление технологической структуры Республики Беларусь и федеральных округов России [451] показало высокую степень технологической неоднородности как в сопредельном государстве, так и в Центральном и Уральском федеральных округах РФ, при этом у российских территорий эта неоднородность выше.

Тезис о высокой степени неоднородности технологической структуры подтверждается и в части федеральных округов РФ с преобладанием IV технологического уклада [310]. Анализ отдельных регионов [149] также свидетельствует о высокой неравномерности развития высокотехнологического сектора, при этом установлено положительное влияние на результативность данного сектора таких условий региональной среды, как доля обрабатывающей промышленности, доля занятых со средним профессиональным образованием, доля персонала, занятого исследованиями и разработками и др.

Определена высокая неоднородность технологических портфелей различных групп российских регионов, выделенных на основе близости социально-экономических условий [122]. При этом авторы отмечают, что дальнейшая верификация полученных результатов предполагает классификацию регионов с учетом особенностей развития научно-образовательной среды, информационной инфраструктуры и т.д.

В целом, высокая неоднородность технологического пространства РФ требует углубления исследований в области диверсификации технологических структур, межрегиональных различий и гетерогенности индустрии регионов, направлений развития и обновления промышленной структуры на уровне национальной экономики в целом [170].

Еще одна проблема в контексте технологического развития промышленности связана с определением оптимальных внутрирегиональных пропорций между высокотехнологичными и традиционными секторами промышленности. Каноническим является представление о прямой зависимости между темпами экономического роста и уровнем технологичности промышленности [122, 98]. Однако, существуют исследования, подвергающие сомнению устоявшиеся положения, а именно: одностороннее усиление специализации в высокотехнологичных отраслях не всегда однозначно способствует региональному экономическому росту. Так, эмпирически доказано, что значимым фактором для экономического роста, помимо технологичности, является рост производительности труда [81], а также специфика конкретного региона [417].

Одним из подходов к поиску оптимальной технологической структуры внутри региона является ориентация на условный «эталон», экономику развитых стран, таких как США, Япония, страны Западной Европы [183]. Например, Акаевым А.А., Соколовой В.Н. [98] выделены следующие ориентировочные пропорции: доля высокотехнологичных и среднетехнологичных производств в технологической структуре обрабатывающей промышленности должна стремиться к 50%; доля высокотехнологичных производств – к 20%. Очевидно, что правомерность данных количественных параметров для российских условий остается вопросом для дальнейших научных исследований.

Цель данной работы заключается в оценке, неоднородности технологической структуры индустриальных регионов РФ, сгруппированных на основании их ключевой специализации. Задачи: 1) определение особенностей динамики отраслевой и технологической диверсификации, гетерогенности технологических структур индустриальных регионов РФ; 2) классификация индустриальных регионов по сочетанию отраслевой и технологической диверсификации, а также по доле высоко- и средневысокотехнологичных отраслей, позиционирование субъектов федерации в соответствующей коор-

динатной плоскости; 3) идентификация наиболее значимых отраслей промышленности высокого и средневысокого уровня технологичности по локализации численности работников.

Объектом данного исследования выступают индустриальные регионы РФ, выделенные по критерию доли промышленного сектора¹³ в суммарной добавленной стоимости. В условиях глобального тренда на неоиндустриализацию, связанную с изменением технологического уклада, сверхмодернизацией и созданием новых отраслей [270], промышленные регионы вновь становятся объектом пристального исследовательского интереса. Данная повестка особенно актуальна для Российской Федерации, где вклад промышленного сектора в экономику существенно превышает среднемировой уровень в 30% [100]. Поскольку российские индустриальные регионы являются преимущественно сконцентрированными на одной базовой отрасли, специфическим основанием для их классификации в целях оценки технологической диверсификации может являться их специализация.

По данным за 2021 г. в России 29 регионов имеют долю промышленного сектора более 30%, из них 15 регионов специализируются на добыче полезных ископаемых (доля ДПИ более 50%), 6 регионов – на металлургии (доля металлургии более 50%), в 1 регионе профильной отраслью является производство кокса и нефтепродуктов и 7 регионов являются полиспециализированными (табл. 2.23).

Критерием отнесения региона к полиспециализированным являлось, во-первых, отсутствие отрасли, доля которой превышает 50% в промышленном секторе, а во-вторых, наличие как минимум двух отраслей в структуре с весом более 10%. Во Владимирской области таких отраслей три: производство пищевых продуктов (26%), химическое производство (22,7%), производство металлургическое (12,5%). В Калужской области – производство пищевых продуктов (16,5%), металлургия (13%), производство компьютеров, электронных и оптических изделий; производство электрического оборудования (11,5%). В Тульской области – производство пищевой продукции (16,4%), химическое производство (18,8%), металлургия (40%). В Новгородской области преобладают пищевая промышленность (13,4%) и химическое производство (45,9%). Пермский край отличается большой долей ДПИ (36,5%) и химической промышленностью (27,6%). В Самарской области также доминируют ДПИ (38,8%) и химическое производство (13,6%), кроме того значительна доля машиностроения (20,1%). Наконец, Республика Хакасия отличается почти равноценными двумя отраслями: ДПИ (42%) и металлургическое производство (38,6%).

¹³ Промышленный сектор в данном исследовании включает добычу полезных ископаемых и обрабатывающие производства.

Группы индустриальных регионов РФ

Наименования групп		Регионы	
Моноспециализированные регионы	Добыча полезных ископаемых	Белгородская область (58%) Республика Карелия (51%) Республика Коми (75%) Архангельская область (58%) Астраханская область (88%) Республика Татарстан (56%) Удмуртская Республика (52,5%)	Оренбургская область (75%) Тюменская область (91%) Иркутская область (70%) Кемеровская область (56%) Республика Саха (Якутия) (98%) Магаданская область (98%) Сахалинская область (93%) Чукотский автономный (99,5%)
	Производство кокса и нефтепродуктов	Омская область (65%)	
	Металлургическое производство	Липецкая область (68%) Вологодская область (64%) Мурманская область (58%)	Свердловская область (60%) Челябинская область (57%) Красноярский край (54%)
Полиспециализированные регионы	Владимирская область Калужская область Тульская область Новгородская область	Пермский край Самарская область Республика Хакасия	

Источник: составлено автором. Примечание: для моноспециализированных регионов в скобках указана доля базовой отрасли в структуре промышленного сектора.

Оценка разнообразия технологической структуры региональной промышленности предполагает классификацию по уровням, что может быть выполнено различными способами, в том числе в рамках продуктового, патентного подхода, подхода на уровне фирм и отдельных технологий [246]. Наиболее распространённой является методика ОЭСР, основанная на использовании двух показателей – затрат на исследования и разработки в процентах от добавленной стоимости отрасли, и затрат на исследования и разработки в процентах от валового выпуска отрасли. В соответствии с логикой метода, чем выше доля затрат на НИОКР в отрасли, тем выше уровень ее технологичности.

На основе методики ОЭСР в рамках классификатора Евростата [37] выделены 4 уровня технологичности: высокотехнологичный (high-technology

– НТ); средневысоко технологичный (medium-high-technology – МНТ); средненизкотехнологичный (medium-low-technology – МЛТ) и низкотехнологичный (low-technology – ЛТ).

В табл. 2.24 представлена группировка отраслей по данным уровням, наименования отраслей соответствуют наименованиям европейского классификатора видов экономической деятельности NACE Rev. 2 [83] с точностью до двух и трех знаков.

Таблица 2.24

Группы отраслей по уровням технологичности

Уровни	Виды экономической деятельности в соответствии с классификатором NACE Rev.2	
	до 2-х знаков	до 3-х знаков
НТ	21 Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях 26 Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	21 Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях 26 Производство компьютеров, электронных и оптических изделий 30.3 Производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования
МНТ	20 Производство химических веществ и химических продуктов 27 Производство электрического оборудования 28 Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки 29 Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов 30 Производство прочих транспортных средств и оборудования	20 Производство химических веществ и химических продуктов 25.4 Производство оружия и боеприпасов 27 Производство электрического оборудования 28 Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки 29 Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов 30 Производство прочих транспортных средств и оборудования, кроме 30.1 и 30.3 32.5 Производство медицинских инструментов и оборудования
ЛМТ	19 Производство кокса и нефтепродуктов 22 Производство резиновых и пластмассовых изделий 23 Производство прочей неметаллической минеральной продукции 24 Производство металлургическое 25 Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования 33 Ремонт и монтаж машин и оборудования	18.2 Копирование записанных носителей информации 19 Производство кокса и нефтепродуктов 22 Производство резиновых и пластмассовых изделий 23 Производство прочей неметаллической минеральной продукции 24 Производство металлургическое 25 Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования, кроме 25.4 30.1 Строительство кораблей, судов и лодок 33 Ремонт и монтаж машин и оборудования

Уровни	Виды экономической деятельности в соответствии с классификатором NACE Rev.2	
	до 2-х знаков	до 3-х знаков
LT	10 Производство пищевых продуктов 11 Производство напитков 12 Производство табачных изделий 13 Производство текстильных изделий 14 Производство одежды 15 Производство кожи и изделий из кожи 16 Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения 17 Производство бумаги и бумажных изделий 18 Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации 31 Производство мебели 32 Прочие производства	10 Производство пищевых продуктов 11 Производство напитков 12 Производство табачных изделий 13 Производство текстильных изделий 14 Производство одежды 15 Производство кожи и изделий из кожи 16 Обработка древесины и производство изделий из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения 17 Производство бумаги и бумажных изделий 18 Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации, кроме 18.2 31 Производство мебели 32 Прочие производства, кроме 32.5

Источник: составлено автором по данным Glossary: High-tech classification of manufacturing industries.

В 2017 г. на основе классификатора Евростата были разработаны Методические рекомендации Федеральной службы государственной статистики РФ г. для расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации» [355]. Отличия российской методики от методики ОСЭР состоят в следующем: 1) в составе МНТ-отраслей отсутствует отрасль 25.4 Производство оружия и боеприпасов; 2) в МНТ-сектор включены отрасли 30.1 Строительство кораблей, судов и лодок и 33 Ремонт и монтаж машин и оборудования.

Для целей данного исследования приняты следующие предпосылки. Во-первых, использован классификатор Евростата (до 2-х знаков). Во-вторых, поскольку анализируется структура торгуемого сектора промышленности, «Добыча полезных ископаемых» была отнесена к низкотехнологичному сектору (LT). В-третьих, некоторые отрасли были отнесены к нерелевантной группе технологичности, что связано с особенностями данных официального статистического учёта по показателю «Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства». За период 2008–2021 гг. варианты группировок видов экономической деятельности изменились 2 раза. В целях обеспечения сопоставимости данных, все варианты были приведены к варианту 2011 г., в котором насчитывалось 10 групп видов экономической деятельности. В

данном варианте в одну группу объединены разные по уровню технологичности отрасли: «Производство химических веществ и химических продуктов» (МНТ), «Производство лекарственных средств, и материалов, применяемых в медицинских целях» (НТ), «Производство кокса и нефтепродуктов» и «Производство резиновых и пластмассовых изделий» (ЛМТ); «Производство компьютеров, электронных и оптических изделий» (НТ) и «Производство электрического оборудования» (МНТ); группа «Прочие виды обрабатывающих производств» также включает разные по уровню технологичности виды экономической деятельности. Тем не менее, считаем, что для укрупненной оценки динамики и неоднородности технологической структуры при условии приведения данных к сопоставимому виду, указанные несоответствия не имеют существенного значения.

Методы исследования включают применение традиционных методов сравнительного и экономико-статистического анализа. Для оценки отраслевой и технологической диверсификации (концентрации) был использован индекс Херфиндаля-Хиршмана, показывающий разнообразие с позиции видов экономической деятельности и технологичности отраслей [170]:

$$HHI = \sum_{i=1}^n S_i^2,$$

где HHI – индекс Херфиндаля-Хиршмана, S_i – доля отрасли в валовой добавленной стоимости.

Для оценки неоднородности технологических структур выделенных групп регионов был использован коэффициент вариации [455]:

$$v = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (y_i - \bar{y})^2}{n}} : \bar{y}$$

где v – коэффициент вариации, y_i – исследуемый показатель i -го региона, \bar{y} – среднее значение, n – число регионов.

Для выявления отраслей специализации был использован коэффициент локализации, позволяющий рассчитывать относительную концентрацию отрасли в регионе на основе различных данных, в том числе по показателю среднесписочной численности работников [57]:

$$LQ = \frac{I^R / I^{TR}}{I^N / I^{TN}},$$

где LQ – коэффициент локализации, I^R – отрасль региона, I^N – отрасль страны; I^{TR} – экономика региона, I^{TN} – экономика страны.

Признаком специализации является значение коэффициента более 1.

Информационной базой исследования является набор данных Федеральной службы государственной статистики, статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2008, 2011, 2014, 2018 и 2021. Для оценки структуры промышленного сектора регионов был выполнен расчет долей отраслей на основе двух показателей: «Отраслевая структура валовой добавленной стоимости» и «Структура объема отгруженной продукции (работ, услуг) по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства»». Оценка неоднородности (гетерогенности) технологических структур была выполнена по усредненным значениям показателя НИИ в разрезе каждой группы регионов. Для оценки коэффициента локализации занятых по отраслям были использованы данные по показателю «Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций».

В табл. 2.25 представлены полученные значения индексов отраслевой и технологической диверсификации, а также доли НИТ и МНТ сектора в структуре промышленности.

Таблица 2.25

Отраслевая и технологическая диверсификация индустриальных регионов по показателю НИИ (фрагмент)

Группы регионов	Отраслевая диверсификация			Технологическая диверсификация			Доля НИТ и МНТ отраслей	
	2008	2014	2021	2008	2014	2021	2008	2021
Российская Федерация	1699	2178	2054	3742	4008	3868	32	30,8
Регионы, специализирующиеся на добыче полезных ископаемых								
Белгородская область	2995	3189	4062	5576	6382	6888	4,1	2,8
Республика Карелия	2848	2822	3257	6746	7678	8475	8,7	3,4
Республика Коми	5778	5738	5708	7539	7377	8779	13,2	2,7
Архангельская область	3578	4806	3906	6955	7162	6585	15,0	18,5
Астраханская область	2439	6447	7877	6107	7283	8339	76,8	8,6
Республика Татарстан	3203	3450	3551	4782	4728	4964	35,5	33,8
Удмуртская Республика	3654	3560	3221	5913	6207	4902	16,1	15,2
Оренбургская область	5306	5624	5813	6344	6375	6504	7,4	8,3
Тюменская область	9163	8791	8376	9209	8857	8498	3,9	7,8
Иркутская область	1285	3957	5016	3320	5645	6883	31,2	10,2
Кемеровская область	4110	3448	3693	4867	4339	4520	9,3	17,1
Республика Саха (Якутия)	8996	9320	9567	9699	9721	9780	0,6	0,6
Магаданская область	7525	8045	9690	9137	9006	9693	1,7	0,0
Сахалинская область	8581	9395	8706	9454	9839	9870	1,7	0,3

Окончание табл. 2.25

Группы регионов	Отраслевая диверсификация			Технологическая диверсификация			Доля НТ и МНТ отраслей	
	2008	2014	2021	2008	2014	2021	2008	2021
Чукотский автономный округ	9548	9908	9913	9978	9999	9914	0,1	0,0
Среднее по группе	5267	5900	6157	7042	7373	7640	15,0	8,6
Регионы, специализирующиеся на металлургическом производстве								
Липецкая область	4646	4276	4973	5149	4861	5354	10,6	7,8
Вологодская область	4656	3774	4491	5189	4326	4878	21,4	21,9
Мурманская область	3937	3385	4006	4804	5812	4767	7,1	5,2
Свердловская область	3241	3117	3813	4298	4048	4634	18,2	18,7
Челябинская область	3634	3376	3578	4755	4538	4501	16,3	15,1
Красноярский край	3750	3297	3790	4704	4201	4528	12,8	7,1
Среднее по группе	3977	3538	4108	4816	4631	4777	14,4	12,6
Регион, специализирующийся на производстве кокса и нефтепродуктов								
Омская область	4727	6100	4517	6461	6561	6216	81,1	80,1
Полиспециализированные регионы								
Владимирская область	1303	1661	1575	2738	3662	3060	45,0	43,1
Калужская область	1505	2459	1828	2904	3140	3272	43,6	59,7
Тульская область	1711	1688	2352	3137	3271	3360	33,5	30,0
Новгородская область	1610	1726	2534	3417	3615	3927	43,2	53,8
Пермский край	1771	2933	2256	4261	4260	4001	55,5	43,1
Самарская область	1878	2390	2289	3870	4015	4038	53,1	42,3
Республика Хакасия	3582	3646	3360	4405	4598	4486	8,0	6,7
Среднее по группе	1909	2358	2313	3533	3794	3735	40,3	39,8

Источник: составлено автором по данным по данным Федеральной службы государственной статистики, статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2008, 2011, 2014, 2018 и 2021 гг.

На рис. 2.15, 2.16 представлена динамика индексов отраслевой и технологической диверсификации по группам регионов и Российской Федерации в целом.

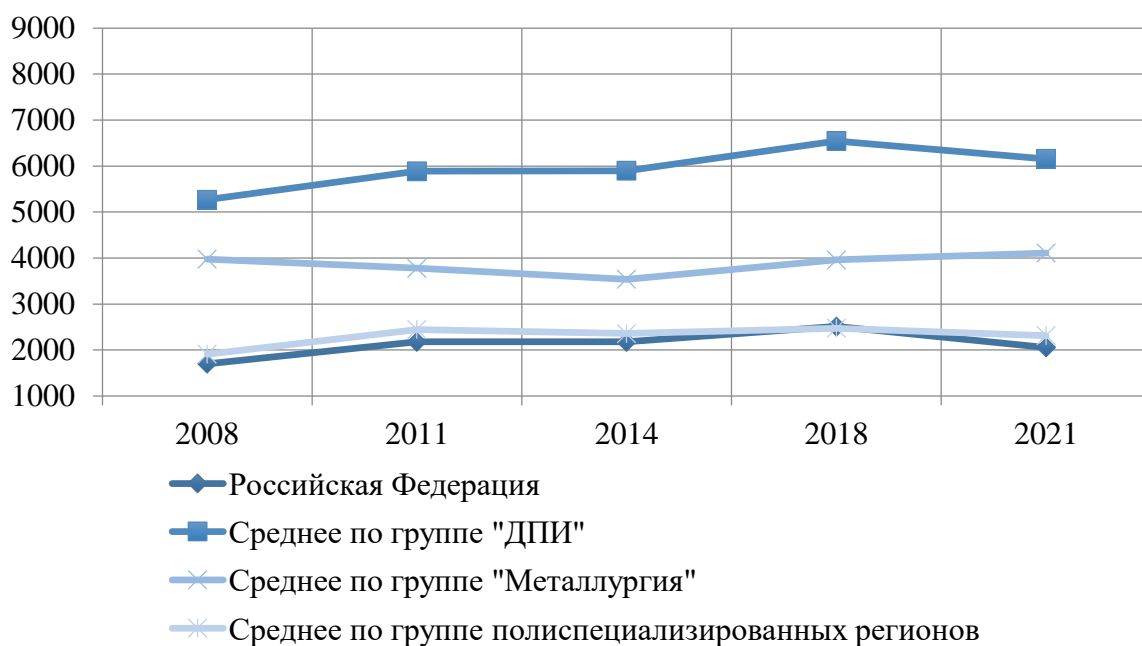

Рис. 2.15. Индекс отраслевой диверсификации

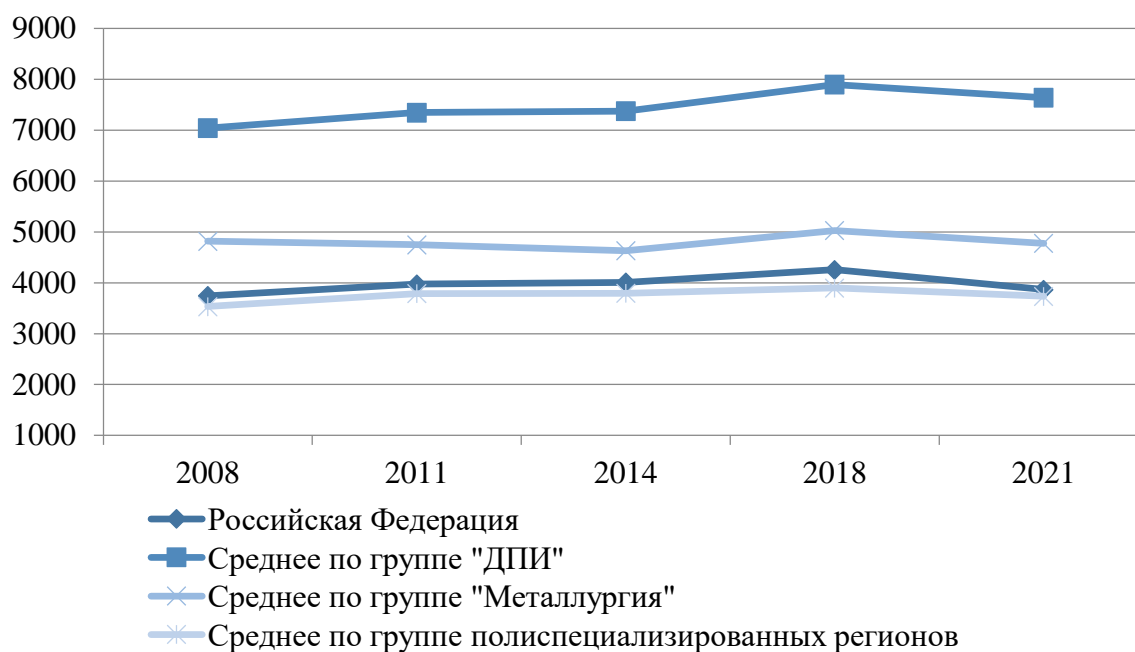

Рис. 2.16. Индекс технологической диверсификации

Обращает на себя внимание более высокая концентрация технологической структуры по сравнению с отраслевой. Особенно значительны различия у полиспециализированных регионов: среднее значение индекса отраслевой диверсификации колеблется в районе 2000, в то время как индекса технологической диверсификации – в районе 4000.

Также заметны различия между группами регионов в рисунке динамики индексов. В целом оба индекса демонстрируют пульсирующий характер изменения от года к году. При этом для добывающих и полиспециализированных регионов характерно некоторое усиление концентрации в посткризисные 2011 и 2018 гг. У группы металлургических регионов оба индекса в 2011 году наоборот сигнализируют о росте диверсификации, что может свидетельствовать о более быстрой адаптации данных регионов к кризису 2008 года. В промежуточном 2018 году металлургические регионы шли в тренде с остальными группами, в 2021 г. рост концентрации у данной группы регионов продолжился.

Наиболее близки к среднероссийскому уровню полиспециализированные регионы как по уровню индексов, так и по их динамике. На противоположном полюсе ожидаемо находятся добывающие регионы, характеризующиеся самыми низкими значениями уровня и отраслевой (от 5000 до 6000), и технологической (от 7000 до 7500) диверсификации. При этом у таких регионов технологическая диверсификация существенно отличается от среднероссийского уровня, чем отраслевая.

Обобщенная оценка внутригрупповой гетерогенности технологических структур выполнена на основе оценки коэффициента вариации для среднего значения НИИ по каждой группе индустриальных регионов (табл. 2.26).

Таблица 2.26

Коэффициент вариации среднегруппового значения НИИ

Группы регионов	Коэффициент вариации среднегруппового значения НИИ				
	2008	2011	2014	2018	2021
Регионы, специализирующиеся на добыче полезных ископаемых	0,28	0,22	0,24	0,21	0,24
Регионы, специализирующиеся на металлургическом производстве	0,06	0,12	0,13	0,14	0,06
Полиспециализированные регионы	0,17	0,17	0,13	0,15	0,13

Источник: составлено автором по данным по данным Федеральной службы государственной статистики, статистические сборники «Регионы России. Социально-экономические показатели» и Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2008, 2011, 2014, 2018 и 2021 гг.

Как видно из табл. 2.26, наиболее неоднородной является группа регионов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, при этом в динамике заметно сокращение гетерогенности. Наиболее монолитной и гомогенной выглядит группа регионов металлургического профиля, где, несмотря на рост вариации в посткризисные 2011 и 2018 гг. к 2021 году показатель вернулся к невысокому значению (0,06). Полиспециализированные регионы демонстрируют снижение гетерогенности технологического пространства при среднем уровне показателя.

На рис. 2.17, 2.18 представлено расположение регионов в координатах отраслевой и технологической диверсификации, размеры кружков эквиваленты суммарной доле высоко- (НТ) и средневысокотехнологичных (МНТ) отраслей в структуре промышленного сектора в соответствующем году.

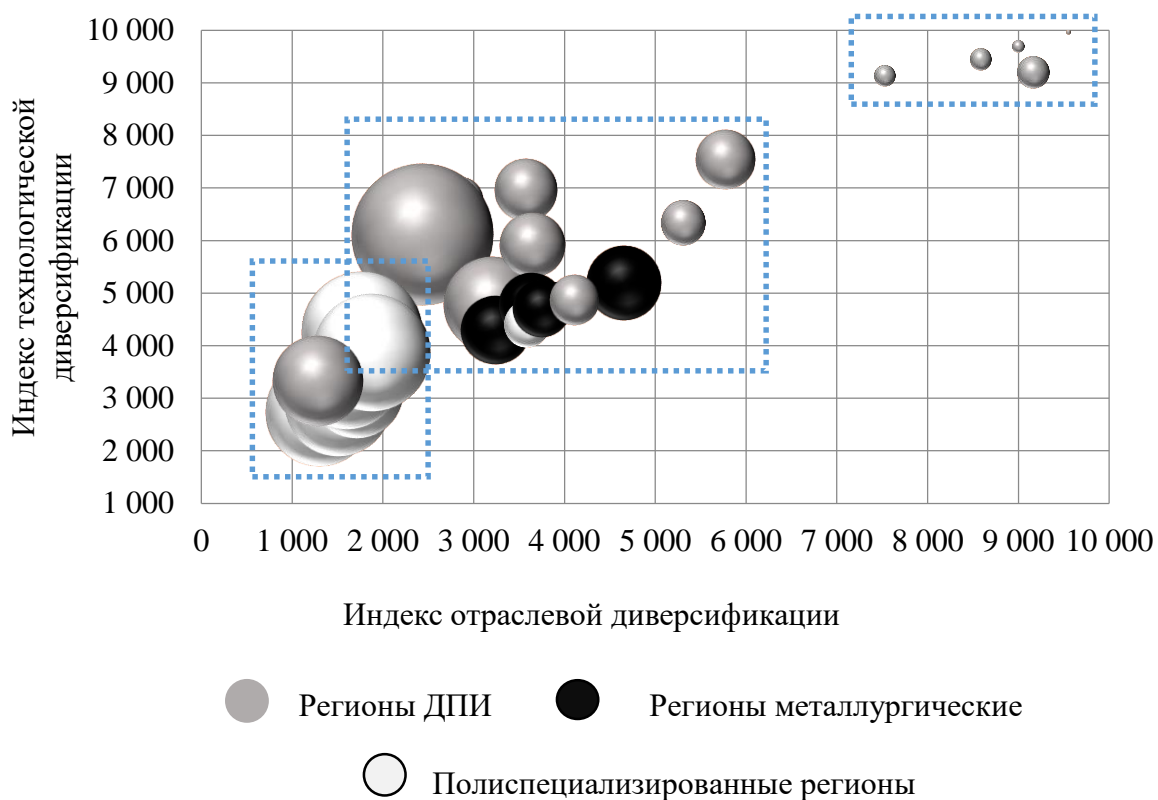

Рис. 2.17. Позиционирование регионов в координатах «Отраслевая» и «Технологическая» диверсификация в 2008 г.

Анализ результатов позиционирования субъектов РФ позволяет констатировать определенную зависимость между типом специализации региона (ДПИ, металлургия, полиотраслевая структура), отраслевой и технологической диверсификацией и долей НТ и МНТ секторов: наименьшая диверсификация и доля технологичных отраслей типична для добывающих регионов, средняя диверсифицированность характерна для металлургических регионов и некоторой части добывающих. Полиспециализированные регионы отличаются самым большим разнообразием отраслей, уровнем технологичности и самой высокой долей НТ- и МНТ- сектора.

С точки зрения общей динамики, следует отметить небольшое смещение вправо и вверх всех регионов в 2021 году по отношению к 2008 году, что свидетельствует о незначительном, но общем снижении как отраслевой, так и технологической диверсификации промышленного сектора РФ. Аналогичный тренд наблюдается и в отношении доли НТ- и МНТ- сектора по всем группам регионов (рис. 2.17): у добывающих регионов в среднем показатель

составил 15% в 2008 г. и 8,6% в 2021 г.; у металлургических – 14,4% и 12,6% соответственно; в группе полиспециализированных регионов – 40,3% и 39,8%.

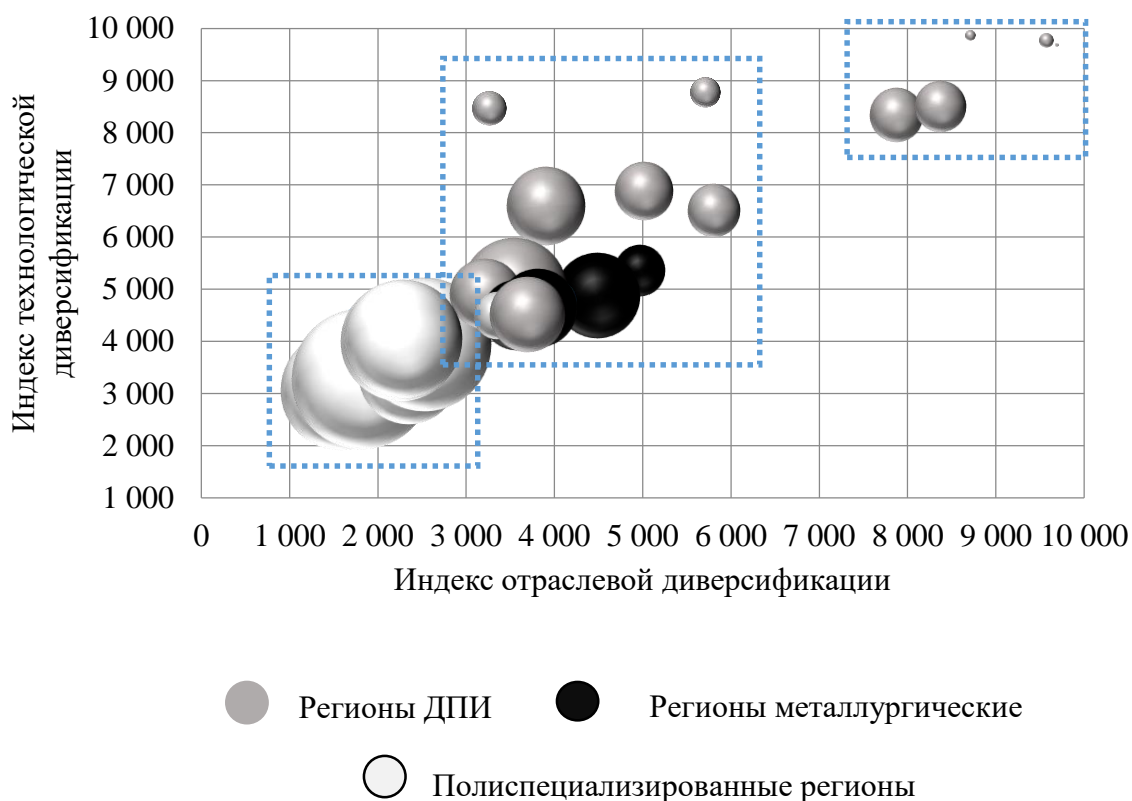

Рис. 2.18. Позиционирование регионов в координатах «Отраслевая» и «Технологическая» диверсификация в 2021 г.

Анализ позиционирования регионов в 2008 году позволил выделить три кластера (на рис. 2.17–2.18 выделены пунктирной линией): 1) регионы, в которых отраслевая диверсификация составляет примерно от 1000 до 2500 и технологическая диверсификация – от 2000 до 5000; 2) регионы, в которых отраслевая – от 2500 до 6000, технологическая – от 4000 до 8000; 3) регионы, в которых отраслевая – от 7500 до 9500, технологическая – от 9000 до 10000.

В первый кластер в 2008 году помимо полиспециализированных регионов попала Иркутская область, специализирующаяся на добыче полезных ископаемых.

Во втором кластере сконцентрированы все регионы металлургического профиля, 8 регионов, специализирующихся на добыче полезных ископаемых и Республика Хакасия, которая имеет в структуре две практически равные по весу отрасли (ДПИ и металлургия). Обращает на себя внимание значительная по доле НТ- и МНТ- сектора Астраханская область, основной специализацией которой является ДПИ. В 2008 г. в данном регионе доля химического производства достигла 42%, что и обеспечило значительный вес средневысокотехнологичного сектора.

К третьему кластеру отнесены добывающие регионы Дальневосточного Федерального округа и Тюменская область с наименьшей долей НТ- и МНТ-сектора.

В 2021 г. градация и наполнение кластеров незначительно изменилось. В составе кластера с наименьшей концентрацией (индекс отраслевой диверсификации от 1000 до 3000; индекс технологической диверсификации – от 2000 до 5000) оказались только полиспециализированные регионы. Иркутская область перешла во второй кластер в связи с повышением как отраслевой, так и технологической концентрации.

Во втором кластере по-прежнему находятся все регионы металлургического профиля, Республика Хакасия и 8 добывающих регионов. Третий кластер вновь представлен дальневосточными добывающими регионами и Тюменской областью.

Детализация технологической структуры промышленных регионов представлена на рис. 2.19–2.21.

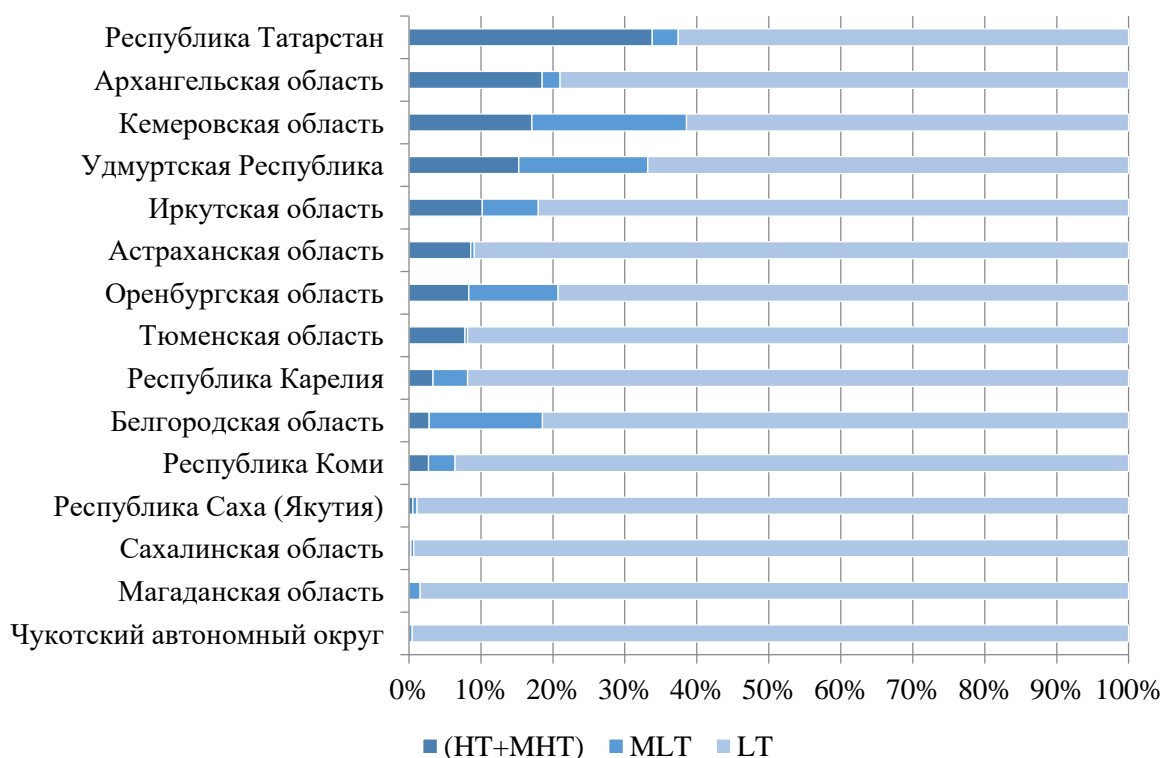

Рис. 2.19. Технологическая структура добывающих регионов, 2021 г.

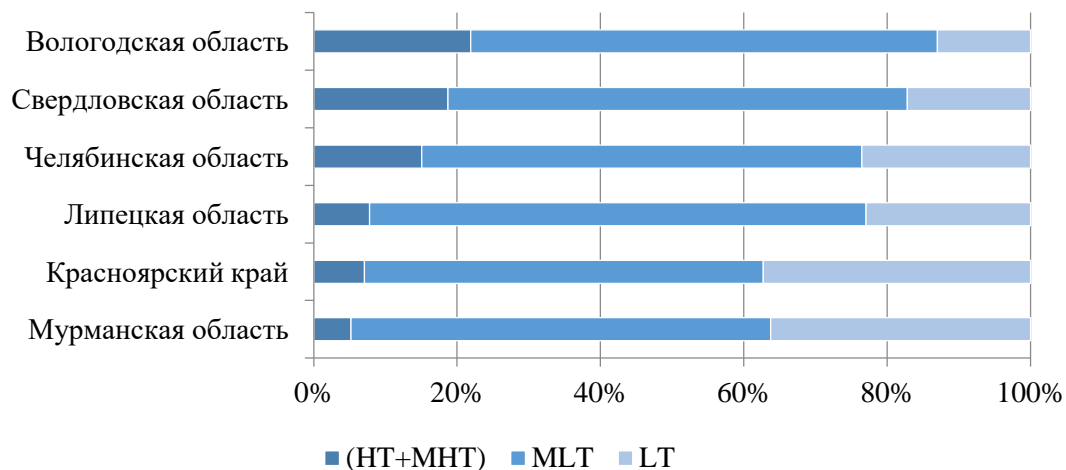

Рис. 2.20. Технологическая структура металлургических регионов, 2021 г.

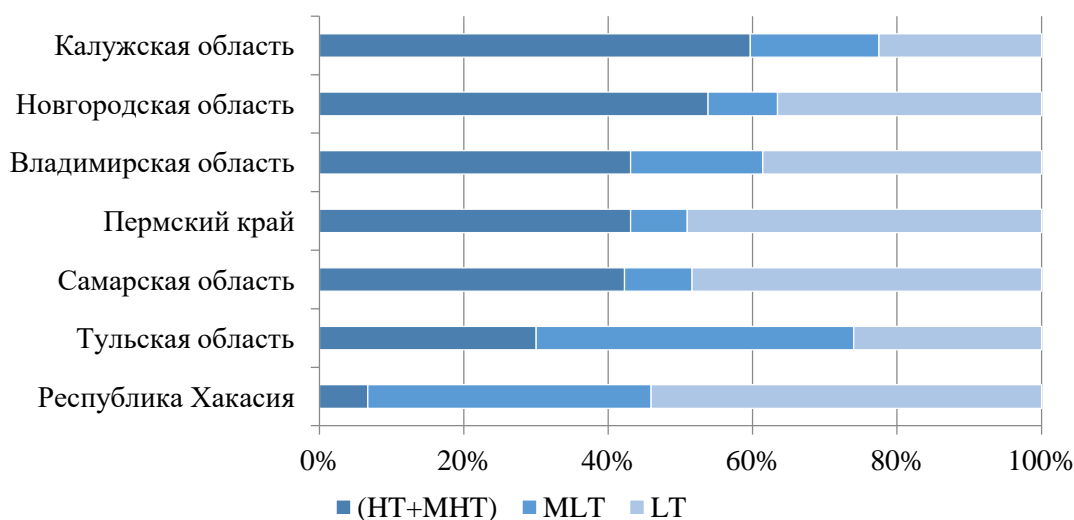

Рис. 2.21. Технологическая структура полиспециализированных регионов, 2021 г.

Как видно на диаграммах, в группе полиспециализированных регионов наблюдаются существенные различия между регионами: в 6 регионах, несмотря на высокую специализацию на низкотехнологичной добывающей промышленности, доля (НТ- + МНТ) сектора составляет более 10% (Астраханская, Иркутская, Кемеровская, Архангельская области, Удмуртская Республика и Татарстан). В остальных регионах группы доля сектора либо менее 10%, либо равна 0.

В группе металлургических регионов в трех субъектах из шести доля (НТ- + МНТ) сектора превышает 20%, в оставшихся доля колеблется от 5 до 8%.

Наконец, в группе полиспециализированных регионов в технологической структуре у четырех субъектов из семи доля технологического сектора

превысила 40%, что соответствует структурам наиболее развитых стран, при этом в Калужской области данный показатель составил практически 60%.

Диагностика технологической структуры промышленных регионов дополнена анализом наиболее технологичных видов деятельности (табл. 2.27).

В таблице представлены регионы с наиболее высокой долей НТ- и МНТ-сектора по группе. Лидерами по количеству НТ-отраслей являются полиспециализированные регионы (Калужская и Владимирская области), которые специализируются на обеих высокотехнологичных отраслях: на производстве лекарственных средств и на производстве компьютеров, электронных и оптических изделий. Данная группа в целом отличается большим количеством отраслей специализации высоко- и средневысокотехнологичного уровня: в Калужской области – 6 отраслей, во Владимирской – 5, в Новгородской области и Пермском крае – 4.

Таблица 2.27

Коэффициент локализации отраслей НТ- и МНТ- сектора (фрагмент)

Регион	Отрасли НТ- сектора		Отрасли МНТ- сектора				
	Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и ветеринарии	Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	Химическое производство	Производство электрического оборудования	Производство машин и оборудования	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	Производство прочих транспортных средств и оборудования
Регионы, специализирующиеся на добыче полезных ископаемых							
Республика Татарстан			3,14	1,79	1,35	5,17	
Архангельская область							8,31
Кемеровская область			1,38				
Удмуртия		4,34		2,71	1,50	1,39	
Регионы, специализирующиеся на металлургическом производстве							
Вологодская область			1,41		1,38		
Свердловская область		1,16	1,07	1,31	1,67		1,93
Челябинская область			1,67	1,00	2,43	2,31	
Полиспециализированные регионы							
Калужская область	3,07	3,41		2,52	1,64	5,64	1,85
Новгородская область		1,60	3,44	1,87	1,02		
Владимирская область	3,06	2,42		3,12	1,87	1,54	
Пермский край			5,04	2,04	2,59		1,58

Источник: составлено автором по данным по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) за 2021 гг. Примечание: заливкой выделены фактические отрасли специализации в регионе.

Среди металлургических регионов лидирует Свердловская область (количество специализаций – 5), в регионе, единственном в данной группе, активна отрасль «Производство компьютеров, электронных и оптических изделий», относящаяся к высокотехнологичному виду деятельности. Следует отметить, что среди регионов ДПИ также есть регионы с высокотехнологичными специализациями, в том числе Республика Татарстан (4) и Удмуртская Республика (4).

Итак, сегментация регионов на специализированные в области ДПИ, металлургии и полиспециализированные позволила идентифицировать зависимость технологической и отраслевой диверсификации от типа отраслевой специализации. Как было показано на рис. 2.17–2.18, наибольшая концентрация отраслей типична для группы индустриальных регионов Дальнего Востока и Тюменской области, далее идет смешанная группа, объединяющая большинство добывающих и все металлургические регионы. Наконец, наиболее диверсифицированными являются полиспециализированные индустриальные регионы. Аналогичная зависимость просматривается и в отношении доли высоко- и средневысокотехнологичного сектора.

Общий тренд на незначительное снижение отраслевой диверсифицированности промышленного сектора за период 2008–2021 гг. наблюдается по всем группам регионов. В отношении технологической диверсификации наблюдается небольшой рост концентрации у полиспециализированных и регионов ДПИ, металлургические регионы остались на прежнем уровне.

Оценка гетерогенности технологических структур показала наибольшую неоднородность в группе регионов ДПИ, где вариация показателя НИ в 2021 г. составила 0,24. Наиболее однородной выглядит группа металлургических регионов, в которой вариация диверсификации с позиции технологичности отраслей минимальна и составляет в 2021 г. 0,06. Группа полиспециализированных регионов демонстрирует средний уровень разнородности с точки зрения уровня технологической диверсификации – в 2021 г. 0,13.

Неоднородность технологической диверсификации исследуемых регионов подтверждается наличием нетипичных кейсов. Например, обращают на себя внимание регионы, сконцентрированные на низкотехнологичной добыче полезных ископаемых, но при этом относительно неплохо диверсифицированные и имеющие значительную долю НТ- и МНТ- сектора в структуре промышленности и специализацию в четырех технологичных отраслях (Республика Татарстан – доля ДПИ 56%, Удмуртия – доля ДПИ 52%). Схожая ситуация наблюдается для моноспециализированных металлургических регионов – Свердловской и Челябинской области: несмотря на существенную концентрацию на средненизкой по технологичности отрасли (доля металлургии 60% и 57% соответственно) в регионах относительно высокая диверсификация и доля НТ- и МНТ- сектора, большое количество отраслей специализации.

Дальнейшее изучение гетерогенности технологического пространства РФ, выявление межрегиональных различий в уроне технологической диверсификации, а также механизмов появления и развития высокотехнологичных отраслей позволит уточнить и дифференцировать направления государственной промышленной политики, нацеленной на сохранение и укрепление устойчивости, суверенитета и экономической безопасности страны.

2.8. К вопросу формирования планов адаптации к изменению климата в контексте обеспечения региональной экономической безопасности

Вопросы глобального изменения климата начали подниматься учеными разных стран несколько десятилетий назад и в настоящее время стало бесспорным влияние климатических изменений на социальные, миграционные, экономические процессы. В 1988 году была создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК, IPCC) при ООН, в которую вошли представители 195 стран, включая Россию. В 1992 году была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата, а в 2015 году Парижское соглашение. К настоящему времени 189 государств присоединились к Парижскому соглашению, определяющему в качестве цели прирост средней температуры не выше $1,5^{\circ}\text{C}$ посредством внедрения низкоуглеродных технологий.

Всемирная метеорологическая организация опубликовала предварительный отчет о состоянии глобального климата в 2023 году [67]. Представленные результаты отчета неутешительны. 2023 год побил климатические рекорды и стал самым теплым за всю историю наблюдений. Средняя глобальная приземная температура в 2023 году была примерно на $1,40 \pm 0,12^{\circ}$ выше базового уровня доиндустриальных 1850–1900 годов. Наблюдаемые концентрации трех основных парниковых газов – углекислого газа, метана и закиси азота – достигли рекордно высокого уровня в 2022 году, продолжали расти в 2023 году. В 2023 году глобальный средний уровень моря достиг рекордно высокого уровня за всю историю спутниковых наблюдений (с 1993 года по настоящее время), что вызвано продолжающимся потеплением океана, а также таянием ледников и ледяных щитов. Скорость повышения среднего глобального уровня моря за последние десять лет (2013–2022 гг.) более чем в два раза превышает скорость повышения уровня моря в первое десятилетие спутниковых наблюдений (1993–2002 гг.).

Экстремальные погодные и климатические явления оказали серьезное воздействие на все населенные континенты в 2023 году. К ним относятся крупные наводнения (некоторые из них были связаны с тропическими циклонами), сильная жара и засуха, а также связанные с ними лесные пожары, которые отрицательно влияли на уровень водной и продовольственной безопасности, а также благополучия человека. Число людей, испытывающих

острую нехватку продовольствия, увеличилось более чем вдвое: со 135 миллионов человек до пандемии COVID-19 до 345 миллионов человек в 2023 году (данные рассчитаны по 53 странам, где проводится мониторинг).

Во всем мире ежегодные экономические потери от стихийных бедствий, связанных с климатом и погодой, значительно возросли с 2000-х годов. В странах с низким уровнем дохода и уровнем дохода ниже среднего 82% всего ущерба и потерь, вызванных засухой, приходится на сельскохозяйственный сектор. В период с 2008 по 2018 год в наименее развитых странах и странах с доходом ниже среднего причинами потери урожая и продуктов животноводства являются: 34% потерь были связаны с засухой, 19% – с наводнениями, 18% – с сильными штормами и ураганами, 9% – вредителями сельскохозяйственных культур и болезни животных, 6% – экстремальные температуры и 1% – лесные пожары.

Опасные погодные условия вызвали в 2023 году миграционные перемещения и повышали уязвимость многих людей, приводили к смерти от обезвоживания или трансмиссивных заболеваний. Последствия климатических изменений в контексте миграции и перемещения населения влияют на качество жизни, наличие средств к существованию людей, т.е. усугубляют бедность (ЦУР 1) и голод (ЦУР 2), создают прямую угрозу их жизни и благополучию (ЦУР 3), увеличивают разрыв в неравенстве (ЦУР 10), ограничивают доступ к качественному образованию (ЦУР 4), воде и санитарии (ЦУР 6), а также к чистой энергии (ЦУР 7).

Климатические угрозы приобретают еще большую актуальность для России. Согласно Третьему оценочному докладу об изменениях климата и их последствиях на территории РФ [454], увеличение температуры суши на территории РФ происходит в 2 раза быстрее, чем температуры всей поверхности суши. Вопросы адаптации к климатическим изменениям привязаны к федеральным округам с учетом особенностей их природных систем, наличия водных ресурсов и распространенности климатозависимых отраслей. По оценке Центра энергетической политики Московской школы управления СКОЛКОВО [155] климатические изменения в РФ главным образом способны повлиять на здоровье, жизненный уровень людей; миграционные процессы; продовольственную безопасность; природные экосистемы; жилищную, транспортную трубопроводную инфраструктуры; потребление тепловой и электрической энергии.

Изменение климата уже оказывает экономическое и социальное воздействие во всем мире и, исходя из прогнозов ученых, будет продолжать оказывать это влияние на протяжении столетий. Однако представление об объемах и количестве последствий на общество и экономику гораздо менее точно, чем понимание вероятных изменений в климатической системе [8, 73]. Оценка экономических и социальных последствий изменения климата требует сложных совместных исследований ученых-естествоиспытателей и социологов [14, 77]. Экономисты анализируют как влияние климатических

изменений на определенные рынки продукции и услуг, так и оценивают нерыночные эффекты, принятие решений в условиях неопределенности, уязвимости, бедности и экономического развития [85]. Для принятия обоснованных политических решений по управлению рисками, связанными с климатом, включая оценку затрат и выгод от мер по адаптации и смягчению последствий, важны оценки экономических издержек, вызванных изменениями климата при различных сценариях [25]. Экономические оценки климатических рисков должны охватывать:

- как рыночный ущерб (например, потери сельскохозяйственного производства), так и нерыночные потери (например, потеря биоразнообразия, воздействие на ландшафт, смертность и заболеваемость населения) [74];

- последствия изменения климата, развивающиеся на протяжении столетий, включая сопутствующие стихийные бедствия, происходящие из года в год [21];

- проблемы адаптации к климатическим изменениям [68, 71].

Основным инструментом оценки климатических рисков и их последствий является моделирование. Для комплексной оценки и прогнозирования глобальных и региональных последствий изменения климата коллективом английских исследователей предлагается использовать 30 индикаторов воздействия для включения в модели и климатические сценарии, отражающие различные уровни повышения глобальной средней температуры по сравнению с доиндустриальными уровнями [5]. За исключением глобальной средней температуры, все эти индикаторы могут интерпретироваться как косвенные показатели воздействия. Например, индикатор жарких и влажных дней отражает комфорт человека и его способность выполнять работу. Два индикатора изменения стока (площадь с увеличением или уменьшением среднего стока) относятся к повсеместному дефициту воды, тогда как два гидрологических индикатора засухи характеризуют продолжительность и возникновение засухи. Два индикатора речных паводков отражают риски наводнений для людей и пахотных земель. Индикаторы дней нагрева и охлаждения являются косвенными показателями потребности в энергии для отопления и охлаждения, а индикатор морозных дней отображает возникновение холодных дней. Представлены два показателя сельскохозяйственной засухи: один основан только на осадках, а другой – на сочетании осадков и испарения: в обоих случаях показатели характеризуют продолжительность и частоту засух. Изменение средней продолжительности вегетационного периода сельскохозяйственных культур является индикатором потенциальных изменений средней урожайности: урожайность снижается по мере сокращения вегетационного периода сельскохозяйственных культур. Два других показателя урожая – частота жары и частота дефицита осадков – характеризуют изменения в возникновении экстремальных явлений, которые ставят под угрозу производство сельскохозяйственных культур.

Вопросы отраслевой адаптации изменениям климата становятся все более актуальными в международных и российских исследованиях применительно к сельскохозяйственному производству [157, 501], нефтедобыче [235], энергетической отрасли [376], рыболовству [66] и т.д. Для РФ особое значение приобретают региональные программы адаптации к климатическим изменениям, поскольку российские регионы существенно отличаются по природно-климатическим, социально-экономическим условиям, степени и масштабам климатических рисков и вероятности их наступления. Несмотря на то, что приоритетность следования климатической повестке в России уступает другим направлениям государственной политики [155], все же развитие системы климатического регулирования поступательно продолжается [139, 178]. Так, распоряжением Правительства РФ в 2023 году утвержден Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата до 2025 года [300], предусматривающий в том числе и региональные планы адаптации и оценку климатических рисков. Отдельные регионы РФ на сегодняшний день уже накопили определенный опыт комплексных адаптационных мероприятий [231]. К ним можно отнести план разработки региональных климатических стратегий Мурманской, Архангельской области, республики Карелия и Коми и Ненецкого АО, модельную стратегию климатической адаптации г. Санкт-Петербурга, планы мероприятий по снижению выбросов парниковых газов в Ямало-Ненецком автономном округе, Республике Тыва и Республике Крым; план действий по исследованиям регионального изменения климата и его возможного влияния на социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа и т.п.

Определение влияния климатических изменений на экономику конкретных регионов является одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов в отечественной литературе. Большое влияние на построение прогнозных моделей оказывают особенности географического положения, которые выступают одной из основных причин неопределенности в климатических моделях [97]. Результаты комплексного количественного анализа климатических изменений на национальную экономику России по отраслям и регионам к настоящему времени отсутствуют. Однако отдельные исследования в этом направлении ведутся российскими экономистами. Васильцов В.С. и др. [128] подчеркивают важность разработки климатической политики для регионов РФ и в качестве критериев их ранжирования при формировании матрицы климатических рисков предлагают два показателя: энергоемкость ВРП и объем выбросов загрязняющих веществ.

На основе имитационных геоэкомоделей регионального уровня Смолина С.Г. выделяет природные зоны территории РФ с учетом индивидуальных особенностей природных объектов и наличия климатозависимых отраслей: энергетика, газовая промышленность, сельское хозяйство, лесное хозяйство, водное хозяйство, речной транспорт, добыча россыпных месторождений редких и драгоценных металлов [423].

Целью настоящего исследования является оценка уровня климатозависимости федеральных округов РФ и характеристика основ адаптационных планов регионов в целях стратегического прогнозирования климатического воздействия. Основу методики исследования представляет логико-гносеологический инструментарий с увязкой общенаучных приемов сравнения относительных показателей, характеризующих структуру ВРП субъектов Российской Федерации. В работе используются оригинальная система поэтапных сравнительных процедур, базирующаяся на дедуктивных умозаключениях: анализируется структура ВРП Российской Федерации, Федеральных округов и непосредственно субъектов Российской Федерации.

Выборка изучаемых субъектов базируется на допущении уровня существенности отдельного вида деятельности в с ОКВЭД 2 в 5% и выше (порог ощутимости в экономике), т.е. если хотя бы один вид деятельности в структуре ВРП субъекта составляет 5 или более процентов, то такой субъект включается в анализируемую совокупность по федеральным округам (без учета новых регионов в составе Российской Федерации). В случае максимальной диверсификации экономики, когда ни один вид деятельности субъекта не превышает порог существенности, такой субъект не попадает в выборку в силу своей защищенности от негативного влияния на экономику климатических изменений. Так, к таким субъектам относится Московская область.

Для анализа структуры экономики субъектов Российской Федерации выбран 2021 год, характеризующийся восстановлением экономики после пандемийных ограничений, в целом в 2021 году структура экономики представляет собой отражение сложившейся устойчивой региональной специализации хозяйственной деятельности, поэтому на полном основании может характеризовать текущую структуру экономики субъектов Российской Федерации.

Таблица 2.28

Наиболее климатозависимые виды деятельности по ОКВЭД 2*

Раздел ОКВЭД-2	Наименование
Раздел А	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство
Раздел В	Добыча полезных ископаемых
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха
Раздел E	Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений
Раздел F	Строительство
Раздел H	Транспортировка и хранение
Раздел I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (туризм)
Раздел Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг

*Составлено по: Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. – Санкт-Петербург. 2017. – 106 с.

На основе Доклада о климатических рисках на территории Российской Федерации [177], был сформирован перечень климатозависимых отраслей экономики Российской Федерации (см. табл. 2.28). Ряд видов деятельности, характеризующихся как климатозависимые, не имеют существенного значения как для Российской Федерации в целом, так и для федеральных округов («Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений»), «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания (туризм)», но эти виды деятельности не игнорируются, так как по ним должны быть предусмотрены адаптационные мероприятия, особенно с учетом усиления их значимости в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Таблица 2.29

Регионы Центрального федерального округа с существенной долей климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2021 году (в%)*

Субъект РФ	Раздел ОКВЭД 2								Всего
	A	B	D	E	F	H	I	Q	
Российская Федерация из суммы субъектов Российской Федерации	4,5	14,4	2,5	0,6	5,1	6,5	0,9	3,8	38,3
Центральный федеральный округ	3,2	1,4	2,5	0,6	4,9	6,1	0,9	3,6	23,2
Белгородская область	15,5	31,6	1,1	0,4	3,7	3,2	0,3	2,7	58,5
Брянская область	20,3	0	3,1	0,7	3,4	7,3	0,9	4,3	40,0
Владимирская область	3,0	0,4	2,4	0,7	3,5	3,7	0,8	5,8	20,3
Воронежская область	16,3	0,4	2,7	0,8	5,5	4,9	0,7	4,1	35,4
Ивановская область	2,8	0,2	4,6	0,8	4,2	5,2	0,9	6,6	25,3
Калужская область	5,4	0,3	1,6	0,7	4,9	3,4	0,8	4,1	21,2
Костромская область	7,5	0,2	7,4	1,0	4,6	5,6	0,9	4,9	32,1
Курская область	17,2	20,0	4,2	0,4	6,1	3,2	0,4	4,0	55,5
Липецкая область	8,6	0,4	1,0	0,5	5,7	3,7	0,5	2,8	23,2
Орловская область	28,0	0,1	2,3	0,6	3,8	5,6	0,5	4,5	45,4
Рязанская область	10,9	0,1	3,2	1,2	4,1	4,3	0,9	4,8	29,5
Смоленская область	4,3	0,3	10,5	0,8	2,4	10,5	0,7	5,1	34,6
Тамбовская область	35,4	0,1	1,7	0,4	4,0	4,7	0,7	4,0	51,0
Тверская область	5,5	0,1	8,0	0,8	3,3	7,7	1,3	5,1	31,8
Тульская область	7,5	0,5	3,0	0,7	5,6	3,4	0,7	3,9	25,3
Ярославская область	4,0	0,1	2,9	0,9	4,6	10,5	1,1	5,0	29,1
г. Москва	0	0	2,3	0,5	4,9	7,0	1,0	3,2	18,9

*Источник: Федеральная служба государственной статистики

Центральный федеральный округ (см. табл. 2.29) в целом имеет сбалансированную структуру экономики с точки зрения отсутствия какой-либо существенной доли климатозависимых отраслей, даже с учетом того, что достаточно многие добывающие компании с производственными площадками вне округа зарегистрированы в Центральном федеральном округе. Совокупная доля климатозависимых отраслей округа существенно меньше среднероссийского уровня и составляет всего 23,2%, поскольку в округе по понятным причинам преобладает обрабатывающая промышленность и услуги, не испытывающие прямого воздействия изменения климата. Подавляющее большинство регионов округа имеют существенную долю в структуре ВРП сельскохозяйственного производства. Белгородская и Курская области имеют существенную зависимость от добывающей промышленности. Белгородская, Курская и Тамбовская области в структуре ВРП имеют больше половины климатозависимых видов деятельности, то есть экономики этих субъектов являются самыми уязвимыми от климатических изменений. К черте в 50% климатозависимых видов деятельности приближается и Орловская область. В основном регионы Центрального федерального округа в структуре ВРП имеют один или максимум два климатозависимых вида деятельности, представляющих существенный уровень в ВРП, за исключением Курской, Смоленской областей – 3 вида деятельности и Тверской области – 4 вида деятельности.

При этом в целом Центральный федеральный округ имеет самую низкую долю климатозависимых отраслей в структуре ВРП среди федеральных округов, то есть значительные доли отраслей с высокой долей добавленной стоимости г. Москвы и Московской области снижают совокупное влияние климатозависимых отраслей на совокупный ВРП Центрального федерального округа. Город Москва в структуре ВРП имеет только один вид деятельности, характеризующийся как климатозависимый, ненамного превышающий уровень существенности – всего 7% от ВРП («Транспортировка и хранение»). Экономика регионов Центрального федерального округа меньше всего в Российской Федерации испытывает риски изменения климата. Объекты адаптации к климатическим изменениям по округу в основном должны принадлежать сельскому хозяйству.

Северо-Западный федеральный округ в целом имеет совокупную долю климатозависимых видов деятельности существенно меньше общероссийского уровня – 27,6% (табл. 2.30). По уровню диверсификации экономики является достаточно схожим с Центральным федеральным округом, но в меньшей степени представлено сельскохозяйственное производство и рыболовство и в большей добывающая промышленность, подавляющее большинство регионов округа в своей структуре имеет существенную долю ВРП по виду деятельности «Транспортировка и хранение», что обусловлено географическим месторасположением округа, наличием многочисленных международных и внутренних транспортно-логистических узлов. Три региона

округа в структуре ВРП имеют более половины климатозависимых видов деятельности – это Республика Карелия, Республика Коми и Ненецкий автономный округ (имеет критическую зависимость от добывающей промышленности на уровне 86%).

Таблица 2.30

Регионы Северо-Западного федерального округа с существенной долей климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2020 году (в%)*

Субъект РФ	Раздел ОКВЭД 2								Всего
	A	B	D	E	F	H	I	Q	
Российская Федерация из суммы субъектов Российской Федерации	4,5	14,4	2,5	0,6	5,1	6,5	0,9	3,8	38,3
Северо-Западный федеральный округ	2,5	6,7	2,2	0,6	3,5	7,4	0,8	3,9	27,6
Республика Карелия	5,5	30,7	2,0	0,5	3,7	6,5	0,9	5,4	55,2
Республика Коми	1,6	48,0	1,8	0,7	4,4	5,1	0,6	4,0	66,2
Архангельская область	3,8	36,1	2,2	0,4	3,7	6,9	0,8	4,2	58,1
в т.ч. Ненецкий автономный округ	0,4	86,0	0,9	0	3,8	1,9	0,3	0,9	94,2
Архангельская область без авт.округа	6,0	4,8	3,1	0,7	3,6	10,0	1,1	6,2	35,5
Вологодская область	4,2	0	1,5	0,6	5,1	7,6	0,5	2,8	22,3
Калининградская область	6,6	2,6	4,5	0,8	5,1	9,0	1,1	4,2	33,9
Ленинградская область	5,0	0,6	6,8	0,8	7,2	12,4	0,7	3,6	37,1
Мурманская область	11,5	12,0	1,7	0,5	6,7	5,5	1,3	3,8	43,0
Новгородская область	6,3	0,2	3,2	0,7	4,3	7,4	0,8	4,4	27,3
Псковская область	11,3	0,5	3,3	1,4	4,4	8,2	1,6	6,4	37,1
г. Санкт-Петербург	0,1	0,2	1,4	0,5	2,1	7,1	0,7	3,8	15,9

*Источник: Федеральная служба государственной статистики

В целом Северо-западный федеральный округ имеет сбалансированную структуру экономики. Большинство регионов округа имеют в структуре ВРП два или три вида климатозависимой деятельности. Исключение составляют: Республика Карелия, Ленинградская область, Мурманская область. Эти три субъекта имеют в структуре по 4 климатозависимых вида деятельности. Город Санкт-Петербург имеет схожую с Москвой структуру ВРП и также имеет только один вид деятельности, характеризующийся как климатозависимый, также «Транспортировка и хранение» и примерно на таком же уровне в 7% от ВРП.

Исходя из структуры экономики регионов Северо-западного федерального округа можно сказать, что в качестве основных объектов адаптации к климатическим изменениям должны быть выбраны объекты транспортно-

логистической инфраструктуры, особое внимание должно быть уделено Ненецкому автономному округу с его критической зависимостью от добывающей промышленности.

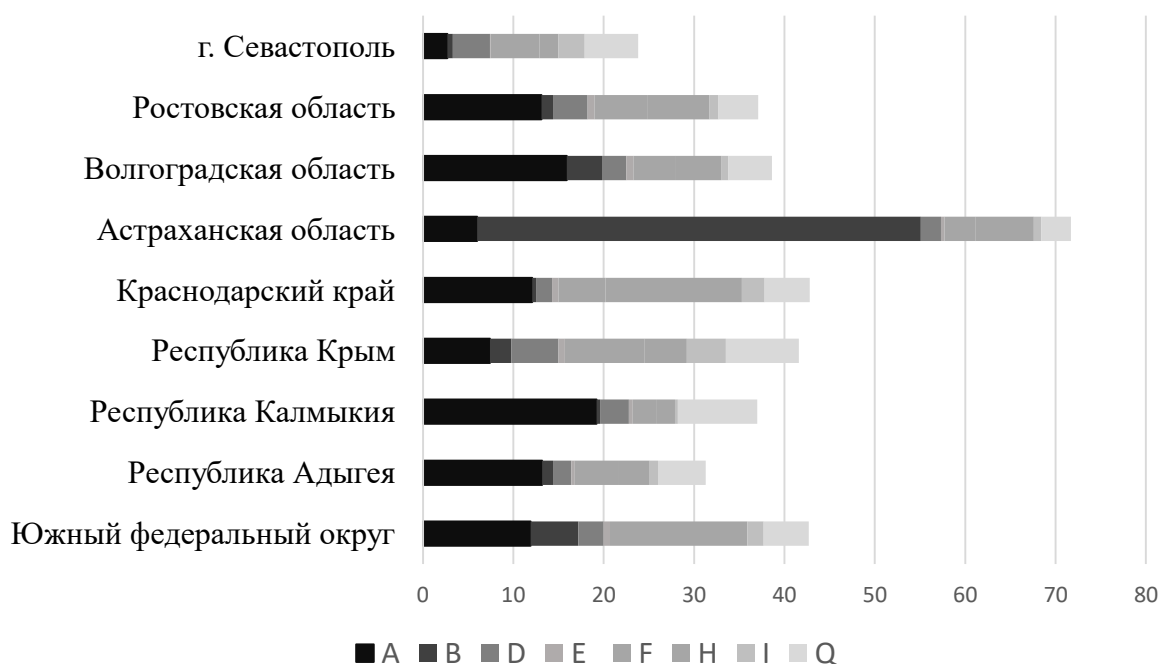

Рис. 2.22. Регионы Южного федерального округа с существенной долей климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2020 году (в%)

Южный федеральный округ имеет долю климатозависимых видов деятельности существенно выше среднероссийского уровня – 42,7% ВРП (см. рис. 2.22). Все субъекты округа, за исключением города Севастополя, имеют существенную долю сельского хозяйства в структуре ВРП и экономика преимущественного количества субъектов имеют существенную зависимость от таких видов деятельности, как «Строительство», «Транспортировка и хранение», «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг». В значительной степени такая структура обусловлена наличием в составе округа республики Крым, транспортно-логистических узлов, объектов санаторно-курортной и туристской инфраструктуры. При этом только два субъекта округа – Астраханская область и Республика Калмыкия имеют долю климатозависимых видов деятельности в составе ВРП более 50%, что в целом характеризует экономику округа как относительно равномерно диверсифицируемую. Большинство субъектов округа имеют в структуре экономики по 2 – 3 климатозависимых вида деятельности, за исключением Республики Крым и Краснодарского края – по 4 климатозависимых видов деятельности.

Ключевое место в списке объектов, предназначенных к адаптационным мероприятиям в связи с изменением климата, в округе должно занимать сельское хозяйство, транспортировка и хранение, объекты здравоохранения

и здоровьесбережения населения. Особую позицию в округе занимает Астраханская область с долей добывающей промышленности (нефтегазовая добыча), приближающей экономику к критической зависимости от нее. Относительно существенной зависимости экономики округа от вида деятельности «Строительство» следует отметить, что необходимость адаптационных мероприятий зависит от длительности инвестиционных проектов и объектов строительства, так в пределах среднесрочных инвестиционных проектов следует учитывать климатические изменения непосредственно для объектов строительства при будущей эксплуатации.

Рис. 2.23. Регионы Северо-Кавказского Федерального округа с существенной долей климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2020 году (в%)

Доля климатозависимых видов деятельности в структуре ВРП Северо-Кавказского федерального округа сопоставима с аналогичным показателем Южного федерального округа и существенно выше среднероссийского уровня (рис. 2.23). Большинство субъектов округа имеют по три климатозависимых вида деятельности в структуре ВРП, за исключением Карачаево-Черкессии и Ставропольского края, имеющих по четыре таких видов деятельности. Более половины климатозависимой деятельности в структуре ВРП имеет только Республика Дагестан – 52,4% и приближается к этому показателю Карачаево-Черкесская Республика.

Все семь субъектов Северо-Кавказского федерального округа имеют существенные доли сельскохозяйственного производства, строительства и де-

тельности в области здравоохранения и социальных услуг в структуре экономики, в целом схожую структуру экономики субъектов в пределах федерального округа, что позволяет унифицировать адаптационные мероприятия экономики к климатическим изменениям для всех субъектов округа и сконцентрировать внимание на адаптационных мероприятиях сельскохозяйственного производства. В целом высокая доля вида деятельности «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» характерна для тех регионов, в которых доли обрабатывающей и добывающей промышленности занимают позиции ниже среднероссийского уровня, поэтому адаптационные мероприятия по данному виду деятельности должны быть идентичными для всех субъектов Российской Федерации.

Таблица 2.31

Регионы Приволжского Федерального округа с существенной долей климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2020 году (в%)*

Субъект РФ	Раздел ОКВЭД 2								Всего
	A	B	D	E	F	H	I	Q	
Российская Федерация из суммы субъектов Российской Федерации	4,5	14,4	2,5	0,6	5,1	6,5	0,9	3,8	38,3
Приволжский федеральный округ	6,2	17,4	2,4	0,7	5,1	6,1	0,7	3,9	42,5
Республика Башкортостан	5,4	4,3	2,5	0,7	7,0	6,2	0,9	4,5	31,5
Республика Марий Эл	16,1	0,2	3,0	1,2	5,1	4,5	0,9	5,1	36,1
Республика Мордовия	16,4	0,0	2,0	0,3	4,4	4,8	0,6	5,1	33,6
Республика Татарстан	4,2	29,6	1,8	0,4	6,1	4,6	0,6	2,2	49,5
Удмуртская Республика	5,7	29,6	1,8	0,5	3,8	4,5	0,6	4,6	51,1
Чувашская Республика	8,0	0,0	3,5	0,6	5,4	4,6	1,3	5,5	28,9
Пермский край	2,0	26,5	2,1	0,7	3,9	4,5	0,6	3,4	43,7
Кировская область	7,4	0,2	3,0	0,7	3,2	5,4	0,9	6,5	27,3
Нижегородская область	3,0	0,1	2,9	0,7	4,5	6,1	0,6	3,8	21,7
Оренбургская область	6,9	44,5	2,5	0,9	4,3	4,0	0,5	3,1	66,7
Пензенская область	20,2	0,4	1,8	0,4	5,2	5,2	0,8	5,6	39,6
Самарская область	4,9	20,6	2,5	0,9	5,1	6,0	0,6	3,4	44,0
Саратовская область	15,2	4,4	4,2	0,6	4,2	6,4	0,9	6,1	42,0
Ульяновская область	7,5	3,2	2,1	1,2	4,4	6,7	0,7	5,5	31,3

*Источник: Федеральная служба государственной статистики

По Приволжскому федеральному округу общая доля климатозависимых видов деятельности выше среднероссийского уровня и составляет 42,5% от ВРП (см. табл. 2.31).

10 субъектов округа имеют существенную долю сельскохозяйственного производства в структуре ВРП, кроме того, значительное количество субъектов округа имеют существенное влияние на экономику таких видов деятельности, как «Строительство», «Транспортировка и хранение», «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг». 5 субъектов округа в структуре ВРП имеют добывающую промышленность в пределах от 20,6% до 44,5% ВРП: Самарская область, Пермский край, республика Татарстан, Удмуртская республика, Оренбургская область.

Два субъекта региона имеют в структуре ВРП совокупную долю климатозависимых видов деятельности более 50% – это Оренбургская область и Удмуртская республика, практически половину ВРП климатозависимые виды деятельности занимают в экономике Татарстана.

Максимальное количество климатозависимых видов деятельности в структуре ВРП субъектов округа имеет Пензенская область – 4, все остальные субъекты от одной (Пермский край и Нижегородская область) до трех, при этом Нижегородская область имеет самую диверсифицируемую экономику в Приволжском федеральном округе и по своей структуре схожесть со столичными городами.

В целом Приволжский федеральный округ имеет максимальное структурное разнообразие экономик входящих в него субъектов, что затрудняет стандартизацию подходов адаптации экономики к климатическим изменениям и требует многовариантность модельных решений планов адаптации. Требуются варианты решений для сельскохозяйственного производства, добывающей промышленности, транспортировки и хранению, а также унифицированные подходы к строительству и объектам здравоохранения.

Уральский федеральный округ в целом имеет самую высокую долю климатозависимых видов деятельности среди федеральных округов Российской Федерации – 64,2% от ВРП, при этом практически половину составляет добыча полезных ископаемых (табл. 2.32). За исключением Курганской области и свердловской областей, все остальные субъекты округа имеют существенную долю добывающей промышленности в структуре ВРП – от 6,5% в челябинской области до 75% в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра.

В Уральском федеральном округе по структуре ВРП существенным образом выделяются Ханты-Мансийский автономный округ – Югра и Ямало-Ненецкий автономный округ с критической зависимостью экономики от добычи полезных ископаемых (88,2% и 88,8% соответственно).

Таблица 2.32

Регионы Уральского Федерального округа с существенной долей
климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2020 году (в%)

Субъект РФ	Раздел ОКВЭД 2								Всего
	A	B	D	E	F	H	I	Q	
Российская Федерация из суммы субъектов Российской Федерации	4,5	14,4	2,5	0,6	5,1	6,5	0,9	3,8	38,3
Уральский федеральный округ	1,5	46,6	2,0	0,5	5,6	5,0	0,5	2,5	64,2
Курганская область	9,7	0,8	4,2	1,7	3,6	9,7	0,6	7,1	37,4
Свердловская область	2,3	3,0	3,0	1,2	3,7	5,9	0,7	4,0	23,8
Тюменская область	0,6	66,7	1,6	0,2	6,3	4,5	0,4	1,6	81,9
в т.ч. Ханты-Мансийский автономный округ - Югра	0,2	75,0	1,8	0,2	4,9	4,2	0,3	1,6	88,2
в т.ч. Ямало-Ненецкий автономный округ	0,1	73,9	0,9	0,2	8,8	3,3	0,4	1,2	88,8
Тюменская область (без округов)	3,2	17,1	2,4	0,7	4,8	8,5	0,9	2,8	40,4
Челябинская область	4,1	6,5	2,3	0,8	4,6	6,1	0,8	4,4	29,6

*Источник: Федеральная служба государственной статистики

Самую диверсифицированную экономику округа имеет Свердловская область, незначительное превышение существенности климатозависимых видов деятельности имеется только по «Транспортировке и хранению», как в и в столичных мегаполисах.

Несмотря на то, что добывающая промышленность имеет первостепенное значение для Уральского федерального округа с точки зрения адаптации экономики к климатическим изменениям, нельзя констатировать, что к субъектам округа можно применять стандартизированный подход при формировании планов адаптации, поскольку в Свердловской и Челябинской областях более 30% в структуре ВРП приходится на обрабатывающую промышленность. Вместе с тем, безусловно, адаптационные планы округа должны быть ориентированы на добывающую промышленность.

Климатозависимые виды деятельности в экономике Сибирского федерального округа в совокупности составляют 46,1% (рис. 2.24). Отраслевая структура Сибирского федерального округа ожидаемо по позиции «Добыча полезных ископаемых» превышает среднероссийский уровень, но имеет более сбалансированную структуру экономики с точки зрения климатозависимости по сравнению с Уральским федеральным округом. 6 субъектов Сибирского федерального округа имеют в структуре экономики существенную

долю добывающих отраслей промышленности и 5 субъектов округа отмечаются существенной долей сельскохозяйственного производства в структуре ВРП.

Рис. 2.24. Регионы Сибирского Федерального округа с существенной долей климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2020 году (в%)*

Иркутская и Кемеровская области имеют общую долю климатозависимых видов деятельности более 50%, экономики республики Хакасия, Томской области – практически приближаются к данному уровню. Все остальные субъекты региона имеют совокупную долю климатозависимых отраслей более 30%.

Алтайский край в структуре ВРП имеет только один вид деятельности с существенной климатозависимостью – это «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», максимальное количество климатозависимых отраслей с существенной долей в структуре ВРП имеет только республика Тыва – 4.

Преобладающее количество субъектов округа имеет в структуре ВРП существенную зависимость экономики от вида деятельности «Транспортировка и хранение». Особенно при этом выделяется Новосибирская область, выполняющая роль транспортно-логистического хаба.

Республика Тыва, республика Алтай и республика Хакасия выделяются существенной долей по виду деятельности «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг». Данное обстоятельство объясняется наличием в этих субъектах меньшей долей обрабатывающей промышленности и других отраслей экономики по сравнению со структурой экономики Российской Федерации в целом.

В целом Сибирский федеральный округ характеризуется значительным различием структуры экономик входящих в него субъектов, что обязывает индивидуализировать планы адаптации экономики к климатическим изменениям.

Таблица 2.33

Регионы Дальневосточного Федерального округа с существенной долей климатозависимых отраслей в структуре ВРП в 2020 году (в%)*

Субъект РФ	Раздел ОКВЭД 2								Всего
	A	B	D	E	F	H	I	Q	
Российская Федерация из суммы субъектов Российской Федерации	4,5	14,4	2,5	0,6	5,1	6,5	0,9	3,8	38,3
Дальневосточный федеральный округ	5,9	31,3	2,9	0,4	7,0	10,0	0,9	4,6	63,0
Республика Бурятия	4,3	7,8	3,3	0,5	5,6	9,5	1,9	6,4	39,3
Республика Саха (Якутия)	1,1	59,0	3,1	0,3	6,9	5,4	0,9	3,6	80,3
Забайкальский край	3,5	30,1	2,8	0,3	6,4	13,9	0,9	5,8	63,7
Камчатский край	30,1	5,3	3,1	0,6	4,6	4,8	1,0	6,0	55,5
Приморский край	10,2	1,0	2,3	0,5	4,0	18,7	1,1	4,8	42,6
Хабаровский край	6,8	8,4	2,4	0,5	5,7	16,6	1,1	5,0	46,5
Амурская область	5,9	14,5	4,2	0,4	19,2	9,6	0,9	5,1	59,8
Магаданская область	5,4	55,0	4,1	0,2	2,6	4,2	0,6	4,2	76,3
Сахалинская область	2,2	60,0	1,4	0,3	8,1	3,8	0,5	3,5	79,8
Еврейская АО	3,7	23,7	3,5	0,5	6,8	15,0	0,5	7,7	61,4
Чукотский АО	2,0	41,6	13,6	0,5	10,7	3,9	0,5	4,2	77,0

*Источник: Федеральная служба государственной статистики

Дальневосточный федеральный округ в целом имеет вторую по уровню климатозависимости структуру экономики в РФ – 63% от совокупного ВРП округа, около трети при этом приходится на добывающую промышленность (см. табл. 2.33). Экономики всех субъектов федерального округа имеют существенную зависимость от добывающих отраслей промышленности.

5 субъектов Дальневосточного федерального округа имеют существенную долю вида деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», 7 субъектов – существенную долю в транспортировке и хранении, 8 субъектов – существенную долю в строительстве, что обусловлено обустройством международных логистических коридоров, инфраструктурно обеспечивающих экономический «разворот на Восток». В составе Дальневосточного федерального округа находится уникальный субъект с точки зрения климатозависимости – это Амурская область, имеющая в структуре экономики существенную долю пяти климатозависимых видов

деятельности: «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (95,9%), «Добыча полезных ископаемых» (14,5%), «Строительство» (19,2%), «Транспортировка и хранение» (9,6%), «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг» (5,1%).

В силу отраслевых региональных особенностей, геостратегического положения экономика Дальневосточного федерального округа требует специфических для РФ адаптационных климатических мероприятий.

Таблица 2.34

Обобщение выводов о стратегических основах адаптации
к климатическим изменениям

Федеральный округ	Совокупный уровень климатозависимости экономики	Возможность создания модельного адаптационного плана для всех субъектов федерального округа	Превалирующий вид деятельности в адаптационных планах	Значительная индивидуализация адаптационных планов
1	2	3	4	5
Центральный	Умеренный	Имеется	«Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»	Белгородская область Курская область
Северо-Западный	Умеренный	Имеется	«Транспортировка и хранение»	Республика Карелия Республика Коми Ненецкий автономный округ
Южный	Высокий	Имеется	«Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»	Астраханская область
Северо-Кавказский	Высокий	Имеется	«Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»	—
Приволжский	Высокий	Нет/модельные планы нескольких вариантов	1. «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» 2. «Добыча полезных ископаемых» 3. «Транспортировка и хранение»	—
Уральский	Крайне высокий	Имеется	«Добыча полезных ископаемых»	Курганская область Свердловская область

Окончание табл. 2.34

1	2	3	4	5
Сибирский	Высокий	Нет/модельные планы нескольких вариантов	1. «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» 2. Добыча полезных ископаемых» 3. «Транспортировка и хранение»	–
Дальневосточный	Крайне высокий	Нет/модельные планы нескольких вариантов	1. «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» 2. «Добыча полезных ископаемых» 3. «Транспортировка и хранение»	–

Обобщенные выводы о стратегических основах конструирования подходов к разработке планов адаптации экономики субъектов Российской Федерации представлены в таблице (см. табл. 2.34). Обобщение осуществлялось исходя из сравнительной структуры экономик и преобладающих видов деятельности в федеральных округах. Предлагаемые основы базируются на предпосылке общих методических подходов стратегирования в каждом федеральном округе. В пяти федеральных округах имеются возможности для создания единого модельного плана для всех субъектов округа с последующей обязательной конкретизацией с учетом интенсивности климатических изменений, региональных особенностей, имеющихся заделов и ресурсов; в трех федеральных округах вследствие значительных различий в структуре экономики входящих в них субъектов создание единых модальных планов не представляется возможным, либо может быть создано три варианта таких планов для субъектов, сгруппированных по схожести структуры экономики.

2.9. Формирование и исполнение регионального бюджета в системе факторов обеспечения экономической безопасности региона

Обеспечение экономической безопасности региона является достаточно острой темой, особенно сейчас, в условиях постоянно растущего числа дестабилизирующих непредвиденных факторов. Напротив, одним из ведущих факторов, способствующих укреплению безопасности, является региональный бюджет. Его формирование и исполнение оказывает как непосредственное влияние (через расходы бюджета), так и косвенное влияние на по-

казатели экономической безопасности региона (через формирование стимулов для развития производства на территории через дифференциацию ставок налогов и сборов).

Цель нашего исследования состоит в оценке уровня и обосновании перспектив укрепления экономической безопасности Свердловской области в контексте формирования и исполнения регионального бюджета.

Понятие «экономическая безопасность региона» до сих пор не имеет общепризнанной трактовки. Так, Сенчагов В.К. определяет экономическую безопасность региона как «способность субъектов Федерации противостоять кризисным ситуациям, вызываемым воздействиями внешних и внутренних факторов на научно-производственной и ресурсный потенциалы и их структуру, сферу обращения и институциональную инфраструктуру, социальную сферу, уровень и качество жизни людей» [410].

Манохина Н.В.: «состояние социально-экономических отношений региональной экономической системы, при котором она способна эффективно противостоять всем угрозам критического характера – как внешним, так и внутренним» [273].

В учебном пособии Е. Б. Дворянкиной, Я. П. Силина, Н. В. Новиковой понятие «экономическая безопасность региона» трактуется как «совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики региона, органически интегрированной в экономику страны в целом как относительно самостоятельная структура» [174].

Ряд других дефиниций экономической безопасности региона представлен в табл. 2.35.

Таблица 2.35

Дефиниции понятия «экономическая безопасность региона»¹⁴

Автор	Определение
Кораблева А.А., Карпов В.В., Вик С.В.	«совокупность текущего состояния, условий и факторов, характеризующих стабильность, устойчивость и поступательность развития экономики территории, органически интегрированной в экономику РФ» [239]
Новоселов С.В., Панихидников С.А.	«это состояние экономики региона, генерирующее рост региональной конкурентоспособности и устойчивое к воздействию внутренних и внешних угроз» [309]
Титенко Н.Ю.	«автономия или экономическая независимость, которая проявляется при осуществлении контроля над ресурсами региона и максимизации конкурентных преимуществ» [446]

¹⁴ Составлено автором по [239, 309, 446, 489, 385, 166, 250, 254, 319]

Автор	Определение
Феофилова Т.Ю.	«состояние социально-экономической системы субъекта РФ, при котором обеспечивается защита экономики от влияния негативных воздействий и, следовательно, институционально закрепленные стандартизированные потребности населения (эталонные потребности населения)» [489]
Россинская М.В.	«наличие упорядоченной, взаимосвязанной, стройной системы, обеспечивающей экономическую независимость, эффективность, конкурентоспособность, стабильность, устойчивость и способность к возрождению и развитию экономики региона» [385]
Гуськов Н.С., Звеньякин В.Е., Крюков В.В.	«не только защищенность региональных интересов, но и готовность и способность соответствующих институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества» [166]
Криворотов В.В.	«это создаваемые государством условия, гарантирующие недопущение нанесения хозяйству региона непоправимого ущерба от внутренних и внешних экономических угроз» [250]
Кудреватых Н.В.	«это комплекс мер, направленных на устойчивое, постоянное развитие и совершенствование экономики региона, включающий механизм противодействия внешним и внутренним угрозам» [254]
Орехов В.И.	«это адекватная система мер, обеспечивающих защищенность того или иного региона в экономической сфере, предохраняющая его от несанкционированного деструктивного воздействия (действия угроз) и позволяющая осуществлять внутреннее и внешнее воспроизводство экономики данного региона» [319]

Изучив многочисленные варианты трактовки термина «экономическая безопасность региона» выделим их основные положения.

Во-первых, обязательно выявление факторов и условий. Эти условия и факторы могут быть различными и варьироваться в зависимости от конкретной ситуации и нужд региона.

Во-вторых, экономическая безопасность региона подразумевает способность экономики региона функционировать в режиме самовоспроизводства. Это значит, что экономика региона должна иметь достаточный уровень ресурсов и структуры, чтобы обеспечивать постоянный рост и развитие, не зависящие от внешних факторов.

В-третьих, экономическая безопасность региона предполагает определенную экономическую независимость от государства. В то же время регион должен сохранять необходимую интеграцию с экономикой государства для обеспечения стабильного функционирования.

В-четвертых, экономическая безопасность региона предполагает защищенность от внешних и внутренних угроз. Это включает в себя меры по защите от экономической конкуренции, непреодолимых природных катастроф, техногенных катастроф и террористических актов, а также разработку стратегий по управлению рисками.

Финансовой основой социально-экономического развития региона является бюджет. Согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации, термин бюджета трактуется как «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления» [125].

Формирование регионального бюджета – процесс, включающий в себя составление и утверждение проекта регионального бюджета на очередной финансовый год.

Исполнение регионального бюджета – это процесс, который обеспечивает полное и своевременное поступление доходов в целом и по каждому источнику, а также финансирование организаций и учреждений в пределах утвержденных по бюджету сумм в течение финансового года.

Формирование и исполнение регионального бюджета осуществляется по доходной и расходной частям.

Формирование и исполнение регионального бюджета оказывает существенное влияние на уровень экономической безопасности региона. Для оценки эффективности формирования и исполнения бюджета Свердловской области авторами использована методика, предложенная О.И. Тишутинной [450]. Она предполагает использование 10 относительных показателей, разделенных на 2 подраздела: «оценка независимости и устойчивости бюджета региона» и «оценка эффективности бюджетной политики региона».

Данные показатели сравниваются с пороговыми значениями, после чего региону могут быть выставлены баллы. В зависимости от набранной суммы баллов, регион может быть отнесен в одну из четырех категорий: «устойчивая территория со стабильным развитием», «развивающаяся территория», «дотационный регион», «регион с кризисной ситуацией».

Итак, Свердловская область относится к списку наиболее динамично развивающихся регионов Российской Федерации. Огромную роль в развитии хозяйства региона играет географическое положение региона внутри страны, так как соседствующие субъекты являются поставщиками необходимых для региона ресурсов и потребителями производимой им продукции. К таким соседствующим субъектам отнесем:

- Курганскую область – поставляет необходимые продовольственные товары;
- Тюменскую область – поставляет газ, нефть, восполняет недостаток сырья для лесопромышленного комплекса;
- Башкортостан и Пермский край поставляют сырье для химической промышленности, а также нефтепродукты.

Внутреннее положение Свердловской области обеспечило ей выгодное нахождение между двумя экономическими зонами – западной и восточной. Этот фактор поспособствовал осуществлению транзитных связей между ними, с помощью рассматриваемого нами региона.

Свердловская область входит в состав Уральского федерального округа и включает 94 муниципальных образования. Площадь территории составляет 194,8 тыс. кв. км. Административным центром является город Екатеринбург, который является 4-ым по величине городом России с населением в 1,5 млн. чел.

Проведем сравнительный анализ показателей структуры и динамики формирования и исполнения регионального бюджета Свердловской области. В основу анализа легли развернутые данные доходов и расходов регионального бюджета Свердловской области, представленные на рис. 2.25, 2.26.

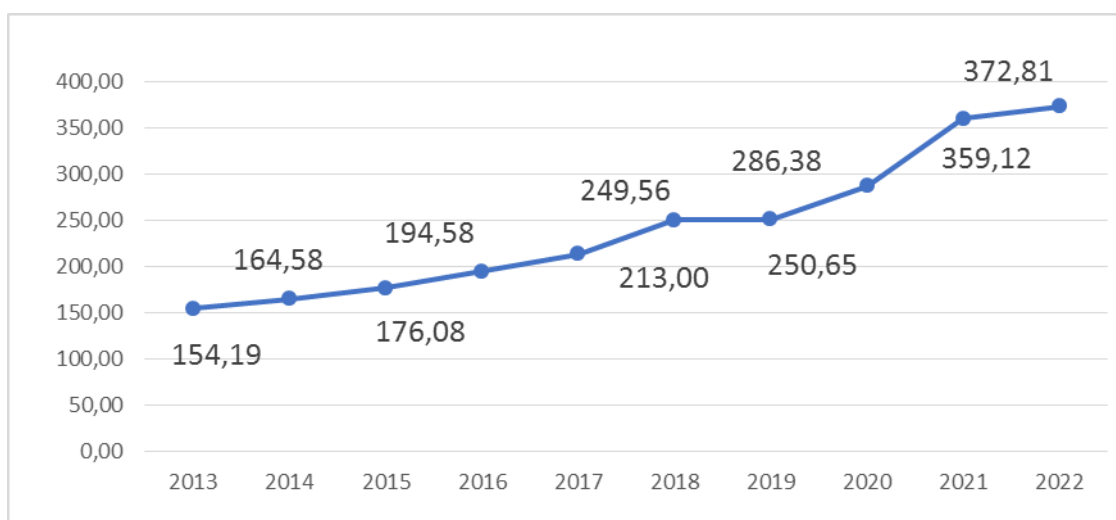

Рис. 2.25. Формирование доходной части регионального бюджета Свердловской области за 2013–2022 гг., млрд. руб. [349]

За рассматриваемый 10-летний период в Свердловской области наблюдается рост доходной части регионального бюджета на 218,6 млрд. руб. или на 141,8%, а также расходной части на 195 млрд. руб. или на 108%. Несмотря на превышение темпа роста доходной части над темпом роста расходной части, региональный бюджет Свердловской области исполнялся с дефицитом в 8 из 10 исследуемых случаях (рис. 2.27).

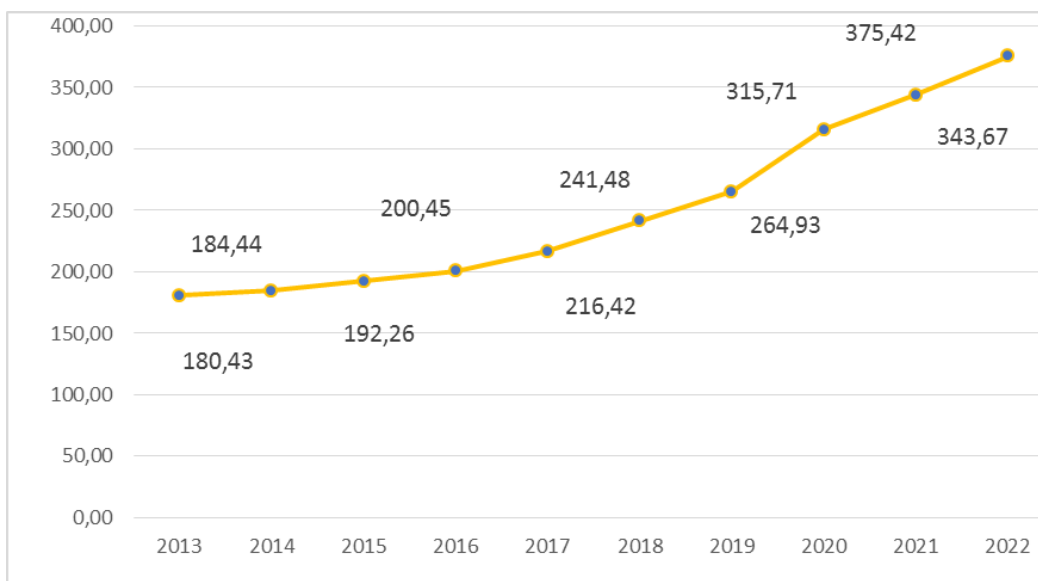

Рис. 2.26. Формирование расходной части регионального бюджета Свердловской области за 2013–2022 гг., млрд. руб. [349]

Рис. 2.27. Фактическое исполнение регионального бюджета Свердловской области за 2013–2022 гг., млрд. руб. [349]

В каждом из таких случаев были свои причины: например, валютный кризис 2014–2015 гг., пандемия коронавирусной инфекции 2019–2021 гг. Но есть и общие причины, как, например, снижение деловой активности в регионе на фоне международных санкций, под влиянием которых Свердловская область, как и другие субъекты Российской Федерации находится почти 10 лет, начиная с 2014 года.

Однако в двух случаях региональный бюджет Свердловской области исполнялся с профицитом. В 2018 году величина профицита составила 8,08

млрд. руб., это стало возможным за счет увеличения поступлений по налогу прибыль организаций, по которому процент исполнения составил 107,7%. Причиной послужило увеличение прибыли промышленных предприятий почти на 30% по сравнению с 2017 годом, вследствие роста внешнеторгового оборота.

В 2021 году, ввиду оживления экономической ситуации в регионе, вызванного снятием ограничительных мер, процент исполнения по налогу на прибыль составил 127%, а по налогу на доходы физических лиц – 111%, благодаря чему величина профицита составила рекордные 15,45 млрд. руб.

Важнейшим индикатором при изучении формирования и исполнения бюджета субъекта Российской Федерации выступает объем государственного долга.

За последние 10 лет государственный долг Свердловской области значительно вырос и в 2022 году составил 106,42 млрд. руб. (рис. 2.28).

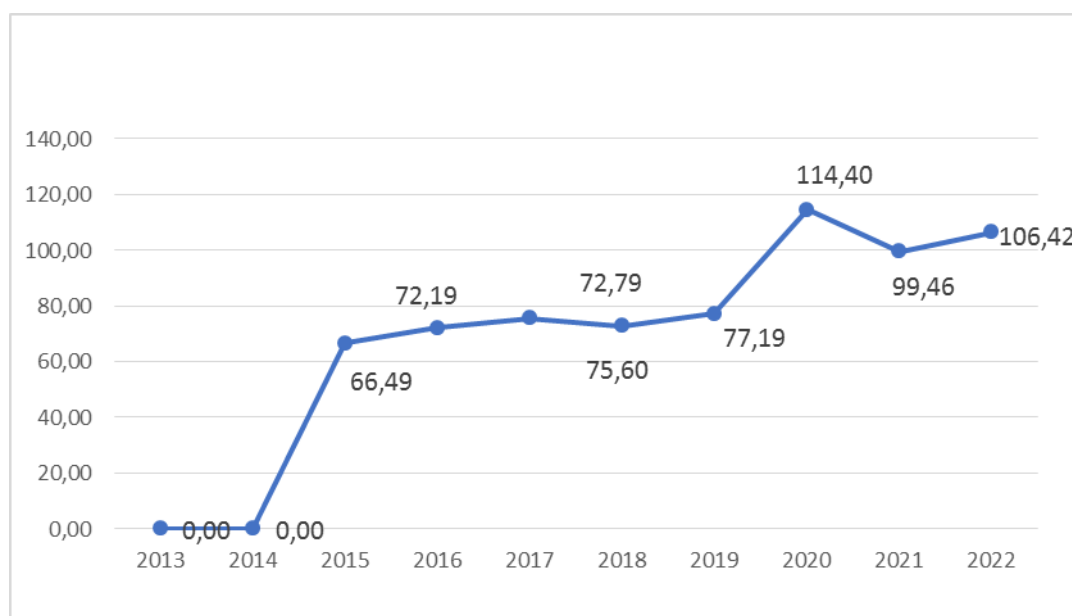

Рис. 2.28. Объем государственного долга Свердловской области за 2013–2022 гг., млрд. руб. [349]

По состоянию на 01.04.2023 года Свердловская область находится в топ-5 самых «закредитованных» субъектов Российской Федерации (рис. 2.29).

Рис. 2.29. Субъекты Российской Федерации с наибольшим показателем государственного долга по состоянию на 01.04.2023, млн. руб.¹⁵

Большую часть государственного долга Свердловской области составляют бюджетные кредиты – 57 млрд руб., чуть меньше половины суммы – ценные бумаги – 49,42 млрд. Банковских кредитов в структуре долга нет.

Для более детального изучения доходной части бюджета в табл. 2.36 и 2.37 представлена структура доходов регионального бюджета Свердловской области за период 2013–2022 гг.

¹⁵ Составлено авторами.

Таблица 2.36
 Формирование доходной части регионального бюджета Свердловской области за 2013–2017 гг. [349]

Наименование строки дохода	Год									
	2013		2014		2015		2016		2017	
	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %
НАЛОГОВЫЕ И НЕНАЛОГОВЫЕ ДОХОДЫ, в т.ч.	134,68	87,35	142,55	86,61	153,13	86,96	171,74	88,26	194,52	91,32
Налог на прибыль организаций	46,36	30,06	43,74	26,58	45,61	25,90	56,51	29,04	68,62	32,22
Налог на доходы физических лиц	45,63	29,59	55,51	33,73	56,94	32,34	58,63	30,13	63,15	29,65
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	13,25	8,59	12,49	7,59	13,32	7,56	17,02	8,75	15,62	7,33
Налог на имущество организаций	15,74	10,21	17,39	10,57	21,74	12,35	24,44	12,56	27,72	13,01
Транспортный налог	2,10	1,36	1,96	1,19	2,20	1,25	2,08	1,07	2,44	1,14
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	1,59	1,03	0,33	0,20	0,33	0,19	0,32	0,17	0,41	0,19
БЕЗВОЗМЕЗДНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ	19,51	12,65	22,03	13,39	22,96	13,04	22,85	11,74	18,49	8,68
ИТОГО ДОХОДОВ	154,19		164,58		176,08		194,58		213,00	

Таблица 2.37
 Формирование доходной части регионального бюджета Свердловской области за 2018–2022 гг. [349]

Наименование строки дохода	Год									
	2018		2019		2020		2021		2022	
	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %	млрд. руб.	уд. вес, %
НАЛОГОВЫЕ И НЕНАЛОГОВЫЕ ДОХОДЫ, в т.ч.	223,42	89,53	219,99	87,77	216,41	75,57	292,44	81,43	305,41	81,92
Налог на прибыль организаций	85,64	34,32	84,18	33,58	78,10	27,27	128,74	35,85	108,88	29,21
Налог на доходы физических лиц	70,29	28,16	76,54	30,54	79,54	27,77	91,54	25,49	107,78	28,91
Налоги на товары (работы, услуги), реализуемые на территории Российской Федерации	16,97	6,80	17,67	7,05	17,39	6,07	20,26	5,64	26,83	7,20
Налог на имущество организаций	30,37	12,17	21,17	8,44	20,85	7,28	21,38	5,95	26,14	7,01
Транспортный налог	2,51	1,01	2,72	1,08	2,97	1,04	3,10	0,86	3,24	0,87
Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	0,40	0,16	1,13	0,45	0,38	0,13	2,04	0,57	4,74	1,27
БЕЗВОЗМЕЗДНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ	26,14	10,47	30,66	12,23	69,98	24,43	66,69	18,57	67,40	18,08
ИТОГО ДОХОДОВ	249,56		250,65		286,38		359,12		372,81	

Анализируя данные табл. 2.36, 2.37, можно выделить следующие тенденции и проблемы в формировании доходной части регионального бюджета Свердловской области:

1. Основную долю доходов регионального бюджета Свердловской области составляют собственные доходы. Данный показатель за анализируемый период не опускался ниже 75% от общего объема доходов, а наибольшее значение было зафиксировано в 2017 году – 91,3%. Это свидетельствует о том факте, что Свердловская область является финансово устойчивым регионом.

2. Почти 70% общего объема доходов составляют поступления за счет налога на прибыль организаций, налога на доходы физических лиц, налога на имущество организаций.

3. Сумма безвозмездных поступлений, поступающих из вышестоящих бюджетов за исследуемый период возросла почти на 50 млрд. рублей. Данные трансферты были необходимы для реализации федеральных программ, в состав которых входят ежемесячные выплаты на детей в возрасте от трех до семи лет, региональных программ, в том числе модернизации первичного звена здравоохранения.

4. Удельный вес безвозмездных поступлений в общем объеме доходов в 2022 году вырос почти на 6%, по сравнению с 2013 годом, что, с одной стороны, необходимо при реализации федеральных и региональных программ, а с другой стороны, может свидетельствовать об усилении зависимости от вышестоящих бюджетов.

5. Поступления от уплаты транспортного налога за период 2013–2022 гг. увеличились всего на 1,24 млрд. руб. Данный факт обусловлен низкими налоговыми ставками транспортного налога, установленными региональным законодательством.

С целью выявления тенденций и проблем расходной части бюджета, проанализирована структура расходов бюджета Свердловской области за 2022 года, которая представлена на рис. 2.30.

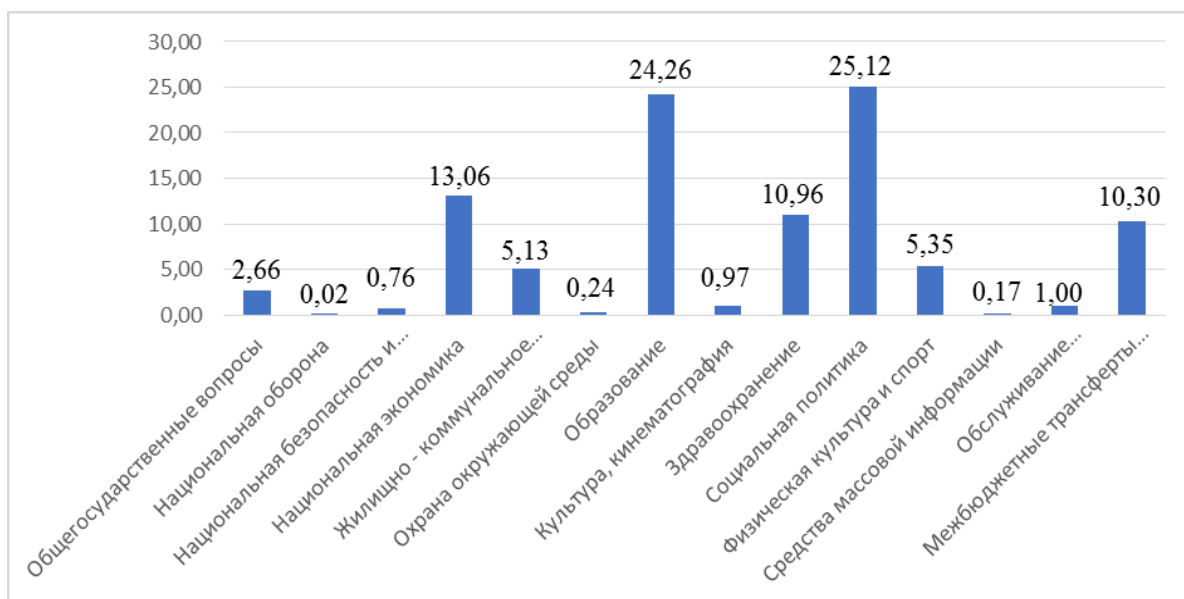

Рис. 2.30. Структура формирования расходной части регионального бюджета Свердловской области в 2022 году, % [349]

Можно констатировать, что бюджет Свердловской области является социально направленным, так как наибольшую долю расходов составляют разделы: социальная политика (25,12%), образование (24,26%), здравоохранение (10,96%).

Удельный вес расходов, приходящихся на раздел «Обслуживание государственного долга», составляет всего 1% от общего объема расходов, или, в абсолютном выражении, 3,7 млрд. руб., что при текущей уровне государственного долга является довольно низким показателем

Для определения уровня экономической безопасности Свердловской области были отобраны индикаторы, наиболее часто используемые в методиках российских ученых. индикаторы группируются по трем базовым направлениям развития региона: экономическому, социальному и инновационному. Полученные результаты представлены в табл. 2.38.

Таблица 2.38

Оценка экономической безопасности Свердловской области за 2013–2022 гг.¹⁶

Показатель	Пороговое значение	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
		ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ									
ВРП на душу населения, тыс. руб.	≥413,2	363,26	383,85	421,10	459,81	492,43	527,16	586,47	588,27	710,40	751,20
Годовой темп инфляции, %	≤6	6,95	10,59	14,04	5,78	2,23	3,86	3,65	4,24	8,11	11,80
Инвестиции в основной капитал, % к ВРП	≥25	22,50	22,40	19,20	15,60	14,20	15,60	15,50	16,20	13,80	16,93
Сальдо внешнеторгового баланса, % к ВРП	≥ -4 и ≤ 8	8,82	9,49	13,16	16,73	9,12	10,24	9,00	6,43	7,90	5,51
Доля инвестиций на НИОКР в ВРП, %	>2	1,37	1,58	1,44	1,4	1,42	1,24	1,11	1,16	1,1	1,20
Степень износа основных фондов, %	≤ 60	52,8	56,3	56,9	57,4	56,60	56,40	52,70	52,70	49,60	50,30
Сальдо консолидированного бюджета региона, % к ВРП	≥ -3 и ≤ 4	-1,67	-1,20	-0,89	-0,29	-0,16	0,35	-0,56	-1,17	0,51	-0,07
СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ											
Отношение среднедушевых доходов населения к прожиточному минимуму, раз	≥3,5	4,22	4,07	3,55	3,48	3,49	3,51	3,64	3,61	3,59	3,76
Отношение средней пенсии к средней заработной плате, %	≥40	37,50	38,17	40,79	39,85	39,80	38,49	37,67	37,84	36,13	36,42
Уровень безработицы по методологии МОТ, %	≤8	5,90	6,10	6,50	6,20	5,50	4,80	4,20	5,80	4,10	3,45

¹⁶ Рассчитано авторами по [349]

Окончание табл. 2.38

Показатель	Пороговое значение	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	≥80	69,81	69,76	69,83	70,02	71,23	71,29	71,81	70,15	68,79	71,35
Коэффициент фондов (соотношение 10 % высокодоходного и 10% населения с низкими доходами), раз	<8	17.5	16.7	15.3	15.2	14.8	14.6	14.8	13.7	13.8	13.8
Размер жилья на одного жителя, м ²	≥25	24,00	24,40	24,90	25,20	25,70	26,10	26,64	27,25	28,13	29,01
Средства на здравоохранение, образование и социальную политику, % к ВРП	≥15	7,52	7,40	6,91	6,71	6,51	6,54	6,49	7,98	7,09	6,46
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ											
Доля отгруженной инновационной продукции во всей отгруженной продукции промышленности, %	≥30	6,10	5,30	7,80	8,30	10,20	7,00	7,20	7,43	7,30	6,46
Число лиц, занятых научными исследованиями и разработками на 10 тыс. занятого населения, чел.	≥120	44,20	44,70	45,50	46,10	45,00	43,60	45,60	45,40	43,10	42,70
Внутренние затраты на научные исследования и разработки, % к ВРП	≥2,2	1,37	1,58	1,44	1,40	1,42	1,24	1,11	1,16	1,10	1,12
Число поданных заявок на изобретения и полезные модели на 10 тыс. населения, ед.	>5	1,29	1,25	1,21	1,27	1,09	1,14	1,19	1,27	1,18	1,25
Число индикаторов, достигших рекомендуемых значений		4	4	6	6	6	7	7	8	7	7

Блок индикаторов экономического развития в системе индикаторов оценки экономической безопасности Свердловской области продемонстрировал положительную динамику.

Величина валового регионального продукта на душу населения за исследуемый период увеличилась на 387 тыс. руб., или 206% в 2022 г. по отношению к 2013 году. Такой рост связан с положительной динамикой роста ВРП и сокращением численности населения Свердловской области.

Устойчиво позитивны данные о степени износа основных фондов.

Показатель «Сальдо консолидированного бюджета региона, % к ВРП» за весь анализируемый период на выходил за рамки порогового интервала. Это объясняется тем, что в случаях, когда региональный бюджет Свердловской области исполнялся с дефицитом, его величина не превышала 15% от общего годового объема собственных доходов. Это ограничение установлено статьей 92.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Индикаторы социального развития практически стабильны в течение рассматриваемого периода. В «зеленой зоне» находится половина, три из шести, значений. Размер жилья на одного жителя за период в 2022 году увеличился на 5 м² по отношению к 2013 году, и, начиная с 2016 года, данный показатель имеет восходящую тенденцию. Это стало возможным за счет привлечения в регион инфраструктурных бюджетных кредитов, которые, с другой стороны, лишь увеличивают государственный долг Свердловской области, понижая тем самым социально-экономическую стабильность.

Уровень безработицы за весь рассматриваемый период оставался на низком уровне, чему способствовала реализация государственной программы Свердловской области «Содействие занятости населения Свердловской области до 2024 года».

Все показатели раздела «Инновационное развитие» не достигли пороговых значений. Это подтверждает низкую степень использования инновационного ресурса региона.

В целом за исследуемый 10-летний период число показателей экономической безопасности, достигающих пороговых значений, находится в диапазоне от 4 до 8; так как всего было отобрано 18 показателей, можно сделать вывод, что Свердловская область имеет низкий уровень экономической безопасности.

В свою очередь, единственный показатель, напрямую связанный с формированием и использованием регионального бюджета, – «Сальдо консолидированного бюджета региона, % к ВРП», – показал, что данный фактор работает на укрепление экономической безопасности Свердловской области.

Для оценки более детальной оценки влияния формирования и исполнения регионального бюджета Свердловской области на уровень экономической безопасности региона были произведены расчеты по упомянутой ранее методике О.И. Тишутинной. Полученные результаты представлены в табл. 2.39, 2.40.

Таблица 2.39

Оценка независимости и устойчивости регионального бюджета
Свердловской области за 2013–2022 гг.¹⁷

Наименование показателя	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Уровень бюджетной автономии, %	87,35	86,61	86,96	88,26	91,32	89,53	87,77	75,57	81,43	81,92
Степень бюджетной зависимости, %	11,96	12,90	12,23	10,84	8,38	9,85	11,20	23,56	17,44	16,81
Степень устойчивости бюджета, %	13,69	14,90	14,06	12,28	9,17	11,00	12,76	31,17	21,41	20,52

По всем трем показателям подраздела «оценка независимости и устойчивости бюджета региона» за период 2013–2022 гг. прослеживается отрицательная динамика. Это свидетельствует об усилении зависимости регионального бюджета Свердловской области от межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, а также о снижении уровня автономии и в целом устойчивости.

Причиной этих негативных тенденций является тот факт, что за период 2013–2022 гг. удельный вес собственных доходов в общем объеме доходов снизился на 5,43%, а удельный вес безвозмездных поступлений, большую часть из которых составляют межбюджетные трансферты, наоборот, увеличился на эти же 5,43%. Следствие такой ситуации – снижение уровня экономической безопасности Свердловской области.

Анализируя данные, представленные в табл. 2.40, можно отметить, что уровень деловой активности в региональных органах власти продолжает оставаться низким. За период 2013–2022 гг. данный показатель продемонстрировал рост менее 1%. А уровень налоговых доходов в сумме полученных доходов, наоборот, за анализируемый период не опускался ниже 96%. Все это свидетельствует о низкой эффективности, проводимой региональными властями политики в отношении неналоговых доходов.

¹⁷Рассчитано авторами по [450, 349].

Таблица 2.40

Оценка эффективности бюджетной политики Свердловской области за период 2013–2022 гг.¹⁸

Наименование показателя	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Уровень дефицита бюджета, %	19,48	13,92	10,57	3,42	1,76	—	6,49	13,55	—	0,85
Уровень деловой активности в региональных органах власти, %	2,95	2,61	2,54	2,20	3,08	1,92	2,26	2,04	3,43	3,41
Уровень налоговых доходов в сумме полученных доходов, %	97,05	97,39	97,46	97,80	96,92	98,08	97,74	97,96	96,57	96,59
Индекс бюджетного покрытия, ед.	0,85	0,89	0,92	0,97	0,98	1,03	0,95	0,91	1,04	0,99
Уровень бюджетных доходов на душу населения, тыс. руб. на 1 человека	35,73	38,09	40,69	44,94	49,20	57,70	58,08	66,44	83,71	87,44
Индекс бюджетной обеспеченности	41,81	42,69	44,43	46,29	49,99	55,83	61,39	73,24	80,11	88,05
Индекс экспортной зависимости	1,17	1,02	0,72	0,89	1,33	1,00	0,97	1,24	0,87	1,53

Рассчитанные коэффициенты необходимо перевести в баллы для того, чтобы определить ситуацию в регионе. Полученные баллы представлены в табл. 2.41.

¹⁸Рассчитано авторами по [450, 349].

Таблица 2.41

Балльный анализ формирования и исполнения регионального бюджета
Свердловской области за 2013–2022 гг.¹⁹

Наименование показателя	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Уровень бюджетной автономии, %	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Степень бюджетной зависимости, %	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Степень устойчивости бюджета, %	2	2	2	2	2	2	2	1	2	2
Уровень дефицита бюджета, %	-1	0	0	1	1	2	1	0	2	1
Уровень деловой активности в региональных органах власти, %	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1
Уровень налоговых доходов в сумме полученных доходов, %	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1	-1
Индекс бюджетного покрытия ед.	-1	-1	-1	0	0	2	0	-1	2	0
Уровень бюджетных доходов на душу населения	-1	1	1	2	2	2	1	2	2	1
Индекс бюджетной обеспеченности	2	1	1	1	2	2	2	2	2	1
Индекс экспортной зависимости	2	2	-1	-1	2	1	0	2	-1	2
Σ	5	7	4	7	11	13	8	8	11	9

Исходя из данных табл. 2.41, можно увидеть следующие тенденции.

1. За период 2013–2016 гг. итоговая сумма баллов по бюджетным коэффициентам находилась в диапазоне от 4 до 7. Бюджет Свердловской области крайне нуждался в межбюджетных трансфертах, собственные доходы демонстрировали слабый рост. Все эти факторы значительно ухудшали уровень экономической безопасности Свердловской области.

¹⁹ Рассчитано авторами по [450, 349].

2. Начиная с 2017 года итоговая сумма баллов по бюджетным коэффициентам находилась уже в диапазоне от 8 до 13. Свердловскую область можно идентифицировать как развивающуюся территорию с незначительными трудностями с финансированием расходов за счет собственных доходов.

3. Наибольшей проблемой остается низкий уровень неналоговых поступлений.

Для анализа состояния расходной части воспользуемся индикаторами, предложенными Министерством финансов Российской Федерации. Рассчитанные показатели представлены в табл. 2.42.

Анализируя полученные результаты, можно сделать следующие выводы:

1. Региональный бюджет Свердловской области и государственные учреждения Свердловской области практически не имеют просроченной кредиторской задолженности, или ее размер минимален, в сравнении с расходами регионального бюджета;

2. При формировании расходной части регионального бюджета Свердловской области, как в целом, так и в целом по отдельным статьям на очередной финансовый год, больше, чем в половине исследуемых случаев нарушается норматив, рекомендуемый Министерством финансов Российской Федерации, который бы позволил оптимизировать расходы бюджета субъекта Российской Федерации. Что, в свою очередь, негативно отражается на уровне экономической безопасности Свердловской области.

Анализ формирования и исполнения расходной части регионального бюджета Свердловской области показал такую проблему, как сильное отклонение планируемых объемов расходов на очередной финансовый год, относительно фактически исполненных в текущем году.

За период 2013–2016 гг. итоговая сумма баллов по бюджетным коэффициентам принимала минимальные значения, в этот же период количество индикаторов экономической безопасности, достигающих пороговых значений, также было минимальным. Начиная с 2017 года, когда итоговые суммы баллов по бюджетным коэффициентам возросли, количество индикаторов экономической безопасности, достигающих пороговые значения, также увеличилось.

Таким образом формирование и исполнение регионального бюджета является значимым фактором обеспечения экономической безопасности региона, но в ходе анализа была выявлена проблема снижения доли собственных доходов.

Таблица 2.42
Индикаторы, характеризующие состояние расходной части бюджета Свердловской области

Наименование показателя	Пороговое значение	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Отношение объема просроченной кредиторской задолженности субъекта Российской Федерации и государственных учреждений субъекта Российской Федерации к расходам бюджета, %	<0,5%	0,11	0,00	0,00	0,00	0,04	0,04	0,00	0,00	0,00	0,00
Процент абсолютного отклонения объема расходов бюджета субъекта Российской Федерации от объема расходов предыдущего года, %	<10%	23,28	4,31	8,30	8,02	13,64	13,43	12,02	12,20	19,20	15,16
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Общегосударственные вопросы» в очередном финансовом году, %	<10%	46,44	21,24	32,02	5,51	29,29	19,96	22,06	72,84	114,56	131,70
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Национальная оборона» в очередном финансовом году, %	<10%	1,86	3,96	2,57	2,91	5,28	3,85	9,20	4,62	15,06	2,93
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Национальная безопасность и правоохранительная деятельность» в очередном финансовом году, %	<10%	17,89	9,41	5,21	7,60	43,61	21,80	3,88	21,45	3,95	9,74
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Национальная экономика» в очередном финансовом году, %	<10%	40,07	20,27	1,62	35,42	11,10	10,07	3,19	2,55	20,52	3,55
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Жилищно - коммунальное хозяйство» в очередном финансовом году, %	<10%	86,21	14,15	13,78	6,56	6,48	25,30	38,27	37,19	16,23	19,01

Окончание табл. 2.42

Наименование показателя	Пороговое значение	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Охрана окружающей среды» в очередном финансовом году, %	<10%	4,65	4,06	3,51	4,72	6,83	35,81	102,21	11,01	21,01	76,39
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Образование» в очередном финансовом году, %	<10%	20,41	7,99	7,42	8,57	6,30	5,62	15,63	11,67	12,51	10,21
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Культура, кинематография» в очередном финансовом году, %	<10%	53,90	12,78	6,99	20,31	65,01	8,76	3,08	1,23	0,86	9,05
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Здравоохранение» в очередном финансовом году, %	<10%	9,72	0,20	4,68	2,65	49,15	12,58	15,06	8,65	10,57	9,63
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Социальная политика» в очередном финансовом году, %	<10%	4,62	13,30	9,77	10,54	57,03	11,42	7,07	13,32	3,82	8,52
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Физическая культура и спорт» в очередном финансовом году	<10%	46,96	22,62	14,37	5,13	4,82	42,12	17,62	92,36	49,49	48,76
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Средства массовой информации» в очередном финансовом году	<10%	208,25	51,00	0,36	5,22	2,63	3,00	6,92	4,78	13,95	2,28
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Обслуживание государственного и муниципального долга» в очередном финансовом году	<10%	94,24	134,39	61,78	31,59	59,77	1,73	31,83	38,25	96,40	6,72
Темп изменения расходов бюджета субъекта Российской Федерации по группе расходов «Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы РФ» в очередном финансовом году	<10%	55,85	53,24	25,72	25,44	33,69	41,78	11,01	8,29	7,51	23,40

По мнению авторов, возможное направление решения проблемы – дифференциация транспортного налога.

Согласно п. 2, 3 статьи 361 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговые ставки транспортного налога могут быть увеличены (уменьшены) законами субъектов Российской Федерации, но не более чем в десять раз. При этом допускается установление дифференцированных налоговых ставок в отношении каждой категории транспортных средств, а также с учетом количества лет, прошедших с года выпуска транспортных средств, и (или) их экологического класса.

В табл. 2.43 представлены актуальные ставки транспортного налога на автобусы и грузовые автомобили, установленные Законом Свердловской области от 29 ноября 2002 года №43-ОЗ и Налоговым кодексом.

Таблица 2.43

Ставки транспортного налога на автобусы и грузовые автомобили в Свердловской области на 2022 год, руб. [296, 315]

Наименование объекта налогообложения	Налоговая ставка, установленная Областным законом от 29 ноября 2002 года №43-ОЗ	Налоговая ставка, установленная Налоговым кодексом	Соотношение налоговых ставок
Автобусы			
до 200 л.с. (до 147,1 кВт) включительно	32,9	5	6,58
свыше 200 л.с. (свыше 147,1 кВт)	66,2	10	6,62
Грузовые автомобили			
до 100 л.с. (до 73,55 кВт) включительно	7,3	2,5	2,92
свыше 100 л.с. до 150 л.с. (свыше 73,55 кВт до 110,33 кВт) включительно	11,7	4	2,93
свыше 150 л.с. до 200 л.с. (свыше 110,33 кВт до 147,1 кВт) включительно	14,7	5	2,94
свыше 200 л.с. до 250 л.с. (свыше 147,1 кВт до 183,9 кВт) включительно	19,1	6,5	2,94
свыше 250 л.с. (свыше 183,9 кВт)	56,2	8,5	6,61

Проанализировав данные (см. табл. 2.43), можно заметить, что текущие налоговые ставки на грузовые автомобили и автобусы не являются дифференцированными. Налоговые ставки на автобусы, установленные органами

региональной власти, увеличены в 6,58 и 6,62 раза относительно минимальных. А налоговые ставки на грузовые автомобили увеличены в среднем в 2,9 раза, за исключением категории грузовых автомобилей с мощностью свыше 250 л.с. (свыше 183,9 кВт), ставки на которые увеличены в 6,61 раз.

В табл. 2.44 представлено количество зарегистрированных автотранспортных средств в Свердловской области за период 2009–2021 гг.

Таблица 2.44

Количество зарегистрированных на территории Свердловской области автотранспортных средств 2009–2021 год, шт. [349]

Год	Тип автотранспортного средства			Всего:
	Легковые	Грузовые	Автобусы	
2009	1139710	149328	23814	1312852
2010	1230855	154376	24921	1410152
2011	1280406	155348	23166	1458920
2012	1364136	180904	23779	1568819
2013	1401350	199504	21826	1622680
2014	1441256	194275	21284	1656815
2015	1591963	206646	22519	1821128
2016	1627804	212489	23013	1863306
2017	1675483	217481	23834	1916798
2018	1733643	222534	24622	1980799
2019	1790940	227674	25126	2043740
2020	1855543	233206	25619	2114368
2021	1930824	240785	26187	2197796
Абсолютное изменение 2009–2021, шт.	791114	91457	2373	884944
Темп роста 2009–2021, %	169,4	161,2	110,0	167,4

Можно отметить, что общая численность зарегистрированных на территории Свердловской области автотранспортных средств за исследуемый период увеличилась почти в 1,7 раза. Наибольший темп рост показали легковые автомобили – 169,4% и грузовые автомобили – 161,2%.

С увеличением количества транспортных средств, увеличиваются и выбросы от передвижных источников. (табл. 2.45).

Таблица 2.45

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу от автотранспорта,
тыс. тонн [349]

Год	Количество выбросов автотранспортом
2009	419,2
2010	442,3
2011	448,9
2012	495,7
2013	457,7
2014	432,3
2015	418,1
2016	428,4
2017	441,9
2018	539
2019	135,64
2020	140,33
2021	146,12

Можно отметить увеличение количества выбросов с 2009 по 2018 гг. на 28,6%. Резкое снижение начиная с 2019 года вызвано изменениями в методологии расчетов. Но, несмотря на это, в 2021 году по сравнению с 2019 годом количество выбросов также увеличилось на 7,7%.

На основе данных таблиц 10, 11 авторами был проведен регрессионный анализ. Его результаты представлены на рис. 2.31.

Вывод итогов								
Регрессионная статистика								
Множественный R	0,961296021							
R-квадрат	0,924090039							
Нормированный R-квадрат	0,808908047							
Стандартная ошибка	126,8139342							
Наблюдения	13							
Дисперсионный анализ								
	df	SS	MS	F	Значимость F			
Регрессия	3	1957715,024	652571,6746	40,57833907	0,0015%			
Остаток	10	160817,7391	16081,77391					
Итого	13	2118532,763						
	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
У-пересечение	0	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д	#Н/Д
Легковые транспортные средства	-0,001637452	0,000636389	-2,573037156	0,027745741	-0,003055415	-0,000219489	-0,003055415	-0,000219489
Грузовые транспортные средства	0,010408048	0,004815649	2,161297176	0,055986794	-0,000321886	0,021137982	-0,000321886	0,021137982
Автобусы	0,0347519	0,010854025	3,201752265	0,00946352	0,010567624	0,058936175	0,010567624	0,058936175

Рис. 2.31. Корреляционный анализ зависимости количества выбросов в атмосферу от числа зарегистрированных автотранспортных средств

Полученная в результате модель имеет следующий вид:

$$y = -0,0016x_1 + 0,0104x_2 + 0,035x_3$$

Полученные расчетные коэффициенты показывают следующее:

1. Наибольшее количество выбросов загрязняющих веществ в атмосферу приходится на автобусы. Увеличение количества автобусов на 1 единицу приведет к увеличению выбросов на 0,035 тыс. тонн;

2. На втором месте по выбросам – грузовые автомобили. Увеличение их количества на 1 единицу приведет к увеличению выбросов на 0,0104 тыс. тонн;

3. Полученная модель является достоверной, поскольку коэффициент корреляции равен 96,1 и значимость F менее 1%.

Анализ структуры автопарка Свердловской области (рис. 2.32) показывает, что возраст 58,9% грузовых автомобилей и 40% автобусов превышает 15 лет.

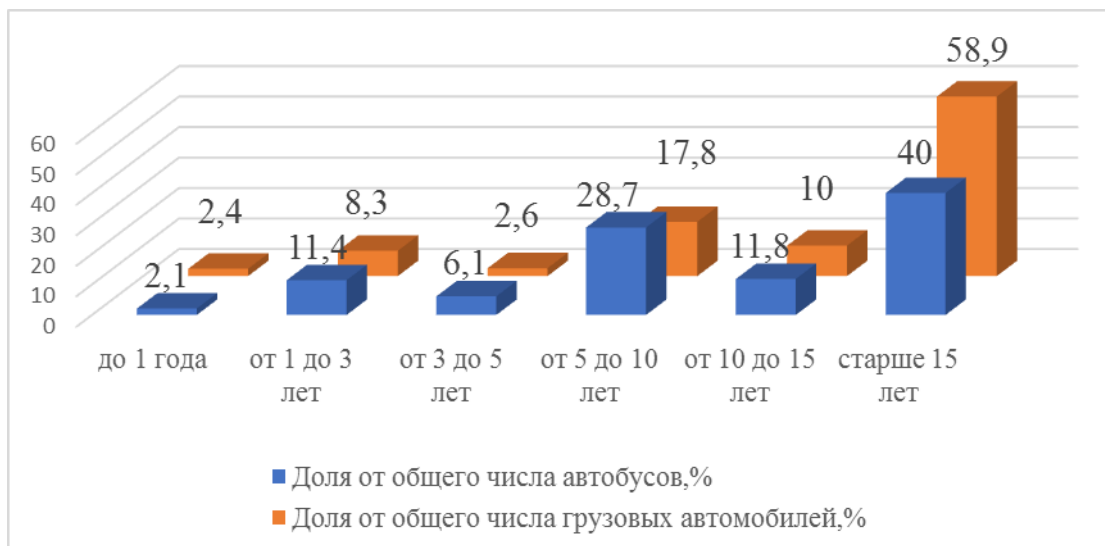

Рис. 2.32. Структура автопарка Свердловской области [349]

Поэтому предлагается продифференцировать ставки транспортного налога на грузовые автомобили и автобусы в зависимости от количества лет, прошедших с года выпуска (табл. 2.46).

Таблица 2.46

Предлагаемые авторами изменения в ставках транспортного налога
в Свердловской области, руб.

Автобусы с количеством лет, прошедших с года выпуска, до 5 лет включительно	
до 200 л.с. (до 147,1 кВт) включительно	35
свыше 200 л.с. (свыше 147,1 кВт)	70
Автобусы с количеством лет, прошедших с года выпуска, свыше 5 лет	
до 200 л.с. (до 147,1 кВт) включительно	40
свыше 200 л.с. (свыше 147,1 кВт)	80
Грузовые автомобили с количеством лет, прошедших с года выпуска, до 5 лет включительно	
до 100 л.с. (до 73,55 кВт) включительно	17,5
свыше 100 л.с. до 150 л.с. (свыше 73,55 кВт до 110,33 кВт) включительно	28
свыше 150 л.с. до 200 л.с. (свыше 110,33 кВт до 147,1 кВт) включительно	35
свыше 200 л.с. до 250 л.с. (свыше 147,1 кВт до 183,9 кВт) включительно	45,5
свыше 250 л.с. (свыше 183,9 кВт)	59,5
Грузовые автомобили с количеством лет, прошедших с года выпуска, свыше 5 лет	
до 100 л.с. (до 73,55 кВт) включительно	20
свыше 100 л.с. до 150 л.с. (свыше 73,55 кВт до 110,33 кВт) включительно	32
свыше 150 л.с. до 200 л.с. (свыше 110,33 кВт до 147,1 кВт) включительно	40
свыше 200 л.с. до 250 л.с. (свыше 147,1 кВт до 183,9 кВт) включительно	52
свыше 250 л.с. (свыше 183,9 кВт)	68

Для расчета доходов от внедрения дифференцируемых ставок транспортного налога воспользуемся данными УФНС России по Свердловской области (отчет по форме 5-ТН за 2021 год).

В 2021 году поступления по транспортному налогу в отношении автобусов и грузовых автомобилей составили 69,4 млн. руб. и 719,4 млн. руб. соответственно. Общая сумма поступлений по указанным объектам налогообложения составила 788,9 млн. руб.

Но, учитывая «возрастную» структуру автопарка Свердловской области (рис. 8), количество автобусов и грузовых автомобилей средств, по которым предъявлен налог к уплате, авторами было разделено на следующие группы: до 5 лет, прошедших с года выпуска – 20% от общего количества, после 5 лет – 80%. Затем, используя предлагаемые ставки транспортного налога, была пересчитана сумма налога, подлежащая уплате в бюджет.

Новая сумма поступлений по указанным объектам налогообложения составила 1116, 8 млн. руб., что превышает фактическое исполнение на 327,7

млн. руб. или на 41,5%. При этом важно отметить, что данное значение может быть гораздо больше, поскольку для таких категорий транспортных средств, как автобусы с мощностью двигателя свыше 200 л.с. (свыше 147,1 кВт) и автомобили грузовые с мощностью двигателя свыше 250 л.с. (свыше 183,9 кВт) были выбраны минимальные значения мощности двигателя.

При реализации данной рекомендации будет улучшен показатель доли собственных доходов в структуре бюджета Свердловской области, что, в свою очередь, позволит укрепить экономическую безопасность региона.

2.10. Влияние результатов деятельности системообразующих предприятий на показатели экономической безопасности регионов присутствия

Цель исследования – выявление взаимосвязи между результатами деятельности системообразующих предприятий и показателями экономической безопасности региона.

Объект исследования – взаимосвязь показателей деятельности системообразующих предприятий и показателей экономической безопасности региона.

Предмет исследования – факторы, влияющие на результаты деятельности системообразующих компаний и на показатели экономической безопасности региона.

Объект наблюдения – результаты деятельности системообразующих предприятий и показатели экономической безопасности региона.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение, формализация, наблюдение, измерение, корреляционно-регрессионный анализ.

Сегодня можно выделить три основных подхода к понятию экономическая безопасность:

- камералистский;
- кейсианский;
- институциональный.

В табл. 2.47 представлены результаты сравнения концептуальных подходов к определению термина «экономическая безопасность».

Таким образом, экономическая безопасность – это защита экономических интересов государства и населения, направленная на предотвращение угроз и рисков, которые могут возникнуть как из-за внешних факторов, так и из-за внутренних проблем. Важность обеспечения экономической безопасности заключается в том, что она обеспечивает стабильность экономического развития и увеличивает уровень благосостояния населения [307].

Понятие «экономическая безопасность региона» появилась в связи с тем, что любая экономическая система, включая региональную, подвержена раз-

личным рискам и угрозам нарушения устойчивого развития, таким как экономические кризисы, неблагоприятные изменения внешней среды, недостаток ресурсов и т.д. Поэтому основными задачами экономической безопасности региона являются: во-первых, обеспечение устойчивости экономики региона и ее способности переживать и преодолевать внешние и внутренние кризисы; во-вторых, повышение конкурентоспособности производства и поддержание высокого уровня жизни населения и в-третьих, защита экономических интересов региона и предотвращение нанесения ущерба его экономике.

Таблица 2.47

Сравнение концептуальных подходов к определению экономической безопасности. Составлено автором [99]

Характеристики	Камералистский подход	Кейсианский подход	Институциональный подход
Автор	1840 годы – Фридрих Лист	1930 годы – Джон Мейнард Кейнс	1980 годы – Эрнандо де Сото
Основные угрозы	Внешние угрозы: политические, увеличение конкуренции	Внутренние угрозы, безработица, инфляция	Внутренние угрозы: административные ограничения
Цель	Экономическая независимость	Социальная и экономическая стабильность	Верховенство права
Способы обеспечения	Протекционистская внешнеэкономическая политика	Государственное регулирование экономики	Снижение регистрационных процедур и платежей, борьба с коррупцией и бюрократией

Возможные направления региональной экономической безопасности представлены на рис. 2.33 [499].

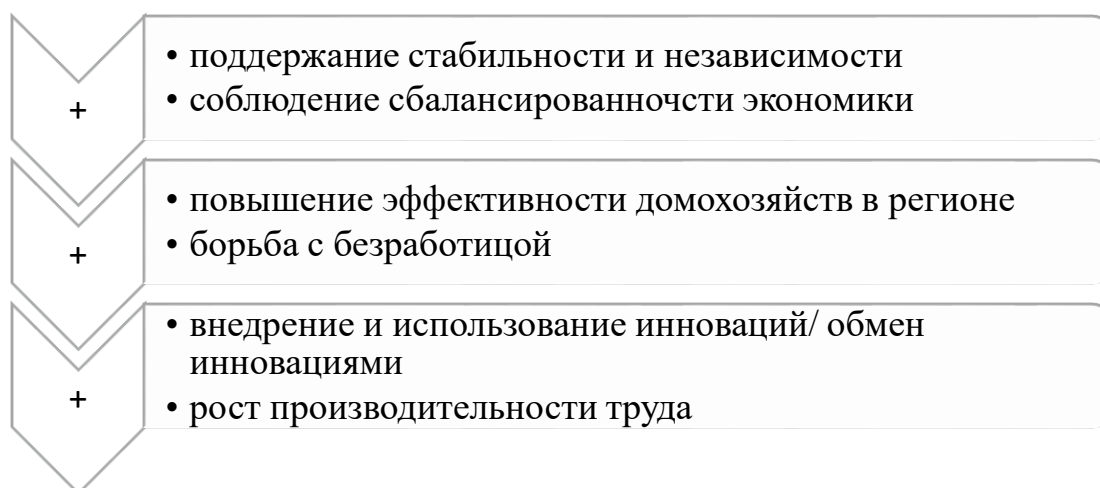

Рис. 2.33. Направления региональной экономической безопасности

В безопасности экономики в регионах, как правило, выделяют несколько основных блоков:

1. Финансовая стабильность, которая обеспечивается контролем над инфляцией, стабильностью банковской системы и управлением бюджетом региона.

2. Развитие экономики, включая поддержку малого и среднего бизнеса, создание новых рабочих мест, привлечение инвестиций, совершенствование инфраструктуры, развитие туризма и других отраслей.

3. Обеспечение социальной защиты населения, включая поддержку малообеспеченных слоев населения, поддержку образования и здравоохранения, борьбу с безработицей и другими социальными проблемами.

4. Развитие территориальной интеграции, включая сотрудничество регионов в рамках межрегиональных и международных проектов, развитие логистических путей и связей между регионами [249].

Каждый регион должен контролировать экономические угрозы, иметь продуманную экономическую стратегию и следить за рациональным использованием ресурсов. Важно также внедрять новые технологии и повышать качество продукции [492].

Сегодня, одним из наиболее распространенных методов анализа экономической безопасности региона является индикаторный. Метод основывается на сравнении фактических показателей региональной экономической безопасности с их пороговыми значениями. Оценка частных показателей экономической безопасности позволяет выявить наиболее неустойчивые элементы экономической системы, требующих приоритетного внимания со стороны территориальных органов власти.

Существует множество подходов к разработке концепции индикаторов для оценки безопасности экономики в регионах, которые сгруппированы по различным сферам. Однако спектр индикаторов, которые могут объективно и своевременно отражать кризисные явления в экономике, достаточно широк. И решение этой задачи требует классификации существующих показателей и является сложной методологической проблемой.

На уровень региональной экономической безопасности влияет и качество жизни населения, устойчивость социально-экономического развития и экология [307].

Для оценки экономической безопасности регионов можно выделить несколько основных критериев, которые соответствуют названным трем крупным группам (рис. 2.34).

В научной литературе можно найти примеры систем индикаторов для оценки экономической безопасности регионов.

Например, система индикаторов, разработанная В.К. Сенчаговым (оценка региональной экономической безопасности осуществляется по 20 показателям, сгруппированным в блоки показателей, оценивающих уровень экономического, социального, инновационного и экологического развития) [406] или рейтинг, разработанный ЦЭИ «РИА Аналитика», который определяется через агрегирование показателей экономической, социальной и

бюджетной сферы регионов. Система оценки рейтинга основана на учете различных факторов, которые определяют качество жизни в регионе. В процессе расчетов анализируется 67 показателей, сгруппированных по 11 основным аспектам жизни: доходы населения; занятость; жилищные условия; Безопасность; демография; экология; здоровье; образование и социальная инфраструктура; экономическое развитие; малый бизнес; транспортная инфраструктура.

Рейтинг выражается от 1 до 100 баллов.

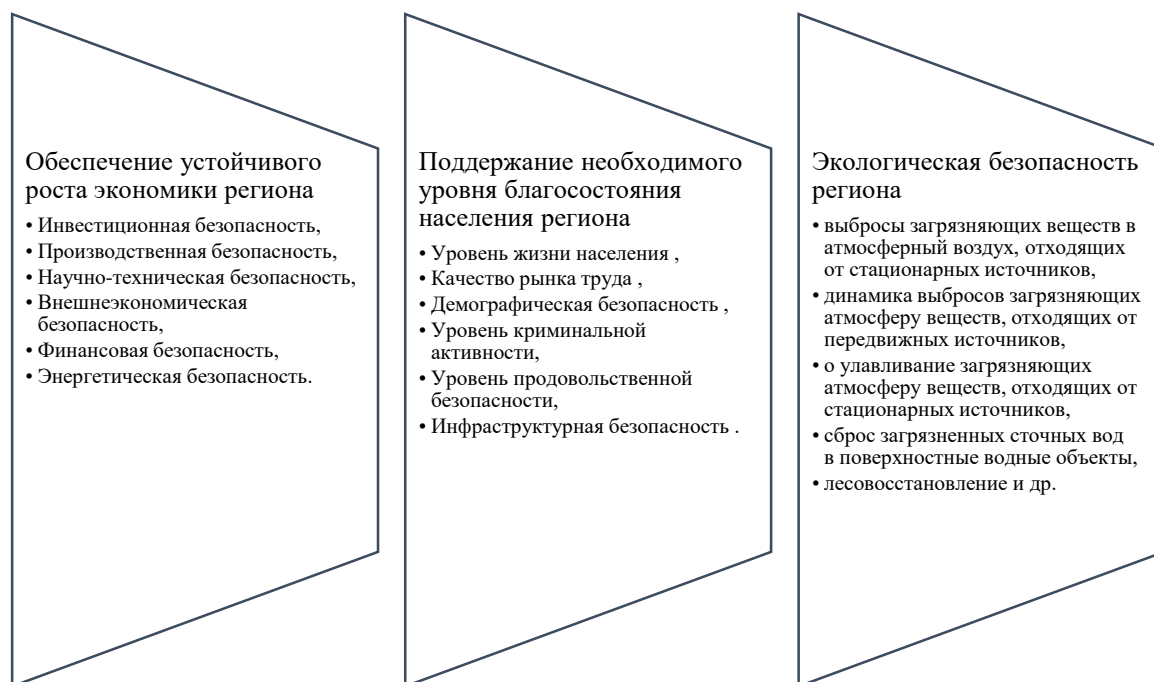

Рис. 2.34. Направления оценки региональной экономической безопасности

В рейтинге социально-экономического положения регионов России за 2022 год, основанном на объединении важных показателей их развития, низкие места занимают субъекты федерации с низкой экономической безопасностью, а высокие места достаются регионам с высокой экономической стабильностью.

Исследование показало, что в 2022 году Москва, Санкт-Петербург и Московская область сохраняют лидерство в рейтинге, набирая свыше 75 баллов из возможных 100. Эти регионы уже на протяжении многих лет являются ведущими, благодаря высокому рейтингу, который пока недостижим для других регионов [369].

Эксперты считают, что вероятнее всего эти регионы останутся лидерами в ближайшие годы. Их сильная инфраструктура, высокий уровень экономического и социального развития, а также большой потенциал на будущее позволяют им удержаться на вершине рейтинга. По сравнению с предыдущим рейтингом состав первой десятки практически не изменился.

Развитие системообразующих предприятий способствует ускорению темпов экономического развития регионов и улучшению их инвестиционного климата и не противоречит стратегии пространственного развития РФ до 2024 года, главной задачей является повышение качества жизни населения и создание условий для предпринимательской активности и инноваций на территории [460].

Поддержка и развитие системообразующих предприятий способствует технологическому прогрессу, производству конкурентоспособной продукции и росту предпринимательской деятельности. В этом контексте важно установление эффективной системы государственной поддержки для создания и развития системообразующих предприятий.

Таким образом, стратегия пространственного развития РФ признает значимость системообразующих предприятий для формирования потенциала развития и конкурентных преимуществ территорий. Поддержание и развитие таких предприятий должно стать одним из основных механизмов формирования конкурентных преимуществ и достижения целей развития регионов [367].

Основные факторы влияния системообразующих предприятий на экономическую безопасность региона

Системообразующие предприятия являются важными элементами любой экономической системы. Они являются главными производителями товаров и услуг, которые необходимы для обеспечения жизненно важных потребностей людей и нормального функционирования отдельных регионов, отраслей промышленности или страны в целом.

Понятие системообразующего предприятия возникло в рамках экономической науки и бизнеса. Оно используется применительно к компаниям, которые играют ключевую роль в экономике определенной территории или отрасли промышленности. Поэтому системообразующие предприятия становятся неотъемлемой частью жизни людей в регионах своего присутствия и имеют большое значение для экономического развития страны.

К количественным критериям, которым должно соответствовать системообразующее предприятие, относят:

- объем годовой выручки (в зависимости от отрасли предприятия);
- численность персонала (в зависимости от отрасли предприятия).

Создание этого списка является планом, который поможет поддержать представителей бизнеса. Они составляют около 57% ВВП и производят почти 69% общего объема продукции [252].

Эти компании не только заботятся о своих выгодах и развитии, но и работают над удовлетворением социальных потребностей муниципалитета путем создания охраны ресурсов и энергии, поддержки инфраструктуры и поддержки программ в сфере спорта, культуры, здравоохранения и образования. В целом, эти компании являются важным фактором в продвижении

муниципалитета, региона и страны и гарантируют национальную безопасность.

Основные факторы влияния системообразующих предприятий на экономическую безопасность региона представлены на рис. 2.35.

Рис. 2.35. Пример факторов влияния системообразующих предприятий на экономическую безопасность региона

Уровень экономической активности системообразующих предприятий, качество их услуг, уровень инвестиций, тарифная политика и социальная ответственность – все эти факторы имеют решающее значение для жизни и процветания региона и его жителей

Иркутская область является регионом, расположенным в центральной части Азиатской России. Она входит в состав Сибирского федерального округа и граничит с Читинской, Бурятской, Красноярским, Томской и Кемеровской областями, а также с Республикой Саха (Якутия). Область расположена на крупнейшей реке Сибири – Ангаре, которая является правым притоком реки Обь, и находится вблизи Байкала – крупнейшего озера на планете.

Основные направления торговли в регионе: промышленность (добыча и переработка природных ресурсов – топливной продукции, металлов, целлюлозы и бумаги), сельское хозяйство (производство зерна, мяса, молока), лесопромышленный комплекс (лесозаготовка, деревообработка), туризм и развитие инфраструктуры транспортной логистики.

Благодаря своему географическому расположению и торговым связям с другими регионами России и зарубежными странами, Иркутская область является важным центром экономической деятельности в Сибирском регионе. Площадь территории 774,8 тыс. км² [443].

Иркутская область играет важную роль в Стратегии пространственного развития Российской Федерации, поскольку является одним из крупнейших и наиболее перспективных регионов Сибири.

Основные направления развития Иркутской области, определенные в Стратегии пространственного развития РФ, включают модернизацию экономики, привлечение инвестиций, развитие транспортной инфраструктуры и повышение качества жизни населения.

Одна из ключевых задач, поставленных перед Иркутской областью, связана с развитием транспортной инфраструктуры. В рамках Стратегии пространственного развития РФ предусмотрено строительство новых магистралей, расширение существующих дорог и железных дорог, а также создание современных портов и аэропортов.

Важным направлением развития Иркутской области являются инвестиции. В рамках Стратегии пространственного развития РФ предусмотрено создание благоприятных условий для инвесторов и привлечение иностранных инвестиций в регион.

Для повышения уровня жизни населения Иркутской области важным фактором является развитие социальной инфраструктуры. Поэтому в рамках Стратегии пространственного развития РФ предусмотрено улучшение качества образования, развитие здравоохранения, культуры и спорта [367].

Системообразующие предприятия влияют на показатели экономической безопасности, так как они являются крупными работодателями в регионе и основными поставщиками услуг и товаров, так же предприятия могут иметь высокий уровень научно-технического потенциала и являться источником новых технологий и инноваций в регионе. Могут проявлять социальную ответственность и осуществлять благотворительные программы для улучшения социальной среды в регионе, в том числе обеспечивать спонсорскую поддержку местным спортивным и культурным мероприятиям. Они также могут создавать рабочие места для местного населения и способствовать его социальной адаптации. Системообразующие предприятия могут влиять на развитие инфраструктуры региона, так как они могут стать катализатором для создания новых объектов инфраструктуры, таких как дороги, железные дороги, аэропорты, транспортные сооружения и т.д. Это, в свою очередь, может привлечь новые инвестиции и улучшить условия жизни населения региона. Из вышесказанного можно предположить, что системообразующие предприятия влияют на уровень безработицы в регионе, уровень занятости, ВРП, доходы бюджета региона [326].

Проведем оценку экономической безопасности Иркутской области по методике В.К. Сенчагова. Динамика показателей экономического развития представлена на рис. 2.36.

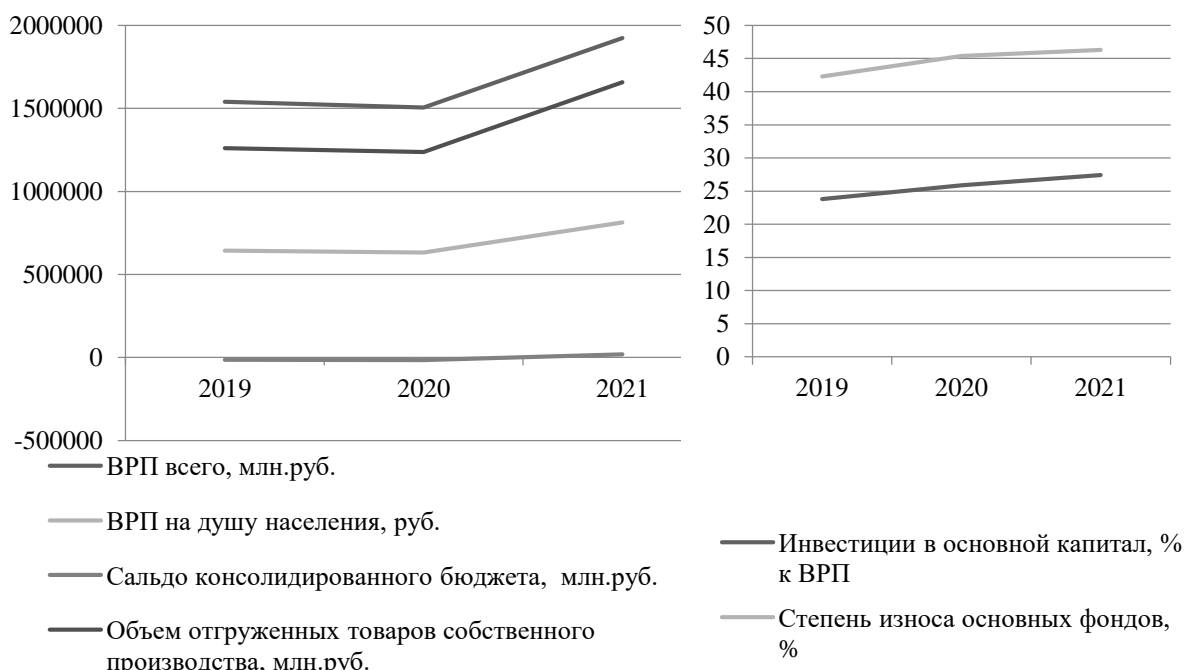

Рис. 2.36. Динамика основных показателей экономического развития Иркутской области. Составлено автором [334]

ВРП является важным экономическим показателем, который характеризует экономические достижения региона, включая его производительность, конкурентоспособность и способность привлекать инвестиции. Подобно ВВП, он измеряется стоимостью окончательных продуктов и услуг, произведенных резидентами в регионе в течение определенного периода времени. ВРП увеличился с 2019 года на 384 123 млн.руб., что говорит об увеличении количества произведенной продукции в регионе. Так же этот показатель на душу населения увеличился в 2021 году на 170 067 руб. и составил 813 312,4 руб., а если смотреть на пороговое значение, которое равно 413 200 руб., то видно, что показатель Иркутской области превышает пороговое значение в каждом году, что тоже положительно влияет на экономику региона.

Показатель инвестиции в основной капитал региона отражает объем финансирования для создания новых предприятий, модернизации существующих, приобретения нового оборудования и инфраструктуры, а также повышения продуктивности и конкурентоспособности региона. С 2019, он увеличился на 15,1%, что свидетельствует о росте экономического потенциала региона, его привлекательности для инвесторов и развитии производства. Также стоит отметить, что пороговое значение данного показателя равно 25%, и мы видим, что начиная с 2020 года инвестиции в основной капитал иркутской области больше порогового значения.

Показатель степень износа основных фондов региона отражает соотношение стоимости использованных основных фондов и их первоначальной стоимости. Более высокое значение этого показателя указывает на более высокую изношенность основных фондов в регионе.

Показатель в 2021 году по сравнению с 2019 увеличился на 4% и составил 46,3%, но не превысил пороговое значение равное 50%. Что говорит о своевременности ремонта и модернизации основных фондов региона.

Сальдо консолидированного бюджета региона это разница между доходами и расходами региона. Данный показатель в 2019 и 2020 гг. был отрицательным, что говорит о том, т.е. расходы превышали доходы. Но в 2021 году сальдо стало положительным, значит, в регионе либо увеличились доходы, либо снизились расходы, это мы рассмотрим ниже. А сейчас, можно отметить, что положительное сальдо в 2021 году положительно влияет на экономическую безопасность региона.

После того, как мы рассмотрели блок экономическое развитие, проанализируем показатели блока социальное развитие региона.

Показатель отношение среднедушевых доходов населения к прожиточному минимуму региона отражает, сколько раз среднедушевой доход населения региона превышает или не достигает уровня прожиточного минимума в этом регионе. Данный показатель в 2019 и 2020 гг. равен 2,3, а в 2021 году 2,5. Что свидетельствует о положительной динамике и о том, что среднедушевой доход населения региона превышает прожиточный минимум, что свидетельствует о благополучном экономическом положении региона.

Показатель отношение средней пенсии к средней заработной плате региона отражает соотношение между уровнем пенсии и зарплаты в конкретном регионе. Этот показатель является важным индикатором уровня социальной защищенности населения. Влияние этого показателя заключается в том, что при высоком уровне отношения средней пенсии к средней заработной плате региона люди более защищены социально и могут рассчитывать на достойную жизнь в старости. Это в свою очередь влияет на уровень удовлетворенности населения жизнью и на общий социально-экономический рост региона. Данный показатель снизился в 2021 году по сравнению с 2019 годом на 1,1% и составил 57,2%. Что в целом все равно выше порогового значения в 50%, но это произошло из-за непропорционального увеличения зарплаты к пенсии.

Уровень безработицы региона является важным экономическим и социальным показателем, который описывает процентную долю людей, незанятых на данный момент времени, но активно ищущих работу. Уровень безработицы зависит от многих факторов, таких как экономическая активность, инвестиции, промышленность, уровень образования, демографический состав населения и т.д. В 2020 году данный показатель вырос на 1,1% по сравнению с 2019 годом, но это можно объяснить закрытием организаций из-за коронавирусной инфекции, а также введенных санкций. Так как в 2021

году мы видим, что уровень безработицы стал ниже, чем был в 2019 году и составил 6%, это можно объяснить ослаблением ограничений из-за коронавирусной инфекции.

Показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении – это средняя продолжительность жизни, которую ожидает жить ребенок, рожденный в определенном географическом регионе, в условиях нынешних уровнях смертности и выживаемости. Этот показатель является важным индикатором благополучия населения и показывает, какие условия жизни выживаемости и уровень смертности в регионе или стране. Повышение этого показателя свидетельствует о повышении качества жизни и условиях медицинской помощи, а снижение, наоборот, может указывать на несоответствие уровня здравоохранения нуждам и потребностям населения. Показатель с каждым годом уменьшается, что указывает на несоответствие уровня здравоохранения нуждам и потребностям населения. Так же это может быть из-за ухудшения экологической обстановки и как следствие развитие различных заболеваний.

Показатель размер жилья на одного жителя отражает среднее количество квадратных метров, приходящихся на одного человека в жилищном фонде определенной территории. Данный показатель является важным индикатором уровня комфорта и качества жизни населения, а также может использоваться для анализа социальных условий на различных регионах или странах. Данный показатель с каждым годом растет и в 2021 году составляет 26 м². Пороговое значение данного показателя по методике В.К. Сенчагова равно 25, показатель Иркутской области в каждом году превышает данное значение.

Среднегодовая численность занятых - это один из основных показателей, характеризующих состояние рынка труда в течение года. Он позволяет оценить количество людей, которые работали в течение года в определенном регионе, отрасли или организации. Показатель в 2020 году по сравнению с 2019 уменьшился и составил 1 051,5 тыс. чел. Можно предположить, что это также произошло из-за закрытия организаций в связи с введением ограничений в связи с коронавирусной инфекцией. Так как эта тенденция не пошла и в 2021 году, а наоборот этот показатель практически сравнялся с показателем 2019 года и составил 1 073,1 тыс.чел.

Далее рассмотрим показатели, отражающие результаты инновационное развитие.

Доля отгруженной инновационной продукции во всей отгруженной продукции промышленности является показателем того, насколько значимы новые продукты и технологии для данного региона. Он позволяет оценить уровень инноваций в регионе и ее конкурентоспособность на мировом рынке. Показатель в 2021 году по сравнению с 2019 годом уменьшился на 0,25% и составил 0,65%. Что является низким значением.

Показатель число лиц, занятых научными исследованиями и разработками показывает, сколько человек занимается научными исследованиями. Показатель в 2021 году по сравнению с 2019 годом уменьшился на 506 человек и составил 3 496. Что говорит о незаинтересованности людей заниматься научными исследованиями и разработками, либо о том, что в регионе нет необходимого оборудования для проведения исследований и данное направление мало финансируется.

Показатель внутренние затраты на научные исследования и разработки в 2021 году по сравнению с 2019 годом уменьшился на 172,5 млн.руб., а в 2020 году по сравнению с 2019 годом увеличился на 39,1 млн.руб.. Из этого можно сделать предположение, что из-за уменьшения финансирования на научные исследования и разработки уменьшилось число людей, которые этим занимались и уменьшилась доля отгруженной инновационной продукции во всей отгруженной продукции промышленности.

Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем числе обследованных организаций показывает, какой процент организаций занимается технологическими инновациями. Данный показатель в 2021 году по сравнению с 2019 годом уменьшился на 0,1% и составил 15,1%, а в 2020 году по сравнению с 2019 годом увеличился на 3,1% и составил 18,3%. Это также доказывает, что от финансирования инновационного развития на прямую зависят все показатели, связанные с этой областью.

Можно предположить, что инновационное развитие Иркутской области не находится на высоком уровне из-за неразвитости инновационной инфраструктуры, неопределенностью экономической выгоды от использования интеллектуальной собственности или из-за недостаточности законодательных и нормативно-правовых документов, регулирующих стимулирующих инновационную деятельность. А так же основным показателем является финансирование данного раздела и от него зависят все остальные показатели.

Далее рассмотрим показатели блока экологическое развитие.

Показатель «Сброс загрязненных сточных вод» отражает количество загрязняющих веществ, выбрасываемых в окружающую среду через сточные воды. Он определяет количество загрязнений, которое попадает в природные водоемы, поверхностные воды и грунтовые воды, нарушая, таким образом, экологическое равновесие. Чтобы снизить влияние таких сбросов, применяются различные методы очистки сточных вод. Сброс загрязненных сточных вод является одним из основных факторов, влияющих на качество окружающей среды, поэтому его определение является важным этапом в оценке экологической ситуации в регионе. Данный показатель с каждым годом увеличивается и в 2021 году по сравнению с 2019 годом увеличился на 67,9 млн. м³ и составил 551,6 млн. м³. Из этого можно сделать вывод, что природные водоемы с каждым годом загрязняются все больше.

Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников – это показатель, описывающий количество опасных веществ, которые выбрасываются в атмосферу с различных предприятий, заводов и других промышленных объектов. Они могут быть как естественного, так и искусственного происхождения. Данный показатель с каждым годом снижается и в 2021 году по сравнению с 2019 годом он снизился на 27 290,4 т/год и составил 261 981,3 т/год. Это является положительной тенденцией, но качество атмосферного воздуха в местах постоянного проживания населения не является благополучным.

Показатель объем лесовосстановления отражает количество древесной массы, посаженной на земле в рамках лесовосстановления. Этот показатель широко используется в различных отраслях экономики и охраны окружающей среды, так как глубоко связан с процессами управления лесными ресурсами и их восстановления. С каждым годом показатель увеличивается и в 2021 году по сравнению с 2019 годом, он увеличился на 11,4 тыс. га и составил 151,2 тыс.га. Что является положительной тенденцией для экологического состояния Иркутской области.

На уровень экологического состояния в городах Иркутской области оказывают влияние крупнейшие в России промышленные предприятия: ПАО «РУСАЛ Братск», ОАО «Ангарская нефтехимическая компания», ОАО «Группа «Илим». Также из-за данных предприятий в области высокий выброс фтора в воздух. Из-за того как они минимизируют и восстанавливают экологию после выбросов, в большей степени зависит экологическое состояние Иркутской области.

Иркутская область является одним из крупнейших субъектов Российской Федерации и обладает значительным потенциалом для развития экономики и общества. Тем не менее, в регионе существуют как сильные стороны, так и слабости, а также угрозы [326].

Сильные стороны Иркутской области следующие.

Богатые природные ресурсы, в том числе нефть, газ, уголь, дерево, вода, а также редкие металлы и другие полезные ископаемые.

Владение стратегически важными транспортными маршрутами, которые связывают Россию с Китаем, Монголией и другими странами Азии.

Высокий туристический потенциал благодаря многочисленным природным достопримечательностям, таким как озера Байкал и Иркутское, горы и леса.

Наличие крупных научных и образовательных центров.

Однако в Иркутской области также существуют и слабые стороны:

Отсутствие мощной промышленной базы, которая могла бы обеспечить стабильную экономическую основу региона.

Низкая конкурентоспособность региона на федеральном и международном уровнях в связи с наличием ряда проблем, таких как недостаточно высокий уровень производительности и нет адекватной системы поддержки предпринимательства и инноваций.

Неполноценная экологическая ситуация, вызванная главным образом высоким уровнем загрязнения окружающей среды, которое связано с деятельностью металлургических и деревообрабатывающих предприятий и железнодорожных транспортных средств.

Тем не менее, в Иркутской области существуют значительные возможности для развития экономики:

Развитие туризма и гостиничного бизнеса в связи с уникальной природной средой.

Развитие экспортного потенциала благодаря наличию нефтегазового комплекса и других природных ресурсов.

Создание дополнительных рабочих мест в высокотехнологичном секторе промышленности с помощью привлечения инвесторов и развития инновационных технологий.

Среди угроз, которые могут стать препятствиями для развития Иркутской области, можно выделить следующие:

Возможное изменение экономических условий на международном рынке и, соответственно, изменение внешних экономических связей региона.

Риски экологической катастрофы из-за отсталых технологий в промышленности и других сферах экономики.

Демографические проблемы, такие как сокращение численности населения и увеличение доли пожилых людей в общей структуре населения, что может повлиять на экономическое развитие региона.

В целом, Иркутская область обладает значительным потенциалом для развития, но необходимо активно работать над решением проблем и прилагать усилия по привлечению инвестиций и кадров.

Системообразующие предприятия в Иркутской области играют важную роль в экономике и социальной сфере региона. Это крупные производственные предприятия, которые обеспечивают значительную часть экспорта региона и создают рабочие места для местного населения. Системообразующие предприятия включают Ангарскую, Братскую и Иркутскую ГЭС, а также производства БАЭС, Иркутского алюминиевого завода, Иркутской тепловой и другие.

Однако сильная зависимость экономики от нескольких основных отраслей, таких как энергетика и металлургия, может создавать экономические риски для региона. Поэтому важно проводить диверсификацию экономики, развивая новые высокотехнологичные отрасли и улучшая инфраструктуру региона. Также важно обеспечивать модернизацию системообразующих

предприятий, чтобы они оставались конкурентоспособными на рынке и способствовали развитию экономики региона [326].

Публичное акционерное общество «РУСАЛ Братский алюминиевый завод» (ПАО «РУСАЛ Братск») является крупнейшим производителем алюминия, на долю которого приходится 38,08% производства алюминия в России и 2,11 % производства мирового алюминия. ПАО «РУСАЛ – Братск» входит в перечень системообразующих организаций России.

Производственные мощности завода включают: электролизное производство (25 электролизных корпусов); литейное производство (3-и литейных отделения); производство анодной массы (ДАМ); производство вторичных солей [334].

Экономическая безопасность предприятия обеспечивает его стабильность и устойчивость, сохранение и рост капитала, своевременное исполнение обязательств перед партнерами и налоговыми органами, укрепление доверия со стороны клиентов и инвесторов, а также обеспечивает возможность инвестирования в развитие и модернизацию производства.

Она осуществляется через систему управления рисками, а также планирование и контроль экономической деятельности, в том числе использование современных технологий и управленческих инструментов.

Результаты деятельности системообразующих компаний часто оказывают существенное влияние на экономику регионов, в которых они функционируют. В свою очередь, изменения в экономике региона могут повлиять на эффективность работы компаний. В данном разделе работы будут рассмотрены взаимосвязи между результатами деятельности ПАО «РУСАЛ Братск» и показателями экономической безопасности Иркутской области. Актуальность данного исследования обусловлена важностью соотношения влияния крупных предприятий на экономику региона и обеспечения его экономической безопасности.

Для выявления взаимосвязей экономических показателей Иркутской области и финансовых показателей ПАО «РУСАЛ – Братск» построим таблицу (табл. 2.48).

Некоторые показатели Иркутской области изменяются из года в год так же, как и показатели ПАО «РУСАЛ – Братск». Чтобы оценить взаимосвязь между показателями, проведем корреляционно-регрессионный анализ. Для более точного анализа возьмем динамику за 10 лет (2012–2021 гг).

Таблица 2.48

Сравнение изменений экономических показателей Иркутской области и ПАО «РУСАЛ – Братск» за 2019–2021 гг.

Показатель	2019	2020	2021	Абсолютное отклонение	
				к 2019	к 2020
Показатели Иркутской области					
ВРП, млн.руб.	1540238	1505151	1924361	-35087	419210
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, млн.руб.	1259580	1238256	1658284	-21324	420028
Доходы бюджета, млн.руб.	194871	207709	253070	12838	45360
Среднегодовая численность занятых, тыс.человек	1082,3	1051,5	1073,1	-30,8	21,6
Показатели ПАО «РУСАЛ – Братск»					
Чистая прибыль, млн.руб.	4032	-1409	1468	-5440	2877
Выручка, млн.руб.	103533	100371	114123	-3162	13753
Численность сотрудников, чел.	6 199	6 219	6 238	20	19

Корреляционно-регрессионный анализ – это метод статистического исследования, который позволяет оценить связь между двумя или более переменными [478]. Этот анализ разделим на несколько шагов:

1. Построение корреляционных полей – проверяем взаимосвязь выручки ПАО «РУСАЛ-Братск» с ВРП, доходами бюджета и объемом отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами Иркутской области.

2. Составление регрессионного уравнения – это математический формализованный способ описания зависимости одной переменной от другой или нескольких других переменных. Из уравнения мы поймем степень влияния зависимой переменной на основе изменений независимой переменной. В нашем случае независимой переменной является выручка ПАО «РУСАЛ-Братск», а зависимыми – ВРП, доходы бюджета и объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами Иркутской области

3. Интерпретация результатов.

На рис. 2.37 представлено корреляционное поле «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами – Выручка».

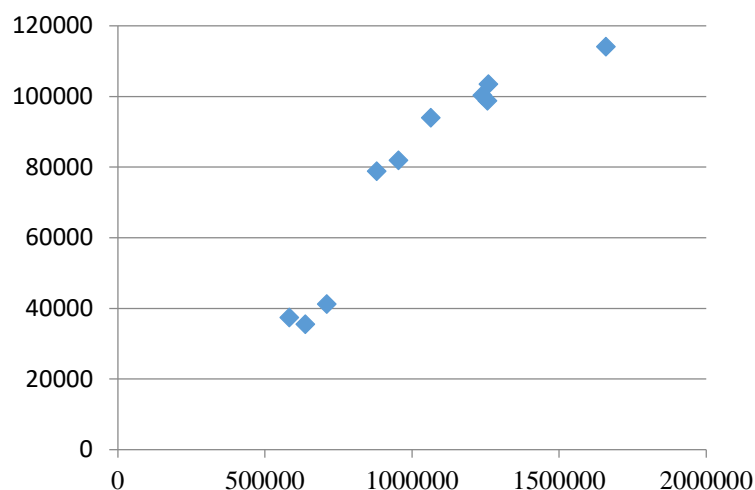

Рис. 2.37. Корреляционное поле 1, взаимосвязь между выручкой и объемом отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами

Наличие зависимости наблюдается. В среднем с увеличением значения одного признака происходит увеличение значений другого параметра. Следовательно, есть наличие положительной зависимости. Точки корреляционного поля расположены в одном направлении, значит, предположительно присутствует линейная зависимость.

На рис. 2.38 построено корреляционное поле «ВРП– Выручка».

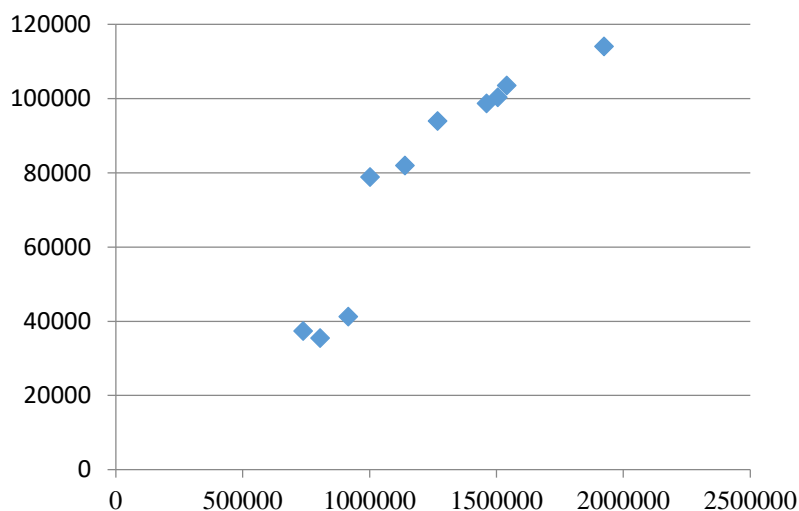

Рис. 2.38. Корреляционное поле 2, взаимосвязь между выручкой и ВРП за 2012–2021гг.

Наличие зависимости наблюдается. В среднем с увеличением значения одного признака происходит увеличение значений другого параметра. Следовательно, есть наличие положительной зависимости. Точки корреляционного поля расположены в одном направлении, значит, предположительно присутствует линейная зависимость.

На рис. 2.39 построено корреляционное поле «Доходы бюджета – Выручка».

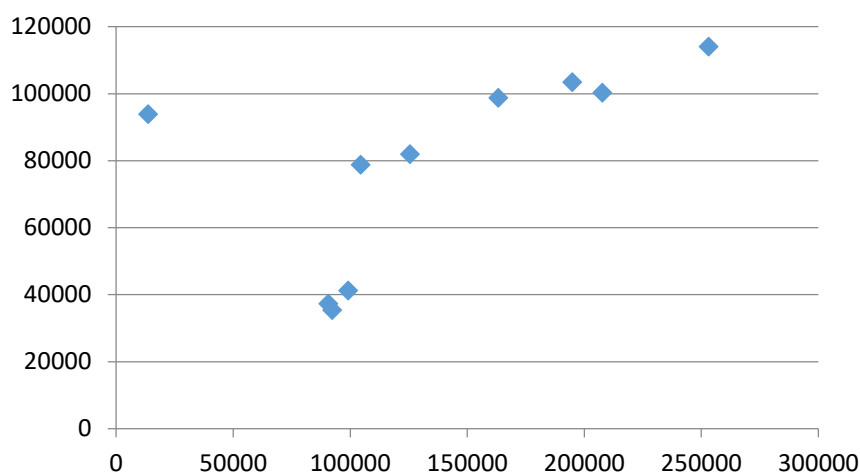

Рис. 2.39. Корреляционное поле 3, взаимосвязь между выручкой и доходами бюджета за 2012–2021 гг.

Наличие зависимости наблюдается. В среднем с увеличением значения одного признака происходит увеличение значений другого параметра. Следовательно, есть наличие положительной зависимости. Точки корреляционного поля расположены в одном направлении, значит, предположительно присутствует линейная зависимость.

Для того чтобы удостовериться, что зависимость между данными показателями рассчитаем парные коэффициенты корреляции для каждой пары показателей и построили корреляционную матрицу для парных взаимосвязей анализируемых параметров друг на друга (табл. 2.49).

Таблица 2.49

Корреляционная матрица

	Выручка	ВРП	Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами	Доходы бюджета
Выручка	1,00	0,92	0,94	0,58
ВРП	0,92	1,00	1,00	0,76
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами	0,94	1,00	1,00	0,74
Доходы бюджета	0,58	0,76	0,74	1,00

Таким образом, получено 6 парных коэффициентов корреляции, каждый из которых является положительным числом со значением от 0,58 до 1. В статистике корреляция считается сильной, если ее коэффициент выше 0,60. Следовательно, во всех имеющихся парах зависимость является сильной,

кроме показателя доходы бюджета и выручки. Значение коэффициента корреляции 0,58, что говорит о том, что зависимость есть, но средняя. Это связано с тем, что поступления в бюджет региона зависят не только от налогов, но и от неналоговых статей, а также безвозмездных поступлений [516, 444].

Из результатов корреляционного анализа можно сделать вывод, что взаимосвязь между экономическими показателями Иркутской области и ПАО «РУСАЛ – Братск» есть.

Проведем регрессионный анализ для изучения взаимосвязи между зависимой и независимыми переменными, а также для прогнозирования значений зависимой переменной на основе известных значений независимых переменных. Для этого нужно составить регрессионное уравнение.

Обозначим:

x – выручка, млн.руб.

y – Доходы бюджета, млн. руб.

z – Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, млн.руб.

w – Валовой региональный продукт, млн.руб.

Формулы парных регрессий:

$$y_i = \theta_0 + \theta_1 * x_i + \varepsilon_i, i = 1, 2, \dots, N$$

$$x_i = \theta_0 + \theta_1 * y_i - \varepsilon_i, i = 1, 2, \dots, N$$

где N – общее число наблюдений; y_i – значение признака (переменной) y в i -м наблюдении; x_i – значение признака (переменной) x в i -м наблюдении; ε_i – случайная величина (ошибка наблюдения); θ_0, θ_1 – неизвестные параметры.

С помощью метода наименьших квадратов найдем оценки неизвестных параметров уравнений. Сначала рассмотрим уравнение для выявления зависимости между выручкой ПАО «РУСАЛ – Братск» и ВРП Иркутской области.

Вычислим оценки неизвестных параметров для уравнений парной регрессии между выручкой ПАО «РУСАЛ – Братск» (x) и валовым региональным продуктом Иркутской области (w) по данным формулам:

$$\begin{cases} 10\theta_0 + 785737,09\theta_1 = 12298984,9 \\ 785737,09\theta_0 + 69701775699,96\theta_1 = 1059942716984,09 \end{cases}$$

$$\hat{\theta}_1 = \frac{\frac{1}{10} * 1059942716984,09 - 78573,7 * 1229898,5}{\frac{1}{10} * 69701775699,96 - 78573,7^2} = 11,75$$

$$\hat{\theta}_0 = \bar{w} - \bar{x} * \hat{\theta}_1 = 1229898,5 - 78573,7 * 11,75 = 306657,53$$

Получили уравнение:

$$\hat{w}_i = 306657,53 + 11,75x$$

Значение оценки $\hat{\theta}_1 = 11,75$ дает возможность сделать вывод, что увеличение количества выручки ПАО «РУСАЛ – Братск» влечет за собой увеличение валового регионального продукта Иркутской области. Так же был

рассчитан коэффициент детерминации, который равен 0,85, что говорит о том, что выручка влияет на ВРП на 85%, прочие факторы влияют на 15%.

Вычислим оценки неизвестных параметров для уравнений парной регрессии между выручкой ПАО «РУСАЛ – Братск» (x) и объемом отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (z) по данным формулам:

$$\begin{cases} 10\theta_0 + 785737,09\theta_1 = 10236848 \\ 785737,09\theta_0 + 69701775699,96\theta_1 = 889042594717,16 \end{cases}$$
$$\hat{\theta}_1 = 10,64$$
$$\hat{\theta}_0 = \bar{z} - \bar{x} * \hat{\theta}_1 = 188017,14$$

Получили уравнение:

$$\hat{z}_i = 188017,14 + 10,64x$$

Значение оценки $\hat{\theta}_1 = 10,64$ дает возможность сделать вывод, что увеличение количества выручки ПАО «РУСАЛ – Братск» влечет за собой увеличение объемов отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами Иркутской области. Так же был рассчитан коэффициент детерминации, который равен 0,88, что говорит о том, что выручка влияет на объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами Иркутской области на 88%, прочие факторы влияют на 12%.

Вычислим оценки неизвестных параметров для уравнений парной регрессии между выручкой ПАО «РУСАЛ – Братск» (x) и доходами бюджета Иркутской области (z) по данным формулам:

$$\begin{cases} 10\theta_0 + 785737,09\theta_1 = 1344596,1 \\ 785737,09\theta_0 + 69701775699,96\theta_1 = 116592963185,39 \end{cases}$$
$$\hat{\theta}_1 = 1,37$$
$$\hat{\theta}_0 = \bar{y} - \bar{x} * \hat{\theta}_1 = 26487,36$$

Получили уравнение:

$$\hat{y}_i = 26487,36 + 1,37x$$

Значение оценки $\hat{\theta}_1 = 1,37$ дает возможность сделать вывод, что увеличение количества выручки ПАО «РУСАЛ – Братск» влечет за собой увеличение доходов бюджета Иркутской области. Так же был рассчитан коэффициент детерминации, который равен 0,34, что говорит о том, что выручка влияет на доходы бюджета Иркутской области на 34%, прочие факторы влияют на 66%.

Из проделанного регрессионного анализа можно сделать вывод, что результаты деятельности ПАО «РУСАЛ – Братск» в большей степени влияют на ВРП и объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами Иркутской области, и в меньшей степени на доходы бюджета, но влияние все же присутствует.

2.11. К вопросу об экономической безопасности муниципальных образований (на материалах муниципальных образований Свердловской области)

Экономическая безопасность является одним из важнейших направлений современного российского государства. Различия в социально-экономическом уровне развития муниципальных образований позволяют выделить сильные и слабые стороны конкретных территорий. Так будут формироваться пути наращивания экономической безопасности муниципальных образований, при схожести ряда факторов, так же можно предложить совместные пути решения сложившихся ситуаций, что и обуславливает актуальность выбранной темы.

В рамках данного исследования предпринята попытка обобщить теоретические и методические аспекты исследования экономической безопасности муниципального образования, предложить параметры для расчета экономической безопасности муниципального образования с малой численностью населения через анализ индикаторов, а также дать практические рекомендации по наращиванию экономической безопасности в муниципалитете.

Анализ разработанных инструментариев в области оценки экономической безопасности на муниципальном уровне показал, что современные методики изучения процессов, связанных с обеспечением экономической безопасности муниципальных образований, находятся в стадии становления.

Так, технологии анализа экономической безопасности муниципалитетов Н.Ю. Орловой [322], А.Н. Асанова [110], Е.А. Ореховой, А.В. Плякина [320], О.В. Жигалова [192] включают системы оценочных показателей, которые традиционно классифицируются на следующие подсистемы: социальная, природная, экономическая. Количество индикаторов в методиках оценки варьируется от 12 до 32, указанные цифры носят рекомендательный характер, чем больше индикаторов, тем выше уровень экономической безопасности.

Методики, предложенные Д.В. Третьяковым, Н.В. Дюженковой, Ж.А. Мингалевой, Н.С. Обуховой, Х.М. Хаджаловой [110, 320, 192, 282, 283, 316] предусматривают подход к определению показателей экономической безопасности, который должен учитывать следующие направления, охватывающие наиболее важные сферы экономики городского населения: способность экономики муниципального образования к устойчивому росту, финансовая сфера, уровень и качество жизни населения, демографическая сфера.

В основу данного исследования легла методика Ж.А. Мингаревой, которая, на наш взгляд, обладает наибольшим количеством преимуществ (доступность статистической информации для расчета индикаторов, учет особенностей экономики муниципального образования, дифференцированные пороговые значения).

В рамках настоящего исследования, нами предложен интегральный показатель, который определяет непосредственно критерий расчета экономической безопасности муниципалитета и формирует парадигму развития. Уровень значимости каждого показателя предлагается определять, как отношение фактического значения показателя к пороговому значению. Такой подход позволяет перейти к единой безразмерной величине, что очень важно для системы, предлагающей показатели с различными единицами измерения, нормированные на пороговое значение, которое считается единым.

Для оценки экономической безопасности в табл. 2.50 обозначены ниже-приведенные критерии исследования экономической безопасности и соответствующие им значения кумулятивных показателей (для показателей, которые должны быть больше или равны пороговым значениям).

Таблица 2.50

Уровни экономической безопасности

Уровень экономической безопасности муниципального образования	Критериальные границы интегрального показателя
1. Высокий	1,00 и выше
2. Нормальный	0,80–0,99
3. Низкий (предкризисный)	0,70–0,79
4. Кризисный	0,51–0,69
5. Критический	0,50 и ниже

Составлено автором по [148]

Полагаем, верным считать то положение, при котором возможно индикативные показатели практически в полной мере (лишь с небольшими девиациями) соотносятся с нормальными значениями.

Состояние экономической безопасности низкого (предкризисного) уровня характеризуется состоянием, «когда угрозы муниципальной экономической безопасности начинают приобретать существенное значение, что необходимо учитывать в управленческих процессах» [94].

В том случае, «если не принять необходимые меры по нейтрализации угроз в экономической и социальной сферах может возникнуть опасность развития дестабилизирующих факторов, что в свою очередь, может привести либо к ухудшению общей экономической ситуации в муниципалитете, либо ослаблением безопасности по важным сферам его жизнеобеспечения» [148].

Стадии кризиса характерно «либо существенное ухудшение показателей финансово-экономического состояния объектов экономической деятельности в сочетании с ухудшением социально- демографических показателей в основных сферах жизнеобеспечения, или весьма существенным их ухудшением по нескольким важным сферам» [148].

Предложенная для анализа система индикаторов оценки уровня экономической безопасности муниципального образования представлена в табл. 2.51.

Таблица 2.51

Система индикаторов оценки уровня экономической безопасности
муниципального образования

Показатели	Пороговое значение
Объем отгруженной продукции в расчета на душу населения в сравнении с уровнем данного показателя по региону, %	Не менее 100 %
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %
Отношение инвестиций к объему отгруженной продукции, %	Не менее 25 %
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %
Уровень безработицы, %	Не более 8 %
Условный коэффициент депопуляции, доли	Не более 1
Миграционный прирост, чел	Не менее 0
Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100 %

Составлено автором по [362]

Анализ экономической безопасности муниципальных образований произведен на примере некоторых муниципалитетов Свердловской области с малой численностью населения: Арамильского городского округа, Берёзовского городского округа, Полевского городского округа.

Ключевым фактором при отборе муниципальных образований стал: расположение в непосредственной близости к крупному городу – Екатеринбург (на расстоянии от 15 до 59 км).

Отличительной особенностью данных территорий является ее малонаселенность (табл. 2.52).

На данных территориях очень низкая плотность населения. И имеется негативная тенденция к сокращению численности населения, высокая миграция. положительную динамику к росту населения имеет лишь Арамильский городской округ.

Таблица 2.52

Численность населения в регионах на 1 января соответствующего года
за 2017–2021 гг., тыс. чел. *

Наименование муниципального образования	2017	2018	2019	2020	2021
Арамильский ГО	23,10	23,27	23,26	23,45	23,64
Березовский ГО	45,74	45,12	44,38	44,10	43,85
Полевской ГО	69,70	69,00	68,60	67,50	66,40
Свердловская область	4 329	4 325	4 330	4 311	4 290

* Составлено автором.

В большинстве случаев это связано с тем, что в данных муниципальных образованиях высокий уровень доходов населения, высокие заработные платы, но это отмечается лишь на промышленных предприятиях (табл. 2.53).

Таблица 2.53

Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций в муниципальных образованиях за 2017–2021 гг., руб.

Наименование муниципального образования	2017	2018	2019	2020	2021
Арамилский ГО	37 153,7	39 933,3	43 720,7	46 055,6	50 629,0
Березовский ГО	41 633,3	44 275,8	47 089,6	47 339,4	48 874,1
Полевской ГО	35 025,1	37 423,6	40 778,1	42 155,1	47 512,4
Свердловская область	38 052,2	41 110,0	43 255,8	48 590,0	55 307,6

Составлено автором по [481, 472]

По исследуемым городским округам Свердловской области с 2017 году по 2021 год наблюдается положительная динамика объема отгруженной продукции обрабатывающей промышленности. Если рассматривать темп роста относительно 2017 года, то в 2021, наибольший показатель у Арамилского ГО – 196,08%. Наибольший показатель отгруженной продукции в Полевском ГО (табл. 2.54).

Таблица 2.54

Отгружено товаров обрабатывающей промышленностью в муниципальных образованиях Свердловской области за 2017–2021 гг., тыс. руб.

Наименование муниципального образования	2017	2018	2019	2020	2021
Арамилский ГО	7 475 001	6 292 356	7107718,2	10 293 785	14 657 298
Березовский ГО	42 302 475	43 016 707	41 219 846	79 453 580	67 599 562
Полевской ГО	63 892 011	66 405 167	62 584 938	87 253 119	93 303 037

Составлено автором по [481, 472]

Для оценки уровня экономической безопасности в городских округах были исследованы девять показателей экономической безопасности; данные, представленные в пятилетней динамике с 2017 по 2021 год.

Результаты данного анализа сравнении с их пороговыми значениями в отношении Арамилского городского округа представлены в табл. 2.55.

Исследование показало, что шесть из девяти показателей находятся в пределах пороговых значений. Это означает, что уровень экономической безопасности в городских районах составляет 66%.

Таблица 2.55

Показатели экономической безопасности Арамильского ГО
в 2017–2021 года

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Объем отгруженной продукции в расчета на душу населения в сравнении с уровнем данного показателя по Свердловской области, %	Не менее 100 %	94,25	71,12	74,17	98,50	112,71
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %	89,1	87,5	91,3	93,4	94,7
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %	30,1	28,9	38,4	58,4	38,0
Отношение инвестиций к объему отгруженной продукции, %	Не менее 25 %	12,0	9,6	6,6	7,0	4,3
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %	3,9	3,9	3,9	4	5
Уровень безработицы, %	Не более 8 %	0,5	0,5	0,7	7,1	0,66
Условный коэффициент депопуляции, доли	Не более 1	0,72	0,81	0,87	1,11	1,10
Миграционный прирост, чел	Не менее 0	51	–178	165	383	848
Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100 %	110,9	100,8	99,4	101,1	101,9

Составлено автором по [472, 394]

Анализ основных социально-экономических показателей Березовского городского округа представлен в табл. 2.56.

Таблица 2.56

Показатели экономической безопасности Березовского ГО

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Объем отгруженной продукции в расчета на душу населения в сравнении с уровнем данного показателя по Свердловской области, %	Не менее 100 %	141,67	122,04	127,01	204,45	143,64
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %	82,9	86,4	75,6	85,7	84,9
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %	31,2	33,2	33,8	36,0	42,4

Окончание табл. 2.56

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Отношение инвестиций к объему отгруженной продукции, %	Не менее 25 %	1,6	4,3	4,9	2,3	3,6
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %	6,06	6,05	6	6	6,3
Уровень безработицы, %	Не более 8 %	1,04	0,77	0,88	5,59	1,6
Условный коэффициент депопуляции, доли	Не более 1	0,8	0,84	0,89	1,18	1,35
Миграционный прирост, чел	Не менее 0	189	347	73	1200	1616
Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100 %	100,3	100,6	100,7	100,2	101,4

Составлено автором по [472, 395]

Результаты исследования показали, что 7 индикаторов из 9 коррелируют с нормальными значениями. Это означает, что степень защищенности и надежности данного муниципалитета составляет 77%.

Далее рассмотрен анализ основных социально-экономических показателей Полевского городского округа и представлен в табл. 2.57.

Таблица 2.57

Показатели экономической безопасности Полевской ГО

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Объем отгруженной продукции в расчета на душу населения в сравнении с уровнем данного показателя по Свердловской области, %	Не менее 100 %	197,68	185,86	167,5	220,45	199,16
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %	95,0	93,9	94,9	96,0	95,9
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %	39,0	41,6	42,7	44,6	42,6
Отношение инвестиций к объему отгруженной продукции, %	Не менее 25 %	4,2	3,4	6,9	2,9	2,0
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %	13,9	8,5	7,9	8,3	6,0
Уровень безработицы, %	Не более 8 %	0,47	0,34	0,48	0,62	0,54
Условный коэффициент депопуляции, доли	Не более 1	1,14	1,22	1,29	1,6	2,0
Миграционный прирост, чел	Не менее 0	-377	-500	-218	-696	-397
Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100 %	99,8	99,3	99,0	99,4	98,3

Составлено автором по [472, 396]

Результаты исследования показали, что 4 индикаторов из 9 соответствуют пороговым значениям. Это означает, что уровень экономической безопасности городского округа составляет 44%.

В процессе исследования экономической безопасности недостаточно ответить на вопрос, в какую сторону отклонен показатель социально-экономического развития от своего нормального значения. Важно также знать степень такого отклонения.

Применяя критериальные границы данного показателя, указанные в табл. 2.50, представляется правильным определить экономически оправданные «зоны риска» данных муниципальных образований (табл. 2.58–2.60).

Таблица 2.58

Уровни оценки экономической безопасности Арамильский ГО

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Объем отгруженной продукции в расчета на душу населения в сравнении с уровнем данного показателя по Свердловской области, %	Не менее 100 %	0,94	0,71	0,74	0,99	1,13
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %	1,27	1,25	1,3	1,33	1,35
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %	0,5	0,48	0,64	0,97	0,63
Отношение инвестиций к объему отгруженной продукции, %	Не менее 25 %	0,48	0,38	0,26	0,28	0,17
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %	0,56	0,56	0,56	0,57	0,71
Уровень безработицы, %	Не более 8 %	0,06	0,06	0,09	0,89	0,08
Условный коэффициент депопуляции, доли	Не более 1	0,72	0,81	0,87	1,11	1,10
Миграционный прирост, чел	Не менее 0	51	-178	165	383	848
Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100 %	1,01	1,01	0,99	1,01	1,02

Составлено автором по [472, 394]

Как следует из табл. 2.58 большинство показателей находятся на нормальном или высоком уровне. На критическом уровне находится показатель объем инвестиций на протяжении последних 5 лет.

Таблица 2.59

Уровни оценки экономической безопасности Березовский ГО

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Объем отгруженной продукции в расчета на душу населения в сравнении с уровнем данного показателя по Свердловской области, %	Не менее 100 %	1,42	1,22	1,27	2,04	1,44
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %	1,18	1,23	1,08	1,22	1,21
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %	0,52	0,55	0,56	0,6	0,71
Отношение инвестиций к объему отгруженной продукции, %	Не менее 25 %	0,06	0,17	0,2	0,09	0,14
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %	0,87	0,86	0,86	0,86	0,90
Уровень безработицы, %	Не более 8 %	0,13	0,1	0,11	0,7	0,2
Условный коэффициент депопуляции, доли	Не более 1	0,8	0,84	0,89	1,18	1,35
Миграционный прирост, чел	Не менее 0	189	347	73	1200	1616
Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100 %	1,00	1,01	1,01	1,0	1,01

Составлено автором по [472, 395]

Как следует из табл. 2.59, большинство показателей и в данном муниципальном образовании находятся на нормальном или высоком уровне. На критическом уровне находится показатель объем инвестиций на протяжении последних 5 лет.

Таблица 2.60

Уровни оценки экономической безопасности Полевской ГО

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Объем отгруженной продукции в расчета на душу населения в сравнении с уровнем данного показателя по Свердловской области, %	Не менее 100 %	1,98	1,86	1,68	2,2	1,99
Доля в промышленном производстве обрабатывающих производств, %	Не менее 70 %	1,36	1,34	1,36	1,37	1,37
Степень износа основных фондов, %	Не более 60 %	0,65	0,69	0,71	0,74	0,71

Показатели	Пороговое значение	2017	2018	2019	2020	2021
Отношение инвестиций к объему отгруженной продукции, %	Не менее 25 %	0,17	0,14	0,28	0,12	0,08
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	Не более 7 %	1,99	1,21	1,19	1,13	0,86
Уровень безработицы, %	Не более 8 %	0,06	0,04	0,06	0,08	0,07
Условный коэффициент депопуляции, доли	Не более 1	1,14	1,22	1,29	1,6	2,0
Миграционный прирост, чел	Не менее 0	-377	-500	-218	-696	-397
Годовой темп роста численности населения, %	Не менее 100 %	1,00	0,99	0,99	0,99	0,98

Составлено автором по [472, 395]

Как следует из проведенного анализа, к сильным сторонам оцениваемых территорий является:

- объем отгруженной продукции;
- доля в промышленном производстве обрабатывающих производств;
- близость к крупному центру.

Данные показатели характеризуют муниципальные образования как развитые промышленные территории. Так же сильной стороной является близость к крупному городу – Екатеринбург.

Слабыми сторонами данных муниципальных образований были выявлены следующим направления:

- отношение инвестиций от объема отгруженной продукции;
- условный коэффициент депопуляции;
- годовой темп роста численности населения;
- степень износа основных фондов.

Данные показатели указывают на критический уровень экономической безопасности по данным направлениям и требуют незамедлительного принятия мер. Ведь дальнейшее ухудшения могут привести к ухудшению ситуации, как в муниципалитете, так и региона.

Большинство показателей расположены от низкого до критического уровня. На критическом уровне находятся показатели: Объем отгруженной продукции, а также миграционный прирост и коэффициент депопуляции. Территории так же приспущен высокий уровень безработицы.

Стоит отметить, что хоть по некоторым показателям фактические данные не превышают пороговых значений, но существенно приближаются к ним. Что может говорить о том, что если не принимать меры по уменьшению данных показателей, то через определенное количество лет критических показателей будет большее количество, что потребует большего числа затрат.

Одним из основных факторов стабильности производства является стоимость отгрузки продукции собственного производства, которая зависит от прямых инвестиций, которые должны составлять не менее 25%. В обследованных городских районах уровень инвестиций низкий.

Снижение инвестиций приводит к уменьшению обновления основных фондов, что в свою очередь ведет к увеличению износа основных фондов. Это может привести к дальнейшему спаду промышленного развития и снижению производства отечественной продукции.

Тесно связанным с местной экономикой является снижение местного частного потребления. Это связано с низким ростом доходов населения, что, в свою очередь, снижает рост частного потребления. Недостаточный рост частного потребления может угрожать экономической безопасности региона, так как недостаточный рост спроса может привести к сокращению производства и экономического роста.

Кроме того, можно выделить еще два показателя экономической безопасности в производственном и социальном секторах.

Такой показатель, как степень износа основных фондов промышленных предприятий с каждым годом приближается к предельному значению в 60%. Тенденция роста данного показателя свидетельствует о том, что обновление основных фондов производственных предприятий снижается и, соответственно, увеличивается их износ.

Высокий износ основных производственных фондов означает низкое качество продукции и, как правило, высокие затраты на обслуживание и ремонт оборудования. Сильный износ оборудования иногда может иметь целый ряд негативных последствий, включая несчастные случаи с работниками на производстве, аварии на производстве и даже смертельные случаи.

Еще один показатель – уровень безработицы. Рост безработицы считается одной из самых серьезных угроз экономической безопасности. Это связано с тем, что безработица приводит к снижению уровня жизни, что, в свою очередь, ограничивает потенциал экономического развития региона. Безработица является фактором бедности, а ее рост может привести к росту преступности.

Одним из основных факторов, влияющих на безработицу, считается заработная плата. Таким образом, причина существования безработицы заключается в том, что работники не желают работать за предлагаемую заработную плату. Другими словами, если заработная плата растет, то безработица снижается. Таким образом, в проанализированных городских округах существует ряд проблем, которые нужно как можно скорее решить.

При этом стоит так же уделить внимания таким проблемам, которые в ближайшее время могут возникнуть, что повлечет за собой ряд угроз экономической безопасности не только данных территорий, а также угрозу для всей области и государства в целом.

Далее рассмотрим, какие направления и мероприятия предложены в стратегиях развития данных округов.

Итак, в Арамильском городском округе выделены четыре стратегических направления развития территории на период до 2030 года [371]:

- «Сохранение и развитие человеческого потенциала»;
- «Развитие гражданского общества и повышение эффективности управления»;
- «Арамиль – южный форпост Екатеринбургской агломерации»;
- «Формирование комфортной среды проживания».

Данные направления формируют следующие цели:

Первое направление подразумевает решение следующих задач: Сохранение и развитие физического и духовного здоровья жителей Арамильского городского округа на основе:

- улучшение здоровья жителей округа, в том числе: через создание условий для оказания медицинской помощи населению;
- формирование социального и профессионально компетентного гражданина путем развития образования, соответствующего современным потребностям общества и требованиям инновационного развития экономики;
- сохранение и развитие культурной среды;
- обеспечение доступности занятий физической культурой и спортом для всех жителей городского округа;
- формирование нравственной культуры жителей;
- создание условий для устойчивого развития туризма в Арамильском городском округе.

Второе направление направлено на решение таких задач как:

- создание правовых, информационных, организационных и прочих условий для функционирования и развития институтов гражданского общества;
- повышение активности граждан, в решении актуальных вопросов жизнедеятельности;
- создание комплекса условий, обеспечивающих эффективное функционирование и развитие городского информационного пространства;
- формирование у населения культуры социальной жизни.

Третьим направлением является «Арамиль – южный форпост Екатеринбургской агломерации»

Оно направлено на решение таких задач как:

- повышение инвестиционной привлекательности Арамильского городского округа, наращивание ресурсной базы для реализации инвестиционных проектов;
- создание благоприятных условий для осуществления инвестиционной деятельности;
- содействие развитию экспортно-ориентированных предприятий;

- стимулирование увеличения числа субъектов малого и среднего предпринимательства;

- развитие сбалансированной транспортной инфраструктуры, осуществляющей обслуживание интенсивных грузо- и пассажиропотоков.

И четвертое направление поможет разрешить задачи по следующим направлениям:

- повышение уровня обеспеченности жильем;
- совершенствование жилищно-коммунального хозяйства;
- повышения эффективности использования энергетических ресурсов;
- создание безопасных и благоприятных условий проживания граждан;
- поддержание качества окружающей среды, благоприятной для здоровья людей;

- повышение уровня безопасности населения.

Стратегическое развитие Арамильского городского округа направлено на решение социально экономических проблем, которые сложились и продолжают быть актуальными на сегодняшний день. Администрация городского округа видит дальнейшее развитие данной территории в общей градостроительной концепции развития области и примыкающих к Екатеринбургской территории.

Администрация Березовского городского округа выделяет следующие приоритетные направления социально-экономического развития территорий [372]:

- сохранение экономической стабильности и переход к устойчивому развитию;

- повышение качества жизни населения, снижение уровня социального неравенства;

- обеспечение безопасности березовчан;

- экологическое развитие;

- обеспечение эффективности системы муниципального управления.

Комплексное развитие Березовского городского округа должно обеспечивать взаимосвязанное развитие основных подсистем: социально-демографической структуры, экономической базы, социальной инфраструктуры и природно-экологической среды;

Стратегия развития Березовского городского округа разработана по следующим направлениям:

- направление «Сохранение и развитие человеческого потенциала»;

- направление «Развитие экономического потенциала»;

- направление «Развитие инженерной инфраструктуры и жилищно-коммунального хозяйства»;

- направление «Развитие транспортной инфраструктуры»;

- направление «Экология. Благоустроенная среда. Рекреационные зоны»;

- направление «Безопасность»;

- направление «Развитие гражданского общества»;
- направление «Градостроительство и землепользование».

Администрация Березовского городского округа видит развитие данной территории только при согласовании приоритетов и планов с планами других участников агломерации на основании принципов конкурентного сотрудничества.

Администрация Полевского городского округа выделяет следующие принципы стратегического планирования в округе [373]:

- интеграция развития Полевского городского округа в социально-экономические и социокультурные процессы, протекающие в Свердловской области, Российской Федерации;
- интеграция Полевского городского округа в процессы социально-экономического развития Екатеринбургской агломерации;
- учет агломерационных процессов при формировании концепции пространственного развития округа;
- ориентация не на совокупность отдельных мероприятий, а на системный характер планируемых преобразований, сохраняющий целостный образ городского округа;
- учет интересов различных категорий населения;
- активное привлечение творческого потенциала населения в процессе разработки и реализации Стратегии;
- стремление к оптимальному сочетанию экономической эффективности и социальной направленности приоритетных направлений развития округа.

Развития территории происходит по следующим направлениям:

- взаимодействие с градообразующим предприятием;
- поддержка развития малого и среднего предпринимательства;
- развитие сельского хозяйства (животноводство);
- инвестиции в развитие высокопроизводительных инновационных производств;
- развитие логистики в составе транспортно-логистической схемы Свердловской области.

Главной целью Полевского городского округа стоит – стать связующим звеном в составе Екатеринбургской агломерации с развитой придорожной инфраструктурой.

Так после анализа стратегических планов анализируемых городских округов можно сделать выводы:

- 1) основные проблемы, которые присущи всем округам:
 - развитие инвестиционного сектора;
 - повышения качества жизни населения;
 - развитие транспортной инфраструктуры.
- 2) в стратегических планах, городские округа рассматривают развитие своих территорий в составе единой Екатеринбургской агломерации.

Для увеличения показателей, которые представляют угрозу экономической безопасности, представляется правильным рекомендовать осуществить следующие общие для всех муниципальных образований мероприятия:

- развитие инвестиционного сектора;
- создание и развитие высокопроизводительных инновационных производств;
- стимулирование инновационной деятельности;
- развитие взаимодействия с градообразующими предприятиями;
- повышение доступности и качества образования, здравоохранения, культуры, физической культуры, спорта и социального обслуживания, в том числе за счет повышения эффективности и результативности бюджетных расходов и закрепления высококвалифицированных кадров;
- финансовая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства;
- разработка механизмов финансирования, направленных на стимулирование открытия новых видов производств;
- увеличение жилищного фонда и объектов производственного назначения.

Данные мероприятия направлены на создание новых технологичных объектов, которые позволят, решит сразу несколько проблем.

Во-первых, такие объекты будут инвестиционно привлекательны, таким образом, должны появиться инвесторы не только на данных территориях, но и извне.

Во-вторых, так сформируются новые рабочие места, тем самым уменьшив отток населения, а также повысят привлекательность территории.

В-третьих, будут обновлены основные фонды, что положительно скажется на выпуске региональной продукции.

Далее отметим сильные и слабые стороны экономической безопасности каждого муниципального образования и дадим рекомендации для них.

В Арамилском городском округе, слабой стороной является – Отношение инвестиций от объема отгруженной продукции. Так же показатели по изношенности основных фондов приближается к критическому состоянию.

Данные показатели взаимосвязаны, для решения данных проблем, нужно обновление производств, что позволит повысить производство собственной продукции, при уменьшении затрат. А как следствие и обновление основных фондов, и увеличение показателей отгруженной продукции.

В Березовском городском округе, слабыми сторонами являются:

- отношение инвестиций от объема отгруженной продукции;
- степень износа основных фондов;
- высокий показатель депопуляции населения;

Для решения данных проблем, нужно разработать программу для привлечения инвестиций с более высокого уровня, а также стимулировать субъектов малого и среднего предпринимательства.

В Полевском городском округе, слабыми сторонами являются:

- отношение инвестиций от объема отгруженной продукции;
- объем отгруженной продукции;
- степень износа основных фондов;
- высокий показатель депопуляции населения.

Для решения данных проблем, нужно учесть процессы при формировании концепции пространственного развития округа. Ориентация не на совокупность отдельных мероприятий, а на системный характер планируемых преобразований, сохраняющий целостный образ городского округа, а также развитие логистики в составе транспортно-логистической схемы Свердловской области.

Так как оцениваемые муниципальные образования имеют схожие проблемы экономической безопасности, то, по нашему мнению, решением многих проблем станет создание единой системы – агломерации. Поэтому было принято решение рассматривать исследуемые объекты как целостную систему, а не отдельные территории.

Помимо основных проблем были выделены такие проблемные направления как:

- несбалансированность развития системы расселения в городах;
- несогласованность развитие транспортной системы агломерации и отсутствия единой системы транспортно-пересадочных узлов;
- слабо развитость территорий;
- недостаточная обеспеченность населенных пунктов объектами социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, физическая культура);
- низкая инвестиционная активность;
- высокая степень износа основных фондов.

Создание агломерации позволит решить данные проблемы ведь целью развития агломераций является реализация совместного, скоординированного плана социально-экономического и территориального развития агломерации как единого социального и инвестиционного пространства, а также минимизация негативных последствий неконтролируемого разрастания агломерации в целом или ее отдельных частей.

Помимо этого, требуется **развитие общей транспортной сети**. В настоящее время в крупнейших городах России актуальна проблема развития территориальных транспортных систем. Приоритетом в данных условиях является поиск решений, позволяющих снизить уровень негативного воздействия транспорта на окружающую среду, сократить время, затрачиваемое горожанами на различные поездки. Этого можно достигнуть за счет создания рациональной планировочной структуры и функционального зонирования, использования экологически нейтральных видов транспорта, а также развития транспортной инфраструктуры, в том числе улично-дорожной

сети, сети скоростного и ускоренного видов общественного пассажирского транспорта.

Кроме того, нужно создать сети и инфраструктуры городского общественного пассажирского транспорта на территориях с высокой плотностью мест проживания и приложения труда. Усовершенствование транспортной системы предусматривает и развитие сети транспортно-пересадочных узлов, включающих в себя остановки внешнего пассажирского транспорта, остановки скоростного/ускоренного городского и пригородного общественного пассажирского транспорта, парковки и объекты вспомогательных функций.

Таким образом, будут решены следующие задачи:

- 1) повышение уровня мобильности населения;
- 2) увеличение транспортной связанности территории;
- 3) обеспечение доступности территорий;
- 4) установление устойчивых агломерационных и внешних связей.

В настоящее время наблюдается тенденция неравномерного экономического развития городских территорий. Решение этой проблемы – сбалансированное развитие городского пространства с диверсифицированной экономикой и инфраструктурой, а также высоким качеством жизни населения.

Формирование многофункциональных городских территорий обеспечит устойчивое пространственное развитие города и окажет существенное влияние на качество жизни горожан. При этом будет учитываться принцип сохранения существующих рабочих мест и появления новых, отвечающих всем требованиям современных стандартов и качества. Выявление в границах города неэффективно используемых территорий, имеющих дополнительный потенциал развития, даст важный ресурс, который в отличие от отдаленных районов уже обеспечен транспортно-инженерной инфраструктурой.

Так же возможно назначение новых функций для неэффективно используемых территорий, имеющих наибольший потенциал к преобразованию. Одной из основных задач развития территории является выявление в его планировочной структуре неэффективно используемых и имеющих пространственный потенциал территорий.

Наиболее привлекательными территории могут быть для расположения производственных предприятий, жилых домов, индивидуальной жилой застройки, земельные участки, находящиеся в зоне обслуживания скоростным и ускоренным видами общественного транспорта, а также территории вблизи рекреационных ресурсов.

Перераспределение земельных ресурсов приведет к наиболее эффективному использованию, а также разгрузка территорий.

Таким образом, оптимальное решение проблем городских пространств возможно при комплексном развитии трех составляющих: транспортной инфраструктуры, городских территорий и среды, а также инвестиционной привлекательности городских округов.

Таким образом, при формировании агломерации будут решены вышеперечисленные проблемы, а также последует укрепление экономической безопасности муниципальных образований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК К РАЗДЕЛАМ 1 И 2

1. «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» (утв. распоряжением Правительства РФ от 01.10.2021 №2765-р) (с изм. от 24.12.2021). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/.

2. AA // Russia's central bank says capital outflow rises by 266% in Q1 // <https://www.aa.com.tr/en/economy/russia-s-central-bank-says-capital-outflow-rises-by-266-in-q1/2560981>.

3. Anderson, A. (2019). Virtual Reality, Augmented Reality and Artificial Intelligence in Special Education. S.l: Routledge.

4. Anheier, H.K. Nonprofit Organizations: Theory, Management, Policy. London: Routledge, 2005.

5. Arnell, N.W. Global and regional impacts of climate change at different levels of global temperature increase / N.W. Arnell, J.A. Lowe, A.J. Challinor // Climatic Change. – 2019. – №155. – С. 377–391. URL: <https://doi.org/10.1007/s10584-019-02464-z>.

6. Ashby W. Ross. An introduction to cybernetic. – Chapman & Hall, Ltd, 1956. – 308 p.

7. Assessment of Undiscovered Copper Resources of the World, 2015. Scientific Investigations Report 2018-5160 / Jane M. Hammarstrom, Michael L. Zientek, Heather L. Parks, Connie L. Dickens, and U.S. Geological Survey Global Copper Mineral Resource Assessment Team // USGS // [Электронный ресурс] – URL: <https://pubs.er.usgs.gov/publication/sir20185160/>

8. Auffhammer, M. Quantifying economic damages from climate change / M. Auffhammer // J. Econ. Perspect. – 2018. – № 32 (4). – С. 33–52. URL: <https://doi.org/10.1257/jep.32.4.33>.

9. Aytasova, A.S., Solopova, N.A., Karpenko, P.A. Development the Risk Management System of Processes in the Enterprise, IEEE Conference of Russian Young Researchers in Electrical and Electronic Engineering (EICOnRus), Saint Petersburg and Moscow, Russia, P. 1357–1360.

10. Billis D., Glennerster H., Human Services and the Voluntary Sector: Towards a Theory of Comparative Advantage // Journal of Sources of Government Growth, NC, 1998. – № 27. – P. 79–98.

11. BofA Global Research / EEMEA Metals & Mining / Russia Weighing global supply risks. URL: <https://yale.app.box.com/s/ubhl3wfaq869kekmer-vusq5ynwkejek0y>.
12. Business Retreats and Sanctions Are Crippling the Russian Economy / Jeffrey Sonnenfeld, Steven Tian, Franek Sokolowski, Michal Wyrebkowski, Mateusz Kasprowicz / SSRN, July 19, 2022 // [Электронный ресурс] – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4167193.
13. Ciocoiu, C. N. (2008). Risk management – theories, practices, methodologies, vol. 1, Editura ASE, P. 49–50, 53.
14. Ciscar, J.-C. Assessing future climate change impacts in the EU and the USA: insights and lessons from two continental-scale projects / J.-C. Ciscar, J. Rising, R.E. Kopp, L. Feyen // Environ. Res. – 2019. – Lett. 14 (8). URL: <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab281e>.
15. Clayton T., Radcliffe N. Sustainability (vol. 1st). London: Routledge, 2018.
16. CNPC / About CNPC / Our Businesses / Natural Gas & Pipelines / Central Asia-China Gas Pipeline // [Электронный ресурс] – URL: https://www.cnpc.com.cn/en/CentralAsia/CentralAsia_index.shtml.
17. Congress.gov / Legislation / 115th Congress / H.R.3364 – Countering America's Adversaries Through Sanctions Act // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>.
18. Cortright, J. High tech specialization: a comparison of high technology centers / J. Cortright, H. Mayer // The Brookings Institution Survey Series. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/specialization.pdf>.
19. Crane A., Matten D., Glozer S., Spence L., Business Ethics (vol. 5th). Oxford: Oxford University press, 2019.
20. de Vasconcelos, G. (2015). The Third Industrial Revolution - Internet, Energy And A New Financial System. Retrieved from: <https://www.forbes.com/sites/goncalodevasconcelos/2015/03/04/the-third-industrial-revolution-internet-energy-and-a-new-financial-system/#7160bb99271a>.
21. DeFries, R. The Missing Economic Risks in Assessments of Climate Change Impacts / R. DeFries, O. Edenhofer, A. Halliday, G. Heal, T. Lenton, M. Puma, J. Rising, J. Rockstrom, A.C. Ruane, H.J. Schellnhuber, D. Stainforth, N. Stern, M. Tedesco, B. Ward. – Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment, 2019.
22. Deptuła, A. M., Knosala, R. (2015). Risk assessment of the innovative projects implementation, Management and Production Engineering Review, 6(4), Dec. 2015, P. 15–25.
23. Deutsche Bank / Focus CEEMEA / CEE: current account deficits reach record highs; what's next? URL: <https://yale.app.box.com/s/viwlwefgxtk-kio9n0f7kihs1j7kje8ov>.

24. Deysher, B. (2015). A Risk Based Thinking Model for ISO 9001:2015, <http://asq.org/audit/2015/01/a-risk-based-thinking-model-for-iso-9001-2015.pdf>, accessed to 18.06.2019.
25. Diaz, D. Quantifying the economic risks of climate change / D. Diaz, F. Moore // *Nature Climate Change*. – 2017. – № 7 (11). – С. 774–782. URL: <https://doi.org/10.1038/nclimate3411>.
26. Dunham, Barrows. *Heroes & heretics: A polit. history of Western thought* / Barrows Dunham. – New York: A. Knopf, 1963. – 484 p.
27. Dvoryadkina E, Prostova D., Mechanisms of the sustainable development of non-profit organizations in the region. E3S Web of Conferences 208, 03023 (2020) IFT 2020. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202020803023>.
28. Elkin, S. E. Design methods of human development management system / S. E. Elkin, O.S. Elkina, S.E. Metelev // *International Journal for Quality Research*. – 2017. – Vol. 11, № 3. – P. 559–571.
29. Elkina, O.S. Strategy of economic behavior on the labor market: practical research experience / O. S. Elkina, S. E. Elkin // *Saint-Petersburg Scientific Journal*. – 2018. – No. 4(1). – P. 4. – EDN TNCHLG.
30. ESG-трансформация как вектор устойчивого развития: В трех томах. Том 1 / под общ. ред. К.Е. Турбиной и И.Ю. Юргенса. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. – 631 с.
31. Eurostat / Data / Database / Imports of oil and petroleum products by partner country – monthly data // [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/nrg_ti_oilm.
32. Firm, K.S. (2014). Risk, Innovation and the Extended Enterprise, <https://www.theirm.org/media/1048473/EE-Chapter-2.2-Risk-and-Innovation.pdf>, accessed to 19.06.2019.
33. Fobel, P., Forgon, T., Klimentová Fobelová, Monika (2019). Innovation management in good practice context, *Management Systems in Production Engineering*, 27(2), P. 69–73.
34. Foray, D. Smart Specialization: the concept / D. Foray, P.A. David, B. Hall // *Knowledge for growth. Prospects for science, technology, and innovation: selected papers from research commissioner Janez Potochnk's*. Belgium: Expert Group. – 2009. – P. 20–24.
35. Frenken, K. Related variety, unrelated variety and regional economic growth / K. Frenken, F. van Oort, T. Verburg // *Regional Studies*. – Vol. 41. – №5. – P. 685–697.
36. Gilley, A., Godek, M., & Gilley, J. W. (2009). The University Immune System: Overcoming Resistance to Change. *Contemporary Issues In Education Research*, 2(3), P. 1–6.

37. Glossary: High-tech classification of manufacturing industries. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:High-tech_classification_of_manufacturing_industriesю.

38. Gunasekaran, A., Subramanian, N., Ngai, W.T.E. (2019). Quality management in the 21st century enterprises: Research pathway towards Industry 4.0, *International Journal of Production Economics*, Vol. 207, January 2019, P. 125–129.

39. Hansmann H., *Economic Theories of Nonprofit Organization*. In the *Non-profit Sector: A Research Handbook*, edited by Walter W. Powell. – P. 27–42. New Haven: Yale University Press, 1987.

40. Hermann, M., Pentek, T., & Otto, B. (2016). Design Principles for Industrie 4.0 Scenarios. Retrieved from: <https://ieeexplore.ieee.org/stamp/stamp.jsp?tp=&arnumber=7427673>.

41. Hobsbawm, E. (1988) *The Age of Revolution: Europe 1789-1848*. S.I: Weidenfeld & Nicolson Ltd.

42. Hodrick R.J. *Postwar U.S. Business Cycles: An Empirical Investigation*. *Journal of Money / R.J. Hodrick, E.C. Prescott // Credit and Banking*. – 1997. – 29(1).

43. <http://contentmarketingpro.ru/quotes/137-vdoxnovlyayushhix-citat-orabote-v-2022-godu/?ysclid=lqeyngbt10271859715>.

44. *Human Development Management and Organizational Changes / S.E. Elkin, S.E. Metelev, I.S. Metelev, M. Murat*. – Warsaw: Wyższa Szkoła Stożków Międzynarodowych i Amerykanistyki, 2016. – 251 p.

45. IEA / *Oil Market and Russian Supply // [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.iea.org/reports/russian-supplies-to-global-energy-markets/oil-market-and-russian-supply-2>.

46. *Ifinance / Отток капитала из России по годам: 1999-2022 // [Электронный ресурс]* – URL: <http://global-finances.ru/ottok-kapitala-iz-rossii-po-godam/>

47. Inkeles A., Bauer R.A. *The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society*. – Cambridge: Harvard University Press. 1959. – 533 p.

48. Ismail, S., Malone, M. S., & van Geest, Y. (2014). *Exponential Organizations: Why new organizations are ten times better, faster, and cheaper than yours (and what to do about it)*. S.I: Frost & Sullivan's.

49. ISO – <https://www.iso.org/committee/629121/x/catalogue/p/0/u/1/w/0/d/0> accessed to 17.02.2020.

50. ISO / IEC 31010: 2019 Risk management – Risk assessment techniques.

51. ISO 31000:2018 Risk management – Guidelines.

52. ISO 9001: 2015 Quality management systems- requirements.

53. J.P. Morgan / *Global Commodities/ The Russian Commodity Gambit // URL: https://yale.app.box.com/s/dll431q01peuxzs524gohwaoh6apaq5u*.

54. Khan, R.N. (1987). *The Third Industrial Revolution: an economic overview*. *The Third industrial revolution – Impact of science on society*, (146), P. 115–122.

55. Korshunov, G.I. (2019). Assessment of Risks and Capabilities in an Innovative Project Quality Managing, Proceedings of the International Scientific Conference «Far East Con» (ISCFEC 2018), available at <https://doi.org/10.2991/is-cfec-18.2019.161>.

56. Krukowska, E. EU Plans Steps to Cushion Impact of Sudden Russian Gas Halt / Ewa Krukowska // Bloomberg, July 13, 2022 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-07-13/eu-plans-steps-to-cushion-impact-of-sudden-russian-gas-halt?sref=qHIByWsS>.

57. Kutsenko, E. «Whirlpools» and «Safe Harbors» in the Dynamics of Industrial Specialization in Russian Regions / E. Kytsenko, Y. Eferin // Foresight and STI Governance, 2019. – vol. 13. – no 3. – P. 24–40.

58. Mascaretti, A. Heterogeneity of technological structures between EU countries: an application of complex systems methods to input–output tables / A. Mascaretti, et al. // Expert Systems With Applications. – 2022. – V. 206. – 117875. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eswa.2022.117875>.

59. McCloskey, D. (2004). Review of The Cambridge Economic History of Modern Britain, Times Higher Education Supplement. Retrieved from <https://www.deirdremccloskey.com/articles/floud.php>.

60. Mikael Höök, Robert Hirsch, Kjell Aleklett. Giant oil field decline rates and their influence on world oil production // Energy Policy Volume 37, Issue 6, June 2009. – PP. 2262-2272 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301421509001281>

61. Muntone, S. (2013). Second Industrial Revolution. Retrieved from: www.education.com.

62. New gas pipeline geopolitics in central and eastern Europe / Warsaw Institute, 12.21.2019. URL: <https://warsawinstitute.org/wp-content/uploads/2020/01/New-Gas-Pipeline-Geopolitics-in-Central-and-Eastern-Europe-Warsaw-Institute-report.pdf>.

63. Organization of the Petroleum Exporting Countries / Data / Graphs / OPEC Basket Price // [Электронный ресурс]. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/data_graphs/40.htm.

64. Ostrom, L.T., Wilhelmsen, C.A. (2019). Risk Assessment: Tools, Techniques, and Their Applications, John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, USA.

65. Pendall R. Resilience and Regions: Building Understanding of the Metaphor / R. Pendall, K.A. Foster, M. Cowell // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. – 2010. – 3(1). – P. 71–84.

66. Pinto, M. Eco-socio-economic vulnerability assessment of Portuguese fisheries to climate change / M. Pinto, M. Albo-Puigserver, J. Bueno-Pardo, J. Monteiro, M. Teodósio, F. Leitão // Ecological Economics, Elsevier. – 2023. – vol. 212. URL: <https://www.researchgate.net/publication/372221945>

67. Provisional State of the Global Climate 2023. URL: <https://wmo.int/files/provisional-state-of-global-climate-2023>.

68. Rao, N.D. Improving poverty and inequality modelling in climate research / N.D. Rao, B.J. van Ruijven, K. Riahi, V. Bosetti // *Nature Climate Change*. – 2017. – № 7 (12). – С. 857–862. URL: <https://doi.org/10.1038/s41558-017-0004-x>.
69. Ratcliffe, V., Di Paola, A., Martin, M. Saudi Arabia Pledges to Expand Oil Output Capacity / Verity Ratcliffe, Anthony Di Paola, Matthew Martin // *Bloomberg*, March 11, 2020 // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-03-11/aramco-will-boost-oil-output-capacity-to-13-million-barrels-day?sref=qHIByWsS>.
70. Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf>.
71. Ridder, K. Procedural climate justice: Conceptualizing a polycentric solution to a global problem / K. Ridder, F. Schultz, I. Pies // *Ecological Economics*, Elsevier. – 2023. – vol. 214. URL: <https://www.researchgate.net/publication/373946819>.
72. Rifkin, J. (2013). *The Third Industrial Revolution; How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World*. s.l: Palgrave MacMillan.
73. Rising, J. Challenges and innovations in the economic evaluation of the risks of climate change / J. Rising, C. Taylor, C. Matthew, R. Ward. – *Ecological Economics*, Elsevier, 2022. – 197 с.
74. Rogers, A.A. Valuing non-market economic impacts from natural hazards / A.A. Rogers, F.L. Dempster, J.I. Hawkins, R.J. Johnston, P.C. Boxall, J. Rolfe, M.E. Kragt, M.P. Burton, D.J. Pannell // *Natural Hazards*. – 2019. – № 99 (2). – С. 1131–1161. URL: <https://doi.org/10.1007/s11069-019-03761-7>.
75. Saleh, A. (2017). *The Integration between Quality Management and Risk Management Systems*, available at <https://ayatsaleh.com/2017/09/12/the-integration-between-qualitymanagement-and-risk-management-systems/>.
76. Samani, M. A., Ismail, N., Leman Z., Zulkifli, N. (2019). Development of a conceptual model for risk-based quality management system, *Total Quality Management & Business Excellence*, 30:5-6, P. 483–498.
77. Schultes, A. Economic damages from on-going climate change imply deeper near-term emission cuts / A. Schultes, F. Piontek, B. Soergel, J. Rogelj, L. Baumstark, E. Kriegler, , O. Edenhofer, G. Luderer // *Environ. Res.* – 2021. – Lett. 16 (10), 104053. URL: <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ac27ce>.
78. Schwab, K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution*. S.l: Penguin Books Limited.
79. Ścierski, J. M. (2012). The use of quality management systems for limiting the risk of business processes, *Scientific Journals Maritime University of Szczecin*, 32(104) z. 1, P. 108–114.
80. Sen A. Development as capability expansion. *Journal of Development Planning*. 1989:19:41-58. DOI: 10.1007/978-1-349-21136-43.

81. Šipilova, V. When regional growth does not benefit from high-tech specialization? / V. Šipilova // Explaining the experience of Latvian regions. *Procedia Economics and Finance*. – 2015. – V. 30. – P. 863–875.

82. Statista / Chemicals & Resources / Petroleum & Refinery / Difference between Urals and Brent oil price from December 31, 2021 to August 15, 2022 // https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.40df16a7-62fb65f7-656af262-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/1298092/urals-brent-price-difference-daily/.

83. Statistical classification of economic activities in the European Community (NACE). URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Statistical_classification_of_economic_activities_in_the_European_Community_\(NACE\)](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Glossary:Statistical_classification_of_economic_activities_in_the_European_Community_(NACE)).

84. Steinberg R., *Economic Theories of Nonprofit Organization*. In the *Nonprofit Sector: A Research Handbook*, edited by Walter W. Powell and Richard Steinberg. New Haven: Yale University Press, 2006. – P. 117–139.

85. Stern, N. A time for action on climate change and a time for change in economics. In: Grantham Research Institute on Climate Change and the Environment. URL: <https://www.lse.ac.uk/granthaminstitute/wp-content/uploads/2021/10/working-paper-370-Stern.pdf>.

86. Strategy of human capital management as an element of economic security / S.E. Elkin, S.Yu. Solodovnikov, O.S. Elkina [et al.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-образовательный консалтинговый центр, 2018. – 246 p.

87. Turak, N. Villas by the sea: Rich Russians fleeing sanctions are pumping up Dubai's property sector / Natasha Turak // CNBC // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.cnn.com/2022/07/07/rich-russians-fleeing-sanctions-are-pumping-up-dubais-property-sector.html>.

88. Титова, Н.С. К вопросу об этимологии слов «воспитание», «образование», «просвещение» / Н.С. Титова // Роль вузовской науки в повышении эффективности муниципального самоуправления: междисциплинарный подход: материалы 5-ой науч.-практ. конф. – М.: Одинцово, 2009. – С. 311–316.

89. U.S. Department of state / Key Topics – Bureau of Energy Resources / Protecting Europe's Energy Security Act (PEESA), as Amended // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/protecting-europes-energy-security-act-peesa/>.

90. Vortexa / Crude / Products / Freight / What does 2023 hold for the oil market? // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vortexa.com/insights/crude/what-does-2023-hold-for-the-oil-market/>.

91. Weisbrod B., *The Nonprofit Economy*, 2d ed. Cambridge: Harvard University Press, 1991.

92. Yale school Leadership Institute / Chief Executive Leadership Institute / Over 1,000 Companies Have Curtailed Operations in Russia – But Some Remain

// [Электронный ресурс] – URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-1000-companies-have-curtailed-operations-russia-some-remain/>.

93. Yale school of management / Yale CELI List of Companies Leaving and Staying in Russia // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yalerussianbusinessretreat.com/>.

94. Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.

95. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – №12.

96. Абдуллин, А.Г. Самоопределение и самореализация молодежи России: социально-нравственные и психолого-педагогические аспекты проблемы / А.Г. Абдуллин, В.В. Лихолетов, И.Г. Рябова // Интеграция образования. – 2021. – Т. 25, № 3. – С. 440–462.

97. Адамов, Н.А. Влияние изменения климата на экономическую безопасность регионов России / Н.А. Адамов, Л.П. Чижова, Н.О. Курдюкова // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. – 2020. – № 1. – С. 87–90.

98. Акаева, С.А. Об отраслевых и технологических структурных сдвигах, необходимых для модернизации российской экономики / С.А. Акаева, В.Н. Соколов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие), 2016. – Т. 7. – № 3. – С. 38–48.

99. Акбердина В. В., Смирнова О. П. Экономическая безопасность региона: оценка и перспективы/Региональная экономика: теория и практика – 2018. – Т.16, №8. – С. 1506–1517.

100. Акбердина, В.В. Региональные аспекты индустриального развития: обзор подходов к формированию приоритов и механизмов регулирования / В.В. Акбердина, О.А. Романова // Экономика региона. – 2021. – Т. 17. – вып. 3. – С. 714–736.

101. Альтшуллер, Г.С. Как стать гением. Жизненная стратегия творческой личности / Г.С. Альтшуллер, И.М. Верткин. – Мн.: Беларусь, 1994. – 479 с.

102. Ананьин, Г.Е. Реализация системного подхода в теории воспитания 1970-х гг. – начала XXI века: автореф. дис... канд. пед. наук / Г.Е. Ананьин. – Ярославль: ЯГПУ, 2011. – 23 с.

103. Андросов, И.В. Некоторые аспекты типологии понятий в системе экономической безопасности / И.В. Андросов // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – №1 (035). – С.13–18.

104. Андрющенко, О.Г. Системный инструментальный оценки и планирования развития инвестиционного потенциала региона // Известия ТРТУ: тематический выпуск. – 2014.

105. Аникеев, А.Б. Идеалы социальной справедливости в России / А.Б. Аникеев. Режим доступа: <https://proza.ru/2022/08/31/1519>.

106. Антонова, И. Крестный ход по-советски / И. Антонова. Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/content/17941> (30.04.2009).

107. Артамонова, А.С., Оценка функционирования социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах // Современная экономика: проблемы и решения. – 2019. – № 5 (113). – С. 104–118.
108. Артемова, О.В. Инновационное развитие регионов Уральского макрорегиона / О.В. Артемова, А.О. Ужегов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2023. – № 1 (69). – С. 9–20.
109. Арчаков, В.Ю. Некоторые новые подходы к обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь / В.Ю. Арчаков, С.Ю. Солодовников, А.Л. Баньковский, Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2022. – Вып. 16. – С. 7–23.
110. Асанов, А.Н. Инновационная система управления обеспечением экономической безопасности муниципальных образований / А.Н. Асанов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – №2. – С. 11–17.
111. Аузан А.А. Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 160 с.
112. Бадалова А.З., Синенко О.А. Доходы местных бюджетов административных центров Дальневосточного федерального округа: земельный налог // Вестник Евразийской науки, 2019. – №1. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/56ECVN119.pdf>.
113. Безрукова, В.С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В.С. Безрукова. – Екатеринбург: 2000. – 937 с.
114. Белов В.И., Антипова А.С. Общая характеристика государственного внешнего долга Российской Федерации на современном этапе развития / *Modern Science*. – 2019. – №4-2. – С. 75–78.
115. Бенц, Д.С. Среднесрочные тренды экономического и технологического развития регионов металлургического профиля / Д.С. Бенц, А.В. Резепин // *Journal of New Economy*. – 2023. – Т. 24, № 3. – С. 91–118.
116. Бенц, Д.С. Эффективность пространственного развития территории как индикатор оценки деятельности региональной власти: кейс Челябинской области / Д.С. Бенц // *Управленец*. – 2021. – Т. 12, № 6. – С. 49–66.
117. Бобылев, С.Н. Циркулярная экономика и ее индикаторы для России / С.Н. Бобылев, С.В. Соловьева // *Мир новой экономики*. – 2020. – Т.14. – №2. – С. 63–72.
118. Богатырёва, В.В., Бословяк С.В. Человеческий капитал как фактор повышения инвестиционной активности // *Часопис Економічних Реформ*. – 2017. – №2 (26). – С. 91–98.
119. Бойко, И.В. Пространственная и технологическая диверсификация российской экономики // *Управленческое консультирование*. – 2018. – №6. – С. 68–76.
120. Большая экономическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2007. – 816 с.

121. Бранский, В.П. Социальная синергетика и акмеология. Теория самоорганизации индивидуума и социума / В.П. Бранский, С.Д. Пожарский. – СПб.: Политехника, 2001. – 159 с.

122. Бриллиантова, В.В. Технологическое разнообразие и самообеспеченность производства передовыми производственными технологиями в российских регионах / В.В. Бриллиантова, В.В. Власова, К.С. Фурсов // Экономика региона, 2020. – Т. 16. – вып. 4. – С. 1224–1238. Режим доступа: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-15>.

123. Буклемишев, О. Неуправляемая трансформация: как российская экономика будет меняться в 2023 году. 9 января 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/482900-neupravlaema-a-transforma-cia-kak-rossijskaa-ekonomika-budet-menat-sa-v-2023-godu>.

124. Быков, В.П. Экономическая безопасность регионов и преодоление угроз в современных условиях / В. П. Быков, О. А. Дембовская, Е. М. Лебедько // Экономика и эффективность организации производства - 2006. – № 5. – С. 60–63.

125. Бюджетный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (СЗ РФ от 3 августа 1998 г. № 31 ст. 3823). Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

126. В Ассоциации банков России обсудили практику учета климатических рисков при финансировании проектов / АБР. 18.01.2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://asros.ru/news/asros/v-assotsiatsii-bankov-rossii-obsudili-praktiku-ucheta-klimaticheskikh-riskov-pri-finansirovanii-proe/>.

127. Валовой региональный продукт Краснодарского края. Режим доступа: https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_Kk.pdf.

128. Васильцов, В. С. Национальная климатическая политика: концептуальные основы и проблемы адаптации / В. С. Васильцов, Н. Н. Яшалова, Е.Н. Яковлева, А. В. Харламов // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, вып. 4. – С. 1123–1136. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-6>.

129. Васянина Е.Л. Налоговое администрирование и налоговый контроль: проблемы осуществления, перспективы развития / Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – №2. – С. 160–169.

130. Ващенко, А.В. Генезис российского патриотизма / А.В. Ващенко // Социально-гуманитарные знания. – 2017. – № 4. – С. 325–332.

131. Великова, О.В. Инновационный потенциал свердловской области как фактор повышения ее конкурентоспособности / О.В. Великова // Социальные инновации и стратегическое управление: сб. науч. трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 12 июля 2019 г. – М.: Профессиональная наука. – 2019. – С. 5–18.

132. Великое русское исправление имен: сборник по итогам засед. филос. собора в 2022 г.; под ред. А.Ю. Коробова-Латынцева, Н.В. Арутюнова. – СПб.: Изд-во «Солнце Севера», 2023. – 240 с.

133. Вертакова, Ю.В. Анализ состояния российской промышленности и ее экспортного потенциала в период пандемического кризиса / Ю.В. Вертакова, Н.А. Плотникова // *Russian Economic Bulletin*. – 2021. – Т. 4, № 5. – С. 179–185.
134. Вечканов, Г.С. Экономическая безопасность: учебник для вузов / Г.С. Вечканов [и др.]. – Питер, 2007. – 374 с.
135. Вечканов, Г.С. Экономическая безопасность: учебник для вузов / Г.С. Вечканов. – СПб.: Питер, 2007. – 384 с.
136. Винокуров, А. Рады служить. В Москве прошел суперфинал «Лидеров России» / А. Винокуров. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6532741> (26.02.2024).
137. Вишневский, А.Г., Васин, С.А., Зайончковская, Ж.А. Демографический и трудовой потенциал населения России // *Современные проблемы России. Путь в XXI век. Глава 7*. М.: Экономика. – 1999. – 186 с.
138. Влияние сферы туризма на экономическое развитие регионов / Ю.А. Брусенцева, С.Н. Белоусова, Д.А. Ерпулева, // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент*. – 2023. – №13(5). – С. 118–127.
139. Воздействие изменения климата на человеческий потенциал, экономику и экосистемы [Текст]: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / В.В. Виноградова, О.Б. Глезер, Р.Г. Грачева и др.; под ред. Л.Н. Проскуряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 76 с.
140. Вознюк, А.В. Для чего человеку Бог, а Богу – человек / А.В. Вознюк. – Житомир: Koob publications, 2019. – 252 с.
141. Воропаев, М.В. Воспитание в виртуальных средах: монография /М.В. Воропаев; научн. ред. А.В. Мудрик. – М.: МГПУ, 2010. – 277 с.
142. Воропаев, М.В. Теоретические основы построения типологии воспитательных систем: автореф. дис... д-ра пед. наук /М.В. Воропаев. – М.: ИТОП РАО, 2003. – 52 с.
143. Воротникова, Е.В. Содержание понятия «экономическая безопасность» как состояние экономической системы / Е.В. Воротникова, О.В. Долгушина, Г.И. Шахворостов // *Регион: системы, экономика, управление*. – 2017. – №4 (39). – С. 193–200.
144. Воспитание молодежи: проблема формирования ценностей в условиях информационного общества: моногр. / Цвык В.А., Цвык И.В., Саввина О.В. и др.; под ред. В.А. Цвыка. – М.: РУДН, 2020. – 159 с.
145. Высшее образование и рынок труда: статистический анализ диспропорций / Головки М.В., Головки С.В. В сборнике: *Современные инновационные образовательные технологии в информационном обществе. Материалы XII Международной научно-методической конференции* / под редакцией Е.В. Гордеевой, 2020.

146. Гаджиев, Н.Г. Нейтрализация современных угроз в сфере обеспечения экономической безопасности России/ Гаджиев Н.Г., Алклычев А.М., Коноваленко С.А., Трофимов М.Н., Корнилович Р.А // Экономическая безопасность. – 2022. – Том 5. – № 2. – С. 433–456.

147. Гаджиев, Н.Г. Особенности обеспечения экономической безопасности в секторах и отраслях экономики / Н.Г. Гаджиев, М.Н. Трофимов, С.А. Коноваленко // Аудит. – 2021. – № 5. – С. 30–34.

148. Ганин О.Б. Экономическая безопасность муниципалитета: генезис, сущность и содержание понятия / О.Б. Ганин, И.О. Ганин // *Arg Administrandi*. – 2015. – № 1. – С. 61–84.

149. Гетерогенность как фактор социально-экономического развития / Н.А. Кравченко, А.Н. Буфетова, А.А. Горюшкин и др.; под ред. д.э.н. Н.А. Кравченко, А.А. Горюшкина. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2022. – 236 с.

150. Глазьев, С.Ю. Основы обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс / С. Глазьев // Российский экономический журнал. – 1997. – № 1. – С. 5–15.

151. Глазьев, С.Ю. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI в. / С.Ю. Глазьев. – М., 1997. – 187 с.

152. Глазьев, С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов / С.Ю. Глазьев // *AlterEconomics*. – 2022. – Т. 19. – № 1. – С. 93–115. Режим доступа: <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6>.

153. Глазьев, С.Ю. О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития / С.Ю. Глазьев // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2015. – №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neotlozhnyh-merah-po-ukreplenyu-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii-i-vyvodu-rossiyskoy-ekonomiki-na-traektoriyu-operezhayuschego>.

154. Глазьев, С.Ю. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс / С.Ю. Глазьев // Российский журнал. – 1997. – №1. – С. 5–6.

155. Глобальная климатическая угроза и экономика России: в поисках особого пути. Режим доступа: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Climate_Primer_RU.pdf

156. Глустенков, И.В. Формирование эффективной системы экономической безопасности регионов: дис. ... канд. экон. наук 08.00.05 / И.В. Глустенков. – Москва, 2016. – 158 с.

157. Головина, С.Г. Эколого-климатическая повестка России: миссия аграрных производителей и сельскохозяйственных кооперативов / С.Г. Головина, А.В. Ручкин, Е.В. Абилова // Аграрный вестник Урала. – 2022. – № 08 (223). – С. 70–80.

158. Головчанская, Е.А. Интеллектуальные ресурсы как фактор инновационного экономического роста национальной экономики / Е.А. Головчанская // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. – 2019. – № 3. – С. 183–193.
159. Горбунов И.А. Анализ налоговых доходов консолидированного бюджета региона в условиях санкций / Контентус. 2022. – №12 (125). – С. 50–57.
160. Городецкий, А.Е. Экономическая безопасность России в новой реальности / А.Е. Городецкий, И.В. Караваева, М.Ю. Лев [и др.]. – Москва: Институт экономики Российской академии наук, 2021. – 325 с.
161. Григорьев, Д.В. Духовное и социальное в воспитании человека: размышления о новой концепции / Д.В. Григорьев // Социальная педагогика. – 2010. – №2. – С. 16–22.
162. Гришина, И.В. Комплексная оценка инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности российских регионов: методика определения и анализ взаимосвязей / Гришина И.В. Шахназаров А.Г., Ройзман И.И // Инвестиции в России. – 2001. – № 4. – С. 5–16.
163. Гришина, И.В. Оценка эффективности использования региональных конкурентных преимуществ для привлечения частных инвестиций // Инвестиции в России. – 2008. – № 5. – С. 3–13.
164. Грищенко, А.И. Инновации – определение, классификация, стадии / А.И. Грищенко, Е.А. Дмитриева, М.А. Легченко // Вестник Брянского государственного университета. № 3 (2014). Экономика. Брянск: РИО БГУ, 2014. – С. 182–188.
165. Громкова, М.Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых / М.Т. Громкова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 495 с.
166. Гуськов Н.С. Экономическая безопасность регионов: учебное пособие / Н.С. Гуськов, В.Е. Звениякин, В.В. Крюков. – М.: «Алгоритм», 2000. – С. 47.
167. Гутман, Г.В. Экономическая безопасность региона: Теория и практика / Г.В. Гутман, Ю.Н. Лапыгин, А.И. Прилепский; Рос. акад. наук. – Москва: Наука, 1996. – 114 с.
168. Давидович, В.Е. В зеркале философии / В.Е. Давидович. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 448 с.
169. Данилова Н.Н., Кузина Л.Н., Жуков М.Ю., Бурменко Р.Р., Бурменко Т.А. Методический подход к оценке влияния деятельности налоговых органов на обеспечение экономической безопасности региона / Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т.12. – №8. – С. 2177–2192.
170. Данилова, И.В. Стратификация пространства индустриальных регионов: общее и особенное развития обрабатывающей промышленности / И.В. Данилова, К.Ю. Несытых // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент», 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 7–23.

171. Данилова, И.В. Внешние институциональные шоки и устойчивость развития регионов / И.В. Данилова, О.А. Богданова, А.В. Резепин // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 3-1(80). – С. 336–341.

172. Данилова, И.В. Стресс-тестирование развития регионов России в условиях внешнеэкономических ограничений / И.В. Данилова, А.В. Резепин, Н.В. Правдина // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 398–415.

173. Данилюк, А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – М.: Просвещение, 2009. – 28 с.

174. Дворядкина, Е.Б. Экономическая безопасность [Текст]: учеб. пособие / Е.Б. Дворядкина, Я.П. Силин, Н.В. Новикова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. – 2-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2016. – 194 с.

175. Декларация «Повестка дня на XXI век». Принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию (3–14 июня 1992 года, Рио-де-Жанейро). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml.

176. Дементьев, В.Е. Факторы дифференциации регионов по темпам экономического роста / В.Е. Дементьев // TERRA ECONOMICUS. – 2020. – 18(2). – С. 6–21.

177. Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. – Санкт-Петербург. 2017. – 106 с.

178. Доклад о научно-методических основах для разработки стратегий адаптации к изменениям климата в Российской Федерации (в области компетенции Росгидромета). – Санкт-Петербург; Саратов: Амирит, 2020. – 120 с.

179. Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития социально ориентированной деятельности некоммерческих организаций в Удмуртской Республике в 2021 году. Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1708871402&tld=ru&lang=ru&name=Доклад%20СОНКО%202021.pdf>.

180. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год. Экологические приоритеты для России / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. – 292 с.

181. Докторович, А.Б. Генезис концепций и теорий человеческого развития / А.Б. Докторович, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2014. – Т. 7. – Вып. 1. С. 45–56.

182. Донина, О.И. Социальные аспекты формирования семейных ценностей молодежи в условиях трансформации современного общества: моногр. / О.И. Донина. – Ульяновск: УлГУ, 2021. – 169 с.
183. Доржиева, В.В. Особенности структурных преобразований российской экономики: отраслевой и технологический аспект / В.В. Доржиева // Вестник НГИЭИ, 2018. – № 8 (87). – С. 103–114.
184. Дороница, Ф.Х. Современные подходы к определению понятия «регион»/ Ф.Х. Дороница. – Текст электронный // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2015, №1 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-region-1/viewer> (дата обращения 20.01.2024).
185. Дорошенко, Ю.А. Инновационная инфраструктура как драйвер развития региона / Ю.А. Дорошенко, И.Г. Павлова // ЭВ. 2021. – №4 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnaya-infrastruktura-kak-drayver-razvitiya-regiona-1> (дата обращения: 19.01.2024).
186. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т.26. – 518 с.
187. Достоевский, Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972-1990. – Т. 22. – 407 с.
188. Дочкина, Д.Д. Роль нефтегазового комплекса в формировании доходов консолидированного бюджета регионов России /Интерэкспо Гео-Сибирь. 2021. – Т.2. – №4. – С. 237–244.
189. Елкина, О.С. Экономическая безопасность: государство и регион: учебник / О.С. Елкина. – Москва.
190. Еремченко, Е.Н. Интегральная методология в геопространственных исследованиях / Е.Н. Еремченко, В.А. Колосов, В.С. Тикунов // Наука. Инновации. Технологии. – 2022. – № 2. – С. 121–138.
191. Ефимова, Е.Г., Простова, Д.М., Дудина, И.М. Социально-ориентированные некоммерческие организации в структуре «третьего сектора» экономики России // Logos et Praxis. – 2023. – № 4 (40). – С. 95–109.
192. Жигалова, О.В. Методическое обеспечение оценки уровня экономической безопасности муниципальных образований / О.В. Жигалова // Региональная экономика. Юг России. – 2017. – № 1. – С. 15.
193. Журавлева, К.А. Инвестиционный климат и его составляющие//Экономика и управление «Молодой ученый». – 2018. – №50 (236). – С. 127–128.
194. Журавлева, Т.А. Финансовая устойчивость региона как условие обеспечения экономической безопасности (на примере Рязанской области) / Т.А. Журавлева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 8-2. – С. 127–134.
195. Журова, Л.И. Адрианова Д.Е. Оценка инвестиционной привлекательности российских регионов // Вестн. Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – №20. – С. 50–58.

196. Зайцев, А.А., Дубаневич, Л.Э., Дмитриев, Н.Д. Роль туризма в контексте экономической безопасности / А.А. Зайцев, Л.Э. Дубаневич, Н.Д. Дмитриев // Бизнес. Образование. Право. – 2020. – № 4 (53). – С. 33–40.
197. Зараковский, Г.М. Популяционный психологический потенциал: развитие концепции. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. / Зараковский Г.М., Степанова Г.Б. – М. 1999. – №13. – С.18–36.
198. Заря И.В. Общественное благосостояние в контексте обеспечения экономической безопасности // Вестник Евразийской науки, 2018. – №4. Режим доступа: <https://esj.today/PDF/01ECVN418.pdf>.
199. Зворыкина, Т.И. Перспективы и проблемы развития социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере социального обслуживания // Социальная политика и социология. – 2017. – № 5 (124). – С. 73–81.
200. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России: коллективная монография / под науч. ред. С.Н. Бобылева, П.А. Кирюшина, О.В. Кудрявцевой. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019. – 284 с.
201. Зенина, А.С. «Бессмертный полк» как историко-культурный феномен России XXI века / А.С. Зенина // История и археология: материалы III междунар. науч. конф. – СПб.: Свое издательство, 2015. – С. 29–31.
202. Зимняя, И.А. Стратегия воспитания: возможности и реальность / И.А. Зимняя // Знание, Понимание. Умение. – 2006. – № 1. – С. 67–74.
203. Зимовец, А.В. Анализ и оценка сценариев социально-экономического развития России в условиях санкционной блокады и непредсказуемости глобальных трендов мировой экономики / А.В. Зимовец, Т.Д. Климачев // Экономические отношения. – 2023. – Том 13. – № 1. – С. 181–202.
204. Зубов, М. Россия стала чемпионом мира по неравенству: Три процента граждан владеют почти всем капиталом страны / М. Зубов. Режим доступа: [https://www.kp.ru/daily/26966.7/4020872/\(12.04.2019\)](https://www.kp.ru/daily/26966.7/4020872/(12.04.2019)).
205. Зюзин, А.В. Локализация и диверсификация российской экономики: региональные и отраслевые особенности / А.В. Зюзин, О.А. Демидова, Т.Г. Долгопятова // Пространственная экономика. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 39–69.
206. Иванов, А.И. Человеческий потенциал современной российской экономики / О.И. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2012. – Т. 15, № 1. – С. 140–156.
207. Иванов, О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования. Иванов О.И. // Экономическая социология. – 2014. – №3. – С. 89–95.
208. Изюмова, О.Н. Экономическая сущность и природа инновационного потенциала и инвестиционной привлекательности региона / О.Н. Изюмова // УЭкС. – 2016. – №34. – С. 30–55.
209. Илларионов, А. Критерий экономической безопасности / А. Илларионов // Вопросы экономики. – 1998. – № 10. – С. 35–58.

210. Ильин, А.Б. ESG-принципы публичного и корпоративного управления / А.Б. Ильин, Ю.С. Сизова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2023. – № 2. – С. 8–19.

211. Илюхина, Р.В., Федотова, Е.А. Критерии и индикаторы оценки экономической безопасности социальной сферы кооперативных объединений регионов / Р.В. Илюхина, Е.А. Федотова // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2020. – №3. – С. 45–51.

212. Инвестиционный риск российских регионов в 2020 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://raex-rr.com/regions/investmentappeal/regiona_investment_risk_rating/2020/.

213. Инновационное развитие России. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusinno.ru/article/473557>.

214. Инновационный потенциал высокотехнологичных отраслей. ИС-ИЭЗ НИУ ВШЭ. 10 января 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/885863948.html>.

215. Искандирова, Т.Н. Воспитание и социализация детей в среде детских организаций и учреждений дополнительного образования: теория, проблемы, перспективы / Т.Н. Искандирова, В.В. Лихолетов. – Костанай: Костанайполиграфия, 2005. – 192 с.

216. Итоги выборочного обследования социально ориентированных некоммерческих организаций на основе формы № 1-СОНКО / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/folder/11191> (дата обращения: 19.01.2024).

217. Итоговый рейтинг регионов России – 2023. РИА НОВОСТИ. 25.12.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20231225/itogi-1917517698.html>.

218. Казанцев, С.В. О достижении стратегических целей и обеспечении безопасности современной России / С.В. Казанцев // Мир новой экономики. – 2022. – Т. 16. – №1. – С. 17–27.

219. Как в Краснодарском крае и в Крыму развивается рынок гостиничной недвижимости. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6238525>.

220. Какой будет безработица в России в 2023 году: официальные прогнозы и мнения экспертов. Режим доступа: <https://bankstoday.net/last-articles/bezrobotitsa-v-gossii-2023>.

221. Калина, А.В., Савельева, И.П. Формирование пороговых значений индикативных показателей экономической безопасности России и ее регионов / А.В. Калина, И.П. Савельева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент» – 2014. – Том 8. – №4. – С. 15–21.

222. Калинина, Т.В. Влияние государства на процесс формирования потребностей в общественных благах в современной экономике // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 22 (325). – С. 48–52.

223. Калинина, Н.М. Экономическая безопасность региона: сущность, угрозы и меры обеспечения [Электронный ресурс] / Н.М. Калинина // Сибирский торгово-экономический журн. – 2010. – №10. – Электрон. данные. –

Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskayabezopasnost-regiona-suschnost-ugrozy-i-mery-obespecheniya>.

224. Карзаева, Н.Н. Основы экономической безопасности: учебник / Н.Н. Карзаева. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 275 с.

225. Карлейль, Томас. Герои и героическое в истории / Т. Карлейль; пер. с англ. В.И. Яковенко. – СПб.: Ф. Павленков, 1891. – 352 с.

226. Карпушкина, А.В. Оценка структурных сдвигов в занятости российских регионов / А.В. Карпушкина, А.С. Лаврентьев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Экономика и менеджмент». – 2021. – Т. 15. – № 2. – С. 20–26.

227. Катасонова Ю. Устойчивое развитие в России: основные тенденции 2023 года / Ведомости. 19.01.2024. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/esg/ratings/columns/2024/01/19/1015800-ustoichivoe-razvitie-v-rossii-osnovnie-tendentsii-2023-goda>.

228. Качегаров, Л.Г., Баев, Л.А., Бабанова, Ю.В. Управление привлечением инвестиций в экономику региона: теоретические модели и прикладные аспекты: Издательский центр ЮУрГУ. – 2017. – 25 с.

229. Квон, Г.М. Оценка инновационного потенциала развития региона (на примере Свердловской области) / Г.М. Квон, О.Г. Поздеева, И.А. Антипин // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 4. – С. 40–44.

230. Кирюхин, В.В. Инвестиционный риск в анализе инвестиционной привлекательности // Проблемы современной экономики. – 2006. – № 3(19).

231. Климатические планы муниципалитетов. Обзор успешного опыта и рекомендации / О. Н. Сенова. – Санкт-Петербург: РСоЭС, 2021. – 40 с.

232. Климент Александрийский. Педагог / Пер. Н. Корсунского, пер. гл. 10 ч. П. Г. Чистякова. – М.: Уч.-инф. экуменический центр ап. Павла, 1996. – 344 с.

233. Коковихин, А.Ю. Формирование и реализация инвестиционной политики: по материалам мониторинга инвестиционного климата Свердловской области в 2015–2017 годах: монография / А.Ю. Коковихин, Е.С. Огородникова, А.Е. Плахин. – М.: ИНФРА – М. – 2017. – 363 с.

234. Колин, К.К. Человеческий потенциал и социальные технологии в информационном обществе // Доклады Академии наук Высшей школы России. – 2003. – № 1. – С. 87–100.

235. Колпаков, А.Ю. Оценка затрат нефтедобывающего сектора России для снижения рисков деградации вечной мерзлоты под влиянием изменения климата / А.Ю. Колпаков, Э.В. Сафина // Научные труды ИПП РАН – 2020. – С. 186–200.

236. Компании сочли демографию одной из проблем при найме сотрудников. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/15/12/2023/657b71cc9a79472f791ebca6?ysclid=lqvvh1u8e3370502277&from=copy>.

237. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / Андре Конт-Спонвиль; пер. с фр. – М.: Этерна: Палимсест, 2012. – 750 с.

238. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития (§ 8.7 «Повестки дня на XXI век»). URL: <https://sdgs.un.org/ru/topics/national-sustainable-development-strategies>.

239. Кораблева А.А. Индикаторы экономической безопасности региона / А.А. Кораблева, В.В. Карпов // Вестник СИБИТа. – 2017. – №3 (23). – С. 36–42.

240. Кормишкин, Е.Д. Методологические основы исследования экономической безопасности региона / Е.Д. Кормишкин. – М. – 2003. – 299 с.

241. Коростышевская, Е.М. Инновационная составляющая экономической безопасности России / Е.М. Коростышевская // Инновации. – 2014. – №6 (188). – С. 34–38.

242. Косенко, Т.С. Социально-философский анализ проблем воспитания в современной России: автореф. дис... канд. филос. наук / Т.С. Косенко. – Новосибирск: НГТУ, 2009. – 23 с.

243. Косыгина, К.Е., Функционирование некоммерческих организаций в территориальном контексте // Вестник Удмуртского университета. – 2019. – № 1 (29). – С. 27–33.

244. Котов, А.В. Пространственный анализ структурных сдвигов как инструмент исследования динамики экономического развития макрорегионов России / А.В. Котов // Экономика региона. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 755–768.

245. Котуков, А.А. К вопросу исследования понятия «инвестиционный климат» // Проблемы современной экономики. – 2008. – № 4 (28).

246. Коцюбинский, В.А. Методологические подходы сопоставления показателей развития высокотехнологичных секторов России и стран ОЭСР / В.А. Коцюбинский // Инновации, 2015. – №4. – С. 27–32.

247. Кочева, Е.В. Человеческий потенциал России: современное состояние и перспективы развития / Кочева Е.В., Матев Н.А., Панищенко М.И. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Издательский дом Финансы и кредит. – 2015. – № 40. – С. 14–25.

248. Красносельская, Д. Х. Экономическая безопасность региона: пространственный аспект/ Д.Х. Красносельская, О.В. Мамателашвили // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2017. – №1. – С. 31–36.

249. Криворотов, В.В., Калинина, А.В., Эндаришвили, Н.Д. Экономическая безопасность государства и регионов: учеб. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 351 с.

250. Криворотов, В.В. Экономическая безопасность государства и регионов [Текст]: учебник / В.В. Криворотов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 351 с.

251. Криворотов, В.В., Калина, А.В., Белик, И.С. Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В.В. Криворотов [и др.] // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. [и др.]. – 2019. – Т.8. – №6. – С. 892–910.

252. Критерии и порядок включения в перечень системообразующих организаций Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: [kriterii.pdf \(economy.gov.ru\)](http://kriterii.pdf(economy.gov.ru)).

253. Крыгина Е.С., Костина И.А. Налоговый потенциал региона как инструмент увеличения доходов бюджета Калужской области / Калужский экономический вестник. – 2020. – С. 48–51.

254. Кудреватых, Н.В. Экономическая безопасность региона: учебник / Н.В. Кудреватых. – СПб.: Интермедия, 2017. – 168 с.

255. Кузнецов, Д.А., Руденко, М.Н. Система индикаторов оценки экономической безопасности страны / Д.А. Кузнецов, М.Н. Руденко // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Том 11. – вып. 23 (308) – С. 59–66.

256. Кузнецова, А.Г. Развитие системного подхода в отечественной педагогике конца 60-х – 80-х годов XX века: автореф. дис... д-ра пед. наук / А.Г. Кузнецова. – Хабаровск: ХГПУ, 2000. – 34 с.

257. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Антология / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М.: Московская школа политических исследований, 2002.; Троби Д. Экономика и культура. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013.

258. Курныкина, Е.Е. / Проблемы и перспективы развития человеческого потенциала России в XXI веке. / Курныкина Е.Е. // Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации г. Москва, Российская Федерация. «NAUKA-RASTUDENT.RU: электронный научно-практический журнал», 2016.

259. Лазарева Ю.А. Служение Отечеству – основа сохранения традиционных ценностей России / Ю.А. Лазарева, А.А. Строков // Вопросы экономики и права. – 2023. – № 9 (183). – С. 37–40.

260. Лапыгин, Ю.Н. Приоритеты и цели развития региона / Ю.Н. Лапыгин // Ученые записки. – 2019. – № S2. – С. 86–94.

261. Лахметкина, Н.И. Инвестиционная стратегия предприятия: учеб. пособие. М.: КноРус. – 2010. – 184 с.

262. Лебедев, А. Казачество как пояс пограничной безопасности царской России / А. Лебедев. Режим доступа: <https://topwar.ru/16949-kazachestvo-kak-royas-pogranichnoy-bezopasnosti-carskoj-rossii.html> (27.07.2012).

263. Лившин, А.Я. Некоммерческий сектор в России и мире: современные проблемы экономики и управления // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2005. – № 4. – С. 23–42.

264. Литвинова, В.В. Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: к вопросу о дефинициях и оценке / В.В. Литвинова // Вестник Финансового университета. – 2014. – №1. – С. 139–153.

265. Лукашин, В.И. Экономическая безопасность: учебно-практическое пособие / В.И. Лукашин // – Москва: Флинт. – 2010. – 210 с.
266. Луков, Вал. А. Парадигмы воспитания / Вал. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – №3. – С. 139–151.
267. Лукьянова, З.А., Синицын, Е.И. Роль местных налогов в формировании доходов местных бюджетов (на примере города Новосибирск) / Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – №5. – С. 69–75.
268. Львов, Д.С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП / Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев // Экономика и математические методы. – 1986. – № 5. – С. 793–804.
269. Магун, В.С. Гордость человека за свою страну: индивидуальные и страновые детерминанты / В.С. Магун, М.С. Фабрикант // XVI апрельская междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / отв. ред. Е.Г. Ясин. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. – Кн. 4. – С. 53–62.
270. Мальцев, А.А. К трактовке понятия «реиндустриализация» в условиях глобализации / А.А. Мальцев, К. Мерсиер-Суисса, Мордивнова А.Э. // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – вып. 4. – С. 1044–1054.
271. Мальцев, А.А. Санкции: стресс-тест на устойчивость российской промышленности на примере Урала / А.А. Мальцев // Российский внешне-экономический вестник. – 2022. – № 4. – С. 55–74.
272. Манахова, И.В., Хрупина, К.С. Сравнительная характеристика способов оценки экономической безопасности России // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 1(75). – С. 56–66.
273. Манохина, Н.В. Экономическая безопасность [Электронный ресурс]. учеб. пособие / под ред. Н.В. Манохиной. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 320 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=358341>.
274. Мануйлов, Ю.С. Очерк теории воспитательных систем академика Л.И. Новиковой / Ю.С. Мануйлов // Народное образование. – 2021. – № 6. – С. 61–65.
275. Манушин, Д.В. Мировая санкционная экономика, санкции, контрсанкции и новая мировая валюта / Д.В. Манушин // Russian Journal of Economics and Law. – 2022. – Т. 16. – № 2. – С. 345–369.
276. Мельков, В.К. Анализ изменения специализации экономики региона путем оценки структурных сдвигов / В.К. Мельков // Управленческий учет. – 2022. – № 11-1. – С. 87–97.
277. Меньщикова, В.И. Производственные возможности российских регионов в условиях новых санкций и ограничений / В.И. Меньщикова, Н.К. Родионова, А.А. Бурмистрова // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. – 2022. – Т. 21. – № 4. – С. 22–32.
278. Методика рейтинга инвестиционной привлекательности регионов [Электронный ресурс] / Рейтинговое агентство «Эксперт РА» / URL: <https://raexpert.ru/ratings/regions>.

279. Мещерякова, Н.Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: автореф. дис...д-ра социол. наук / Н.Н. Мещерякова. – М.: МГИМО, 2015. – 46 с.
280. Милов, Л.В. История России XVIII–XIX веков: учеб. пособие / Л.В. Милов, Н.И. Цимбаев. – М.: Эксмо, 2010. – 782 с.
281. Минаков, А.В. Модель оценки долгосрочной финансовой устойчивости регионов России / А.В. Минаков, Т.Н. Агапова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 344–351.
282. Мингалева Ж.А. Особенности трактовки понятия экономической безопасности муниципального образования / Ж.А. Мингалева, А.В. Наумов // Вестник Пермского университета. Экономика. – 2011. – №3(10). – С. 74–77.
283. Мингалева, Ж.А. Структурная модернизация: вопросы экономической безопасности муниципальных образований / Ж.А. Мингалева // Экономика региона. – 2012. – № 1 (29). – С. 109–117.
284. Министерство энергетики РФ / Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/1026>.
285. Министерство юстиции Российской Федерации. Отчетность некоммерческих организаций. Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/otchetnost-nekommercheskih/>.
286. Минфин России / Краткая информация об исполнении федерального бюджета / Ежемесячная информация об исполнении федерального бюджета. Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/?id_65=80042-yezhemesyachnaya_informatsiya_ob_ishpolnenii_federalnogo_byudzheta_dannye_s_1_yanvarya_2011_g.
287. Минфин России / Фонд национального благосостояния / Объем Фонда национального благосостояния // [Электронный ресурс] – URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics?id_65=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya.
288. Миэринь, Л.А. Безопасность хозяйствующих субъектов в условиях нестабильной среды / Л.А. Миэринь. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1999. – 208 с.
289. Можейко, А.В. Экономическая безопасность Республики Беларусь / А.В. Можейко // Банковский вестник. – 2021. – №6. – С. 44–53.
290. Моисеев, В.В. Инвестиционный климат и проблемы иностранных инвестиций в России: монография / В.В. Моисеев. – М.: Директ-Медиа. – 2014. – 417 с.
291. Моисеенко, М.В. Нравственный феномен Служения / М.В. Моисеенко // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2017. – Т. 21, №3. – С. 338–345.
292. Молчан, А.С. Экономическая безопасность государства: современное состояние, угрозы и пороговые значения / А.С. Молчан, С.В. Саенко // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2016. – № 2. – С. 113–124.

293. Молчанов И.Н. Образование и наука: тенденции развития кадрового потенциала / Молчанов И.Н. // *Лидерство и менеджмент*. – 2022. – Т. 9. – № 3. – С. 691–708.

294. Мосолов, В.А. Парадигмы воспитания в педагогической мысли России XI–XX вв.: автореф. дис... д-ра пед. наук / В.А. Мосолов. – СПб.: ЛГОУ им. А.С. Пушкина, 2000. – 41 с.

295. Назимов, С.С. Критерии и показатели экономической безопасности государства / С.С. Назимов // *Право: ретроспектива и перспектива*. – 2022. – №3 (11). – С. 23–27.

296. Налоговый кодекс РФ. Часть первая [Электронный ресурс]: от 31.07.1998 № 146-ФЗ: (ред. от 15.02.2016 N 32-ФЗ, от 05.04.2016 N 101-ФЗ, от 05.04.2016 N 102-ФЗ, от 26.04.2016 N 110-ФЗ // Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

297. Научно-технический потенциал России и его использование. Сер. «Инновационное развитие территорий в России и ЕС: опыт, проблемы, перспективы» / под ред. Кушлина В.И., Фоломьева А.Н. // М.: Сканру, – 2001. – № 16. – С. 82–91.

298. Национальная идея в Западной Европе в новое время: очерки истории / Д.Ю. Бовыкин и др.; отв. ред. В.С. Бондарчук. – М.: Зерцало-М, 2005. – 495 с.

299. Национальный инвестиционный рейтинг [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://asi.ru/government_officials/rating/.

300. Национальный план мероприятий второго этапа адаптации к изменениям климата до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 11.03.2023 г. № 559-р).

301. Нацпроект «Семья» стал самым обсуждаемым в соцсетях по итогам послания президента. Режим доступа: <https://news.mail.ru/society/45460407/?from=swap&swap=2> (02.03.2024).

302. Некрасова Д.В., Мухин М.А., Урасова А.А. Некоммерческие организации как субъекты социально-экономического развития регионов Приволжского федерального округа (на материалах фонда президентских грантов) // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. – 2023. – № 2 (18). – С. 201–214.

303. Нидергаус, Е.О. К вопросу о необходимости совершенствования системы воспитательной работы с молодежью в условиях цифровой трансформации / Е.О. Нидергаус, Н.В. Сыманюк // *Вестник Сургутского госуд. пед. ун-та*. – 2022. – №5(80). – С. 75–79.

304. Никандров, Н.Д. Духовность – залог свободы человека / Н.Д. Никандров // *Школа духовности*. – 1998. – №2. – С. 40–44.

305. Николаева, М. А., Васильева, А. Н. Степень и роль влияния социальных сетей на социализацию подростков и стиль семейного воспитания

(на примере МОБУ СОШ №12) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 26. – С. 152–156. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/770737.htm>.

306. Никулина, Н.Н. Развитие идей системного подхода к процессу воспитания в отечественной педагогике (историко-педагогический контекст): автореф. дис... канд. пед. наук / Н.Н. Никулина. – М.: МПГУ, 2003. – 24 с.

307. Новикова И.В. Методика выделения индикаторов экономической безопасности региона / И.В. Новикова, Н.И. Красников // Terra Economicus. – 2019. – Т. 7. – № 2–3. – С. 208–210.

308. Новое качество образования в современной России. Концептуально-программный подход / под науч. ред. Н.А. Селезневой, А.И. Субетто. – М.: ИЦПКПС, 1995. – 199 с.

309. Новоселов, С.В. Системная оценка экономической безопасности региона / С.В. Новоселов, С.А. Панихидников // Уголь. – 2018. – №12 (1113). – С. 48–53.

310. Нормова, Ю.В. Неоднородность регионального технологического пространства Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12. – № 1. – С. 463–478.

311. Носкин, С.А. Механизмы обеспечения экономической безопасности региона в условиях цифровых преобразований: дис. ... канд. экон. наук 08.00.05 / С.А. Носкин. – Санкт-Петербург, 2022. – 191 с.

312. Носкин, С.А. Оценка уровня экономической безопасности региона на основе учета факторов цифрового развития/ Носкин С.А., Надежина О.С// Вестник Академии знаний. – № 2 (49). – 2022. – С. 205–216.

313. Носков, Ю.Г. Социально-философский анализ воздействия религиозного фактора на национальную безопасность: автореф. дис... д-ра филос. наук / Ю.Г. Носков. – М., 2000. – 40 с.

314. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023, №1 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 08.03.2023, 7/5298.

315. Об установлении и введении в действие транспортного налога на территории Свердловской области Закон Свердловской области от 29.11.2002 № 43-ОЗ – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

316. Обухова, Н.С. Практика применения аналитического инструментария оценки экономической безопасности муниципального образования / Н.С. Обухова // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2015. – №12. – С. 203–209.

317. Овчаров, А.О. Экономическая безопасность туристской индустрии: постановка проблемы и система индикаторов / А.О. Овчаров // Национальная безопасность. – 2015. – № 1. – С. 108–115.

318. Олейникова, Л.Т. Воспитание и воспитанность: реалии современности / Л.Т. Олейникова // Молодой ученый. – 2009. – № 12 (12). – С. 390–393.

319. Орехов, В.И. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса [Текст]: учебник / В.И. Орехов. – М.: Инфра-М, 2019. – 105 с.

320. Орехова, Е.А., Пространственный анализ и оценка угроз безопасности социально-экономического развития малых и средних городов / Е.А. Орехова, А.В. Плякин // Вестник ВолГУ. – 2016. – № 4 (37). – С. 65–81.

321. Орлов, А.В. Бюджетная политика и бюджетная безопасность Российской Федерации / Безопасность дорожного движения. – 2021. – №4. – С. 71–73.

322. Орлова, Н.Ю. Механизм формирования экономической безопасности муниципального района / Н.Ю. Орлова // Вестник ИжГТУ им. М.Т. Калашникова. – 2010. – № 1. – С. 63–66.

323. Орлова, О. Надо воспитывать не лидеров, а героев. Беседа с архиепископом Песоченским и Юхновским Максимилианом / О. Орлова. Режим доступа: <https://pravo-slavie.ru/104325.html> (14.06.2017).

324. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов. // Вестник Банка России. – 2022. – №58-59 (2390-2391). – С. 4–72. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/131643/-1/2390-2391>.

325. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации до 2025 года. Режим доступа: [000120170160039.pdf](https://www.kremlin.ru/docs/pages/000120170160039) (kremlin.ru).

326. Отчет министерства экономического развития Иркутской области о результатах деятельности за 2019 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://open.irkobl.ru/upload/iblock/778/778b74b02a93736da787fea303deaeae.pdf>.

327. Официальная статистическая методология организации статистического наблюдения за деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций. Приказом Росстата от 19 декабря 2019 года № 781. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/564115660?marker=6540IN>.

328. Официальный сайт Бюро национальной статистики агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. Режим доступа: <https://stat.gov.kz>.

329. Официальный сайт Всемирного Банка. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>.

330. Официальный сайт Министерства Финансов Республики Казахстан. Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/min/fin?lang=ru&ysclid=lj5gbauхcj60290587>.

331. Официальный сайт Министерства экономического развития Республики Казахстан. Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/documents/details/402715?lang=ru&ysclid=lj3zhbnmj763237812>

332. Официальный сайт Национального банка Республики Казахстан. Режим доступа: <https://www.nationalbank.kz/ru/page/statistika>.
333. Официальный сайт Национального рейтингового агентства [Электронный ресурс] / Национальное рейтинговое агентство / URL: http://www.ranational.ru/ru/node/54750?field=field_rat_qual_invest_reg_dist.
334. Официальный сайт ПАО «РУСАЛ – Братск». [Электронный ресурс]. URL: <https://braz-rusal.ru/>.
335. Официальный сайт Центра привлечения инвестиций в регионы России Invest in Russia [Электронный ресурс] URL: <http://ru.investinrussia.com/>.
336. Панарин, А.С. Православная цивилизация / А.С. Панарин; сост., предисл. В.Н. Расторгуев / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 1248 с.
337. Панина, Д.Д. Рейтинговые методики оценки инвестиционной привлекательности субъектов РФ / Д.Д. Панина. – М.: Международный молодежный научный форум «Ломоносов 2018». – 2018. – С. 167–170.
338. Парфененкова, М. Рынок российских ESG-облигаций в 2023 году вырос на треть / Ведомости. 31.01.2024. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/esg/green_finance/articles/2024/01/31/1017635-rinok-rossiiskih-esg-obligatsii-v-2023-godu-viros-na-tret.
339. Паспорт федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reo.ru/tpost/u24d93c3n1-predstaviteli-biznesa-i-gosupravleniya-o>.
340. Пацула, А.В. Экономика гибридной мировой войны / А.В. Пацула, Н.Б. Косинская, О.В. Зырянова // Экономика и управление. – 2023. – № 22. – С. 8–11.
341. Пащенко, Т.В., Южанинова, Е.П. Анализ деятельности некоммерческих организаций при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 3. – С. 523–535.
342. Перед лицом катастрофы: сб. статей под ред. и с предисл. Н. Плотникова. – Берлин: LIT Verlag, 2022. – 178 с.
343. Петров, М.В. Финансирование инновационного развития России в условиях усиления геополитической напряженности и международных санкций / М.В. Петров // Вопросы инновационной экономики. – 2023. – Том 13. – № 1. – С. 77–92.
344. Печаткин, В.В. Финансовая устойчивость и конкурентоспособность региона: методологические и прикладные аспекты оценки / В.В. Печаткин // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2013. – № 42(180). – С. 19–27.
345. Показатели уровня безработицы в Уральском макрорегионе в % (по методологии МОТ). Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/43062>.
346. Полоник, С.С. Модель экономической безопасности и механизм ее реализации / С.С. Полоник // Новая экономика – 2023. – №1 (8). – С. 5–13.

347. Полухин, О.Н. Гражданственность как предмет политологического анализа: автореф. дис...д-ра полит. наук /О.Н. Полухин. – М.: РГСУ, 2005. – 60 с.

348. Полухина, А.Н. Инновационные подходы к обеспечению экономической безопасности туристско-рекреационной сферы: монография / А.Н. Полухина, В.П. Рукомойникова, Е.Е. Шарафанова [и др.]. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2018. – 216 с. – Текст: электронный. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1894180>.

349. Портал Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>.

350. Постановление Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. №915».

351. Постановление Правительства РФ от 30.12.2023 № 2415 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466689/.

352. Правовой ресурсный центр «Третий сектор». Режим доступа: https://ural-nko.ru/okved_nko.

353. Приказ Минэкономразвития России от 03.12.2020 №802 «О создании Экспертного совета по устойчивому развитию» [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_3_dekabrya_2020_g_802.html.

354. Приказ Росстандарта от 20 декабря 2022 г. № 1533-ст «Об утверждении Изменения 52/2022 ОКВЭД 2 к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) и Изменения 75/2022 ОКПД 2 к Общероссийскому классификатору продукции по видам экономической деятельности».

355. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 15 декабря 2017 года №832 «Об утверждении Методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации».

356. Проблемы экономической безопасности России в аспекте глобальных трансформаций / И. А. Александров, Л. А. Александрова, В. С. Антонюк [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Феде-

рации. Южно-Уральский государственный университет, Кафедра «Экономическая безопасность». – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. – 478 с.

357. Проблемы экономической безопасности: вызовы новой реальности / Е.В. Алексеева, В.В. Бехер, Т.А. Везубова [и др.]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации Южно-Уральский государственный университет Кафедра «Экономическая безопасность». – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2023. – 732 с.

358. Проблемы экономической безопасности: новые глобальные вызовы и тенденции / Л.М. Анохин, Н.В. Анохина, О.Г. Аркадьева [и др.]. – Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2021. – 715 с. Режим доступа: <https://www.e-library.ru/item.asp?id=46668083>.

359. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения 17.01.2024 г.).

360. Программа создания в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Приказ Минпромэнерго РФ от 03.09.2007 № 340.

361. Прохоров, А.П. Русская модель управления / А.П. Прохоров. – М.: ЗАО «Журнал «Эксперт», 2002. – 376 с.

362. Пряникова, А.Г. Статистическое исследование экономической безопасности регионов РФ [Текст] / Диссертация на соискание степени к.э.н.: 08.00.12 05 / защищена 15.12.2012 г. / А.Г. Пряникова. – 238 с.

363. Пуртов, К.С. Концептуальные подходы к проведению стресс-тестирования экономики региона и оценка ее устойчивости: теория и практика / К.С. Пуртов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 169–176.

364. Пушкарева, Л.В. Экономическая безопасность: учебное пособие для высшей школы. – СПб. – 2018. – 101 с.

365. Равочкин, Н.Н. Роль идей в становлении и трансформации политико-правовых институтов современного общества: автореф. дис...д-ра филос. наук / Н.Н. Равочкин. – Томск: ТПУ, 2021. – 32 с.

366. Распоряжение Правительства России от 14.07.2021 № 1912-р (ред. от 30.12.2023) «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе «зеленого») развития Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_390943/.

367. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года №207-р. «Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/72174066/>.

368. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года 70/1. «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». 4-е пленарное заседание, 25 сентября 2015 года. Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>.

369. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022. [Электронный ресурс]. URL: Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022. – РИА Новости, 13.02.2023 (ria.ru). Загл. с экрана (дата обращения: 20.01.2024).

370. Рено, Арман. Героизм: Примеры героизма и нравственной энергии из истории всех времен и народов / А. Рено; пер. с фр. и доп. примерами рус. героизма [и предисл.] В.Д. Владимиров [псевд. В.Д. Вольфсона]. – СПб.: В.И. Губинский, 1896. – 272 с.

371. Решение Думы Арамилевского городского округа от 25.12.2018 № 47/1 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Арамилевского городского округа до 2030 года». Режим доступа: https://www.aramilgo.ru/npa/pravo/download_file/20380.

372. Решение Думы Березовского городского округа от 27.12.2018 № 182 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Березовского городского округа до 2030 года». Режим доступа: <https://березовский.рф/396330/396684/>.

373. Решение Думы Полевского городского округа от 31.01.2019 № 153 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Полевского городского округа на период до 2035 года».

374. Решетникова, М. Мир фиджитал: как виртуальная и дополненная реальность меняют бизнес / М. Решетникова. Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6182488e9a7947289bef1279?from=sour>.

375. Римашевская, Н.М. Качество человеческого потенциала современной России / Римашевская Н.М. // Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН. Издательство: Фонд поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии», М. – 2004. – № 5. – С. 14–32.

376. Рогинко, С.А. Климатическая повестка в современной ситуации: советы для экономики России / С. А. Рогинко // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2022. – Т. 236, № 4. – С. 447–465.

377. Романов, А.А. Памяти философа и историка педагогики В. А. Мосолова (к 85-летию со дня рождения) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. – 2023. – № 4. – С. 581–597.

378. Романова, О.А. От экономики сопротивления – к резильентной экономике (на примере промышленного региона) / О.А. Романова, Д.В. Сиртин, А.О. Пономарева // AlterEconomics. – 2022. – Т. 19. – № 4. – С. 620–637.

379. Ромащенко, Т.Д. Человеческий потенциал: методологические подходы к исследованию и проблемы реализации в условиях российской экономики / Ромащенко Т.Д., Кисова А.Е. // Вестник ВГУ. Серия: «Экономика и управление». – 2014. – № 3. – С. 10–15.
380. Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат; 2023. – 701 с.
381. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. / Росстат. – Р76. М., 2020 – 700 с.
382. Российский статистический ежегодник. 2021: Стат.сб. / Росстат. – Р76. М., 2021 – 692 с.
383. Российский статистический ежегодник. 2022: Стат.сб. / Росстат. – Р76. М., 2022 – 691 с.
384. Российский статистический ежегодник. 2023: Стат.сб. / Росстат. – Р76. М., 2023. – 701 с.
385. Россинская, М.В. Методология обеспечения устойчивого развития территории в рамках эколого-экономической безопасности: диссертация д.э.н.: 08.00.05. Ростов-на-Дону, 2006. – 328 с.
386. Росстат оценил рост ВВП в 2023 году на 3,6% // Ведомости. 07 февраля 2024 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/02/07/1019058-rosstat-otsenil-rost>.
387. Росстат по-новому измерил неравенство доходов в стране. Как на разные группы населения повлиял кризис. Режим доступа: <https://www.rbcs.ru/economics/13/10/2022/63453c3d9a79470c2cdf05ca>.
388. Росстат. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности/величины прожиточного минимума URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXIUFoewruAjucAsJk3KdcjEqNEdJig4iLNuaFZUXwMGAFGcM00Vb7tl4W8xiLrwwSLA14bVulT4o-5gXRE5uL0Of3k1RF_SYNIpOeRjwQ_tNGoZDer7gd5pPbiKMFphYy3SfKNo_Jg%3D%3D%3Fsign%3D5jGf-mgWUubBQviLkUo3BKCtLFC5pb_7_h-kbbAVPHA%3D&name=tab_2-3.xlsx&nosw=1.
389. Рубанов, И.Н. О методике оценки индекса развития человеческого потенциала и его использования в российских условиях. / Рубанов И.Н., В.С. Тикунов // Московский государственный университет. – 2007. – № 5. – С. 1–16.
390. Руденко, М.Н. Теоретические основы понятия «экономическая безопасность региона» / М.Н. Руденко // Экономика и управление. – 2018. – №2. – С. 22–28.
391. Рудяков, А.Н. Язык, или Почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка / А.Н. Рудяков. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. – 160 с.
392. Рынок труда в середине 2023 года: никто не виноват, но что делать? Анализ данных, тренды и прогнозы от hh.ru. Режим доступа: <https://hh.ru/article/31716?ysclid=lqdi3qnc00157556400>.

393. Рынок труда в России 2022: аналитика, прогнозы, тренды. Режим доступа: <https://www.audit-it.ru/articles/personnel/a111/1071206.html?ysclid=lqexppuyst744010966>.

394. Сайт администрации муниципального образования «Арамилский городской округ». Режим доступа: <https://www.aramilgo.ru/>.

395. Сайт администрации муниципального образования «Березовский городской округ». Режим доступа: <https://xn--90aciakhhg8arp.xn--p1ai/>.

396. Сайт администрации муниципального образования «Полевского городского округа». Режим доступа: <https://polevsk.midural.ru/>.

397. Сайт Министерства экономического развития России. Система поддержки СОНКО. Режим доступа: <https://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details?id=208>.

398. Сакович, В.А. Инновационная безопасность: основные понятия, сущность / В.А. Сакович, Г.М. Бровка // Наука и техника. – 2016. – №15(2). – С. 144–153.

399. Самодурова, В.Г. Социальные сети в работе с детьми и подростками / В.Г. Самодурова // Образование и воспитание. – 2022. – № 2 (38). – С. 35–37.

400. Санникова, И.Н. Экономическая безопасность: учебное пособие / И.Н. Санникова, Е.А. Приходько. – Москва: Директ-Медиа, 2023. – 232 с.

401. Санфирова, О.В., Нестерова, О.А. «Благосостояние» и «благополучие»: трансдисциплинарный подход // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2020. – №2 (37). – С. 26. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-i-blagopoluchie-transdistsiplinaryu-podhod> (дата обращения: 24.02.2024).

402. Сафроник, И.В. Экономическая безопасность государства как объект правового регулирования / И.В. Сафроник // Вестник военного университета. – 2017. – №3. – С. 57–67.

403. Сбербанк. Корпоративная социальная ответственность и этика ведения бизнеса. Режим доступа: <https://www.sberbank.com/ru/about/ethics/interactive>.

404. Селезнева, А.С. Влияние уровня безработицы на экономическую безопасность государства / А.С. Селезнева, Р.А. Гильмутдинова // Вестник науки и образования. – 2021. – № 16-2(119). – С. 33–38.

405. Семаева, О.В. Реально-виртуальная воспитательная среда вуза как средство формирования духовно-нравственных ценностей современных студентов – представителей поколения «Z» / О.В. Семаева, В.Н. Новикова, Р.Ф. Азметова // Мир науки. Педагогика и психология, 2021. – №4. Режим доступа: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN421.pdf>.

406. Сенчагов, В.К., Митяков, С.Н. Индикаторы устойчивого развития регионов Российской Федерации // Проблемы устойчивости функционирования стран и регионов в условиях кризисов и катастроф современной цивилизации. Тезисы докладов XVII Международной научно-практической конференции. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ) МЧС России. М., 2019. – С. 17–19.

407. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России. Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагов / 3-е изд. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. – С. 8–15.
408. Сенчагов, В.К. Методология обеспечения экономической безопасности / В.К. Сенчагов // Экономика региона. – 2018. – №3. – С. 28–39.
409. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: Общий курс: учебник / под ред. В.К. Сенчагова. – 2-е изд. – М.: Дело, 2005. – 896 с.
410. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: общий курс; учебник / под ред. В.К. Сенчагов. 3-е изд. перераб. и доп. – М.: БИНОМ. Лаборатория знаний. – 2014. – 815 с.
411. Сенчагов, В.К. Экономическая безопасность России: учебное пособие / В.К. Сенчагов. – М.: Дело, 2005. – 222 с.
412. Сергеев, А.Ю. Основы экономической безопасности: учеб. пособие / А.Ю. Сергеев, И.А. Сергеева. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2019. – 210 с.
413. Сергеева, И.А., Калючина, И.В. Местные налоги и их роль в формировании доходов местных бюджетов / Тенденция развития науки и образования, 2023. – № 97-7. – С. 177–181.
414. Сесьявин, Е.А. Развитие механизмов государственной поддержки целевых некоммерческих организаций на региональном уровне. Режим доступа: <http://www.dslib.net/>.
415. Сикевич, З.В. Национальное самосознание русских (социологический очерк) / З.В. Сикевич. – М.: АОЗТ «Механик», 1996. – 204 с.
416. Сеницкая, Н.Я. Развитие человеческого потенциала – цель и главное условие социально-экономического развития регионов. / Сеницкая Н.Я. // Вестник национального комитета «Интеллектуальные ресурсы России». – № 4. – С. 49–55.
417. Сиротин, Д.В. Технологическая структура российской промышленности и индустриальных регионов РФ / Д.В. Сиротин // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – №3(50). – С. 67–86.
418. Система поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций Министерство экономического развития Российской Федерации. Режим доступа: <https://nko.economy.gov.ru/Public/NewsPage/Details?id=208&ysclid=ltafhfnr8m431508572>.
419. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / 2 изд. Ф. Павленков. – СПб.: тип. Ю.Н. Эрлих, 1907.
420. Служение, служба, служить // Библейская энциклопедия Брокгауза / Ф. Ринкер, Г. Майер (1994). Режим доступа: <https://bible.by/lexicon/brockhaus/word/3803/>.
421. Слуцкий, Е.Г. Регион Россия: проблемы дисбалансов в «обществе риска» и ювенальная политика / Слуцкий Е.Г. // Региональное развитие: опыт России и Европейского союза. М. – 2000. – 71 с.
422. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: ЭКСМО, – 2007.

423. Смолина, С.Г. Прогнозы воздействия изменений климата на экономику отраслей и регионов России / С. Г. Смолина // Вестник Международного института экономики и права. – 2013. – № 1(10). – С. 106–114.
424. Соболева, И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития / И.В. Соболева. // – М.: Наука, 2007. – 202 с.
425. Стало известно о возвращении в Россию до 40% релокантов. Режим доступа: <https://ruposters.ru/news/05-12-2023/stalo-izvestno-vozvrashchenii-rossiyu-relokantov>.
426. Стратегический план Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам на период 2020-2025 годов. Режим доступа: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/05/hsp_ha_1_7_r.pdf (дата обращения: 19.02.2024).
427. Стратегия пространственного развития Российской Федерации. Режим доступа: [UVAlqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf](https://www.government.ru/files/UVAlqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf) (government.ru).
428. Строев, П.В. Регионы с низкой финансовой устойчивостью: анализ и активизация развития / П.В. Строев, О.В. Пивоварова, Х.В. Шеожев, А.И. Дудник // Финансовый журнал. – 2023. – Т.15. – № 1. – С. 26–44.
429. Субетто, А.И. Рыночный геноцид России и стратегия выхода из исторического тупика / А.И. Субетто; под науч. ред. Л.А. Зеленова. – СПб.: Астерион, 2013. – 127 с.
430. Сурнина, Е.С., Чихрадзе, А.М. Налоговый контроль как элемент налогового администрирования. В сборнике: Административное и финансовое право: современное состояние и перспективы развития. – 2018. – С. 40–41.
431. Сушкова, И.А. Инновационное воспроизводство как объективная необходимость неоиндустриализации экономики России / И. А. Сушкова // Информационная безопасность регионов. – 2014. – № 4(17). – С. 86–91.
432. Сушкова, И.А. Переход России к неоиндустриальной модели экономического развития в современных условиях / И.А. Сушкова // Информационная безопасность регионов. – 2016. – № 4(25). – С. 21–26.
433. Сюпова М.С. Система индикаторов экономической безопасности региона / М.С. Сюпова, Н.А. Бондаренко // Вестник тихоокеанского государственного университета. – 2019. – № 5(55). – С. 67–80.
434. Сюпова, М.С. Бондаренко, Н.А. Система индикаторов экономической безопасности региона / М.С. Сюпова, Н.А. Бондаренко // Вестник ТОГУ. – 2019. – №4. – С. 67–80.
435. Сюпова, М.С. Система индикаторов экономической безопасности региона / М.С. Сюпова, Н.А. Бондаренко // Вестник Тихоокеанского государственного университета. – 2019. – № 4(55). – С. 67–80.
436. Таможенные данные GAC / Таможенные данные по экспорту/импорту республики Китай // [Электронный ресурс] – URL: <https://im-ex.info/china.html>.

437. Тард, Габриэль де. Законы подражания / Габриэль де Тард; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2011. – 302 с.

438. Татаркин, А.И. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона/ А.И. Татаркин, А.А. Куклин // Экономика региона. – 2012. – №2. – С. 25–39.

439. Тенденции и изменения рынка труда: понимание динамики 2023 года. Режим доступа: <https://irecommendwork.com/blog/tendencii-i-izmeneniija-rynka-truda-ponimanie-dinamiki-2023-goda/>.

440. Теория и практика оценки экономической безопасности (на примере регионов Сибирского федерального округа) / под общ. ред. В.В. Карпова, А.А. Кораблевой. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. – 146 с.

441. Терентьев, А.А. Ислам и проблемы национализма и патриотизма / А.А. Терентьев // Исламская традиция: прошлое, настоящее, будущее: материалы науч.-практ. конф. – Н. Новгород: ИД «Медина», 2011. Режим доступа: <https://bogoslov.ru/event/2320620>.

442. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Челябинской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://chelstat.gks.ru/>.

443. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/statistic>.

444. Тимофеев, В.С., Фаддеев, А.В. Эконометрика. Часть 1: учеб. пособие. – Новосибирск: НГТУ, 2004. – 74 с.

445. Тимофеев, И.Ю. Развитие методов оценки роли регионов в формировании человеческого потенциала: монография. / Тимофеев И.Ю. // Белгород: Издательство БелГАУ им. В.Я. Горина. – 2015. – 160 с.

446. Титенко, Н.Ю. Подход к обеспечению экономической безопасности региона / Н.Ю. Титенко // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2019. – №1 (39). – С. 16–18.

447. Титова, Е.В. Методика воспитания как феномен педагогической науки и практики: автореф. дис... д-ра пед. наук / Е.В. Титова. – СПб.: РГПУ, 1995. – 34 с.

448. Тихонова, Н.Е. Человеческий потенциал российских модернистов и перспективы модернизации в России. / Тихонова Н.Е. // Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики. TERRA ECONOMICUS. – 2012. – Т.10. – № 1. – С. 135–146.

449. Тишин, В.Г. Устойчивое развитие регионов: роль и место управления рисками в этом процессе: монография / В.Г. Тишин. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – 276 с.

450. Тишутина О.И. Методология анализа бюджета приграничного региона (на примере субъектов РФ Дальневосточного федерального округа): «Аудит и финансовый анализ» 2008. – №2. – С. 452–459. Портал Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/>.

451. Толкачев, С.А. Сравнительный структурно-отраслевой анализ обрабатывающих отраслей промышленности Беларуси и России / С.А. Толкачева, Ю.В. Нормова // Белорусский экономический журнал, 2021. – № 4 (97). – С. 113–123.

452. Торженова, Т.В. Обеспечение экономической безопасности региона (на примере Рязанской области) / Т.В. Торженова, В.С. Акиншин // Экономическая политика и ресурсный потенциал региона: сборник статей IV Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 20 апреля 2021 года / Брянский государственный инженерно-технологический университет. – Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет», 2021. – С. 285–289.

453. Трейвиш, А.И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность / А.И. Трейвиш // Пространственная экономика. – 2019. – Т. 15. – № 4. – С. 13–35.

454. Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации. Общее резюме. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2022. – 124 с.

455. Трифонов, Ю.В. Методические подходы к анализу структуры экономики на региональном уровне / Ю.В. Трифонов, Н.В. Веселова // Вопросы статистики, 2015. – №2. – С. 37–49.

456. Трофимов, М.Н. Эффективность финансового сектора как важнейшее условие обеспечения экономической безопасности государства / М.Н. Трофимов, С.А. Коноваленко, Р.А. Корнилович, Н.Г. Гаджиев // Экономика. Информатика. – 2021. – Т. 48, № 2. – С. 307–318.

457. Уваров, С.С. Православие. Самодержавие. Народность / С.С. Уваров. – М.: Эксмо, 2016. – 489 с.

458. Узяков, Р.М. Метрики структурных сдвигов и необходимость учета межотраслевых связей / Р.М. Узяков // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 2(179). – С. 25–35.

459. Указ Президента России от 16 января 2017 года №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701160039>.

460. Указ Президента России от 7 мая 2018 года №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>.

461. Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» от 13 мая 2017 года №208. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1>.

462. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. Дата обращения: 20.01.2024.
463. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: <https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html>.
464. Указ Президента РФ 13.05.2017 № 208 «О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.». Режим доступа: www.kremlin.ru/acts/bank/41921/.
465. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 (ред. от 15.03.2021) «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Kremlin.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>.
466. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
467. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» раздел IV «Обеспечение национальной безопасности» «Экономическая безопасность».
468. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
469. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.
470. Указ Президента РФ от 16.01.2017 №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».
471. Ульмясбаева, А.О. Региональная экономическая безопасность: учебно-практическое пособие / А.О. Ульмясбаева. – Ульяновск: Зебра, 2017. – 59 с.
472. Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sverdl.gks.ru>.
473. Уразгалиев, В.Ш. Экономическая безопасность: учебник и практикум / В.Ш. Уразгалиев. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство ЮРАЙТ», 2016. – 385 с.
474. Уровень безработицы в России. Режим доступа: <https://gogov.ru/articles/unemployment-rate>.
475. Уровень технологической готовности россиян. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 19 января 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/889414376.html>.

476. Федеральная служба государственной статистики / Национальные счета / Валовой внутренний продукт // [Электронный ресурс] – URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.

477. Федеральная служба государственной статистики / Статистика / Официальная статистика / Население / Демография / Миграция // [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/1278>.

478. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic>.

479. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b1114p/IssWWW.exe/Stg/d01/04-15.htm>.

480. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/bgd/regl>.

481. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/>.

482. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ. Kremlin.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9973>.

483. Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30892>.

484. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202312120034?index=1&ysclid=lqewxmr2lv524188093>.

485. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 285-ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

486. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О государственной социальной помощи».

487. Федеральный закон от 26.03.2022 № 70-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях».

488. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

489. Феофилова Т.Ю. Система экономической безопасности региона: понятие и структура / Т.Ю. Феофилова // Журнал правовых и экономических исследований. – 2013. – № 4. – С. 184–188.

490. Филиппов, Д.В. Инновационная деятельность как предмет экономического анализа / Д.В. Филиппов // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2018. – № 3(27). – С. 71–81.

491. Филобокова, Л.Ю. Оценка и управление риском утраты финансовой устойчивости региона (на примере Калужской области) / Л.Ю. Филобокова, М.М. Болтонова // Управление финансовыми рисками. – 2016. – № 2. – С. 142–149.

492. Формирование эффективной системы экономической безопасности регионов России с участием органов внутренних дел [Электронный ресурс]. Режим доступа: Formirovanie_effektivn._sistemy_ekonomich._bezopasnosti.pdf (xn--b1aew.xn--p1ai) . Загл. с экрана (дата обращения: 20.01.2024).

493. Хамидуллина, А.Д. Налоговые доходы федерального бюджета как фактор обеспечения экономической безопасности / В сборнике: 1X межд. симпозиум. Казань. – 2020. – С. 741–743.

494. Хомяков, Д.А. Православие. Самодержавие. Народность / Д.А. Хомяков; сост., вступ. ст., примеч., именной словарь А.Д. Каплина; отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 568 с.

495. Центр регистрации и сопровождения бизнеса. ОКВЭД-2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.regfile.ru/okved2.html>

496. Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Информационное письмо о рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) от 30.06.2023 № ИН-02-05/46 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru/press/event/?id=16901>.

497. Центральный банк Российской Федерации (Банк России). Информационное письмо о рекомендациях по учету климатических рисков для финансовых организаций от 04.12.2023 № ИН-018-35/60 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=17268>.

498. Чебунина, О.А. Социальные Интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски: автореф. дис...канд. социол. наук / О.А. Чебунина. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2019. – 34 с.

499. Черемисина, Н. В. Экономическая безопасность региональной экономической системы: механизмы и инструменты обеспечения // Социально-экономические явления и процессы. 2018. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-regionalnoy-ekonomicheskoy-sistemy-mehanizmy-i-instrumenty-obespecheniya> (дата обращения: 20.01.2024).

500. Чернова, В.В. Многополярная модель реализации экономических интересов – концепт экономической безопасности национального хозяйства / В.В. Чернова // Социально-экономические явления и процессы. – 2010. – №1. – С.134–150.

501. Чугункова, А.В. Влияние глобального изменения климата на экономику лесного и сельского хозяйства: риски и возможности / А.В. Чугункова, А.И. Пыжев, Ю.И. Пыжева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. – Т. 12. – № 3. – С. 523–537. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.3.523-537>.

502. Шаброва, Н.В. Социальная общность родителей учащихся как субъект гражданского общества: автореф. дис...д-ра социол. наук / Н.В. Шаброва. – Н. Новгород: НГУ, 2023. – 42 с.

503. Шайкина, В.Н. Модель информационно-компьютерной технологии поддержки саморазвития творческой личности / В.Н. Шайкина, В.В. Лихолетов // Казанская наука. – 2012. – № 3 – С. 323–326.

504. Шалаева, Л.В. Оценка результативности инновационной деятельности по основным сферам экономики России // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – № 12. – С. 4445–4464.

505. Шаповал, Е.А. Влияние Интернет-сетей на виртуальную социализацию молодежи и формирование ценностных ориентиров современной молодежи в РФ / Е.А. Шаповал // Социодинамика. – 2019. – № 12. – С. 170–177.

506. Шкурко, В.Е. Инновационное развитие и экономическая безопасность / В.Е. Шкурко // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы VII Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. – Т. 1. – С. 39–44.

507. Шманев, С.В., Татарников, А.А. О перспективах фонда национального благосостояния / Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2021. – Т. 11. – С. 138–146.

508. Шпалтаков, В.П. Экономическая безопасность в России: учебное пособие / В.П. Шпалтаков, О.Н. Коновалова, И.В. Морозов. – Омск: Омский государственный университет путей сообщения, 2021. – 160 с.

509. Шубина, Н.В. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и условия // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2017. – Том 16. – № 2. – С. 288–307.

510. Экономика будущего: Россия начинает переход на новую модель / Национальные проекты. РФ. Режим доступа: <https://национальныепроекты.рф/news/ekonomika-budushchego-grossiya-nachinaet-perekhod-na-novuyu-model>.

511. Экономическая безопасность России на современном этапе / Н.Г. Гаджиев, О.В. Киселева, О.В. Скрипкина [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2022. – 233 с.

512. Экономическая безопасность. Производство – Финансы – Банки / под ред. В.К. Сенчагова. М: ЗАО «Финстатинформ», 1998. – 621 с.

513. Эксперты FinExpertiza проанализировали возрастной состав работающих россиян. Подробнее на РБК: <https://www.rbc.ru/newspaper/2023/04/11/6433e7499a7947356c70a065?ysclid=lqewl5gcri676045919>.

514. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: АО «Ф.А. Брок-гауз-И.А. Ефрон», 1890–1907.

515. Юдин, Б.Г. / Человеческий потенциал как критический ресурс России. / Б.Г. Юдин // Российская Академия Наук Институт философии – М.: ИФРАН, – 2007. – 175 с.

516. Яковенко, Л.И. Статистика [Электронный ресурс]: электронный учебно-методический комплекс / Л.И. Яковенко; Новосиб. гос. техн. ун-т. – Новосибирск, [2014]. Режим доступа: http://elibrary.nstu.ru/source?bib_id=vt1s000208469.

517. Яновский, Р.Г. Патриотизм: о смысле созидającego служения Человеку, Народам России и Отечеству / Р.Г. Яновский. – М.: Книга и бизнес, 2004. – 527 с.

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ОТ СТРУКТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ

Монография

Часть 1

Под редакцией А.В. Карпушкиной

Техн. редактор *А.В. Миних*
Дизайн обложки *А.С. Пановой*

Издательский центр Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 21.06.2024. Формат 60×84 1/16. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,25. Тираж 500 экз. Заказ 180/257.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика в типографии Издательского центра ЮУрГУ
454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76.